

63.3(2)46

Ш 754

СЕРИЯ

БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

Ответственный редактор: академик РАО

Корольков А. А.

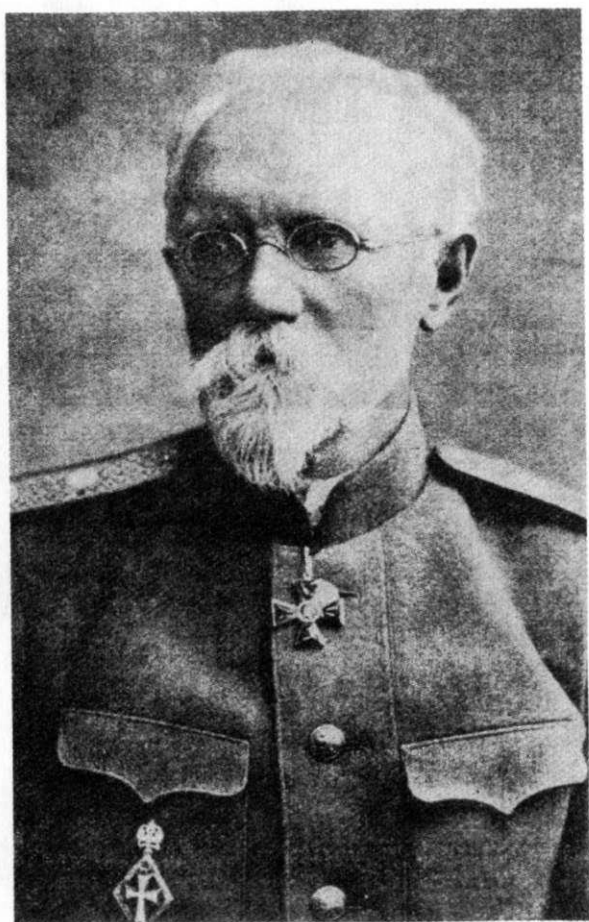
Допущено учебно-методическим объединением ВУЗов Российской Федерации по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших и средних специальных учебных заведений.

473337

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»

Санкт-Петербург
1999

Центральная городская
Универсальная библиотека
им. В.В. Маяковского
191025, Санкт-Петербург,
наб. реки Фонтанки, дом 44
тел.: 311-43-00

*Евгений Францевич Шмурло
(1853–1934)*

ББК ТЗ(2)44,02
УДК 947.03

*Редакционный совет серии
«Библиотека русской педагогики»:
Г. А. Бордовский, В. А. Бордовский, В. П. Борисенков,
Л. А. Вербицкая, А. А. Корольков, Н. Д. Никандров,
О. Л. Абышко, И. А. Савкин*

«Курс русской истории» — главная, итоговая работа выдающегося русского историка Евгения Францевича Шмурло (1853-1934). Основу курса лекций составляет так называемое догматическое изложение твердо установленных наукой основных фактов русской истории с 862 по 1725 гг.

Третий том «Курса русской истории» носит название «Московское царство» и посвящен средневековому периоду истории Руси, когда центром и основой всей жизни государства надолго становится Москва, а московские князья официально носят титул великих.

Издание снабжено современным научным аппаратом.

Для самого широкого круга читателей.

ISBN 5-89329-030-5

9 785893 290301

© Издательство «Алетейя» (г. СПб), составление, научная редакция текста, художественное оформление — 1999 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий, третий том «Курса русской истории» не доведен до конца. Покойный Е. Ф. Шмурло работал над ним в течение осени 1933 и весны 1934 г. Последние страницы его дневника пестрят заметками об этом. После чествования его по случаю исполнившегося 80-летия со дня рождения он неоднократно заносит в дневник: «Отдыхаю за третьим томом». В последний раз он записывает, что закончил заграничную поездку Петра, а дальше начинаются все вопросы значительные — Великая Северная война, реформы, внешние сношения — и он оставляет обработку их на лето. Судьба не судила довести до конца его многолетнюю работу. Однако и в том виде, как работа эта осталась после его кончины, она представляет собой крупную ценность как по значительности привлеченного материала, так и по авторитетности суждений покойного ученого по важнейшим вопросам русской истории. Особую ценность имеет глава XV, в которой, едва ли не впервые, сделана сводка большой ценности материала по культурной истории России.

Третий том остался в значительной своей части в черновом виде. Лишь немногие параграфы, главным образом главы XIV, касающиеся царствования Петра Великого, переписаны автором набело. По содержанию глава XIII может почитаться законченной вполне. Глава XIV доведена лишь до начала Великой Северной войны. Глава XV также почти закончена, за исключением некоторых отдельных параграфов. К сожалению, не написан параграф «Католичество при Петре Великом». Надо думать, что он должен был быть изложен в духе недавних работ покойного — «Сношения России с папским престолом в Царствование Петра Великого» (Белград, 1929) и «Русские католики конца XVII века» (Белград, 1931). Остались почти совсем неразработанными «Спорные и невыясненные вопросы русской истории». Имеется их всего три. Четвертый «Как возникли Чети (четверти)» и пятый «На каких условиях состоялось присоединение Малороссии» не закончены, что видно из черновых списков намеченной автором литературы. Наконец, не проработана автором и литература, списки которой он обычно приводил в конце каждой главы.

Издается настоящий том согласно сохранившейся черновой рукописи без всяких изменений, кроме незначительных, чисто редакционных поправок. К главе XIII дана в виде приложения статья «Дипломатические сношения России в царствование Алексея Михайловича», которая автором была вложена в рукопись данного тома, но место для которой в этом томе им не обозначено.

При издании сохранена пунктуация автора, которая отходит от правил русского синтаксиса. Покойный пользовался знаками препинания для отнения произношения и интонаций, весьма характерных для него и своеобразных, что придавало всем его выступлениям характер особого изящества.

Издается настоящий том по поручению Славянского института пишущим эти строки, под общим наблюдением проф. д-ра Я. Бидло, в количестве 100 экземпляров.

Прага. 25 июля 1935 г.

Всеv. Саханев

МОСКОВСКАЯ РУСЬ. ВТОРОЙ ПЕРИОД (1613—1725)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ (1613—1682)

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

1. *Раны, нанесенные Смутой*

Разруха нанесла стране тяжелые раны; главнейшие из них сводились к следующим:

- а) Страна была разорена, материально обнищала.
- б) Платежные силы населения не в состоянии удовлетворить даже наиболее настоятельным потребностям государства.
- в) Порядок общественный расшатан.
- г) Авторитет правительства поколеблен.
- д) Извне стране грозила опасность со стороны соседних государств.

2. *Как залечивались эти раны.*

а) Составлена опись населенных земель государства в целях выяснения наличных земельных богатств страны для обложения их налогом в пользу государственной казны.

- б) Поземельная подать заменена податью подворной.
- в) Крестьяне окончательно прикреплены к земле.
- г) Издано Соборное уложение 1649 г.
- д) С учреждением воеводств областная жизнь поставлена под ближайший надзор центрального правительства.
- е) Приняты меры в целях развития иностранной торговли.
- ж) Заведены: постоянное войско и наемные полки из иноземцев.
- з) Уничтожено местничество.

3. Новая аристократия

Старые родовые фамилии потерпели от Смуты меньше, чем от Ивана Грозного в эпоху гонений и казней: их затерли новые, хуdorодные люди, вышедшие из средних слоев общества; эти последние продвинулись к власти и образовали новую аристократию, из которой первые цари новой династии стали выбирать своих ближайших слуг и помощников по управлению государством. Гибель старого боярства в XVIII ст. явилась завершением борьбы Ивана Грозного с княжатами, вообще с родовитыми фамилиями.

4. Задачи внешней политики

В XVII в. отчетливее выяснились три национальные задачи в области внешней политики — вопросы Балтийский, Польский и Черноморский.

5. Недовольные элементы

Ответ на запросы жизни не всегда давался удовлетворительный. Коренную причину Смуты — социальный разлад на экономической почве устранить не удалось; она скорее даже обострилась. Недовольство податных классов выражалось в вспышках и открытых бунтах, и хотя правительство подавляло их сравнительно быстро, однако один из них, бунт Стеньки Разина, охватил целые области, вызвал сильное потрясение государственного организма и своими размерами, тяжелыми последствиями сильно напомнил недавнюю разруху 1605—1612 гг. К тому же народные движения получили новую поддержку в церковном расколе, в жгучем антагонизме между старообрядцами и государственной церковью, насильно вводившей реформу патр. Никона.

6. Что вскрыл процесс залечивания

Залечивание «ран», порожденных Смутой, изыскание соответственных средств для «лечения», самый диагноз «болезни» постепенно раскрыли бедность материальных и духовных средств, находившихся в распоряжении тогдашнего правительства и общества. Бедность материальная посильно восполнялась заботами правительства о развитии промышленности и торговли, о преобразовании войска, об изыскании новых доходов; бедность же духовная вызвала во второй половине XVII ст. сознание новой потребности — поднять страну в куль-

турном отношении. Культурная работа шла в двух направлениях: в области духовного просвещения (школа, литература, общение с Западом) и церковной реформы (преобразования патр. Никона).

7. Переоценка старых понятий. Государство — не вотчина

В XVII ст. окончательно и бесповоротно сложилась идея Русского государства. Мы знаем, что идея эта стала нарождаться еще со времен Ивана III; но, подобно тому, как цветок не сразу разворачивается из почки, так и этой идее понадобилось известное время, чтобы вырасти, окрепнуть, овладеть умами людей и заглушить прежнюю идею о вотчине. Хотя государство в XVI ст. уже возникло, но оно еще не было признано как таковое; старые вотчинные понятия еще не изжили вполне; даже Иван Грозный, при всей его вере в высокое происхождение своей царственной власти и убеждении, что Московское государство обладает несомненным правом на самостоятельное, независимое положение в международной жизни — даже он еще не отрешился окончательно от удельных воззрений старого времени. В соответствии с этим и само население еще не чувствовало противоречия и непримиримости таких двух понятий, как вотчина и государство, и смотрело на Русскую землю не как на свое природное достояние, а как на чужое хозяйское добро, принадлежащее государю-хозяину и его семье, как на дом, куда его допустили жить и с которым он коренным образом не было связано.

Такому взгляду на государство Смута положила конец. Прекращение династии лишило Русскую землю ее хозяина. Земля стала ничьей, иначе говоря, стала народным достоянием. Выбирая новых государей: Бориса Годунова, Василия Шуйского, королевича Владислава, Михаила Романова, выбирали уже не «хозяев», а правителей, искали людей, которые блюли бы интересы Земли, работали не на себя, а на Московское государство. Искать нового хозяина было не к чему: он уже объявился — сам народ русский. Понятия: Русская Земля (иначе: Московское государство) и народ Русский стали тождественны, неотделимы одно от другого. Роль Земли, как нового хозяина, особенно ярко выступила при избрании Михаила на царство, когда всем слоям и классам русского общества пришлось обсуждать и решать вопрос такой первостепенной важности.

Значило ли это, что цари новой династии очутятся в положении управляющих Русской землей, простых приказчиков

своего «хозяина»? Отнюдь нет. Свои «хозяйские» права, свой суверенитет страна воплотила именно в своем государе; царь по-прежнему остался на положении хозяина, но теперь его «хозяйствование» приобрело совсем иной смысл: он уже не прежний государь-частновладелец, а государь — выразитель интересов Земли, ее пестун и хранитель, ее воплощение. Полновластие царя у него не только не отобрано, но даже усилено; зато, раньше орудие личного блага, теперь оно стало орудием блага общественного, национального. На этой почве сложится впоследствии представление о русском государе как о «первом слуге государства» — представление, нашедшее себе наиболее яркое и отчетливое, наиболее благородное выражение в личности первого императора, Петра Великого.

П. ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1613 — 1645)

1. Тяжелое положение России при воцарении Михаила

Западные и северо-западные области находились в руках иноземцев (Ям, Ивангород, Копорье, Ладога, Новгород, Старая Русса; Смоленск, Северская область); Нижнее Поволжье в руках казаков (Заруцкий); повсюду разбойничьи шайки рыскали и насильничали над беззащитным населением. Экономически страна была разорена; ее платежные силы вконец истощены; государственная казна пуста, и даже наиболее вопиющие потребности правительственного механизма далеко не полностью могли получить удовлетворение. И все же самое ценное — фундамент и залог восстановления нарушенного порядка — было уже достигнуто: с избранием нового царя явилась возможность положить Смуте предел, покончить с прежним «шатаньем» умов и собрать под общим стягом тех, кто от него откололся или потерял к нему путь. Долгие годы лихолетья утомили страну; громадное большинство жаждало покоя и порядка, и первой заботой нового правительства было удовлетворить этой потребности.

2. Как в первые годы правил новый царь государством

Отец в плену; наиболее влиятельные и опытные в управлении бояре стояли в стороне от дела (Мстиславский, Голицыны,

Воротынский); молодой царь в руках своей родни по матери, Салтыковых. У нового правительства нет корней в стране, нет авторитета; Михаил только знамя, вокруг которого Русская земля готова собраться; разум же страны нашел свое выражение в земских соборах: они работают почти без перерыва первые десять лет (1612—1622); царь правит совместно с ними. Выражая мнение всей Земли, земские соборы придавали необходимый авторитет действиям и постановлениям правительства и выросли в первостепенное по значению государственное учреждение в эти годы.

3. Восстановление внешней безопасности

а) Захват (1614, 25 июня) Заруцкого (посажен на кол), Марины Мнишек (уморена в темнице) и ее сына «Воренка» (повешен) освободил страну от домашних претендентов на русский престол.

б) Постепенно разделились и с «воровскими» шайками. Это были: 1. Казаки атамана Баловня — одно время они подходили к самой Москве и грозили ей. 2. Лисовский и его сподвижники, т. н. лисовчики. Западнорусский шляхтич, бывший тушинский воевода, столько бед и зла причинивший, вместе с Сапегой, Троице-Сергиевскому м-рю, Лисовский и по воцарении Михаила долго еще зорил своими набегами Русскую землю, пока смерть не положила им предел (1616). Расправиться с лисовчиками после смерти их вождя было уже много легче, и вскоре их совсем выгнали из России.

в) Война со Швецией. Когда послы от Семибоярщины обязались, по договору с Сигизмундом III, действовать с ним заодно против шведов, то последние не замедлили захватить русские города на Финском побережье, утвердились в Новгороде и заставили местное население провозгласить царем Карла-Филиппа, младшего сына короля Карла IX. Старший сын Карла, знаменитый Густав-Адольф, вскоре после того наследовал отцу (1611, ноябрь) и энергично поддерживал брата. Военные действия продолжались и по воцарении в Москве Михаила Федоровича, притом с явным перевесом на стороне шведов. Густав-Адольф лично осадил Псков (1615, июль), но мужественная оборона русской крепости (во главе осажденных стоял боярин Петр Ив. Шуйский), как и во времена Батория, задержал неприятеля. С той поры война пошла на убыль, и Вечный мир в Столбове положил конец распре (1617, 27 февраля). Самый мир, однако, куплен был дорогой ценой. Шведы вернули лишь

часть захваченной территории, именно Новгород и его округу; города же, некогда взятые ими у Ивана Грозного (1583) и позже, по Тявзинскому миру (1595) потерянные при его сыне Федоре, теперь снова стали шведскими. Это значило, что Россия снова была отброшена от Балтийского моря. В Швеции прекрасно понимали ценное для нее значение Столбовского мира; с законной гордостью заявлял Густав-Адольф шведскому сейму: «Теперь без нашего позволения на Балтийском море не появится ни одна русская лодка; озеро Ладога, озеро Пейпус, болота в 30 миль шириной, надежные крепости отделяют нас от русских. Не так-то легко будет им теперь перескочить через этот ручеек!»

г) Война с Польшей. Труднее было договориться с Польшей. Владислав не хотел отказаться от московской короны, но сил, достаточных сорвать ее с головы соперника, у него не нашлось. И в этой войне инициатива, наступление принадлежали врагу; но и здесь, как в войне со шведами, натиск врага сломился о силу обороны. В 1617 г. королевич Владислав пошел лично добывать московский престол; ему удалось взять Дорогобуж, Вязьму, но напрасно подходил он к самой Москве и штурмовал ее (1618 г., сентябрь): Русь отстояла город и нового своего государя. Обессиленные борьбой, обе стороны остановились на полумере: они заключили в Деулине перемирие на 14¹/₂ лет, отложив в долгий ящик окончательное решение спорных вопросов (1618 г., 1 дек.). Однако все завоеванное ими в Смутные годы поляки удержали за собой (Смоленск и Северскую область с главным городом Черниговом). Владислав продолжал называть себя царем московским, хотя и обязался не предпринимать в течение вышеуказанного срока никаких активных действий для захвата московского престола. Обе стороны обменялись пленными (царь Василий Шуйский к тому времени уже умер: 12 сентября 1612 г.), и в Москву вернулся отец царя Михаила, митрополит Филарет, тотчас же по возвращении возведенный в сан патриарха.

Деулинское перемирие спора не решило. Величая себя царем московским, Владислав (а с ним и вся Польша) по-прежнему отказывался признать законным новый государственный порядок, установившийся в стране, — и все-таки перемирию приходилось искренно радоваться: России, истерзанной, израненной в Смутные годы, необходим был отдых, она была еще слишком

¹ По Тявзинскому миру Швеция не только возвращала России ее три города: Ям, Ивангород и Копорье, но и отдавала еще часть Финляндии: города Корелу (Кексгольм) и Колу в северной Лапландии.

слаба и не в силах долго сопротивляться. Ведь Владислав с казацким гетманом Сагайдачным стоял под стенами самой Москвы! Ведь они уже бились у Арбатских ворот и чуть не ворвались в самый город! Что случилось бы, если бы поляки вновь засели в Кремле, заставив молодого царя покинуть престол, а может быть, даже пленив его? Какая бы новая Смута охватила тогда Русскую землю?!

4. *Патриарх Филарет*

Филарет вернулся из плена как нельзя вовремя. Царь Михаил, человек заурядный, не особенно далекий, к тому же болезненный, мало отвечал своему назначению; между тем государство более чем когда нуждалось в твердых, умелых руках, в опытном кормчем; и чего не хватало сыну, тем природа в избытке наделила отца, Филарет был государственный муж, с большим природным умом и твердой волей, энергичный и честолюбивый. Его жизнь прошла в круговороте политических событий, зачастую в непосредственном и близком участии в них; и теперь, на закате дней своих (род. в 1553 г.) он возвращался в Москву прекрасно подготовленный к ответственному посту правителя государства. Жизненный опыт снабдил его знанием людей и людских отношений, и в 1619 г., когда он снова выплыл наверх, среди тех, кого еще не захлестнул и не смял бурный шквал Смутных лет, пожалуй, не нашлось бы другого ему по плечу.

В жизни судьба не баловала Филарета; наоборот, злая мачеха, она безжалостно сыпала на его голову удар за ударом. Другой, не Филарет, давно бы сдался и пал в непосильной борьбе — Филарет же выдержал до конца и дожил до более светлых дней.

В молодости большой модник, настоящий *arbiter elegantiarum* в кругу московской аристократии; соперник Годунова в притязаниях на царскую корону; весьма вероятно, тайный участник в создании Лжедмитрия — Федор Никитич Романов был слишком опасным человеком, чтобы царь Борис мог оставить его в покое. Насильственное пострижение и заточение в каменный монастырский мешок явились расплатой за смелые планы честолюбивого боярина. Монашеский клубок должен был, по мысли Годунова, раз навсегда разбить его дерзкие мечты и надежды. Кратковременное царствование Лжедмитрия вернуло ему свободу, вознаградило за темничные узы митрополичьей митрой; но круговорот событий снова увлекает Фи-

ларета, вынуждая к действиям, едва ли всегда добровольным и согласным с его взглядами. Пребывание Филарета в лагере Тушинского вора на положении патриарха Московского и Всероссийского — двусмысленно и мало прилично. Потом ему приходится активно участвовать в призыве королевича Владислава на московский престол, а там потянулись годы бесславного плена у поляков. Какие превратности судьбы! И везде какое уменье приспособиться к обстоятельствам! Суровая школа не могла не научить многому такого умницу, каким был Филарет.

Окруженный сыновним почтением, он крепко ухватился за кормило правления. Как-то само собой вышло, что царь Михаил отошел на второй план; за ним остались все внешние prerogативы его сана, правил же государством не он, а его отец, что нашло даже и внешнее выражение: в официальных бумагах рядом с «Великим государем царем» появился «Великий государь патриарх». Эта необычная форма двоевластия продолжалась до смерти Филарета (1633), а потом отпала сама собой.

5. Правительственная деятельность патриарха Филарета

Экономическое расстройство страны, полная разруха промышленности и торговли, разлад классов, засилье сильных и бесправие слабых, расшатанность общественного порядка и вдобавок пустая казна определили дух и направление, в каком повел свою работу патр. Филарет. Общество, столько натерпевшееся от анархии и безвластия, нуждалось в сильной власти, сосредоточенной в единых руках, — и он дал ее. Но оно нуждалось во власти, направленной к общему благу, — Филарет и в этом направлении сделал, что мог.

а) В целях восстановления материального благосостояния страны и дальнейшего роста ее производительных сил сделан был предварительный шаг: правительство занялось переписью населенных земель: она должна была определить наличность народных средств, вообще экономические силы страны. В основу податного обложения были положены опись хозяйственного имущества тяглого населения, т. н. «дозорные» и «писцовые» книги (точное разграничение дозорных книг от писцовых в науке не установлено).

Приложены были усилия использовать природные богатства в недрах земли (золото, серебро, железо, медь); иностранным купцам дарованы были таможенные льготы в целях содействовать сбыту местных товаров и привлечения в страну иноземного капитала.

б) Заботы о поднятии материального благосостояния населения велись рука об руку с заботами фискального характера; приняты меры против закладничества (см. ниже), пагубно отражавшегося на правильном поступлении в казну податей и налогов. Теми же соображениями руководился и закон о беглых: для иска их (права требовать их возвращения) установлена была, вместо прежней пятилетней давности, десятилетняя.

в) В области управления произошла существенная перемена: областное самоуправление заменено воеводским. Система децентрализации, установленная в 1550-х гг. Иваном Грозным, оказалась в новых условиях малоприспособленной. Разруха указала на необходимость сосредоточить управление областями в одних руках и поставить местные органы в непосредственную зависимость и под непосредственное руководство центральной власти. Воеводы заменили прежних земских и губных старост, что в свою очередь содействовало в центре управления росту приказов. Обратная сторона нового порядка не замедлила сказаться: насилия и несправедливости со стороны воевод вызывали постоянные жалобы на них населения, повторилось то же явление, что в свое время вызвало реформу Грозного, но ныне было признано, что отрицательные стороны централизации с избытком окупались ее положительной стороной.

г) Обучение войска иноземному строю. Иноземные солдаты и офицеры целыми отрядами принимались на русскую службу. Видное участие приняли они во Второй Польской войне.

6. Вторая Польская война (1632—1634)

Спор Польши с Москвой Деулинским перемирием решен не был, только отложен, и обе стороны, подписывая договор, хорошо понимали, что они подписывают действительно только перемирие, дают себе лишь передышку. Три года спустя Москве представился соблазнительный случай возобновить борьбу с поляками в союзе с султаном, крымским ханом и королем шведским, и она серьезно задумалась, не использовать ли в самом деле его, и только сознание собственного бессилия заставило русское правительство благоразумно сдержаться и повременить.

Дождаться было, недолго. В 1632 г. умер Сигизмунд III; польский престол стал вакантным, в Польше наступило междоусобице. На этот раз правительство Михаила Федоровича случая не упустило, хорошо зная, что выборы нового короля всегда

создают в Польше смутные дни и расшатывают государственный организм. Русская армия двинулась на Смоленск и осадила его. Крепость едва держалась, но, увы! Стойкий и умелый в обороне, когда надо было выдержать осаду (защита Пскова от поляков в 1581—1582 г., от шведов в 1615 г.; защита Троице-Сергиева монастыря от поляков в 1608—1610 гг.), русский воин и военачальник, тот и другой, еще не обладали необходимым опытом в наступательной войне и в штурме укрепленных позиций. Кампания, начатая успешно, завершилась позорным концом. Выбранный в короли Владислав поспешил на помощь осажденному Смоленску и сам атаковал осаждающих. Вся артиллерия, весь военный обоз сдались неприятелю, и вдобавок русские войска, длинной вереницей, отряд за отрядом, должны были пройти перед победоносными поляками, униженно склонять свои знамена перед торжествующим королем.

Мир в Поляновке (1634 г., 17 мая) восстановил нормальные отношения с Польшей, но ценой полного отказа от Смоленска и Северской области, признания их навсегда потерянными для себя. Смоленск, утраченный еще когда Северо-Восточная Русь не вполне объединилась (1495), возвращенный Василием III (1514), этот исконный русский город, так близко от границы московских владений; город, который умели удерживать в своих руках и царь Грозный, и его слабоумный сын, и Борис Годунов, даже легкомысленный Лжедмитрий, теперь опять в руках поляков! Там теперь не только будет властвовать польский меч, но и латинский кржиж! Ликвидация Смутной поры снова отбросила нас от Зарубежной Руси, «отчина» Ивана III по-прежнему оставалась далеким, недостижимым идеалом.

7. Отказ от мысли утвердиться на Азовском море

Донские казаки удачным набегом захватили турецкую крепость Азов (1637) и даже отразили турок, пытавшихся выгнать их оттуда (1641). Однако долго удерживать крепость им было не под силу; они предложили взять Азов царю в свои руки. Созван был Земский собор выяснить: надо ли и возможно ли принять предложение казаков, иными словами: по силам ли будет государству вести неизбежную в случае принятия Азова войну (1642). Положение России обрисовалось на соборе в крайне печальном виде: страна еще не оправилась от Смутного времени; отовсюду неслись жалобы на тяжелые повинности, незаконные действия властей, на притеснения, чинимые ими населению. От Азова пришлось отказаться.

III. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ (1645—1676)

1. Народные волнения и правительственная деятельность

а) Правление в руках своекорыстных бояр. Алексей Михайлович (род. в 1629 г.) вступил на престол 16-летним неопытным юношей и первые годы самостоятельно управлять государством не мог. Правление попало в руки бояр: Бориса Ив. Морозова, воспитателя Алексея, и Ильи Данил. Милославского, который с января 1648 г. стал царским тестем. При них в управлении царило открытое лихоимство, хищничество, самоуправство и несправедливый суд — «кривой суд», «московская волокита». Слабый терпел от сильного; подати и налоги взимались не считаясь с платежными силами населения, все приносилось в жертву «прибыли государевой казны». К тому же самая «прибыль» эта достигалась способами, способными вызвать раздражение народное. Таковы были две меры: повышение пошлины на соль и введение пошлины на табак, означавшее разрешение всенародного употребления «богоненавистного и богомерзкого зелья».

б) Повышение налога на соль. Рыночная цена соли в 1646 г. стояла 13 (тогдашних) коп. за пуд. В этом году прежнюю пошлину сразу повысили на 20 коп., т. е. в полтора раза выше стоимости самой соли, что повсеместно пагубно отразилось на количестве ее потребления населением. «Тысячи пудов дешевой рыбы, которой питалось простонародье в постное время, сгнили на берегах Волги, потому что рыбопромышленники не были в состоянии посолить ее, дорогой соли продано было значительно меньше прежнего, и казна понесла большие убытки» (Ключевский). Вред был нанесен и населению, и государству.

в) Пошлина на табак. Еще при царе Михаиле издан был указ (1634), грозивший смертной казнью курильщикам и продавцам табака. Но теперь, в постоянных поисках денег, правительство решилось на очень рискованный шаг: поступаясь церковно-народным предубеждением, допустило продажу табака, объявив ее казенной монополией. «Казна продавала табак чуть не на вес золота, по 50—60 коп. золотник на наши деньги» (Ключевский).

Закон 1634 г. был, однако, вскоре восстановлен (1648), продажа табака запрещена, отменена и пошлина на соль[^] но

то и другое состоялось помимо намерений правительства, а под внешним давлением, после того как над Москвой пронеслась долго надвигающаяся гроза народного бунта, давшего исход народному гневу.

г) Московский бунт 3 июня 1648 г. Москвичам особенно ненавистны стали: Леонтий Плещеев, большой судья Земского приказа; Петр Траханиотов, начальник Пушкарского приказа; дьяк Чистый. Еще накануне, при возвращении царя с богомолья, толпа народа пыталась подать ему челобитную, но была разогнана кнутами, 2-го же июня толпа, с той же целью, окружила царя во время крестного хода; положение сразу стало критическим, так как стрельцы тоже заволновались, отказываясь биться «за бояр». Бунт продолжался несколько дней; убили Плещеева (4 июня), обезглавили Траханиотова (5 июня). Стрельцов пришлось подкупать высокой денежной наградой (по 8 руб. на человека), а толпе выдать головой ненавистных ей людей. Морозова царь все-таки успел спасти, отправив его в Кирилло-Белозерский монастырь.

10 июня собралась земская сходка, дворяне московские, жильцы, дворяне городовые, дети боярские, иноземные гости, торговые люди (другими словами, отнюдь не одна т. н. чернь, просто-народе, но и средние имущие классы) — и потребовали («били челом») созыва Земского собора. Под давлением этой сходки напутанный Алексей вынужден был дать обещание посадить в приказах людей «честных» и угодных народу, уменьшить пошлину на соль, уничтожить монополии и отменить праваж недоимок за прошлые годы с городов (особенно тяготившейся этим) Новгородской Чети. Вообще правительство, совершенно растерявшееся, не находя себе опоры в войсках, спешило исполнить предъявленные ему требования. В результате — Земский собор 1648—1649 гг. и «Уложение царя Алексея Михайловича». Морозов навсегда потерял прежнее влияние, место ближайшего царского советника занял боярин кн. Никита Иван. Одоевский.

Таким образом, «Земский собор 1648—1649 гг. и его Соборное уложение родились из июньской революции в Москве, явились вынужденной уступкой со стороны власти, оказавшейся бессильной и беззащитной, когда к бушевавшей толпе перешли и стрельцы, и дворянское войско» (Смирнов). Недаром патр. Никон впоследствии говорил: «И то ведомо, что сбор (т. е. собор) был не по воли, — боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради», и что Уложенная книга была написана «по страсти»: «многонародного ради смущения».

д) Волнения в других городах. 1648—1650 гг. Смута не ограничилась одной столицей: она перебралась и в другие города. В том же 1648 г. Сольвычегодск и Устюг также пережили бурные и тяжелые дни (их породили насилия и взяточничество приказных людей при сборе податей). В форму настоящего народного бунта народное движение вылилось в Пскове и в Новгороде в 1650 г. вследствие искусственного повышения цен на хлеб. Поводом к бунту послужило обязательство русского правительства отпустить в Швецию хлеб из казенных житниц в Пскове: «это-де русские изменники отпускают деньги и хлеб немцам». Вслед за Псковом хлебный вопрос дал себя почувствовать и в Новгороде. При усмирении новгородского бунта митр. Никон (будущий патриарх) проявил личное бесстрашие и был избит до полусмерти. Псков же запер ворота перед правительственными войсками и сидел три месяца в осаде, прежде чем сдаться на волю и милость государя.

е) Аналогия между мятежами 1648—1650 гг. и мятежом 1547 г. Однородные последствия: сознание необходимости реформ.

1) Тогда в первую голову: новый Судебник и Земский собор; собор Стоглавый; кроме того: Избранная рада, преобразования военные, областное самоуправление, работа просветительная.

2) Теперь в первую голову: Уложение и два земских собора: 1648 г. (Уложение) и 1650 г. (меры к усмирению бунта в Пскове); кроме того: кружок ревнителей благочестия, преобразования церковные, культурные сношения с Грецией, вызов в Москву киевских ученых.

ж) Соборное уложение 1649 г. и преобразования, им вызванные. Указ 16 июля 1648 г. о составлении Уложения; князь Одоевский во главе пятичленной комиссии для выработки его. Проект Уложения (готовый к 3 октября) передан на рассмотрение Земскому собору; тот дополнил его новыми статьями; эти статьи выражают пожелания широких слоев общественных, свидетельствуя, в чем заключались самые болезненные места общественного строя: гарантия против злоупотреблений приказных людей; гарантия возможности подавать на^а Их жалобы и добиться, без волокиты, суда на них; урегулирование положения крестьян, холопов, владения вотчинами. Сложение было готово к 29 января 1649 г. Это свод и переработка действующих законов совершенно устаревшего Судебника 1550 г. (с позднейшими дополнениями) и церковных постановлений Кормчей книги, отмена постановлений, отживших

свой век; внесение новых, соответственно указаниям опыта и текущим потребностям. Главнейшие из новых постановлений:

а) Окончательное прикрепление крестьян к земле. Давность для беглых крестьян («урочные годы») уничтожена: как бы давно они ни сбежали, в глазах закона они теперь навсегда оставались нарушителями его, и землевладелец получил право всегда требовать водворения любого из них на прежнее место.

р) Запрещено «закладываться» и принимать к себе «закладников».

у) Посадские люди жаловались, что в их посадах селятся слободами посторонние люди (крестьяне патриаршие, монастырские, боярские), общего тягла с ними не несут и наносят ущерб, отбивая у них торги и промыслы (лавки, соляные варницы, откупа). Это было невыгодно одинаково и посадам (конкуренция), и государству (уклонение от податей). Поэтому Уложение запретило не посадским людям селиться в посаде без приписки к нему, а слободы бесплатно взяло на государя (в казну). Этим положено начало отделению городского населения, резкому отграничению его от населения сельского.

б) Запрещено духовенству (церкви) всякое увеличение церковных земель (восстановлено действие указа 15 января 1580 г.: запрет приобретать новые вотчины); часть таковых была даже отобрана в казну (церковные земли пользовались большими льготами в несении повинностей, что вредно отзывалось на доходах государства).

е) Учреждение монастырского приказа. Раньше все духовные лица (иерархи, монастырские власти, церковный причт), приказные и дворовые люди, состоявшие у них на службе, крестьяне, жившие на церковных землях, — все ведались и судились приказом Большого Дворца (при приказе было особое отделение по делам монастырским), который сам действовал именем государя; многие монастыри и духовные лица пользовались «несудными грамотами», т. е. правом судиться исключительно судьями из духовенства — теперь эти грамоты были упразднены, и даже в гражданских исках между собой духовенство стало судиться в Монастырском приказе, состав которого, первоначально смешанный (духовные и мирские), вскоре стал исключительно светским. Таким образом, суд, управление, финансовые дела духовенства стали подлежать мирскому управлению. Исключение сделано для одного патриарха и тех лиц и учреждений, которыми он заведовал непосредственно сам: они были изъяты из ведения Монастырского приказа.

Духовенство, особенно высшее, встретило с большим неодобрением учреждение Приказа; открыто и всего энергичнее восставал против него Никон добившийся, еще на митрополичьей кафедре в Новгороде, исключения для себя (ему была дана особая «несудимая грамота»). В 1677 г. Приказ был упразднен и дела снова переданы Большому Дворцу (возобновлен при Петре Великом, в 1701 г.).

Q Лишение иноземных купцов прежних привилегий; высылка их из внутренних городов с дозволением торговать в одном лишь Архангельске с уплатой таможенных пошлин на общих основаниях.

Соборное уложение 1649 г. не освободило страну от волнений: вторая половина царствования Алексея Михайловича прошла так же беспокойно, как и его первые годы, — даже тревожней и болезненней. Залечить общественные язвы Уложению было не под силу уже по одному тому, что на него, помимо этого лечения, возлагалась еще другая, не менее трудная и сложная задача: удовлетворить потребностям государственного механизма, а это сплошь и рядом шло вразрез с имущественными и правовыми интересами отдельных классов. Одной рукой лечили, а другой растревляли старые раны. Государственная казна постоянно требовала новых и новых пошлин, налогов, податей — между тем именно это-то финансовое бремя и было тем ярмом, под которым стонало тяглое население. Государство не могло не прикреплять крестьян к земле, не могло не лишать их свободы передвижения, — а именно этой свободы и домогался тогдашний крестьянин. Государству необходимо было обеспечить себе возможно большую правильность и единообразие в ходе правительственной машины; в этих целях оно вводит бюрократическую систему управления — между тем именно в этой системе нашел себе место тот чиновничий произвол, те вымогательства и насилия, которые порождали такое всеобщее недовольство.

Для возможно более отчетливого уяснения сложных причин того брожения, что охватило низшие и средние слои русского общества в XVII в., — тех бурных вспышек, что не перестают нарушать правильный ход жизни на всем протяжении царствования Алексея Михайловича, необходимо поближе ознакомиться с государственным и социальным строем Московского государства вообще при первых Романовых.

IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

1. НАСЕЛЕНИЕ

А. Сельское население

а) Сельское население в киевский и удельный период носило название смердов; в период московский (и до настоящей поры) за ним установилось название крестьян (христиан). Впервые термин «крестьяне» встречается в актах 1391 г. Крестьян, сидевших на земле, было две категории:

а) черные, или волостные, иначе: государевы люди, они жили на черной (государственной, иначе: волостной) земле;

Р) владельческие крестьяне, в частности: дворцовые (по-нынешнему: удельные), помещичьи, вотчинные, монастырские, смотря по тому, кто владел той землей, на которой они сидели.

б) Чем отличалась одна категория от другой? И та и другая одинаково была обложена тяглом (податями и повинностями, и первоначально та и другая, на положении совершенно свободных людей, пользовалась правом переходить с одной земли на другую, выбирать себе хозяина, причем самое право это не было ничем стеснено. Но уже с середины XV ст. для владельческих крестьян начинаются ограничения в свободе перехода: был установлен т. н. Юрьев день (26 ноября), и Судебник 1497 г. узаконил это ограничение, применив его ко всем категориям крестьян. Ряд последующих ограничений завершился, по Уложению, полным прикреплением крестьян к земле. Что же до черных крестьян, то их переход с черных земель на черные же законом не воспрещался, так как правительственная казна, заинтересованная в том, чтобы владельческие (гл. обр. помещичьи) земли не пустовали, ничего не теряла, если крестьянин выселялся с одной казенной земли на другую: и в том и другом случае рабочая сила и результаты ее труда для казны не пропадали.

Невольно напрашивается такой вывод: черных (государственных, казенных) земель были необъятные пространства, • а владельческих значительно меньше — значит, и самое «прикрепление», как бы тягостно оно ни было, задевало сравнительно небольшую группу сельского населения? Такой вывод, однако, был бы совершенно неправилен. Черных земель первоначально

действительно было очень много; но когда с Ивана III началась раздача поместий, то за полтора-два столетия она поглотила такое громадное количество черных населенных земель, что к середине XVII столетия в распоряжении правительства их оставалась лишь меньшая часть: всего 20 000 дворов, все остальное перешло на положение земель владельческих, причем и тут распределение их было неравномерное: 30 000 дворов дворцовых, с лишком 100 000 дворов в руках духовенства, за боярами же и прочими чинами (поместья и вотчины) так много, что «того и написать немочно» (Котошихин).

в) Пути прикрепления. Прикрепление владельческих крестьян сложилось тремя путями. Крестьян прикрепляло:

а) правительство — в целях обеспечить служилому классу наличность рабочих рук и тем поставить его в возможность нести свою воинскую повинность;

Р) задолженность крестьян, не позволявшая им покинуть землю;

у) долговременное добровольное сидение на одном месте: семья из поколения в поколение живя у одного и того же помещика или вотчинника, фактическое свое положение постепенно превращала в юридическое.

г) Задолженность крестьян. Обыкновенно, поселяясь на участке земли, крестьянин вступал в договор с землевладельцем, заключая с ним, по тогдашнему выражению, ряд. Нужда в хозяйственной поддержке вызывала необходимость ссуды, которую он и получал в виде денег, скота, хлеба, земледельческих орудий и зерна для посева; на первое время землевладелец освобождал крестьянина от государственного тягла, внося его из собственного кармана, не брал с него и оброка. Всю эту «подмогу», по истечении условленного срока, крестьянин должен был оплатить, и притом с процентами, которые в ту пору составляли пятую часть капитала (20% годовых), — условия в общем крайне тяжелые. Денежная ссуда в 120—300 (нынешних) рублей фактически вынуждала крестьянина оставаться на земле бессрочно, неуплата долга в назначенный срок вела к потере личной свободы, и чаще всего должник вынужден был просить о новой отсрочке, «переписывал свой вексель» на новых, еще более тяжелых условиях и совершенно запутывался в долгах.

д) Выход из этого положения. Мы уже видели,¹ что выходов из такого положения представлялось два. Один —

¹ Т. II, вып. I.

незаконный: покинуть землю, бежать, не расплатившись с землевладельцем, но с очевидным для себя риском. Кто покидал землю, не разделавшись со своими обязательствами, тот, как беглый, подлежал насильственному водворению на прежнее место. Кроме того, бежать — значило перейти на положение бездомового, вести бродячую жизнь, «казаковать», жить чуть не грабежом и насилием. На пахотной земле все же был свой угол и хоть какой ни на есть кусок хлеба.

Естественнее, проще был выход законный — перейти на землю другого землевладельца по соглашению с этим последним. Рабочие руки в ту пору были дороги; их высоко ценили, их искали, за ними охотились. Для этого посылались особые люди, которые разъезжали по уезду, высматривали и уговаривали крестьян бросить своего хозяина и переселиться к другому. Помещики, вотчинники, монастыри, сами крестьянские общины, все одинаково, переманивали крестьян друг у друга и охотно принимали на себя уплату их долгов, лишь бы перевести рабочего человека к себе на землю.

Такое переманивание закон первоначально не запрещал; но большой выгоды от перехода для самого крестьянина не было. Зато выгадывали те, кому удалось переманить, главным образом крупные владельцы, особенно богатые монастыри, не платившие никаких налогов и потому имевшие возможность предложить более льготные условия.

е) Борьба за рабочие руки. Между тем завоевание царств Казанского и Астраханского открыло свободные земли для заселения по Волге, в бассейне Камы и верхнего Дона. Население хлынуло туда как по собственному почину, так и по призыву тамошних помещиков, у которых в только что отведенных поместьях еще не было заведено никакого самостоятельного хозяйства и которые потому особенно нуждались в рабочих руках. В силу этого посадки, села и деревни центральных уездов начали сильно пустеть; иные совершенно обезлюдели. У землевладельцев и у тяглых общин то и дело возникали споры по поводу сманенных крестьян, опричнина, массами переселяя вотчинников и помещиков из одних владений в другие, запутала отношения еще более. Споры породили иски; дела по искам тянулись годами, беглые скрывались; им легче было укрыться, чем властям поймать их, и, чтобы покончить с бесконечными тяжбами, в 1597 г. был обнародован указ, по которому ход искам давался только тем, которые возникли за последние 5 лет, другими словами, устанавливалась пятилетняя давность, и на беглых, бежавших раньше 1592 г. и все еще

не пойманных, решено было «поставить крест», примириться с фактом и более не разыскивать, насильно на старые места не возвращать.

ж) Годы 1597—1649. Указ 1597 г. еще не прикреплял крестьян: он устанавливал лишь давность исков, но вместе с тем он явился первой крупной мерой на пути юридического прикрепления. Самый процесс прикрепления крестьян пошел с той поры быстрыми шагами. Уже в 1620-х гг. для некоторых видов крестьян давность была продолжена на 10 лет, в 1642 г. этот срок сделан всеобщим, пока, наконец, Уложением 1649 г. он не был отменен совсем, как бы давно ни покинул крестьянин свою землю, землевладелец с этой поры приобретал право всегда требовать его возвращения, крестьянин должен был вечно сидеть на той земле, на которой застало его Уложение, а в случае ухода его всегда, по закону, можно было вернуть обратно. С этой поры настало полное прикрепление владельческих крестьян к земле.

з) Основной характер прикрепления по Уложению 1649 г. Прикрепляя крестьян, Уложение царя Алексея Михайловича отнюдь, однако, не создавало крепостничества в том виде, как мы его наблюдаем в XVIII и XIX ст. вплоть до освобождения крестьян императором Александром II (1861): крестьянин прикреплялся к земле, но и только, он лишен был права сходить с земли, покинуть ее, во всем же остальном оставался совершенно свободным. Закон признавал за ним право на собственность, право заниматься торговлей, заключать займы, распоряжаться своим имуществом по завещанию и т. п. Не будь этого прикрепления к земле, крестьянина можно было бы назвать свободным, полноправным гражданином Русской земли, Закон по-прежнему резко ограничивал его от холопа: холоп, на положении раба, действительно был собственностью своего хозяина, крестьянин же сидел непременно на земле, и его нельзя было перевести на двор, где жили холопы на положении слуг, и продать крестьянина можно было только с землей, правильнее говоря, не продать, а лишь передать право на его земельный труд.

Так было по закону, однако действительная жизнь сложилась совсем иначе. Постепенно и незаметно, без каких-либо специальных указов, зависимость крестьянина по земле превратилась в зависимость личную. Озабочиваясь главным образом тем, чтобы как-нибудь не выпустить крестьянина из крестьян-

¹ См. выше, т. II, вып. 1.

ства, во что бы то ни стало удержать его на положении плательщика, правительство сквозь пальцы смотрело на то, как помещик, в противность закону, дробил крестьянские земли, отрывал самих крестьян от земли, продавал их в чужие руки или переводил к себе на двор на положение прислуги («дворни»). Будучи одновременно и хозяином, и судьей, землевладелец приговаривал крестьянина к наказанию и сам же являлся исполнителем своих постановлений: сажал по своему усмотрению в тюрьму, в кандалы. Его право наказания не было ничем ограничено, и бывали случаи, когда даже убийство сходило ему с рук. Вообще к концу XVII ст. зависимость крестьянина от помещика достигла таких размеров, что мало чем отличала его от холопа. Разница была скорее номинальная (*de jure*), чем реальная (*de facto*).

Б. *Городское (посадское) население*

а) Отличие посада от города. Городом называлось огороженное укрепленное деревянными или каменными стенами место, военный оборонительный пункт и, одновременно, правительственный центр данного уезда, вообще данной округи. Население города состояло из постоянного и временного. Постоянно жили здесь начальственные лица, местная администрация, военные силы, здесь же находились соборная церковь, «съезжая изба» (управление воеводы), тюрьма, склады военных снарядов, хлебные запасы и другое казенное имущество; временно — окрестное население: в случае войны оно находило там убежище и высиживало осаду, с этой целью в городе ставились «осадные дворы», в мирное время обыкновенно пустовавшие.

Таким образом, «город» означал то, что теперь мы называем кремлем в таких старинных городах, как Москва, Смоленск или Нижний Новгород (Петропавловская крепость в Петербурге), что в Германии в старину называлось бургом (*Burg*), «в Польше и Франции — замком (*zamek* — от слова «замыкать»; *Chateau* — от латинского *castellum*)*.

Посад — это поселение, возникавшее у наружных стен города; посад как бы лепился к этим стенам, окружал их своим кольцом; население посада занималось промыслами и торговлей; никакого военного отпечатка на нем не лежало. Город возникал по инициативе правительства, посад — по частной инициативе. Разрастаясь, с увеличением населения, посад, особенно если его «город» был важным правительственным и

военным центром, в свою очередь обносился стеной; вокруг этой второй стены с течением времени возникал новый пояс домов, если его также не обводили стенами, то, в отличие от посада, этот пояс, лепившийся уже не к «городу», а к «посаду», назывался слободой — поселением на свободном, открытом месте.

В случае вражеского нападения слободы (и посады, если у них не было стен) обыкновенно сжигались, чтобы помешать неприятелю засесть в домах и с близкого расстояния вредить городу-кремлю. Так, при нашествии Тохтамыша (1381), посад под Москвой, тогда еще не обнесенный стеной, был сожжен.

Посады существовали и в Западной Европе; они тоже ютились около города (бурга, замка), что нашло свое выражение в языке. Ср. французское *faubourg*, от *forsbourg* (лат. *foris* — вне, снаружи); немецкое *Vorstadt* (*vor* — перед). И в современном русском языке слово *форштадт* означает предместье, подгородную слободу.

По мере того как раздвигались границы государства, «города» стали терять свой военный характер, разница между городом и посадом постепенно сглаживалась, и оба поселения превращались в город в нынешнем значении этого слова.

б) Последовательный рост города Москвы,

а) Первая стадия: Кремль — «город»; старые стены заменены каменными в 1485—1495 гг.

р) Вторая стадия: Китай-город; обведен каменными же стенами и отделен от Кремля глубоким и широким рвом в 1535—1538 гг.

у) Третья стадия. Белый город; широким поясом он охватывает Кремль и Китай-город, упираясь концами в реку Москву, на противоположном берегу которой лежит Замоскворечье. В 1536—1538 гг. Белый город был обведен стенами из белого камня (откуда и самое название его); на месте этих стен ныне пролегают бульвары (считая с запада на восток): Пречистенский, Никитский, Тверской, Страстной, Петровский, Рождественский, Чистопрудный, Покровский.

5) Четвертая стадия: Деревянный, позже Земляной город; последнее название осталось за ним и донныне; новый пояс домов, тоже огороженный. В 1591—1592 гг. он был обведен деревянными стенами; стены эти сгорели в Смутные годы и были заменены в 1637—1640 гг. земляным валом. На месте этого вала ныне пролегают бульвары: Зубов, Смоленский, Новинский, Кудринская Садовая, Земляной вал.

з) Пятая стадия: слободы и подгородные деревни: Пресня, Божедомка, Мещанская, Басманная, село Преображенское, Семеновское и др.

в) Тяглый характер посадов. Подобно сельскому населению, тягло несли и посадские люди. Вот почему и посадские и крестьяне, одинаково, назывались тяглыми. Тягло возлагалось, разумеется, во имя интересов государственных, при чем всю тяглую массу можно разбить на три группы:

а) Посадские — они несли свое тягло непосредственно государству.

Р) Черные крестьяне — они несли свое тягло тоже непосредственно государству.

у) Владельческие крестьяне — они несли свое тягло непосредственно владельцу.

г) Крестьянский характер посадов. Промышленная и торговая деятельность жителей посада еще не создавала ему облика непременно промышленного и торгового поселения. Жизнь посадских людей еще долгое время оставалась слитой с сельской жизнью. Многие посады составились из крестьян, которые, осевши у городских стен и заведя на новом месте промыслы и торговлю, еще продолжали держаться за свою деревенскую землю, не бросали ее, делались полупосадскими и полукрестьянами. Поэтому в посадском населении, по крайней мере вначале, следует отличать торговых от пашенных. Для пашенных торговля была побочным делом, а торговый человек нередко, кроме лавки, имел еще свои пашни и покосы на городской земле. К тому же иные посады возникали не при городах, а при селах, на крестьянской земле, — те еще более носили характер посада-деревни. Вот почему резкую грань между посадским и сельским населением провести вначале трудно, тем более что и посадская, и крестьянская общины, обе, были одинаково тяглыми. Уложение царя Алексея Михайловича прикрепило и ту и другую; одну к ее земле, к пашне и покосу; другую — к ее посаду, к лавкам и дворам.

д) Разряды посадских людей.

а) Гости — высший разряд посадских людей; самые богатые среди торгового люда; по-нынешнему это купцы 1-й гильдии. Во время Котошихина их было не особенно много во всей России: всего 30 человек. В киевский и удельный периоды гостем назывался всякий иноземный купец, приезжавший в Русскую землю с торговыми целями; теперь — это почетное звание; им царь жалует за службу, за заслуги.

Примечание. Особым положением пользовалась фамилия Строгановых. Строгановы были крупные промышленники и землевладельцы, колонизаторы Пермского края. Это были сливки, высший слой той среды, которую составляли гости.

Р) Гостиная сотня — ее можно было бы назвать купечеством 2-й гильдии.

у) Суконная сотня — Этвегильдейская.

5) Черная сотня — по-нынешнему мешане.

е) Повинности посадских людей.

а) Три первых разряда посадских людей носят характер правительственных чиновников: они состоят на государственной службе.

1) На гостей было возложено заведование сбором таможенных и питейных пошлин, оценка сибирских мехов в царской казне. Это их обязанность, правительственная служба по финансовому ведомству. Обыкновенно правительство определяло цифру дохода со сборов за данный год, и всякий недобор или недочет взysкивался с гостей.

2) Гостиная и суконная сотни — их служба того же рода, что и гостей; по положению же, лица, входившие в состав этих двух сотен, были товарищами и помощниками гостей.

Р) Черная сотня — их служба была в тесном смысле тяглом: в несении податей и повинностей: прямые налоги, полонянничные деньги на выкуп пленных; подводная повинность, постоянная, выборы голов и целовальников в кружечные дворы, с ответственностью за недобор; «городовое земляное дело», т. е. работы по укреплению города; доставка даточных людей в войска; экстренные денежные (напр. пятинные деньги) и хлебные сборы; стрелецкая подать на содержание стрельцов. Их лавки и промыслы тоже были обложены сбором в пользу казны.

ж) Привилегии посадских людей.

1) Гости — подчинены одному только царскому суду; от повинностей освобождены совсем или отправляют их на льготных основаниях; право владеть вотчинами и поместьями. Впрочем, последней привилегии они лишились в 1666 году. За нанесенное гостью бесчестье виновный уплачивал 50 (тогдашних) руб.

Примечание. Строгановы пользовались почетным титулом: именитые люди и правом именоваться в официальных сношениях и бумагах не только по имени, но и по отчеству (т. н. право на вич). За нанесенное им бесчестье виновный уплачивал 100 (тогдашних) рублей.

2) Гостиная и Суконная сотни — их привилегии в несении тягла однородны с привилегиями гостей, но в меньшем размере. За бесчестье — 20 и 15 рублей.

3) Черная сотня — подати и повинности она несет полностью. За бесчестье — 5 руб.

В. Служилые люди Московского государства¹

Служилые люди и в XVII в. остались по преимуществу людьми военными, и сказанное о них раньше (гл. VII: «Военное дело при Иване Грозном») ¹ применимо и к этому веку. Но в эпоху первых Романовых этот класс, не теряя своего военного характера, начинает выделять из себя элемент и гражданский. Таковы три категории: думные люди, придворные чины и дьяки и подьячие. Служба при дворе, равно и участие в Боярской думе, не мешала, по мере надобности, особенно первым группам, являться и на поле брани; все же боевой меч в их руках служил скорее исключением, чем общим правилом. Так положено было начало специальной гражданской службе, которая при Петре Великом и его преемниках окончательно обособится от службы военной и создаст особый класс т. н. штатских чинов.

а. Служилые люди (военные)

Военная служба была неразрывно связана с пожалованием поместья. «Всем чинам, от высших до низших, присвоены были известные поместные оклады. Помещиками были как бояре и окольничие, стольники и стряпчие, дворяне и дети боярские, так и дьяки и подьячие. Придворные и московские чины по-

поместья» (Павлов-Сильванский). Поместное жалованье являлось не наградой за службу, не жалованьем в нашем современном значении слова — оно назначалось в целях сделать помещика способным нести военную службу, выполнять возложенные на него вполне определенные обязанности, и кто их не выполнял, не являлся на службу (оказывался «в нетях»), бежал со службы, выполнял ее нерадиво или, наконец, запуская свое имение, у того оно отнималось и передавалось другому лицу.

¹ Т. II, вып. I.

Нарушения служебного долга были очень часты (для мелкопоместных военная повинность вообще была тяжела). Нетчики иной раз даже хвастались своей неявкой на службу к сроку. Правительство, конечно, принимало соответственные меры; так, «в 1671 году половина вотчин наравне с поместьями была описана у тех ратных людей, которые, "забыв страх Божий и крестное целованье", не явились к сбору на службу или сбежали из полков»; но распоряжения подобного рода являлись скорее исключением, чем общим правилом. Правительство вынуждено было смотреть на нарушения служебного долга сквозь пальцы, лишь бы они не принимали чересчур больших размеров. Оно настолько нуждалось в службе помещиков, что уже одна простая исправность в несении военной повинности ставилась в заслугу и охотно поощрялась добавочными нарезками, которые так и мотивировались, как пожалования «за неотъезд».

Вообще правительство всякого рода мерами старалось удержать помещика на пожалованной ему земле. «Не довольствуясь временным условным владением, служилые люди, естественно, стремились присвоить себе поместья в полную собственность. Они с первых времен развития поместной системы делали попытки распоряжаться поместьем как вотчиной, менялись поместными землями, сдавали их за условленное вознаграждение, иногда закладывали и продавали, наконец, чаще всего передавали по наследству женам и детям» (Павлов-Сильванский). Правительство не мешало этому, лишь требуя, чтобы подобного рода сделки совершались с ведома и согласия властей. Уложение 1649 года разрешало менять поместные земли не только на поместные же, но и на вотчинные; наконец, самые поместья нередко (в виде милости государевой) стали жаловаться (особенно со второй половины царствования Алексея Михайловича) в вотчину с правом продавать и закладывать их.

Таким образом поместье мало-помалу очутилось на положении вотчины, превратилось в частную, а затем и в «родовую» собственность, и разница между этими двумя видами землевладения постепенно сгладилась настолько, что позднейший указ Петра Великого (1714), юридически уравнивавший поместье с вотчиной, к тому времени уже не представлял Чего-либо нового и неожиданного.

Параллельно с этим процессом превращения поместья в вотчину наблюдается и обратный: вотчина, в силу постоянно налагаемых на нее обязанностей военного характера, постепенно превращается в поместье. Права вотчинника на свою вотчину стали признаваться лишь при условии исправного исполнения

им ратной службы, у неисправного вотчина отбиралась, как и поместье. Взгляд на вотчину как на «казенную» землю выразился и в запрещении пустошить и зорить ее, и если оказывалось, что вотчина служилых людей, как и поместья, запустели «не от войны, не от гоненья и не от насильства соседей, но от собственного их нестроения и воровства», то дворян и детей боярских в таких случаях велено «бить кнутом, а в службе взять на них поруки, чтобы им служить, а будет в ком поруки не будет и тех сажать в тюрьму» (указ 1621 г.).

б. Служилые чины (гражданские)

а) Думные люди. К ним принадлежали: бояре, окольниковичие, думные дворяне и думные дьяки. Они были членами Боярской думы, но кроме думских обязанностей могли нести и другие, занимая обыкновенно высшие должности (впрочем, только бояре и окольниковичие, думные же дворяне и дьяки на высшие должности не попадали). Бояре и окольниковичие назначались воеводами в полки, они управляли областями, приказами, ездили в послах к иноземным государям; одетые в золотое платье, участвовали во всех церемониях царского двора; на приеме послов, при выходе государя в церковь; сопровождали его в поездках по монастырям на богомолье, в загордные дворцы или на охоту. Применительно к современной терминологии, это были генералы-военачальники, губернаторы, министры, посланники или их ближайшие сотрудники и помощники, канцлеры, статс-секретари, генерал- и флигель-адъютанты.

1) Бояре. Чин боярина был самый высший. Звание это не было наследственным; в бояре жаловал государь, но обыкновенно он считался со сложившимися представлениями о родовой чести той или иной фамилии. Некоторые боярские роды считали своим правом сразу получить чин боярина, еще в молодых годах, другие, менее родовитые, дослуживались до него, предварительно пробыв несколько лет в чине окольниковичего, и даже стольника и думного дворянина. Назначение прямо в бояре в XVII ст. было привилегией всего лишь 19 фамилий. Кроме одной, все княжеские, в том числе князья Воротынские, Голицыны, Куракины, Морозовы (не князья), Одоевские, Репнины, Сицкие, Трубецкие, Урусовы, Хованские, Шаховские, Шуйские.

Фамилий менее родовитых, достигавших боярского звания лишь после предварительной выслуги в чине окольниковичего, числилось в XVII ст. 40.

а) Старые боярские роды: Захарьины, Романовы, Юрьевы, Бутурлины, Годуновы, Головины, Милославские, Нарышкины, Пушкины, Салтыковы, Стрешневы, Хитрово, Шеины, Шереметевы и др.

б) Второстепенные князья: Бярятинские, Вельские, Волконские, Долгорукие, Лобановы-Ростовские, Масальские, Пожарские, Прозоровские, Ромодановские, Троекуровы, Хилковы, Черкасские и др.

2) Окольные. Второй думский чин. Знать, но второстепенная. Их служба была около государя. Сопровождая царя в его поездках, они ехали впереди для заготовки лошадей, ночлега; во дворце заведовали приемом иностранных послов, вводили в кабинет государя тех, кого тот принимал у себя. Самые приближенные к государю носили звание ближних и комнатных окольных — эти стояли даже выше бояр.

Насчитывают свыше 70 родов, которые достигали степени окольного, но не подымались выше ее. В том числе: Апраксины, кн. Вяземские, Глебовы, Голохвастовы, Желябужские, Еропкины, Лихачевы, кн. Ржевские, Ртищевы, Самарины-Квашины, Толстые, кн. Ухтомские, Чаадаевы, Чеглоковы, Щелкаловы, Языковы.

3) Думные дворяне. Третий думный чин. Знатю они не были. В этот чин возводили людей неродословных, обыкновенно из первостепенных дворян, из московских же дворян брали только слой второстепенный. Хотя думные дворяне совместно с боярами и окольными считались советниками государя, но равной чести не только с ними, но даже с дворянами старинных знатных фамилий не имели; вот почему из московских дворян в думные повышали лишь менее родовитые фамилии: для родословного московского дворянина никакой не было чести попасть в думные дворяне. Кроме участия в думе, думные дворяне несли разные обязанности по военной службе, во дворце и в приказах.

4) Думные дьяки. Из разряда приказных людей. Впервые появляются в начале XVII в. Люди мелкие, худородные, они занимали в Боярской думе последнее место: в присутствии государя обыкновенно стояли и лишь в отдельных случаях Удоставались разрешения сесть. Опытные дельцы, они возвышались исключительно благодаря своим талантам и знаниям, принимали деятельное участие в прениях, брали на себя инициативу и, случалось, проводили свое мнение вразрез мнению остальных членов. Их положение и вне думы было не ничтожным, они служили в приказах и даже правили некоторыми из

них, назначались товарищами к послам, состояли при воеводах. В служебной иерархии они занимали место после стряпчего с ключом.

Три первых звания — бояр, окольных и думных дворян — «давались соответственно знатности лица. По общему правилу эти звания не составляли лестницы чинов, последовательно проходимой служащими, но жаловались непосредственно, независимо один от другого, служащим низших чинов, стольникам или дворянам, смотря по родовитости фамилии, к которой принадлежали жалуемые лица. Стольник перворазрядной фамилии сразу получал чин боярина, минуя чины окольного и думного дворянина; стольник второразрядной фамилии таким же образом получал чин окольного и обыкновенно в этом чине заканчивал свою служебную карьеру. Наконец, стольники или дворяне незнатных родов получали чин думного дворянина и большей частью не достигали высших чинов, боярина или окольного, составлявших своего рода привилегию знатнейших фамилий» (Павлов-Сильванский).

Исключения из такого порядка были редки. Чаще стали они при царе Алексее, допуская и лиц незнатного рода перешагнуть заветную грань и подняться по лестнице повышенной ступенью — двумя выше. Так, Арт. Серг. Матвеев, сын дьячка, последовательно возведен был в звание думного дворянина (1671), окольного (1671) и боярина (1675). Еще быстрее прошел эти же ступени царский тесть, сын городского дворянина Кир. Пол. Нарышкин (1671—1673).

Р) Придворные чины, а) Старшие: 1) Крайчий. 2) Конюший. 3) Дворецкий. 4) Оружничий. 5) Постельничий. 6) Стряпчий с ключом. 7) Казначей — всего 7 чинов. В первые четыре возводились обыкновенно бояре, окольные, люди родовитые, в остальные три (точнее, в должность постельничего и казначея) брались люди неименитые. В каждую из этих должностей возводилось одно только лицо; других крайчих, конюших и проч. одновременно не бывало.

1) Крайчий — самая почетная придворная должность: на церемониальных обедах стоял за столом государя, руководил подачей ему яств и питья (по-нынешнему обер-шенк); заведовал стольниками. В крайчие назначались лица лучших фамилий; обыкновенно, через несколько лет службы, они повышались в бояре.

2) Конюший — управлял обширным конюшненным ведомством, царскими выездами (по-нынешнему обер-штальмейстер);

назначался из бояр. «Кто бывает конюшим, и тот первый боярин чином и честью» (Котошихин).

3) Дворецкий — заведовал царскими именьями и царским двором, тоже одна из высших придворных должностей (по-нынешнему министр императорского двора и уделов). По месту службы он шел непосредственно вслед за конюшим.

4) Оружничий — заведовал Оружейной палатой и Оружейным приказом. В это звание назначались люди родовитые.

5) Постельничий — заведовал царским гардеробом, спал в одной комнате с царем или около, ходил с ним в баню. Это ближайший к государю слуга. В его ведении состояли спальники, состоявшие на дежурстве, и стряпчие. В постельничие назначались из третьестепенных, не княжеских, родов, но по месту они шли вслед за оружничим.

6) Стряпчий с ключом — ведал обширный штат придворных стряпчих. Он «есть помощник постельничего, он ведает под ним Мастерскую палату и Постельную казну, у него ключ от казны, отсюда, конечно, и наименование стряпчий с ключом» (Сергеевич). В этот чин назначались лица не только второ-, но и первозрядных фамилий.

7) Казначей хранил государеву казну, т. е. платье, белье, меха, посуду, драгоценности, деньги. Занимали эту должность люди новые, неименитые, но доверенные. Должность казначея прокладывала дорогу к высшим почестям вплоть до боярства. Казначей присутствовал в Боярской думе и писался выше думных дворян.

б) Младшие чины: 1) Стольники. 2) Спальники. 3) Стряпчие. 4) Жильцы — их было одновременно по несколько человек, обыкновенно даже по многу.

1) и 2) Стольники, спальники — придворные должности, на которые обыкновенно назначались дети знатных лиц, бояр, окольных, — кандидаты на отцовские звания. Стольники состояли при столе государя; на парадных обедах они подавали кушанья и питья; на приемах иностранных послов стояли, в качестве рынд, по сторонам царского трона. Спальники спали в комнате царя, помогали ему одеваться, раздеваться. Близость таких стольников и спальников к государю делала их, подобно окольным, ближними или комнатными.

Стольники назначались в воеводы, послами, заведовали второстепенными приказами, стрелецкими полками. Уловить разницу между стольниками и спальниками не всегда возможно: стольники — понятие более широкое: из них выбирались спаль-

ники; но стольник, став спальником, не переставал быть стольником, это потому, что спальником он отправлял свою должность, стольничество оставалось в этом случае званием, чином.

3) Стряпчие — заведовали царскими вещами. Их обязанность была нести, при выходе государя в церковь, стул и платок, держать шапку государеву, во время военного похода на их руках находилось вооружение государя; зимой, во время выездов, стояли «на ухабе» (вроде выездного лакея). Комнатные, т. е. наиболее приближенные к государю, стряпчие заведовали царской постелью; как и стольники, стояли рындами у царского трона. Звание стряпчего в служебной иерархии считалось ниже звания стольника, дети бояр и окольных в это звание не возводились; на должность стряпчего назначали обыкновенно из московского дворянства.

Штат придворных стряпчих был обширный. Стряпчие должны были устраивать, готовить, стряпать порученное им дело. Так, стряпчие конюха «стряпали» на конюшне: чистили, кормили, ходили за лошадьми, смотрели за экипажем, запрягали; стряпчие в Мастерской палате «стряпали» — шили; стряпчие на Кормовом и Хлебном дворе «стряпали» — готовили (кушанье), пекли (хлеб), варили (пиво или мед). Подобно этому, и у стряпчих при комнатах государя была своя «стряпня» — царские вещи, которые необходимы бывали ему в ежедневном обиходе. Старинное выражение стряпать сохранилось до нашего времени в значении кухарить, готовить пищу, вообще улаживать дело; «состряпать свадьбу», «судейский стряпчий» (судебный чиновник), «стряпчий» (ходатай по частным делам). Выражением «дело стряпается» хотят сказать дело налаживается, о нем хлопочут.

4) Жильцы — низшее придворное звание. Комнатные жильцы охраняли царские хоромы.

у) Дьяки и подьячие — группа приказных людей. Люди они не родословные, без «отечества», и местничаться не могли. Их служба была исключительно гражданской.

1) Дьяки — служили в суде и администрации, в войсках, бывали в посольствах, ведали государевы доходы. Объявляли царские указы; в важных случаях говорили именем государя. В приказах они заседали на положении равноправных членов, товарищами бояр и окольных.

2) Подьячие — «они делились на старых и молодых. Молодые употреблялись для письма, а старые, как дав-

но состоявшие в должности подьячего и потому опытные, дело знающие, для более важных назначений. Они участвуют на смотре служилых людей, отвозят государеву казну, досматривают с дьяками больших служилых людей, а иногда назначаются и к исправлению должности дьяка» (Сергеевич).

Высшим слоем в этой группе были думные дьяки. См. о них выше.

в. Должности и чины

Из вышеизложенного видно, что большинство званий одновременно обозначало и должность, и чин, т. е. и службу, и почетное отличие или место в ряду других мест и отличий. Например, окольниковый заведовал поездками государя, заседал в Боярской думе — эта должность и делала его окольниковым; [но если его назначали ведать приказом или отправляли в посольство, то звание окольникового обозначало просто чин, разве что подобное назначение рассматривалось как временное и что, выполнив возложенное поручение, он возвращался снова на прежнюю должность. Или другой пример, оружничий и конюший были обыкновенно из бояр, и в этом случае «боярин» означал чин, а звание оружничего или конюшего — должность. То же самое и стольники: назначенный воеводой или начальником стрелцкого полка в провинцию стольник, конечно, уже переставал исполнять должность «при столе» государя и, продолжая называться стольником, носил это звание как чин.

Такое смешение должностей и званий зачастую мешает точно выделить одно из другого, тем более что в XVII ст. и должность, и чин одинаково назывались чином. Служилые люди, посадские и крестьяне в свою очередь назывались, каждая группа, «чином». Отсюда выражение: «люди всех чинов Московского государства», обозначающее совокупность всего населения или представителей групп.

Чинов-звания выросли из чинов-должностей; иная должность могла утратить свое первоначальное значение, и наименование, каким она раньше определялась, стало служить лишь для обозначения служебного места, подобно тому, как в наше время чин коллежского советника перестал обозначать советника, служащего в коллегии, а обозначает чиновника, который на чиновничьей лестнице стоит на 6-й ступени, ниже статского советника (5-я ступень) и выше надворного советника (7-я). Надо только помнить, что соотношение чинов в XVII ст. еще

складывалось и окончательно еще не выработалось, так что не всегда ясно, кто в ту пору был выше, кто ниже другого. Точнее это будет выработано позже, с учреждением Табели о рангах (1722).

г. *Сословия и их закрепощение*

1. Сословия сложились в Московском государстве путем закрепощения. XVII век в русской истории характеризуется образованием сословий и их закрепощением. Борьба с внешними врагами потребовала от государства напряжения всех сил, и потому население страны было призвано на службу государству. Каждый разряд лиц выполнял ее соответственно своему характеру и положению. На служилых людей возложена была военная служба, на тяглых — тягло (подати), причем переход из одного разряда в другой был запрещен, иначе государству было бы не по силам определить и заранее знать, в какой мере оно может рассчитывать на выполнение населением возложенных на него повинностей; к тому же, при свободе перехода, самые повинности могли смешаться, легче было уклониться от их отбывания. Вследствие этого все три разряда населения были прикреплены к своему месту: служилый человек к своему поместью, посадский к своему посаду и лавке, крестьяне к своей земле. Служилый человек не мог отказаться от своего поместья, не мог купить посадской земли, обзавестись лавкой, заняться промыслами; точно так же и посадскому запрещалось владеть поместьями; покидать свое ремесло или торговлю и браться за другое занятие. Землевладелец, будь это помещик, вотчинник или монастырь, не мог держать у себя закладников, а тяглец закладываться. Вообще никто не имел права уклоняться от своего тягла и службы; все разряды населения стали подневольными работниками, слугами государства, и каждому был предназначен определенный круг обязанностей. Каждый такой разряд или класс людей образовал из себя замкнутый круг, и вход в него или выход был недоступен посторонним. Так возникли и сложились сословия.

Как видим, сословия эти характеризуются возложенными на них обязанностями, и хотя у каждого сословия были также и свои права, но не ими определялось сословное положение. Обязанности и прикрепление к своей службе — вот отличительная черта русского общества XVII в.

2. Сословия в Западной Европе. Совсем иначе сложились сословия в Западной Европе. Если крестьянство там тоже было

несвободным, то посадские люди (городские коммуны) сравнительно скоро добились самоуправления и достигли значительной независимости, служилое же сословие изначально существовало как класс людей свободных и независимых. Государства в Западной Европе выросли из завоевания, что породило феодализм. Феодалы владели своими землями не в силу пожалования или милости короля-сюзерена, а в силу завоевания, что давало им право пользоваться плодами своей победы. Поэтому позднейшее дворянство новой Европы, выросшее из средневековых феодалов, обладало известными правами, с которыми королевская власть должна была считаться. Этими правами, а не обязанностями и характеризуется дворянский класс в Зап. Европе в XVI—XVII вв. ¹

К

2. ВЛАСТЬ

А. *Государь*

В XVII в. закончился рост самодержавия московских государей. Выше указывалось, как оно выросло, какие формы борьба за него приняла в царствование Ивана Грозного, как заколебалось оно в Смутные годы. Однако именно Смутная пора наглядно подчеркнула его необходимость, тем самым оправдав его исторический рост. Первые Романовы, можно сказать, уже почти самодержавны: все творится по их воле и указу, источником всякой иной власти являются они одни.

Что, однако, означает это «почти?»

а) Местничество до некоторой степени еще стесняло свободное проявление воли государевой. Царям еще приходится считаться с ним и при назначениях на должность не всегда делать выбор по своему желанию.

б) Сдерживающим началом являлись и земские соборы. Они представляли собой общественное мнение страны, и верховная власть царей московских находила для себя обязательным считаться с ними. Ни одно сколько-нибудь важное решение не обходилось без соборного совета и указания: избрание митрополита Филарета в патриархи; война с Польшей в 1632 г.; отказ от Азова; издание Уложения; принятие мер к усмирению Псковского бунта; присоединение Малороссии, не говоря уже

¹ См. Приложения. Спорные и невыясненные вопросы русской истории: «Существовали ли в Московском государстве сословия или нет?»

про руководящую роль земских соборов в первые годы царствования Михаила Федоровича.

в) Известного рода сдержкой являлась и Боярская дума. Если даже и не признавать за ней прав законодательных, но видеть в ней только совещательный орган (см. ниже), все же совещания с ней носили для государя характер нравственной обязанности, и, подобно тому, как земские соборы созывались не с тем, чтобы только выслушивать их, так и совещания царя со своей думой нередко определяли тот или иной путь, по которому должна была пойти его воля.

И только с уничтожением местничества, с прекращением земских соборов и с постепенным превращением Боярской думы в простой отзвук царской мысли, — только с этой поры можно стало говорить о полном самодержавии. Такое полное самодержавие досталось в наследство Петру Великому. Он примет его и своей мощной рукой закрепит на долгое время. С той поры русский государь станет единственным источником всякого рода власти: законодательной, исполнительной, судебной, станет главенствовать даже над самой церковью.

Б. Совместники царской власти

а) Земские соборы

1) Характерные черты земских соборов XVII в. Для земских соборов, возникших в XVI ст., настал при первых Романовых полный расцвет. Потребность в них, особенно непосредственно вслед за окончанием Смуты, сказалась с еще большей силой, чем раньше. Царствование Михаила Федоровича, можно сказать, «золотой век» земских соборов (Загоскин). В течение первых девяти лет по избрании Михаила (1613—1622) соборы следуют один за другим почти без перерыва; не редкость они и во вторую половину царствования, причем за все это время они сохраняют тот же характер выборности, какая отличала их в Смутные годы от земских соборов XVI в., состав которых определялся, как мы видели, по указаниям верховной власти.

2) Что вызвало напряженную деятельность земских соборов в царствование Михаила Федоровича. Если в XVI ст. правительство Ивана Грозного

¹ См. Приложения. Спорные и невыясненные вопросы русской истории: «Самодержавие московских государей».

нуждалось в земских соборах для совместной работы, то теперь, когда разруха вконец расстроила государственный организм, извратила общественные отношения, разорила страну, — новому царю, почти еще ребенку, совершенно неопытному, не авторитетному, возможно было справиться с возложенной на него тяжелой задачей единственно лишь при содействии тех самых людей, которые возвели его на престол; только они могли, общим голосом всей Земли, помочь ему разобраться в трудном деле успокоения страны, выяснить меры, необходимые для восстановления нарушенного порядка, придать нравственную силу и убедительность действиям правительства. Не принимая непосредственного участия в самом управлении, соборы, близким знакомством с положением дел в стране, своей осведомленностью о ее нуждах и наличных средствах служили царю на первых порах его деятельности незаменимыми советниками и руководителями. Общая опасность и общая забота о Русской земле сближали царя и земские соборы, заставляли их дружно идти рука об руку по пути охранения и совершенствования общего достояния. «Сознание общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ее земский совет к полнейшей солидарности, обращало государя и собор в одну политическую силу, боровшуюся с враждебными ей течениями как внутри государства, так и вне его. Собор не стремился разделить с верховной властью ее прерогативы, потому что сама власть ими тогда не дорожила; государь желал разделить с собором тяжелое бремя управления и ответственность за возможные неудачи» (Платонов).

Таким образом, борьбы, как она обычно понимается в наше время, между верховной властью за сохранение своих прерогатив и представителями народа за расширение своих прав, на земских соборах времени Михаила Федоровича не было и быть не могло. Какая же борьба, если самые соборы собирались для поддержания и укрепления авторитета царской власти? К тому же участие на соборах являлось не правом его членов, а исполнением общественного долга. Поэтому и вопроса об ограничении царской власти никогда на соборах не поднималось, равно и со стороны царя никогда не выражалось нежелания прислушаться к голосу соборному.

Степенью той потребности, какая чувствовалась в земских соборах, определилась и самая деятельность их. Первые годы были, конечно, самые тяжелые — и соборы, как было сказано, работали почти без перерыва, но 9 лет спустя порядок более или менее налачился, нет более места прежнему шатанию умов,

правительство (Боярская дума, приказы) окрепло, действия его стали уверенные, голос авторитетнее, накопился известный опыт — реже стали собираться и соборы. Без них еще нельзя обойтись, но их собирают теперь уже в исключительных случаях: 1632, 1637, 1642. В первые годы царствования Алексея Михайловича жизнь снова выдвинула на очередь ряд серьезных вопросов — в зависимости от них опять участились и соборы. Однако это продолжалось недолго: последним настоящим собором был собор 1653 года — следующие за ним скорее временные комиссии из сведущих людей, чем «советы всей Земли». Такие «комиссии» обыкновенно созывались время от времени для выяснения какого-нибудь отдельного вопроса и состояли при Боярской думе, под руководством одного из бояр.

3) Отчего прекратились земские соборы. Наши историки еще не пришли к согласному объяснению причин, вызвавших упадок земских соборов. Одно можно сказать: в середине XVII ст. Русская земля уже успела до некоторой степени оправиться от бедствий Смутной поры, и правительство перестало нуждаться в соборах, как нуждалось раньше; государственная власть окончательно выработалась в форму неограниченного самодержавия; замена прежнего областного самоуправления воеводским, параллельно с ростом приказов, сосредоточив власть в руках центральных органов, в свою очередь, позволила обходиться без содействия соборов. Немало повлияло и издание Уложения. Уложение было не только собранием законов — им определился весь строй государственной жизни, общественных отношений; стала ясна картина всего государственного организма; в руках правительства сошлись все нити управления, и оно теперь отчетливее видело как наличность средств, какими могло располагать и требовать от страны, так и те пути, какие вели к осуществлению его требований.

Кроме того, советы земских соборов неизбежно являлись в то же время и критикой существующего порядка, указанием на допущенные ошибки, и критика не всегда стала приниматься с прежним благодушием. Во вторую половину XVII ст. власть монарха выросла в абсолютную и стала плохо уживаться с учреждением, которое, если не постоянно, то все же — бывали случаи (1648—1649), осмеливалось громогласно заявлять о своих расхождениях с нею, «сметь свое суждение иметь». Кроме того, резче стал обозначаться антагонизм высших и низших классов. Между тем земский элемент на соборах, т. е. средние классы, постоянно рос и численно стал подавлять представителей духовенства и боярства, что облегчало ему проводить мероприятия,

для тех не всегда выгодные и приемлемые. Так, на соборе 1648—1649 гг. духовенству запретили приобретать служилые вотчины (хотели даже отобрать у него все, ранее полученные); прикрепление крестьян и запрет принимать закладчиков были выгодны средним служилым людям, но не крупным землевладельцам. Таким образом, в интересах правительственного класса было управлять государством исключительно посредством того бюрократического механизма (воеводы, приказы), который как раз к этому времени окончательно сложился и окреп.

Препятствий к превращению соборов в простые комиссии правительство со стороны земских людей не встретило; скорее наоборот: в созыве земских соборов население видело не право, а повинность, от которой, как и от многих других, оно предпочитало, по возможности, уклониться. Да и замена местного самоуправления органами бюрократическими не оставляла более места для народного представительства, соборы стали анахронизмом и погибли, как гибнет и сохнет всякое дерево, лишенное питания и здоровых соков.

4) Перечень соборов 1613—1653 гг.

а) Собор 1613—1615 гг. Этот собор выбрал на престол Михаила Романова; до приезда царя в Москву он держал в своих руках все управление государством, а по приезде — главную заботу свою направил на пополнение государственной казны: заем у именитых людей Строгановых; обложение населения налогом на имущество, т. н. «пятой деньгой» (20 рублей с каждых 100 руб.), а потом, кроме нее, еще «десятой» (10 руб. со 100 руб.).

Р) Собор 1616—1618 гг. Главнейшие его постановления:

а) Вторичный сбор «пятой» деньги. Установленные на предыдущем соборе «пятая» и «десятая» деньги возлагавшихся на них ожиданий не оправдали: сбор «пятой» деньги обогатил казну всего на 113 000 руб., а «десятой» — на 53 000, — в том и другом случае значительно меньше сметы. А в то же время в приказах оказался: в одних недобор, в других перерасход, который нечем было покрыть. Дефицит государственной казны определился к 1616 году в (почти) 350 000 руб.; сумму громадную по тому времени. Как покрыть его? Все той же «пятой» деньгой — иного выхода не находили. Однако собор понимал, что нельзя натягивать струну до бесконечности; на этот раз «пятой» деньгой обложены были только промышлен-

¹ Переводя на ценность рубли в наши дни, пришлось бы дефицит в 350 000 тогдашних рублей определить в десятки, если не сотни миллионов рублей.

ники и торговые люди, землевладельческий же класс обязали уплатой по 150 руб. с сохи. Строгановы, как самые богатые люди во всем государстве, и на этот раз обложены были соответственно своим капиталам: 16 000 руб. да сверх того земский собор, от имени «властей и выборных людей», воззвал к их патриотизму, убеждая пожертвовать еще 40 000: «А однолично же вам тем к нам великому государю службу свою и ко всему нашему Российскому государству и ко всем православным христианам раденье свое показать, не пожалев своих животов, хотя себя оскудив».

б) меры для отражения королевича Владислава и казацкого гетмана Сагайдачного, шедших войной на Москву.

у) Собор 1619 г.: избрание в патриархи Филарета Никитича Романова.

5) Собор 1620—1622 гг.:

а) меры по выяснению экономического положения страны: перепись платежных единиц; составление т. н. «писцовых книг»;

б) меры в целях помешать тяглому классу (посадским и крестьянам) уклоняться от несения своего тягла;

в) кроме того, собор обсуждал: использовать ли или нет представлявшийся случай возобновить войну с поляками в союзе с турецким султаном, крымским ханом и шведским королем.

В конечном выводе о земских соборах 1613—1622 гг. можно сказать, что видное место в своих обсуждениях они отвели вопросам экономическим и, особенно, финансовым. Этого настоятельно требовали обстоятельства времени. Казна была пуста; война велась по всем фронтам: шведы, поляки, лисовчики, казаки, «русские воры»; расходы были неотложны; налоги же, разного рода пошлыны поступали слишком медленно — требовались экстренные меры — таковыми явились «пятые» и «десятые» деньги, по существу мало чем отличавшиеся от военных контрибуций; обложение крестьянских сох, призывы к добровольным пожертвованиям. Но такие меры слишком тяжело ложились на население, а для проведения их в жизнь новое правительство еще не успело окрепнуть, голос его еще не звучал достаточно авторитетно для страны, к личным предписаниям верховной власти не всякий бы стал в ту пору прислушиваться — необходимо было содействие самой Земли, и таковое новый царь обрел себе в лице земских соборов.

Е) Собор 1632—1634 гг. Созванный по случаю войны с Польшей, собор этот всецело посвятил ей свои работы.

Q С о б о р 1637 г. — обсудил и принял меры для отражения крымского хана (после взятия казаками Азова ожидали, что хан нападет на самую Москву).

л) С о б о р 1642 г. — обсуждал вопрос, брать или не брать взятый казаками Азов, иными словами, решиться ли на войну с Турцией, неизбежную в случае признания Азова русским городом. Значение этого собора: он дал правительству наглядное представление о тогдашнем бедственном материальном положении русского народа, об экономической необеспеченности низших классов населения, указал на неравномерность в обложении повинностями, на злоупотребления областной администрации. Картина, нарисованная собором, оказалась столь неутешительной, что убедила правительство в печальной необходимости отказаться от заманчивой мысли удержать Азов в своих руках.

§) С о б о р 1645 г. — подтвердил вступление на престол царя Алексея Михайловича, санкционировал его воцарение. Следует помнить, что династия была еще новой, корней пустить еще не успела; что в самые последние годы жизни царя Михаила в Польше появился самозванец Луба, выдававший себя за сына Лжедмитрия и Марины; что он предъявлял претензии на московскую корону. Поэтому вполне естественно, что «боярин Морозов, которому поручен был царевич Алексей умирающим отцом его, желая придать несокрушимую опору царской власти 16-летнего питомца своего и будучи уверен в единодушной преданности всей Земли дому царя Михаила, пожелал, вместе с патриархом и боярами, придать восшествию Алексея на престол санкцию всенародной воли. В необходимости твердой внешней и внутренней политики юного царя, ввиду лежавшей на последнем обязанности твердой рукой завершить недоконченное отцом его дело государственного строения — подобная предосторожность должна была казаться вполне рациональной и даже необходимой» (Загоскин).

i) С о б о р 1648—1649 гг. Он вырос из московского бунта 2 июня 1648 г.; правительство было вынуждено созвать и прислушаться к требованиям народным. Собор выработал знаменитое «Уложение царя Алексея Михайловича» и отчетливо проявил свою законодательную инициативу. Так, например, почти половину главы 19-й Уложения «О посадских людях» составляет буквально повторение соответственных челобитен, поданных на соборе; равно и учреждение Монастырского приказа обязано тем же челобитьям выборных людей. Подробности см. выше.

к) С о б о р 1650 г. — меры к усмирению Пскова.

Х) Собор 1651 г. — выяснение отношений к Польше, в связи с Малороссийским вопросом.

ц) Собор 1653 г. — решение вопроса, присоединять или нет Малороссию к царству Московскому.

5) Комиссии 1660—1682 гг.

а) Комиссия 1660 г. — выяснила причины дороговизны в Москве съестных припасов.

Р) Комиссия 1672 г. — высказалась о договоре, заключенном с армянскими купцами.

у) Комиссия 1676 г. — о торговле с Персией.

С) Комиссия 1681 г. — из выборных от служилых людей для пересмотра военного устава (на этом собрании-соборе постановлено было уничтожить местничество).

е) Комиссия 1682 г. — об уравнивании служб и податей (комиссия эта позже приняла участие, совместно с населением города Москвы, в выборе на царство Петра Великого, придав этому избранию выражение воли «всей Земли»).

6) Выводы

1. Время созыва земских соборов: 1550—1653—1682 гг.

2. В состав соборов всегда входили три группы: Боярская дума, Освященный собор и земские люди.

3. В XVI ст. земские люди (служилые и посадские) не выбирались, а назначались; состав их определялся не населением, а правительством, притом из представителей одной столицы и Московского уезда.

4. На соборах XVII ст. земский элемент, наоборот, был не назначенный, а выборный. Выбирались: дворяне и дети боярские (служилые), стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы (тоже служилые люди, но столичные), посадские и (значительно реже) уездные люди (крестьяне). На избирательный собор 1613 г. посланы были, в числе прочих: «игумены, протопопы, посадские, уездные, из дворцовых сел и из черных волостей».

5. Смутная пора и первые 9 лет царствования Михаила Федоровича — расцвет деятельности земских соборов.

6. Деятельность соборов:

а) они избирали государя (1598, 1610, 1613), патриарха (1619);

б) подтверждали право наследника на занятие престола (1584, 1645);

в) постановляли решения совместно с правительством (1611, 1612, 1649, 1653);

г) подавали свое мнение (все остальные).

\ 7. Значит: земские соборы в одних случаях были органами совещательными, в других — они законодательствовали, однако решение собора получало силу закона лишь в случае санкции (согласия) государя.

8. Совещательная и законодательная работа земских соборов и, тем более, необходимость выбирать нового государя или подтверждать права наследника на занятие престола политически воспитывали русский народ, укрепляли в нем взгляд на Русскую землю как на национальное добро и общее достояние, а на государя как хранителя и выразителя нужд и чаяний народных.

9. Земские соборы заглохли потому, что: а) правительственная власть усилилась (централизация, бюрократическое управление), вырос авторитет государя, сложилась абсолютная монархия, в соборах перестали чувствовать прежнюю необходимость — нашли возможным обходиться без них; б) деятельность соборов, будучи не всегда только совещательной, не всегда сходилась со взглядами и желаниями правительства; вместо прежней работы рука об руку, стали возникать трения — деятельность соборов стала нежелательной.

10. Соборы пережили две стадии развития: совещательную (XVI в.) и совещательно-законодательную (XVII в.). И в тот и в другой период деятельности, одинаково, соборы не являлись противоположением царской власти и конституционно не ограничивали ее; наоборот, по самой идее, царь и собор дополняли один другого, призванные действовать всегда сообща, в одном духе и направлении.

11. Конфликтов (столкновений) между царем и собором никогда не было; но в середине XVII ст. почувствовалась возможность таковых, что, наряду с другими обстоятельствами (см. выше, п. 9), сыграло известную роль в прекращении созыва соборов.

б. Боярская дума

1) Боярская дума и государь. Их взаимоотношение. Боярская дума XVII в. была высшим государственным учреждением, сотрудицей и помощницей государя, как бы соучастницей верховной власти в управлении государством, в выработке законов и в высшем надзоре за правильным выполнением этих законов. Московского государя и Боярскую думу XVII в. можно уподобить двойчатке-ореху, в котором обе половинки тесно срослись и живут нераздельно. Как царь немые-

лим был без думы, так и дума повисла бы в воздухе без царя. Нераздельность действий того и другого нашла свое внешнее выражение в обычной формуле: «государь указал, и бояре приговорили».

2) Состав Боярской думы. В состав Боярской думы входили: бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки. Они назначались туда всегда по усмотрению государя, и потому их бывало там когда больше, когда меньше, и не всегда данная именитая семья имела своего представителя в думе. Иногда на заседаниях принимал участие и Освященный собор, т. е. духовные власти.

Думные бояре были: 1) прирожденные, т. е. издавна носившие это звание, переходившее им как бы по наследству от отцов и дедов; на долю государя оставалось только санкционировать факт, в котором не было места ни их участию, ни воле; и 2) введенные — люди не особенно родовитые, позднейшего, в боярстве, происхождения, пожалованные в это звание государем, как жалуют в чин и лишь в силу этого чина получившие доступ («введены») на заседания думы.

Думные дворяне и думные дьяки (из дворян и дьяков) возникли не раньше конца царствования Ивана Грозного. Незнатного происхождения, они служили известного рода противовесом аристократическим поползновениям бояр и некоторой точкой опоры как самому царю Ивану, так и его преемникам в устранении в пределах думы — того, что являлось помехой росту их самодержавия.

3) Сфера деятельности Боярской думы. Три главные области государственной жизни подлежали ведению Боярской думы: правительственная, судебная и законодательная.

а) Управление. Собственно управление государством лежало на приказах; думе принадлежал общий верховный надзор. Она ведала внешнюю политику, военное дело; к ней восходили дела из приказов и от воевод; она контролировала их действия, разъясняла смысл законов, обсуждала созыв и роспуск земских соборов, ведала город Москву в отсутствие государя.

(3) Суд. Ведению думы подлежали: 1) преступления политические: дело Романовых, 1601—1602 гг.; «измена» боярина Шеина, капитулировавшего со своей армией перед Смоленском, 1634 г.; дело Шакловитого и его единомышленников, 1689 г.; 2) преступления по должности; 3) дела местнические; 4) дела, решать которые собственной властью приказы не имели права или остерегались; 5) челобитья на неправильные решения приказов.

у) Законодательная деятельность. Боярская дума законодательствовала не в силу формального права, а в силу обычного права: так-де повелось «по старине», притом законодательствовала совместно, нераздельно с царем. Никакие юридические обязательства по отношению думы не связывали московского государя, однако, по понятиям века, он поступил бы не «по старине» и, следовательно, в противоречие со своим нравственным долгом, если бы устранил думу от соучастия. На этом сознании строилась та совместная деятельность, которая формулирована в вышеприведенном выражении: «государь указал, и бояре приговорили».

В одних случаях царь совещался с думой, в других (особенно, когда не присутствовал на заседаниях) представлял ей самой постановлять решение. Однако такое самостоятельное решение, чтобы получить силу закона и стать руководством на будущее время, все же нуждалось, хотя бы в молчаливой, санкции государя, и лишь одна эта санкция придавала данному решению равноценность царского указа.

Бывало и так, что царский указ появлялся без боярского приговора, но или по вопросам второстепенного значения, не требовавшим коллегиального решения, или вследствие спешности дела. Таков, например, был указ царя Шуйского 1609 г. о холопстве; но и то с заявлением: «и о том рекся государь говорить с бояры» (Владимирский-Буданов).

Законодательной инициативы дума не имела; таковая принадлежала одному царю, а он проявлял ее: 1) или по личному усмотрению; 2) или подвинутый на то подававшимися ему челобитными; 3) или же, наконец, по указаниям приказной практики (доклады, которые подавались из приказов государю и в думу).

5) Комиссии. Расправная палата. По отдельным вопросам дума выделяла из своей среды комиссии, чаще всего для обсуждения ответов, какие надлежало дать иностранным послам на предстоящих с ними заседаниях; комиссия 1681 года была собрана для обсуждения военной реформы и пришла к заключению о необходимости уничтожения местничества. В царствование Федора Алексеевича образовалось постоянное отделение думы по делам судебным под именем Расправной палаты.

См. Приложения. Спорные и невыясненные вопросы русской истории: «Была ли Боярская дума носителем верховной власти в XVII веке?»

Что вызвало ее к жизни? Частые отлучки государя из столицы (поездки на богомолье). Царя, по обычаю, сопровождали почти все бояре и думные люди; Боярская дума пустовала; дела приостанавливались, что особенно чувствительно отзывалось на делах судебных. Для избежания проволочек по судопроизводству и была создана Расправная палата, уже постоянно заседавшая в столице и не покидавшая ее. Особо важные дела она отправляла «в поход», к царю, на его усмотрение, а остальные вершала сама. Просуществовала Расправная (иначе: Золотая, Разрядная) палата сравнительно недолго: в 1694 г., кажется, ее уже не существовало. Подходило время петровских преобразований, и старые учреждения или шли насмарку, или должны были прилаживаться к новым требованиям и новым условиям.

3. УПРАВЛЕНИЕ

А. Центральное управление (приказы)

1) Приказы, их отличие от министерств. Приказы как центральные административные учреждения появляются еще во второй половине XV ст., но полного развития достигают лишь в XVII в. Они напоминают наши современные министерства, но во многом и отличаются от них. Министерства обыкновенно ведают дела однородные по своему содержанию, и притом на пространстве всего государства (военное министерство, народного просвещения, путей сообщения и т. д.); отдельные отрасли этого дела распределяются в данном министерстве по его департаментам, отделениям (департамент водяных сообщений, шоссейных дорог, железнодорожный; отделения, ведающие школы низшие, средние, высшие, технические и проч.), которые все работают и находятся под главным руководством и ответственностью лица, стоящего во главе министерства. К тому же в наше время дела административные, судебные и финансовые строго разграничены одно от другого и не ведаются совместно в одном и том же учреждении одним и тем же лицом.

Не то приказы. Они выростали постепенно, по мере того как чувствовалась в них надобность; государь приказывал доверенному лицу заведовать тем или иным делом, и вот воз-

¹ Впрочем, некоторые историки-юристы возникновение ее относят к более раннему времени Уложения.

никал приказ. При учреждении приказов не задавались никакой системой, а потому одни из них сложились в целые министерства, другие напоминают простой департамент или даже еще более скромное административное подразделение. Поэтому и число приказов (свыше 40) значительно больше, чем обыкновенно бывает министерств. Существовали приказы большие, важные по своему значению; район их действия простирался на все государство; были и совсем мелкие, с очень тесным кругом действия, — зачастую таковые подчинялись какому-нибудь другому приказу, более значительному; наконец, были и такие приказы, что совмещали в себе управление несколькими делами, мало или совсем не сходными одно с другим. Кроме того, управление почти никогда не отделялось от суда, и по многим делам виновный судился в том же самом ведомстве, где служил. Все это не позволяет с надлежащей точностью распределить приказы по группам: признаки одной группы обыкновенно найдутся и в другой.

Много новых приказов возникло в царствование Михаила Федоровича — это была пора усиленных забот о восстановлении разрушенного государственного здания, — но их вообще было немало еще и до его воцарения. К 1613 г. уже существовали приказы: «Посольский, Разрядный, Поместный, Большого Дворца, Казенный двор, Стрелецкий, Пушкарский, Иноземский, Ямской, Конюшенный, два Земских приказа, Разбойный; судные приказы: Володимирский, Дмитровский и Рязанский; Казанский Дворец; четверти: Новгородская, Володимирская, Ярославская, Галицкая и Устюжанская; приказы: Холопий, Челобитный, Ловчий и Сокольничий» (Градовский).¹

Последним по времени возникновения был приказ Великороссийский: он ведал полки Слободской Украины (1688) и возник в тесной связи с Крымскими походами кн. Голицына в правление царевны Софьи.

2) Разряды приказов. Можно выделить следующие восемь разрядов: 1. Областные. 2. Финансовые. 3. Военные. 4. Дворцовые. 5. Личные (они находились в непосредственном ведении царя). 6. Судебные. 7. Приказы полицейского характера. 8. Приказ Посольский.

Количество приказов в каждой группе не поддается точному Учету, тем более что некоторые приказы были недолговечны, [^]закрывались вскоре после их возникновения или же сливались

¹ Впрочем, вопрос о времени возникновения того или иного приказа Довольно спорный в науке.

с другими приказами. «Насчитываем до 15 приказов по военному управлению, не менее 10 по государственному хозяйству и до 13 по дворцовому ведомству» (Ключевский). «Во время войны учреждался особый приказ денежного и хлебного сбора; упоминается специальный приказ немецких кормов» (Сергеевич).

3) Приказы областные (1—10)

Они заведовали отдельными областями, сосредоточивая в себе управление, суд и финансы (сбор податей), а приказы пограничных областей ведали кроме того еще и военное дело. Некоторые из приказов носили старинное название чети (четвертей). Таковы были:

а) Чети: Владимирская,¹ Устюжская,² Галицкая,³ Костромская,⁴ Новгородская,⁵ Нижегородская.⁶

б) Приказы: Смоленского княжества, Казанского дворца,⁷ Сибирский и (со времени присоединения Малороссии) Малороссийский.

4) Приказы финансовые (11—12).

Они управляли финансами государства и ведали еще суд над теми лицами, с которых собирали доходы.

11. Приказ Большой казны — ведал торговых людей и денежный сбор (своего рода министерство финансов).

12. Большой Приход — собирал доходы, торговые и таможенные пошлины (государственное казначейство).

5) Приказы военные (13—20).

13. Разрядный приказ, или просто Разряд — ведал служебные назначения, награды, наказания, местнические счета, строение крепостей (военное министерство). Однако одна из важ-

¹ Сюда входили города и их округа (уезды): Владимир, Тула, Калуга, Тверь, Торжок, Волоколамск, Ржев и др.

Устюг, Тотьма, Сольвычегодск, Можайск, Вага, Звенигород, Дмитров, Венев, Бицифь, Клин, Вязьма, Пошехонье, Вел. Луки и др.

³ Галич, Чухлома, Унжа, Ростов, Суздаль, Шуя, Юрьев-Польский, Коломна, Белоозеро и др.

⁴ Кострома, Ярославль, Муром и др.

⁵ Земли Великого Новгорода, Двинская Земля, Вятская Земля, Пермский Край — все земли бывшей Новгородской общины; кроме того: Псковская Земля и (позже выделенное в особую четь) область бывшего Нижегородского княжества.

См. Приложения. Спорные и невыясненные вопросы: «Как возникли чети?»⁷

Область Казанского и Астраханского царств, Понизовые города (Поволжье), Заволжье (Башкирия с городом Уфой) и Сибирь до 1639 г., когда она была выделена в особый приказ.

нейших отраслей военного дела, наделение поместьями, была выделена в особый приказ: Поместный.

14. Поместный приказ — ведал поместья, раздачу их служилым людям; также вотчины и судебные дела, возникавшие в случае уклонения или неправильного выполнения своих обязанностей служилыми людьми.

15. Стрелецкий — ведал полки стрелецкие.

16. Рейтарский — конные полки иноземного строя.

17. Иноземский — иноземцев, находящихся в русской службе.

18. Пушкарский — артиллерию.

19. Оружейный — склады оружия, военную амуницию.

20. Бронный — изготовление брони, шлемов и т. п.

6) Приказы Дворцовые (21—31).

21. Приказ Большого Дворца — ведал приходы и расходы по содержанию царского дворца. Ему были подчинены 4 мелких приказа хозяйственного характера:

22. Житенный двор — заготовление хлебных запасов.

23. Хлебенный двор — выпечка хлеба.

24. Кормовой двор — приготовление кушаний.

25. Сытенный приказ — изготовление напитков.

«В Московском государстве частное хозяйство государя имело гораздо более общественное значение, чем оно имеет теперь. Всякого рода кушанья и напитки приготавливались тогда не для потребностей государя и его семьи, но и для служилых людей. Многие люди получали кушанье со стола государя, и это считалось большой честью, которой очень дорожили. Это называлось подачей. Такая „подача“ посылалась и иностранным послам, и служилым большим людям, из которых одни получали стол от государя постоянно, другие раз в месяц, а большинство изредка, в большие праздники. Велись особые книги, в которых записывалось, что кому идет. Служилые люди обращали большое внимание на то, чтобы назначенное в „подачу“ непременно было им доставлено. Недоставление подавало повод к жалобам, суду и следствию. Ежедневно из государева дворца шло в подачу сто ведер вина и до 500 ведер пива и меду, в праздники эта цифра увеличивалась раз в пять. Тот же приказ (Большого Дворца) должен был иметь наготове деньги для раздачи бедным. Московские государи любили путешествовать по монастырям и посещать тюрьмы; за ними носили мешки с Медными деньгами, они сами раздавали милостыню» (Сергеевич).

26. Казенный двор — ведал царскую казну: деньги, меха, закупку материй, изготовление золотой и всякой посуды, как для царского обихода, так и для подарков.

27. Царская Мастерская Палата — ведала заготовку платья.

28. Конюшенный приказ — заведовал конюшнями, вообще выездом царским.

29. Постельничий — ведал царскую опочивальню.

30. Сокольничий — царскую соколиную охоту.

31. Панихидный — панихиды по усопшим членам царского дома.

7) Приказы Личные (32—33)

В них производились дела, подлежавшие непосредственному усмотрению и решению царя:

32. Приказ тайных дел, учреждение исключительно времени царя Алексея Михайловича (1658—1676); своего рода око государево. «Назначением его было — наблюдать за всем управлением в государстве». В противоположность другим приказам, в его состав входили одни только дьяки и подьячие, но ни одного боярина, ни одного окольного, «может быть, именно потому, что приказ этот наблюдал за их деятельностью. Дела, подлежавшие его ведомству, были весьма разнообразны: так, он заведовал царской птичьей охотой, наблюдал за деятельностью царских послов, вел следствия по разным важным государственным делам, являлся вообще личной канцелярией государя по тем делам, которые восходили к нему непосредственно и по которым им самим постановлялись решения» (Филиппов).

33. Челобитный — «играл очень важную роль в Московском управлении. Как известно, на Москве челобитья свободно подавались царю как от отдельных лиц, так и от целых общин. Благодаря простоте отношений, выработался весьма доступный для населения способ непосредственного обращения к царю, почему ток челобитий непрерывно шел в Москву из всех частей государства. Обычно челобитчики, прибыв в Москву, старались, при т. н. „выходах" государей, вручить им свою челобитную лично. По свидетельству Котошихина, царя сопровождал при выходах боярин и дьяк Челобитного приказа, которым и передавались челобитья для рассмотрения. Челобитья затем докладывались из приказа государю или, по его повелению, Боярской думе, где „тех челобитен царь слушает сам и бояре", как говорит Котошихин; иногда же челобитья направлялись приказом для решения в те учреждения, до которых они относились по своему содержанию» (Филиппов).

8) Приказы Судебные (34—39)

34—37. Московский, Владимирский, Дмитровский, Рязанский судные — ведали преимущественно дела гражданские. К 1685 г. все они слились в один Московский Судный приказ.

38. Разбойный — ведал уголовные, главным образом разбой и кражу.

39. Холопий — дела о холопах. «Приказ холопьяго суда ведал дела о холопах, т. е. споры о правах на холопов, а вместе с тем в нем совершались и акты укрепления прав на холопов. Здесь же ведались и дела о беглых крестьянах. Он существует уже во второй половине XVI в., а во второй половине XVII в. сливается с судными» (Сергеевич).

9) Приказы полицейского характера (Государственного Благоустройства и Благочиния) (40—44)

40. Ямской — своего рода министерство почт: ведал почтовую гоньбу; обслуживал исключительно правительственные нужды, не общественные: рассылку казенных бумаг; провоз лиц, посылаемых по казенной надобности.

41. Каменный — ведал «каменное дело»: постройку церквей, дворцов, домов из камня.

42. Аптекарский — ведал аптекарское и аптечное дело.

43. Приказ строения богаделен — сфера ведения определялась самим названием приказа.

44. Земский приказ — управлял городом Москвой (сочетание современных функций полиции и городского самоуправления).

10) Приказы, соответствующие нынешним министерствам иностранных дел (45—46)

45. Посольский приказ — ведал сношения с иноземными государствами. Ему подчинены были приказ Малороссийский и чети Новгородская, Владимирская и Галицкая. В сущности весь этот отдел «приказов» состоял из одного приказа — Посольского. Но ему подчинен был еще один приказ, который можно рассматривать как отдельный.

46. Полоняничный — он заведовал выкупом пленных.

11) Как управлялись приказы: коллегиально или единолично?

Заводя коллегии и доказывая преимущества коллегиальной системы управления перед единоличной, Петр Великий подчеркивал между прочим то, что в коллегиях «президенты или Председатели не такую мочь имеют, как старые судьи делали, то хотели, в коллегиях же президент не может без произволения товарищей своих ничего учинить» (указ 22 декабря

1718 г.). Эта фраза толкуется различно: одни находят в ней косвенное доказательство того, что в приказах решения постановлялись единолично, что оно зависело от усмотрения старшего боярина — того, кому «приказывался» приказ; и что его товарищи по управлению пользовались лишь совещательным голосом; другие отрицают правильность такого толкования, полагая, что слова Петра следует понимать лишь как указание на злоупотребления и отступление от законного порядка.

Б. Областное управление

Уезд

Территория Московского государства сложилась путем постепенного нарастания; одна за другой входили в нее княжеские «земли», «волости», «царства», «уделы». Каждая такая область (в целом своем виде или предварительно разбитая на части) образовывала административную единицу. Единица эта в XVII в., на административном языке, обыкновенно носила название уезда, что значило: город с принадлежащими к его управлению землями. Таких уездов (нынче мы сказали бы: губерний) при Алексее Михайловиче насчитывалось свыше полутораста. «Все города тянули непосредственно к Москве, сносились непосредственно с центральным правительством. Исключения составляли немногие города, приписанные к главным центрам областного управления. Но, при неопределенности иерархических отношений между воеводами главных и приписных городов, город с пригородами не составлял настоящей области, ибо в большинстве случаев пригороды также сносились непосредственно с московским правительством. Вследствие этого число самостоятельных центров областного управления было весьма велико» (Градовский). Управление разнородными частями обширного государства являлось задачей не всегда посильной для центрального правительства, по крайней мере на протяжении XVI и XVII вв. оно то и дело переходит от одной системы управления к другой, и только ко времени Петра Великого окончательно устанавливается тот

¹ «Несмотря на то, что уезд был невелик и что воевода был в нем главным должностным лицом, уезд был до такой степени разделен между приказами, что достигнуть исполнения какой-нибудь меры было чрезвычайно затруднительно. Каждый приказ имел своего представителя в уезде и старался о том, чтоб этот орган был подчинен прямо ему. Отсюда пререкания между разными ведомствами» (Градовский).

порядок бюрократической централизации, что продержался, можно сказать, без изменений, вплоть до середины XIX ст.

Последовательные этапы областного управления

1. Наместники и волостели — институт наиболее древний. Наместники заменяли князей в их прежних уделах; волостели, рангом ниже — управляли какой-нибудь частью бывшего княжества или «земли».

2. С 1530-х гг., наряду с наместниками, но далеко не повсеместно, появляются губные старосты — должность выборная.

3. В 1555 г. должность наместников отменена повсеместно, их заменили земские старосты (излюбленные головы), земские дьяки и лучшие люди (целовальники) — все выборные лица.

4. С 1555 по 1606 г. в местном управлении царит начало самоуправления.

5. С 1606 г. возникает и в течение XVII ст. окончательно устанавливается система воеводского управления; причем, однако, губные и земские учреждения и теперь продолжают действовать, как и раньше.

6. Годы 1661—1679: воеводы упразднены, все управление воеводское передано в руки губных старост.

7. Годы 1679—1684; явление обратное: отменены должности губных старост; все управление в руках одних воевод.

8. Годы 1684—1702: губное управление снова восстановлено и действует, как и раньше в 1606—1661 гг., совместно с воеводским.

9. В 1702 г. губное управление снова отменено, и на этот раз уже окончательно.

Наместники

Должность наместника — отражение той поры, когда идея государства еще не успела возобладать в сознании общества. Наместника посылали в область сколько управлять ею, столько ясе, если еще не более, дать ему возможность покориться, в Награду за прежние заслуги или просто в силу милости и Щедлости государевой. Кормление являлось узаконенным И определенным доходом; кормить своего наместника входило в прямую обязанность населения. Наместник — власть административная и судебная, но он ведал одно лишь тяглое насе-

ление своего уезда; служилые же люди, церковные учреждения, т. н. слободы и дворцовые вотчины ведению его не подлежали.

Губные старосты

Институт наместников оказался не на высоте положения. Усиление преступлений, особенно разбоев, жалобы населения и бессилие правительственных органов поддержать порядок в стране вызвали к жизни новую должность — губных старост: выборные местным населением, губные старосты ведали дела разбойные — (поймка, суд и казнь разбойников) — это были дела наиболее злободневные, наиболее в ту пору затрагивавшие интересы населения. Земская сила — она непосредственно была заинтересована в устранении зла и, непосредственно страдающая от него, легче и вернее, казалось, могла изыскать средства для борьбы с ними.

Земское самоуправление

Круг введения губных старост был слишком ограничен, чтобы уравновесить отрицательные стороны системы наместничества, и вскоре был сделан новый, более решительный шаг на пути самоуправления: должность наместника была совсем уничтожена, и все управление областью было всецело передано в руки выборных лиц. Таковыми были: 1) земские старосты и при них целовальники: они ведали раскладку и сбор податей; кабацкие и таможенные сборы; наблюдали за исправностью исполнения населением своих повинностей; 2) земские судьи — они ведали гражданские иски; 3) губные старосты — ведали с этой поры не одни разбои, но всякого рода уголовные дела (душегубство, воровство, поджоги и пр.).

Предоставляя местному населению право управляться собственными силами и средствами, правительство тем самым налагало на него и обязанность использовать это право, другими словами: выборные отвечали за податные недоимки, за несвоевременность их сбора, за упущение в поимке и суде над преступниками; вообще за неприятие надлежащих мер для поддержания общественного порядка. Таким образом, первоначаль-

«Реформа эта приведена была в исполнение повсеместно, кроме некоторых пограничных городов, где наместничье управление непосредственно перешло в воеводское» (Владимирский-Буданов).

чальное право превратилось в тягло, далеко не всегда легкое и удобоносимое.

Воеводы.

Смутная эпоха обнаружила в областной жизни две настоятельные потребности: 1) необходимость иметь в каждом городе военную власть и 2) «такой орган управления, который бы связывал провинцию с центром и простирали свою власть на все классы провинциального общества, а не на одних тяглых людей» (Владимирский-Буданов). Эти две потребности оставались настоятельными и по воцарении династии Романовых. Они породили институт воевод и определили его отличия от наместничества.

Воевода есть прежде всего представитель царя, верховной власти; он посылается для того, чтобы править областью, поддерживать в ней порядок, блюсти ее интересы, а с ними и интересы самого государства. При воеводах обыкновенно состояли дьяки, ведавшие финансовые дела. Воевода получал жалованье от правительства; закон запрещал ему «кормиться». Правда, кормление настолько вошло в нравы, что фактически оно продолжало существовать и при воеводах; мало того, сама верховная власть, выбирая тот или другой город, принимала во внимание большую или меньшую его доходность; однако кормление, как таковое, стоит теперь уже на втором плане и не является неотъемлемой, составной частью воеводства, как раньше при наместниках.

Централизация

Каждым уездом управлял особый воевода. Уезды, по размерам, были не одинаковы; и очень крупные, и очень мелкие. Воеводы мелких уездов зависели от главных, главные воеводы подчинялись непосредственно центральным органам. Не вмешиваясь в дела губных и земских старост, воеводы, однако, контролировали их действия, что фактически вело к прямому вмешательству. Вообще воеводское управление областями господствует над самоуправлением, и временное уничтожение должности воевод (1661—1673) указывает лишь на искание форм или даже того менее: титулов управления, сущность же института воевод: связь с центром и всеобъемлемость областной власти — оставалась неизменной и в эти годы. Дело в том, что губные старосты из самостоятельного органа превра-

¹ См. выше, т. II, гл. VII.

тились во второй половине XVII ст. в товарищй воевод. «Но так как через это власть губных старост распространилась на все ветви управления, то правительство признавао по временам излишним иметь в уездах две однородные власц и колебалось в выборе одной из них» (Владимирский-Буданов] Этим и объясняются вышеозначенные колебания, имевшие место в 1661, 1679 и 1684 гг.

Таким образом в XVII в. правительство централизовало (стянуло в свои руки) управление всем государевом; воеводам подчинены стали все дела: полицейские (управлние), военные, финансовые, судебные, причем их управление ^контроль простирались на все классы общества (служилые, псадские, крестьянство, не исключая и духовенства).

Этот новый порядок управления, пришедшшна смену земскому, автономному, созданному в царствование 'розного, непосредственно связал центральное правительстве с областями; воевода являлся своего рода телеграфной проводкой, по которой из центра передавались приказания для сполнения на периферии, а из периферии, по этой же проволке, стекались к центру все донесения, позволявшие ему быт, постоянно в курсе дела и посылать соответственные распоряжения. Дела стали переходить в руки бюрократии, центральной (в столице) и областной; прежнее участие Земли перестало ыть необходимым. Вот почему расцвет воеводского управлеия (в царствование Алексея Михайловича) совпал с упадком з^ских соборов.

4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ С?АНЫ И ФИНАНСОВЫЕ МЕРЫ ПРИ ПЕРВЫХ РОДАНОВЫХ

а) *Бедность экономическая*

Экономическое благосостояние страны — существеннейшая основа благосостояния государственного. Населеие, обеспечен-

«На воевод возлагалась церковная полиция и полция нравов. Они должны были заботиться о том, чтобы духовенство ислняло свои обязанности, чтобы архимандриты, игумены и священник поучали народ, не ссорились между собой и не пили; чтобы прихожане осещали церкви и говели своевременно. В связи с этим на воевод возлагажь преследование раскола и всяких старинных языческих обычаев: купатьсь в гром, смотреть на луну в день новолуния, лить олово и воск и проч. Бродные игрища были также под цензурой. Они должны были запрещать, забавы: игру в мяч, шахматы и карты, пение по ночам и битье в л^они, надевание масок и качание на качелях» (Сергеевич).

ное материально, обеспечит и государственной казне правильный и постоянный приток средств, необходимых ей для удовлетворения государственных нужд.

В этом отношении положение дел в Московском государстве было далеко от благополучия. Экономические силы страны были ничтожны, а приток денег в государственную казну, финансы — слабый. Население исключительно земледельческое, со слабо развитыми промыслами, не могло в надлежащей мере удовлетворить предъявляемых к нему требований, между тем нужда государственная не ждала и усиленно стучалась в дверь плательщика. Создалось трагическое положение, одни — бессильны дать то, что от них требовалось, другие — бессильны ограничить свои требования.

б) *Промышленность*

Земля оставалась если не единственным, то главным источником существования, промысел лесной, скотоводство служили лишь подспорьем в общем хозяйстве страны, горное дело находилось в самом зачатке. Начало фабричной промышленности положили иноземцы: голландцы завели в царствование Михаила Федоровича первые железные заводы (Виниус и Марселис в Туле, на Ваге, в Костроме и Шексне: литье пушек и ядер, прутное железо, проволока). Медные рудники у Онежского озера и на Мезени возникли лишь в самом конце XVII ст. благодаря тем же голландцам. Появились и фабрики: полотняные, шелковые, суконные, поташные, стеклянный завод, но все это почти исключительно для обслуживания нужд одного царского двора; в Астраханском крае положено начало виноделию. При всем том потребности страны значительно превышали то, что было достигнуто ей.

в) *Положение торгового класса*

Торговлей и ремеслами занимались в XVII в. еще мало и неохотно. Торговец и промышленник подвергались произволу воевод, вообще всяких сильных людей; правосудие им было трудно найти, принадлежа к наиболее зажиточному классу, они тяжелее других облагались налогами, обязательными взносами; дурные дороги затрудняли сообщение; вдобавок проезд по ним был далеко не безопасен: разбойники ходили открыто толпами по дорогам и грабили проезжавших, так что правительству приходилось высылать против них вооруженные отряды.

г) *Внешняя торговля*

Более крупных размеров достигла заграничная торговля. Неудавшаяся попытка англичан отыскать «северный путь» (Ледовитым океаном) в Китай, закончившаяся для них неожиданным «открытием Московии», толкнула их на новый, более прямой путь — в Персию через Россию. И хотя путь этот московское правительство, желая само использовать его, им не открыло, зато вожделенной целью стала сама Россия. За англичанами потянулись голландцы, постоянные соперники их в торговле, французы, датчане, немцы. Россия, с ее неиспользованными, почти нетронутыми естественными богатствами, представляла для предприимчивого иноземца неистощимый клад.

В ходе торговых сношений с Западом царствование Михаила Федоровича существенно отличается от царствования его сына. В первой половине XVII ст. роль русского торговца, как и в XVI в., совершенно пассивная, право беспошлинной торговли, выговоренное себе англичанами, хотя и дало на первых порах благоприятные результаты — в стране появилось много серебряной монеты, — зато вся польза от торговли шла в чужой карман, англичане сделали на вывозном рынке господами положения, могли скупать товар по дешевой цене, а свой продавать по дорогой. Не довольствуясь оптовой (только и дозволенной им) торговлей, иностранцы старались торговать и в розницу, покупали по мелочам, иной раз прямо на рынке, с возу у мужика; кроме своих (своей страны), торговали также товарами иноземного производства (что было также запрещено); приезжали в большем, чем выговорено было, количестве, — вообще создавали вредную конкуренцию как мелким, так и крупным торговцам.

В 1649 г., по неоднократным жалобам русского торгового люда, англичан лишили всех привилегий: наравне с другими обязали платить ввозную пошлину и тем существенно облегчили положение отечественной промышленности и торговли. Изданный в 1667 г. Новоторговый устав снова запретил иностранцам продажу и покупку в розницу, подтвердил запрет беспошлинной торговли и повысил пошлину на предметы роскоши. Не допуская иностранцев на азиатские рынки, правительство старалось проникнуть туда со своими собственными товарами, делало попытки вступить в сношения с Индией, облегчило бухарским и хивинским купцам проезд и пребывание в Астрахани, которая к концу века выросла в крупный торговый пункт по обмену товаров с Востока.

д) *Торговые города*

Главными торговыми пунктами по внешней торговле были: Архангельск, Нерчинск (для Китая), Астрахань, отчасти Смоленск и с конца XVII в. Новгород, успевший к тому времени несколько оправиться от потрясений Смутной поры. Главные центры внутренней торговли были: Москва, Ярославль и Вологда; последняя служила посредницей между Москвой и Архангельском для иностранных товаров.

е) *Главные предметы вывоза*

Продукты: 1) земледелия: хлеб; 2) скотоводства: кожи, свиная щетина, сало, мясо, масло коровье, мыло; 3) рыболовства: сушеная рыба, икра, рыбий клей, ворвань; 4) лесного хозяйства: смола, деготь, воск; 5) звериного промысла: меха, моржовая кость («рыбий зуб»); 6) домашнего хозяйства: гусиный пух; 7) обработки: сошное железо, сапожные гвозди, оконная слюда, поташ, пенька, холст и (в редких случаях) сукно грубой выделки.

ж) *Главные предметы ввоза*

1) Ткани: шерстяные (сукна в первую голову), шелковые и хлопчатобумажные, бархат, атлас, полотна, холст; 2) предметы одеяния: сафьян, нитки, хлопчатая бумага, ленты, пуговицы, гарус; 3) продукты теплых стран: пряности и благовония: анис, мускат, кардамон, камфара, ладан; 4) фрукты: лимон, чернослив, грецкие орехи, сухие фрукты; 5) пищевые продукты: сахар, соль и вино; 6) предметы роскоши: драгоценные камни (яхонты, бирюза, вениса, жемчуг); серебряные и золотые изделия, шелковые чулки, кружева, туалетные белила, зеркала; 7) военные принадлежности: оружие, огнестрельное и холодное, ядра, порох; 8) также: домашняя утварь, кареты, писчая бумага, соли и краски (купорос, квасцы, мышьяк).

Позже Нижний Новгород, правильное: лежащий несколько ниже его По Волге Макарьевский Желтоводский монастырь, куда ежегодно стали съезжаться азиатские купцы на ярмарку, пока ее не перевели в начале XIX в. в Нижний Новгород.

з) Уклонение от тягла

Как высоко ни облагались в Московском государстве промысел и торговая лавка, все же главным источником доходов государственной казны служил крестьянин-землероб; между тем как раз крестьянство-то и переживало в ту пору тяжелый, затяжной, болезненный кризис. Разбежавшееся в Смутные годы, оно еще не везде и не сразу после разрухи вернулось на свои места, множество дворов опустело; пахотные участки лежали заброшенными, их хозяева — кто перебит, кто томился в плену или пропадал без вести. В свою очередь крестьяне, вернувшиеся из бегов на свои земли, сумели эгоистически использовать это отсутствие хозяев в ущерб государству: собственные участки, записанные в сошное письмо, следовательно, подлежащие правительственному контролю, они стали обрабатывать далеко не полностью, лишь ничтожную часть их, а потому и тягла платили значительно меньше, — только за эту распахиваемую часть, зато все силы клали на обработку соседних бесхозяйственных участков, податями не обложенных. Ухитрялись они также распахивать земли при усадьбах и огородах, в тягло тоже не внесенные; наконец, забрасывали собственные земли и нанимались к монастырям и крупным богатым землевладельцам.

и) Закладничество

Тяглые люди нашли еще один способ уклоняться от тягла — закладничество. Многие из служилых людей, особенно бояре и еще чаще монастыри, т. н. беломестцы, т. е. обеленные, свободные от тягла, пользовались привилегией не платить податей. Этим пользовались тяглые люди, продавая или отдавая в залог беломестцам свой двор, тяглец выходил из общины, сбрасывая с себя ту долю повинностей, которая лежала на нем как на члене крестьянской общины, и тем самым вынуждал платить за себя тех, кто в общине оставался. Понятно, как страдала от этого община: чем меньше оставалось в ней тяглецов, тем больший оклад приходился на каждого оставшегося. При тяжелых налогах вообще закладничество неизбежно усиливало бегство из общины, разоряло ее; недоимки, и без того всегда большие, увеличивались еще больше, — в конечном результате страдало и само государство.

Ввозная пошлина на иностранный товар была 31 проц. с иностранных купцов, 16 — с русских (со всей стоимости товара).

к) *Задворные люди*

Помимо сказанного, доходности государственной казны нанесен был новый чувствительный удар — на этот раз, однако, не самим тяглом, членом крестьянской общины, а землевладельцем, хозяином. «Смутное время пронеслось по стране ураганом, который вывел массы крестьянства из центральных областей государства. Почувствовалась острая нужда в рабочих земледельческих руках, которая заставила землевладельцев обратиться к старинному испытанному средству, искать новых рук для сельской работы в холопстве. Они начали сажать своих дворовых людей на пашни, давать им ссуду, обзаводить их дворами, хозяйством и земельными наделами. Так среди холопства возник сельский класс, получивший название задворных людей, потому что они селились избами, „за двором“ землевладельца. Численность этого несвободного сельского класса заметно застает в продолжении XVII ст.» (Ключевский). Рост задворной пашни принял столь угрожающие размеры, что понудил правительство принять решительные меры и положить возможно скорее конец такому порядку. В 1678 г. задворных людей записали в тягло и уравнили в несении этой повинности с крестьянами.

л) *Посошная подать*

Размер подати с тяглого населения определялся т. н. сошным письмом. Сошным письмом назывались специальные сошные книги, «теоретические руководства для определения числа сох, вытей и денежных единиц, снабженные арифметическими таблицами». Нормой оклада (т. е. податной единицей) еще со времени Ивана IV считалась соха, «условная единица» всякого рода имущества, и так как в тяглое население записаны были крестьяне-земледельцы, посадские (торговцы и мастеровые), так как тяглу подлежали и промысла, то и «соха» означала: когда единицу поземельного измерения, когда подворного, а когда и промыслового. Таким образом, «в посошную подать входил поземельный, подворный и промысловый налог» (Владимирский-Буданов).

Слагаясь из известного числа четвертей (полудесятин) земли (дворов) и будучи для сборщика величиной постоянной, для самого плательщика (правильнее говоря, для земли, для Двора, для промысла) «соха» — эта единица измерения — не представляла собой величины абсолютной, но выражалась в цифре большей или меньшей, в прямой зависимости от его платежеспособности. Устанавливая размер подати в зависи-

мости от государственных нужд, правительство, в предстоящем распределении ее среди тяглого населения, руководствовалось следующими двумя основаниями: качеством земли и общественным положением тяглого человека.

1. По своему качеству, т. е. по своей продуктивности, пахотная земля обыкновенно делилась на добрую, на среднюю и на худую, причем «средней» земли клалось на «соху» больше, чем «добрый», а «худой» больше, чем «средней».

2. Черносошный крестьянин, обложенный податью в наивысшем размере, платил свою «соху» с наименьшего количества четвертей земли (с 500 ч. «хорошей»), крестьяне монастырские и дворцовые находились в несколько лучшем положении (600 ч.), в наиболее привилегированном — крестьяне помещичьи и вотчинные (800 ч.): некоторая льгота по земле искупалась ими другой тяготой: военной службой.

РАЗМЕР ЗЕМЛИ, ОПЛАЧИВАВШЕЙ ОДНУ КРЕСТЬЯНСКУЮ «СОХУ»

	хорошей	или	средней	или	худой ¹
Черносошная	500		600		700
Монастырская и дворцовая	600		700 (750)		800 (900)
Помещичья и вотчинная	800		1000		1200 ²

Соотношение между доброй, средней и худой землей обыкновенно принимается такое: $1-1/4-1/2$. Такое соотношение выдержано в землях помещичьих и вотчинных: 800—1000—1200. Выходя из указанной пропорции, некоторые и для земель монастырских указывают: 600—750—900 (Владимирский-Буданов).

Величина земельного участка, предоставленного в пользование крестьянину, определялась т. н. обжей или вытью. Крестьянин обыкновенно садился на $1/2$ обжи (выти), на $1/4$, $1/6$ ее и т. д. «Обжа и выть, как земельная мера, не была величиною постоянною, а зависела от качества земли и изменялась с течением времени; в 1566 г., например, обжа равнялась 12 четвертям, в 1581 г. — 10 четвертям, т. е. пяти десятинам доброй земли. Вытью назывался податный участок, на который садился крестьянин, но, кроме того, это была земельная мера: в конце XVI века в выти полагалось 6 десятин доброй, 7 средней, 8 худой, но были выти и меньшего размера: $5-5/2$ десятины «земли доброй» и т. д. От количества земли, на которую садился крестьянин (а он обычно садился на известную часть обжи или выти), зависел и размер тягла, на него падавшего. Так как в московский период господствовала трехпольная

«Соха» посадских людей измерялась числом дворов по тому же принципу распределения плательщиков по их платежеспособности на три категории: лучших, или добрых людей, средних и младших, или убогих. Платили и жители слобод, но значительно меньше: единица платежа («соха») распределялась между ними на значительно большее число дворов.

РАЗМЕР ДВОРОВ, ОПЛАЧИВАВШИХ ОДНУ ПОСАДСКУЮ «СОХУ»

Лучшие	— 40 дворов
Средние	— 80 дворов
Молодшие	— 160 дворов
Слободские	— 320 дворов

м) Подворная подать и живущая четверть

Возникновение класса задворных людей, в частности, разнообразные способы, к которым прибегало крестьянство, чтобы уклониться от земельного тягла, вообще, — свидетельствовали, что система пососной подати уже перестала удовлетворять своему назначению, вследствие чего правительство заменило ее податью подворной и в уплате тягла стало руководиться не количеством запаханной земли, а числом крестьянских дворов, на какой бы земле эти дворы ни стояли, чем бы живший в них земледелец ни занимался. Правительство, однако, постаралось избежать резкого скачка от одной системы обложения к другой, столь непохожей на прежнюю. Переходным звеном от пососной подати к подворной послужила ему т. н. живущая четверть — податная единица, слагавшаяся из небольшого числа дворов, обыкновенно из десяти. Значит, подвергалось обложению еще не каждое отдельное хозяйство, а пока только незначительная сумма таких хозяйств. «Живую четверть» стали вводить в 30-х и 40-х годах XVII ст., а подворная подать введена была только с 1678 г.

система хозяйства, то общим правилом было, что каждому крестьянину отводилось тройное количество земли против обозначаемого, чем и объясняется обычная формула писцовых книг о количестве земли, находящейся в владении данного лица: „три (или бит. д.) чети в поле, а в Дву потому же“, т. е. у владеющего 3, 5 и т. д. четьми (четвертями) в поле было столько же и в каждом из двух остальных полей. Поэтому Кто садился на целую обжу, то получал (если считать обжу 10 четвертей Или 5 десятин) пять десятин в поле, а всего в трех полях 15 десятин» (Филиппов, 462).

н) *Бобыли*

Приблизительно одновременно с «живой четвертью» к несению податей привлечен был и наименее имущий класс населения — бобыли. Так первоначально назывались безземельные, нетяглые крестьяне. Они обыкновенно занимались мелким ремеслом или промыслом, служили в батраках у земельных собственников, перебивались кое-как изо дня в день и если не бродили с места на место, то жили по чужим дворам, имея усадьбную оседлость на монастырских, помещичьих или вотчинных землях. Финансовые нужды государства были настолько велики, что побудили правительство и бобылей записать в тягло, возложив одну бобыльскую «соху» на 960 дворов. Таким образом, бобыли были признаны платежеспособными в 6 раз менее «молодых» членов посадской общины и в 24 раза менее «лучших».

о) *Писцовые и переписные книги*

1. Чтобы проверить платежные силы населения и выяснить размер дохода, на какой можно было рассчитывать от посощного налога, в 1620-х гг. произведена была опись недвижимого имущества у городского и сельского населения и на основании ее составлены т. н. писцовые книги. Книги эти содержали описание жилья, хозяйства, всякого рода имущественного владения, что позволяло правительству составить себе довольно отчетливое представление о хозяйственном положении страны и материальных ее средствах, и не только тяглою, но и нетяглою населения.

В городах (т. е. в укрепленных местах) описывались укрепления, казенные постройки, военные запасы, дворы; в посадах (город в современном значении слова) — дворы, лавки, пожни, угодья, — что в каждом приходе, в какой улице или слободе, по волостям — описывались черные (государственные) земли, монастырские и церковные, вотчинные, помещичьи; села, деревни, починки, пустоши; в каждом поселении — дворы владельческие, крестьянские; указывался размер земли вспаханной, перелога, поросшей лесом; количество собираемого сена и леса.

2. Введя подворную подать, правительство произвело подворную перепись, а результаты ее внесло в переписные книги, обратив при собирании сведений главное внимание уже не на земли, угодья и промыслы, как при переписи посощной, а на личный состав двора и семейное или возрастное

положение лиц, там живущих. Переписные книги составлялись дважды: в 1646 г., после перехода с системы посошного обложения на живую четверть, и в 1676 г., когда была окончательно установлена подать подворная.

Отличие писцовых книг от переписных. Разные цели, поставленные писцовым и переписным книгам, обусловили и разницу в их содержании. «В писцовых книгах перечисляется тяглое и нетяглое население; в переписных — одно тяглое. В писцовых книгах дворы не только перечислены, но и измерены; в переписных — они только сосчитаны. В писцовых книгах означено количество огородов, промышленных заведений, сенокосов и поженъ, принадлежащих описываемому поселению, деревне, селу или посаду; в переписных таких сведений не встречается. Наконец, в писцовых книгах гораздо больше мелких подробностей, освещающих ту или другую сторону городской и сельской жизни, чем в переписных книгах» (Лаппо-Данилевский).

п) Другие виды прямых налогов

1. Стрелецкая подать. Введенная еще со времен Ивана Грозного при заведении постоянного стрелецкого войска и предназначенная на содержание последнего, стрелецкая подать первоначально взималась натурой, хлебом, что сопряжено было с другой повинностью, тяжелой для населения — подводной (хлеб надлежало свозить с крестьянских пашен в центральные склады), а в неурожайные годы грозило чуть ли не голодом населению. Позже, переведенная на деньги, подать эта составила 80% всех податей. Насколько она была тяжела, можно судить по тому, что недоимки числились, главным образом, на ней.

2. Полоняничные деньги — на выкуп пленных у турок и татар.

3. Ямские — на содержание почтовой гоньбы.

р) Косвенные налоги

1. Таможенные налоги.

2. Питейная монополия. Приготовление и продажа водки, пива и меду составляли привилегию государства; частные лица и общества (крестьянская община) могли варить для себя хмельное питье только в виде исключения: по случаю больших праздников или свадьбы. Точно так же продажа хлеба за границу составляла другую привилегию казны.

4. Оброки. Принадлежащие казне торговые места, лавки, харчевни, бани, кузницы, мельницы, рыбные ловли, сенные посеы, соляные варницы, бортные урожаи (пчеловодство), звериные и бобровые гоны правительство сдавало внаем за известную плату.

с) *Временные чрезвычайные сборы*

а) Принудительные займы — особенно в первые годы по воцарении Михаила Федоровича, когда государственная казна была совершенно пуста, сборов еще никаких не поступало, нужда же в деньгах была крайняя. Занимали у Троицкого монастыря, у именитых людей Строгановых, самых богатых людей того времени. Так, в 1614 г. Строгановы дали 3 000 (тогдашних) рублей, в 1616 г. — 16 000 руб. и вторично 40 000 руб., в счет будущих с них податей и пошлин. В 1655 г., в начале войны с поляками, заняли деньги у Тихвинского монастыря.

б) Пятая деньга, т. е. 20% с доходов. Этому крайне тяжелому, тоже принудительному, и притом безвозвратному налогу подвергались, главным образом, торговые и посадские люди; не исключались, однако, и другие классы населения. От налога свободны лишь те, кто нес военную повинность. «Пятая деньга» собиралась в 1614—1616, 1633, 1634, 1662, 1663 гг. На долю Строгановых в 1615 г. пришлось 13 800 руб.

в) Десятая, пятнадцатая, двадцатая деньга — подобный же сбор в 1615, 1654, 1668, 1671, 1673, 1678, 1680 гг.

г) Рублевый сбор со двора. Им обложены были торговые люди в 1653 г.

д) Сборы, носившие характер добровольного вспоможения государству со стороны населения — «кто что может». Таковы были сборы в начале и в конце Второй Польской войны, в 1632 и 1634 гг.

е) Денежные сборы, налажавшиеся в отдельных случаях и в неодинаковых размерах на все классы населения, не на одни податные — в 1637, 1639, 1662, 1670, 1678, 1679 гг.

Высчитано, что за 27 лет (1654—1681) к экстренным сборам прибегали 22 раза, другими словами, население, сверх обычных податей, облагалось чуть не ежегодно еще сверхсметными налогами.

т) *Разнообразие податей*

Податный список русского тяглица поражает не только своими размерами, абсолютной величиной лежавшего на нем

податного налога, но и разнообразием налоговых форм — наглядное доказательство того, как бедное государство пускалось на всякого рода ухищрения, лишь бы обложить население и пополнить скудную казну свою. «Постоянно тяглые люди платили: дани и оброки; деньги на выкуп пленных; ямские деньги; деньги на корм воеводам; в подмогу подьячим, сторожам; палачам, тюремным и губным целовальникам; на строение воеводских дворов, губных изб и тюрем; в приказную избу на свечи, бумагу, чернила и дрова; прорубные деньги — за позволение зимой в прорубях воду черпать, платье мыть и скот поить» (Соловьев). Промышленность была развита слабо, львиная доля выгод по внешней торговле уходила в чужестранный карман — русские финансисты XVII в. не находили иного выхода, как обложение населения, хотя бы и с явным ущербом для его благосостояния.

5. ВОЙСКО

А. Организация военного дела

1. Поместная система. Мы видели выше,¹ что в XVI в. все устройство войск Московского государства зиждилось на т. н. поместной системе: правительство раздавало населению во временное пользование участки земли, поместья, с обязательством поставлять в случае военных действий известное количество ратных людей, применительно к размеру обрабатываемых пашен и к величине угодий, отданных в пользование: чем крупнее было поместье, чем сильнее запашка, тем большее количество вооруженных людей выводил с собой в поле помещик. Земля кормила помещика, своего временного владельца, и в этой форме служила государству, сохранявшему на нее права собственности: прекращалась почему-либо служба помещика — прекращалось для него и пользование своим поместьем: последнее переходило снова в распоряжение правительства и могло быть передано в другие руки.

2. Рост военных сил. Такой порядок, в основных чертах, держался без изменений в течение XVI ст. Между тем продолжительные войны, какие пришлось России вести со времен Ивана Грозного, необходимость быть к ним постоянно готовым, держать себя начеку, неустанно заботиться об охране южных границ — все это ложилось тяжелым бременем на стра-

ну, требуя от нее громадного напряжения сил. За 50 лет (1631 — 1681) численность армии выросла в 5 раз: с 33 тыс. человек до 164 тыс., не считая 50 тыс. малорусских казаков. Соответственно этому, за то же пятидесятилетие выросли и расходы по содержанию войска, а именно: с 3 миллионов на наши деньги до 10 миллионов, что составляло в ту пору половину государственного бюджета. Столь усиленный рост военных сил в связи с тяжелым наследием Смутных лет — разорением страны и обнищанием населения, сказался на организации военного дела и, прежде всего, на расширении круга лиц, подлежащих военной повинности.

3. Дальнейшее развитие поместной системы. Служилые и даточные люди. Для полного удовлетворения нараставших потребностей одних помещичьих земель оказывалось недостаточно; поэтому к поставке ратных людей привлечены были, еще с середины XVI в., и другие категории земельных владений: земли вотчинные, церковные, монастырские, дворцовые и черные (эти последние, подобно помещичьим, были тоже земли «казенные», государственные, но, не будучи розданы, еще находились в непосредственном распоряжении самой казны).

За помещиками и вотчинниками усвоилось название служилых людей: выставляя ратных людей, они выступали вместе с ними и сами в поход; церковь же, монастырь, государев дворец и казна — те поставляли, давали, с известного числа сох (дворов) ратных людей; отсюда и название этой категории воинов — даточные.

Военная повинность — все в силу тех же военных потребностей страны — не ограничивалась одной землей, но распространилась и на целые общественные классы: даточных стали поставлять также посадские люди и приказные. Последние, состоя на гражданской службе, конечно, не могли отправлять военную повинность лично — они выставляли поэтому заместителей.

4. Замена «земли» «двором». На вышесказанном преобразовании не остановились. Мы видели в предыдущем параграфе («Экономическое положение страны и финансовые меры»), как с середины XVII в. система посошной подати, перестав удовлетворять своему назначению, уступила место системе подворного обложения, т. е. размер тягла стал определяться не количеством запаханной земли, как раньше, а числом крестьянских дворов, на какой бы земле (много или малоходной) эти дворы ни стояли, чем бы жившие в них ни занимались.

8 том же направлении пошло и отправление военной повинности: земля, прежнее мерило, была заменена двором (отдельным хозяйством): ратные люди стали набираться по расчету с известного числа таких «дворов», и тоже независимо от того, как велика была семья (или семьи), владевшая этим двором, и из кого она состояла.

5. Военные округа. К концу XVII ст. военные успехи значительно раздвинули границы Московского государства, и сосредоточили военные силы, как это делалось раньше, на близком расстоянии от столицы, посылая их отсюда ежегодно на дальние расстояния, стало невыгодно и небезопасно, на окраинах пришлось постоянно держать значительное число служилых людей, и управлять всеми ими из Москвы становилось еперь тоже неудобно. Это побудило московское правительство создать вместо одного военного центра, московского, несколько. Так возникли новые военные округа, или, как их тогда называли, разряды. Каждый из разрядов ведал известным числом полков, которые формировались из жителей городов и уездов, приписанных к данному округу. Всего в 1681 г. существовало 9 разрядов. Они развились постепенно из прежнего Московского, бывшего раньше единственным на все государство. Сперва выделились два округа при Михаиле Федоровича — Рязанский и Украинский; потом пять при царе Алексее — Новгородский, Северский (для Путивля, Мценска и Курска), Белгородский, Тамбовский и Казанский; наконец, два при царе Федоре — Владимирский (для Ярославля и Костромы) и Смоленский. Московский же округ сохранился на старом основании, суженный до пределов одного Московского уезда. Он заведовал московскими дворянами.

Б. Состав русского войска

К концу периода (к 1682 г.) в состав русского войска входили:

1. Служилые люди: дворяне и дети боярские.
2. Служилые люди по прибору: стрельцы; городовые казаки; пушкари (т. е. артиллеристы).
3. Даточные люди, пешие и конные.
4. Войска иноземного строя: рейтары, солдаты и драгуны.
5. Татарская конница.
6. Вольное казачество (Донское, Волжское, Терское и Яицкое) и Малороссийское.
7. Иноземцы на русской военной службе.

1. Служилые люди — наследие старого времени. Служилых людей было три категории:

- а) московские дворяне (гвардия);
- б) жильцы (при царском дворе и в полках, расположенных вне Москвы);
- в) городовые дворяне (областные войска).

Служба была конная. Из московских дворян и жильцов набирался особый Государев полк для сопровождения государя на войну, если же государь в поход не отправлялся, то он состоял (далеко, впрочем, не всегда) при главном воеводе.

В дворянской коннице на командные места обыкновенно назначались бояре, окольные, стольники, стряпчие. Вся конница, и высшие, и низшие чины (т. е. также и простой ратный человек), получали денежное жалованье.

Вооружение было разнообразное: стальной шлем, кольчужный железный доспех разных видов; стальные наколенники; сабля, копьё; пистолы и пищали (раньше, в XVI ст., вместо огнестрельного оружия: саадак с луком и колчан со стрелами). Иные совсем не имели доспеха, были вооружены плохо.

2. Служилые люди по прибору. Общая характеристика их:

а) подобно дворянам и боярским детям, их служебное положение было наследственным: сын стрельца по общему правилу прибирался в стрельцы, сын казака — в казаки;

б) в отличие от дворян и детей боярских приборные люди вотчинами и поместьями не владели. «Они поселялись не в уездах, но в городах слободами и наделялись мелкими земельными участками казенной земли, причем их земельные наделы весьма схожи были с тяглыми наделами посадских людей, с той разницей, что посадские люди тянули тягло со своих участков, а стрельцы и казаки отбывали службу — также тягло своего рода» (Павлов-Сильванский);

в) как общее правило, они свободны от налогов, но если занимались торговлей и промыслами, то платили оброк с лавок и пошлины с промыслов.

Стрельцы — различались: московские (столичные) и городовые; большая часть их была пешая. Их вооружение: пищали в XVI в. и мушкеты в XVII; бердыши и сабли; у передовых сотен — копья и мечи. Стрельцы несли преимущественно гарнизонную службу; кроме того полицейскую, караульную. Столичные — участвовали в церемониях при встрече иностранных послов. На войне — их посылали осаждать крепости. «Стрельцы получали денежное жалованье, на одежду, и хлебный провиант,

а в случае войны подводы или деньги на подъем. Все это делало стрелецкую службу очень лестной для бедных жителей городов и сел, угнетенных большими налогами; и в охотниках записываться в стрельцы не было недостатка, и стрелецкие головы или начальники не иначе принимали охотников как за круговой порукой старых добрых стрельцов, которые за них ручались в службе и побеге» (Беляев).

Городовые казаки, пешие и конные. Они набирались обыкновенно из вольных нетяглых людей и отправляли службу или на окраинах государства, или во внутренних городах. Первые наделялись поместьями, являлись на службу на своем содержании, со своим оружием и лошадьми, а во время похода получали жалованье; вторые — состояли на хлебном жалованьи, ользуясь правом торговли без несения посадского тягла. Правительство наделяло их дворами, пахотной землей, освобождало от оброков и податей. Призванные к жизни по мысли правительства и действуя по его предписаниям, городовые казаки каким-либо самостоятельным положением не пользовались и в этом отношении не имели ничего общего с другими казаками (донскими, яицкими, малороссийскими).

Городовые казаки и стрельцы составляли т. н. городское войско. Служба их была тройкая:

а) гарнизонная — охрана крепостей, острожков. Гарнизон должен был выдерживать осаду, а потому этот род службы носил также название осадной;

б) сторожевая — на южных окраинах государства: охрана сторожевых застав и засечных линий;

в) полевая — преимущественно разведочная.

Наряд (артиллерия) — состоял из пушек и пищалей¹ и делился на осадную (крепостную) и полковую (более легкую, легче передвигаемую) артиллерию. При наряде состояли пушкарки (при пушках) и затинщики (при затинных пищалах, т. е. установленных в затине: внутри палисада или укрепления).

3. Даточные люди. О них см. выше. Города и волости, поставлявшие даточных, обязаны были снабдить их оружием (луки, пищали, топоры, рогатины; позже требовался карабин, пара пистолей и сабля на каждого). Срок службы был нерав-

Пищали были двух родов: легкие, вроде ружья — пищальник носил их на ремне за плечом; и тяжелые, т. н. полковые и затинные: они устанавливались на станках, с которых и производился выстрел, прикладывая палец (фитиль) к запалу.

номерен: даточных людей собирали и распускали по мере надобности.

4. Войска иноземного строя. В царствование первых Романовых было приложено много старания к тому, чтобы поднять качественный уровень войска. Вызванные из-за границы иноземные офицеры-инструкторы обучали войска новому иноземному строю; под их руководством возникли полки рейтарские (конница), солдатские (пехота) и драгунские (смешанные, конно-пешие). Эти полки так и назывались полками иноземного строя (обучения), в отличие от прежних, старой выучки (стрельцы, пушкарки и др.). Новым полкам платили жалованье и выдавали казенное оружие.

Драгун и стрельцов селили на окраинах государства: первых на шведской границе, вторых (не исключительно) на южной. Там им отводились небольшие земельные участки, которые они обыкновенно обрабатывали собственными руками. Солдаты размещались по городам и слободам (отсюда пошло сохранившееся и до нашего времени выражение: «солдатская слобода»); там они пользовались казенным помещением и жили также семейно.

Первоначально, при Михаиле Федоровиче, войска иноземного строя набирались из одних иноземцев; но позже, с развитием военного дела, брались почти исключительно одни русские. Состав их был крайне разношерстным: боярские дети, новокрещенные татары, братья и племянники стрелецких, казачьих и всяких вольных охочих людей, «которые не в службе, не имеют ни поместьев, не в тягле и не в холопстве» (Беляев). Вот почему если первоначально солдаты делились на «Немецких» и на «Русских», то позже их заменяют полки «Московские» и «Приборные».

Отличаясь по строю, т. е. по обучению, полки иноземного строя отличались от старых и по способу комплектования: устанавливался известный процент с даточных крестьянских и посадских дворов: один рейтар брался со 100, один солдат — с 20 дворов. Такой порядок явился переходом к будущей системе рекрутских наборов в том виде, как она позже (при Петре Великом) возникла и продержалась в России вплоть до введения всеобщей воинской повинности (1874).

Вооружение:

а) Рейтары: шишак, латы, мушкет, шпага; позже карабин и два пистолета.

б) Драгуны: латы и панцири; пика, шпага, топор у седла ли бердыш.

в) Солдаты: латы; мушкет, пика, шпага и бердыш.

5. Татарская конница. Ее составляли новокрещены, урзы и князья татарские. Им жаловали тоже поместья и отчины; подобно дворянам и детям боярским, во время похода ни получали денежное жалованье, но в меньшем размере, чем воряне.

6. Вольное казачество русское — на началах полного самоуправления. Степень подчинения московскому правительству была неодинакова, посылавшееся казакам «жалованье» по существу походило на подкуп; от воли казаков (за исключением, впрочем, казаков малороссийских) зависело принять участие в данном походе русского царя или нет Московской администрации они не подчинялись и имели собственное начальство: атаманов и юртовых старшин.

а) Донские казаки. Основание им положили беглые крестьяне и холопы, преступники, разного рода «гулящий» люд — вообще те, кто тяготился государственным тяглом, притеснениями помещиков, несправедливостью приказных властей, или кто хотел избежать наказания, которому должен был подвергнуться. Потомки первых засельников края пополнялись и впоследствии такими же элементами, особенно много стеклось их сюда в Смутное время. Дорожа казаками как военной силой, всегда готовой броситься на крымских татар, правительство сквозь пальцы смотрело на их прошлое, мирилось с ним и признавало за казаками право принимать к себе всякого без отдачи. Широкое самоуправление ставило донских казаков на положение свободной республики, независимой от Москвы: они сами выбирали своих атаманов, судились своим судом, и если когда оказывали Москве военную помощь, то исключительно по доброй воле, а не по принуждению. Приказывать московское правительство на Дону не могло; оно входило с казаками в соглашение, поддерживая доброе к себе отношение денежным жалованьем и присылкой хлебного зерна, в котором население Дона, как не засевавшее своих полей, постоянно нуждалось. Бунт Стеньки Разина показал, однако, всю опасность такого независимого положения, и при Федоре Алексеевиче правительство добилось того, что донские казаки стали, подобно остальному населению России, приносить русскому царю присягу на верность. Бунтарский дух донской вольницы этим, однако, искоренен не был, причины, питавшие его, не исчезли, И новый бунт Булавина (1708) вскоре доказал это.

б) Яицкие казаки (также калмыки). Возникновение Яицкого казачества (конец XVI в.) обязано инициативе правительственной, они несли пограничную службу, защищая окраины государства татар и башкир. Они принимали участие в осаде и взятии Азова (1696).

в) Малороссийские (запорожские) казаки. Со времени Богдана Хмельницкого (1654) признавая над собой власть русского царя, они пользовались, подобно донским казакам, самоуправлением, выбирали сами своего гетмана, но политическая связь их с Московским государством была сильнее и крепче, чем тех: малороссийские казаки обязаны были выставлять по требованию московского правительства военные отряды и подлежали в своих действиях его контролю.

7. Иноземцы на русской службе. Военные нужды не позволили ограничиться одними домашними силами: в России появляются иноземные полки. При Борисе Годунове они еще как исключение. С 1632 г., т. е. со времени Второй Польской войны — явление постоянное. При осаде Смоленска их было 5 полков (4 пехотных, 1 конный), в составе 9 500 чел. (русских солдат 6 500, иноземных — 3 000). К концу XVII в. их насчитывалось уже 63 полка (69 000 чел.).

Нанятые за границей иноземные войска под начальством иноземных же офицеров составили отдельные отряды, служившие образцом для русских ратников. Кроме иноземных полков московское правительство стало выписывать из-за границы также огнестрельное оружие, артиллерийские снаряды, покупать в Швеции железо для отливки из него пушек, искать железную РУДУ у себя дома, заводить собственные оружейные заводы (в Туле). Со второй половины XVII ст. солдат иноземный встречается все реже и реже, зато увеличивается число иноземных офицеров, но теперь они командуют уже не отрядами из иностранцев, а русскими ратными людьми «иноземного строя»; теперь их роль преимущественно инструкторов и учителей военного дела.

Система набора войск «иноземного строя» не имела ничего общего с поместной: состав их был случайный, не поддающийся определенному учету. Сюда входили: а) охочие люди; преимущественно «гулящие»; б) дворяне и дети боярские, большей частью беспоместные; в) служилые люди, назначаемые туда в виде наказания. Войска иноземного строя получали от правительства жалованье, казенное оружие и единовременное пособие.

Таким образом, в течение XVII в. русское войско постепенно преобразовывается: наряду со старыми элементами возникают

овые кадры. Однако последние еще не создали армии, которую можно было бы назвать регулярной: она еще не стала постоянной, какой сделается при Петре Великом: кончалась война, и полки, старого и нового строя, безразлично, распускались по-прежнему по домам. Однако переходная пора выразилась уже и теперь: теперь и в мирное время, осенью, после уборки хлебов, войска собирают в определенные пункты и обучают военному делу. Командный же состав, офицеры, числился на службе и без войны и с этой целью устраивался на жительство в городах, поближе к расположению своих полков. Наличие постоянных офицерских кадров значительно облегчала, в случае похода, переход войска с мирного положения на военное.

V. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

1. *Народные волнения*

а) Недоимки. Неправосудие. Ни Московский бунт 1648 г., ни последовавшие за ним волнения, разгоревшиеся по областным городам, ни народные мятежи в Пскове и Новгороде, принявшие столь серьезные размеры, что их пришлось с большим усилием подавлять вооруженной силой, существенных изменений, если не считать Уложения, в общественную жизнь и в работу государственного аппарата не внесли; да и Уложению, при всех положительных сторонах его, не по силам было сразу переделать сложившийся порядок и перевоспитать людей, которым надлежало держаться провозглашенных в нем начал.

Народу по-прежнему жилось тяжело. Мы видели, как велика была тягота податная. Чрезмерное обложение зорило людей; они не справлялись с ним, и в результате получались недоимки, вынуждавшие казну повышать налог или создавать новый, недоимки от этого только росли — получался заколдованный круг.

Зло усугублялось еще другим злом, не менее тяжким, — притеснениями со стороны сильных, несправедливостью приказных людей. Взятничество, беззастенчивое выжимание денег у населения, судебная волокита, всегда дорого обходившаяся, и, вдобавок, «кривой» суд продолжали, как и в первые годы царствования Алексея, отравлять народную жизнь и вызывать народное недовольство.

В руках воевод и их подчиненных в ту пору сосредоточивались все нити правительственной деятельности и общественной жизни подведомственного им уезда. Воевода и чины его канцелярии («воеводской избы») наблюдали за порядком и благочинием, ведали сборы денежные и натурой; отвечали перед правительством за оборону города и за сосредоточенные в нем хлебные и военные запасы; преследовали и наказывали корчемство, игру в зернь, продажу табака, ловили преступников; подвергали пытке и казни воров и разбойников; принимали меры против пожаров, — вообще находились в постоянном соприкосновении с населением подчиненного им города и уезда, и потому имели множество самых разнообразных случаев использовать во зло доверие правительства и дать волю своему корыстолюбию и произволу. Повсеместно раздавались жалобы на то, что людей наказывают без всякой вины, держат по тюрьмам, мучают на правежах, облагают произвольным налогом. Терпели не только отдельные лица, но и целые области: так, ногайские калмыки, по признанию самого правительства, отложились от России и целыми улусами откочевали в крымские степи из-за воеводского «насилия и гонения» (1634).

б) Пассивная борьба населения со сложившимся порядком. Народное недовольство росло; постоянно росло и уклонение от несения непосильного бремени. Бежали в Сибирь, в польские земли, развилось закладничество; посадки пусты; повсюду возникали слободы, населенные людьми, покинувшими свои земли и посадки. Заложившись за монастырских властей и бояр, слобожане занимались промыслами, вели торговлю, но податей не платили, являясь опасными конкурентами посадским людям. Недоимки посадских людей от этого увеличивались еще более; платить оставшимся становилось еще тяжелее, так как размер тягла оставался прежний и раскладывать его приходилось на меньшее число душ.

Правительство принимало меры, объявило даже смертную казнь за переход из посада в посад, за укрывательство беглых (1658), но бега не прекращались; мирские общины, в своих челобитных к царю продолжали жаловаться: «Бегут! дворы брошены, пусты, нам платить нельзя, помираем на правеже!» Беглецов приказывали ловить, но где же было поймать их? Лесу и степи повсюду было довольно, чтобы укрыться. Самая строгость наказания, каким грозило правительство, свидетельствовала о его бессилии. К тому же монастырские и служилые землевладельцы, люди сильные и влиятельные, в личных интересах поддерживали закладничество, и только в царствование

Алексея Михайловича закон положил ему предел (1648); да и после того он еще долго оставался мертвой буквой, крупным землевладельцам было выгодно сохранить у себя ценную рабочую силу.

Из заколдованного круга правительство не сумело найти выхода, его нашло население, но в форме, которая принесла и ему, и всем еще горшующую беду, — в страшном бунте Стеньки Разина. Прежде чем, однако, народ проявил себя в разиновщине, страна пережила тяжелый финансовый кризис, вызванный введением в обращение медных денег и породивший т. н. Денежный бунт.

в) Денежная реформа 1656 г. Начавшаяся в 1654 г. война с Польшей создала московскому правительству большие финансовые затруднения. Она потребовала больших денежных затрат, а для государственной казны они оказались непосильными. В первую голову спешно повысили стрелецкую подать до 228 руб. с сохи), но поступление ее шло медленно и неправильно, а время не ждало. Тогда приняты были две меры, обе одинаково рискованные: пригодные для данной минуты, они носили в себе зародыш больших опасностей в будущем: правительство понизило вес находившейся в обращении серебряной монеты и пустило в оборот медную монету, приравняв ее по цене к монете серебряной.

а) Деньги в Древней Руси. Деньги как орудие обмена в Древней Руси существовали трех видов: а) кожаные, б) в серебряных слитках и в) в золотых и серебряных монетах иностранной чеканки.

а) Кожаными деньгами служили шкурки зверей, обыкновенно белки или куницы, в целом виде (полная шкурка) или только ее оконечности: «белка», «куна» (целая шкурка), «лобок», «мордка» (головка), «ушки» (уши), «ногата» (лапки, ноги), «резаны» (меховые полосы). Кожаные деньги обращались наравне с серебряными слитками и иностранной монетой, находились в употреблении главным образом в IX—XIII вв., с XIV в. они постепенно выходят из употребления, а в XVI и XVII ст. совсем исчезают с торгового рынка. Историческим пережитком их остаются в это время те «сорока соболей», которыми снабжались русские гонцы и посланники,¹ отправляемые за границу, для расплаты и покрытия расходов.

¹ Существование кожаных денег как орудия обмена допускается не всеми. Иные полагают, что «белка», «ногата» и т. п. обозначали деньги Металлические, из серебра, что кожаных денег не было, но что Кожи, благодаря своей постоянной ценности, служили орудием мены. Так, беличья шкурка ценилась в две деньги: 100 шкурок считались равными

Р) Серебряные слитки определенного веса: гривны, гривенки (рубли), полтины. 1 фунт серебра (96 золотников) носил название гривны. Это был кусок серебра в форме продолговатого, неправильного стержня; такой же стерженек, Гно более легкий и короткий, назывался гривенкой. В цейях резче подчеркнуть разницу между той и другой, нередко говорили: «большая гривна» и «малая гривенка». С начала XIV в. повелось малую гривну называть рублем (это ведь была половина отрубленной гривны большой!), отчего и сама она стала называться рублевая гривенка.

у) Золотая и серебряная монета иностранной чеканки. Последовательно во времени это были: сперва арабские серебряные диргемы, позже: любские пфениги, шведские артуги, литовские гроши, немецкие талеры и ефимки (экю), еще позже: золотые ренские флорины, венгерские червонцы (дукаты), английские корабленники (золотые нобли, с изображением корабля) и разные другие.

5) Монеты русской чеканки. Серебряная монета русской чеканки впервые появилась при Дмитрии Донском (1385). В большом ходу в ту пору на Руси была татарская монета, в одну треть ($1/3$) золотника, по имени денга или тенга. По образцу этой «денги» стала чеканиться и русская монета, усвоившая себе то же самое название денги (без Ъ; в деньгу, с мягким знаком, она превратилась уже позднее, ради благозвучия и легкости произношения). Эта русская денга весила всего $2/9$ золотника, т. е. была в полтора раза легче татарской ($1/3 \times 2/3 = 2/9$); из двух татарских чеканились три русских, а из рубля, т. е. гривенки в 48 зол., выделялось 216 денег ($48 \times 2/9 = 216$). Эта денга вплоть до XVIII ст. была единственной ходячей русской монетой, так как только с Петра Великого появились у нас собственные золотые монеты и, в качестве разменной, монета медная. Если раньше и существовали «рубли», «полтины», «гривны» (десятая часть рубля), «алтыны», то не как монеты, а как простые счетные единицы, для определения веса.

За долгое время с Дмитрия Донского до Петра Великого русская денга (монета) претерпела в своем весе ряд последовательных изменений, спускалась по лестнице ценности все ниже и ниже. Такое уменьшение веса вызвано было постоянным возрастанием потребности в деньгах и отсутствием собственных

1 рублю; 50 кун составляли гривну и, в отличие от гривны серебряной, назывались «гривною кун».

серебряных рудников. Денга становилась все тоньше, все миниатюрнее по своим размерам. Впрочем, Великий Новгород, превосходя материальными средствами Москву времен Василиев и ¹Ивана III, имел возможность денгу своей чеканки сохранить более полновесной, так что на торговом рынке появились, обе ходовые, денги двух типов: московка, вычеканенная, как было сказано выше, из расчета 216 монеток на рубль (48 зол.), и новгородка, вдвое тяжелее — в 108 денег из рубля. Признав после присоединения Новгорода удобным сохранить крупную новгородскую денгу, Москва ввела ее в состав своей денежной системы и вскоре окончательно отдала ей предпочтение. При этом в Москве повелось в гривенке (в рубле) считать не 216, а 200 денег, а применительно к такому изменению московки изменился расчет и для новгородки: в рубле-гривенке стали считать 100 денег, а не 108.

Первоначально и на московке, и на новгородке штемпелем служило изображение всадника, — безразлично: с копьем или с мечом; но с 1535 г. всадник с копьем стал принадлежностью исключительно новгородок, а мечом штемпелевали исключительно одни московки, монеты легкого веса. Эти последние, монеты с мечом, стали постепенно выходить из употребления, хотя и держались еще до времен Петра Великого, монеты же с копьем, тяжеловесные, копейные, преобразовались с течением времени в нынешнюю нашу копейку. «Копейка» мало-помалу вытеснила из разговорной речи «новгородку». Вот почему в нынешнем рубле 100 копеек, а в нынешней копейке (бывшей новгородке) считаются две деньги (две бывшие московки). Поэтому-то и полушка нынешняя (этимологически: половина) равна не полукопейке, а четверти копейки: раньше она была половиной московской денги.²

Изменение в весе денги

При Дмитрие Донском из одной гривенки-рубля (48 зол.) вычеканивалось 216 денег. Позже из того же количества серебра:

Отсюда сложился такой расчет, сохранявшийся в глухих провинциальных углах еще до самого последнего времени: 1 рубль = 2 полтины = 10 гривен = 33 алтына + 2 денги = 200 денег.

Этимологически правильнее писать копейка, через «Е»: слово происходит от копе, копейный; начертание копейка через *I>» есть Уступка издавнему обычаю.

	новгородок (копеек)	московок (денег)	вместо рубля это давало:
Иван III	260	520	2 руб. 60 коп.
Иван Грозный	300	600	3 руб.
Мих. Федор.	400, 432	800, 864	4 руб. 4 р. 32 к.
1656 год	720	1440	7 руб. 20 коп.
1663—1682 гг.	432	864	4 руб. 32 коп.
1682 год	504	1008	5 руб. 04 коп.
1698 год	720	1440	7 руб. 20 коп.

б) Понижение ценности рубля

Из вышеприведенной таблицы видно, как сильно и сразу правительство Алексея Михайловича понизило ценность рубля: чуть не вдвое, — а это означало повышение рыночных цен на товары, начиная со съестных продуктов. Насколько опасной оказалась подобная мера, показывает та же таблица: несколько лет спустя, для восстановления доверия к покупательной стоимости рубля, пришлось снова поднимать его ценность и чеканить копейки с таким весом, как раньше, при царе Михаиле. Обесценение рубля и ненормально высокое повышение стрелецкой подати (см. выше) сильно подорвали и без того шаткое благосостояние народное. Новая мера — введение медных денег — нанесла ему новый, еще более тяжкий удар.

в) Введение медных денег. Денежный бунт. Одновременно с выпуском серебряной монеты пониженного веса правительство пустило в обращение медную монету, такой же формы и веса, придав ей обязательную ценность, равную монете серебряной. В наше время медная монета чеканится для удобства денежного расчета при уплате мелких сумм; значение ее исключительно разменное. Между тем медные денги были пущены в обращение как товар, сам по себе обладающий ценностью, причем медь была расценена так же высоко, как и серебро, что уже само по себе было неправильно. «Населению было предъявлено чудовищное требование, чтобы оно забыло о различии между серебром и медью и их уравнило. Медные копейки и денги стали чеканиться с тем же весом, какой имели серебряные монеты тех же наименований». Кроме того, чеканя

овый рубль с пониженным весом, оставили в обращении старый рубль, чеканки Михаила Федоровича, более тяжелый. «Сделать обязательными оба серебряных рубля значило потребовать от населения, чтобы оно перестало сознавать и чувствовать различие между большим и меньшим, даже когда различие совершенно явно и осязательно» (Кауфман). Тяжеловесные рубли стали припрятывать, и в обороте, на рынке, серебряных денег стало менее.

Рынок же был наводнен медной монетой. Говорят, ее было начеканено до 20 миллионов рублей. Вдобавок появилось много фальшивой монеты, выпущенной не казной, а частными лицами. Чиновники, заведовавшие чеканкой правительственной монеты, злоупотребили своим привилегированным положением, скупали медь и начеканивали много денег лично для себя, что им было весьма выгодно, так как цена меди стояла значительно ниже цены серебра. Доверие к медным деньгам пошатнулось; вскоре они потеряли значение даже простого векселя. Каждый вексель пользуется кредитом, пока существует доверие к платежным силам того, кто его выдал; поэтому не следует выпускать векселей свыше этой платежной способности, иначе вексель упадет в цене. Между тем правительство само начало оказывать предпочтение серебряной монете и некоторые подати требовало в серебре. Это окончательно подорвало доверие к медным деньгам; рынок перестал принимать их; серебро вообще стали припрятывать, не одно тяжеловесное, и ценность медных знаков стала быстро падать, что не замедлило отразиться на дороговизне Жизни. Цены на товар возросли в 6, даже в 14 раз против прежнего. Недовольство народное росло и, наконец, выразилось в открытом бунте.

г) Бунт. 25 июля 1662 г., в Москве, толпа разграбила Дом царского тестя, Милославского, по ее мнению, «денежного вора»; пострадали, кроме Милославского, и другие «богатые люди за измену в денежном деле». Из столицы мятежники бросились в село Коломенское, где в ту пору находилась вся Царская семья. Государь был у обедни, когда они появились с шумом и криком в поисках Милославского и окольного Ф. М. Ртищева, последнему ставилось в вину, что он будто бы подал несчастную мысль выпустить медные деньги. Царь Алексей догадался в чем дело, велел тому и другому спрятаться в комнатах царицы и царевен, а сам остался в церкви дослушивать обедню; царица же, царевичи и царевны сидели, завершись в хоромы, ни живы ни мертвы от страха. Мятежники Ие дали, однако, царю дослушать обедню, заставили выйти на

паперть, обступили его тут вплотную и не пускали, держа за платё и за пуговицы. Серьезность положения усиливалась еще тем, что в мятеже приняли участие несколько солдатских рот, одна из них даже со своим капитаном. Алексей поклялся расследовать дело и, для большей скрепы, бил по рукам с одним из толпы.

Толпа отхлынула, но вскоре явилась новая, как раз к тому времени, когда государь по окончании обедни садился на лошадь, чтоб ехать в Кремлевский дворец. Вторая волна мятежников вела себя иначе: с угрозами, «сердито и невежливо» требовала нелюбимых бояр; но вызванные спешно стрельцы уже подошли, и толпа была разогнана.

Бунт был усмирен, но в потоках крови: расправа была жестокая. Медные деньги в следующем году совершенно изъяли из обращения. Зло было прекращено, но поздно: всем классам населения нанесен был громадный ущерб, тем более что медная монета принималась обратно в казну не по прежней стоимости, а копейка за рубль.

д) Ближайшие последствия. Если земский собор 1648—1649 гг. с его Уложением не в силах был остановить экономическую разруху, положить конец неправосудию и злоупотреблениям народившейся бюрократии, то тем бессильнее оказались в достижении положительных результатов правительственные меры после бунта 25 июля. Под давлением неотложных финансовых нужд власть тщетно искала выхода; она не могла найти его и продолжала идти по старой проторенной дороге увеличения налогов и, следовательно, дальнейшего разорения населения. Еще до изъятия медных денег из обращения стрельцкая подать, и без того очень высокая, была снова поднята: в течение трех лет (1660—1663) с 228 она дошла до баснословной цифры: 822 руб. с сохи. В Устюжской чети это отразилось таким образом: в 1664 г. недобор с назначенного ей оклада составлял всего только 3%, а в 1670 г. он вырос уже в 30%. Правительство поспешило уменьшить самый оклад, но хозяйственные силы населения оказались уже настолько надорванными, что в следующем 1671 г., даже по уменьшенному окладу, недобор не только не понизился, но поднялся еще более: в казну поступила одна только половина (47%) следуемых денег.

К сожалению, зло заключалось не в одной экономической разрухе, не в одном произволе и насилии начальных людей: искры для народного пожара были разбросаны повсюду, и хотя московский бунт 25 июля 1662 года носил чисто местный

характер, но способ его подавления¹ разбросал и усилил их воспламеняемость в значительной степени. Страна теряла доверие к органам правительственной власти, искала выхода из создавшегося невыносимого положения и нашла его... в бунте Стеньки Разина. Годы пассивного сопротивления ничего не принесли населению, и оно взялось теперь самостоятельно улучшать свое положение.

е) Бунт Стеньки Разина (1670—1671). На юго-восточной окраине, главным образом на Дону, сошлось много беглых — крестьян, холопов, посадских. Там они чувствовали себя спокойно, так как Дон, по старым заветам, не выдавал никого, будь это даже преступник, и с такими порядками считалось само московское правительство. Все это были люди бездомовые, лишенные средств, настоящая казацкая голытьба, которой ничего не оставалось иного, как собираться в разбойничьи шайки и насилем добывать себе зипунов. «Ненависть к боярам, воеводам, приказным людям и богачам, доставлявшим выгоды казне и самим себе, приводила к тому, что жители перестали смотреть на разбойников как на врагов своей страны, лишь бы только разбойники грабили знатных и богатых, но не трогали бедняков и простых людей; разбойник стал представляться образцом удали, молодечества, даже покровителем и мстителем страждущих и угнетенных» (Костомаров).

¹ «И как их почали бить и сечь, и ловить, а им было противиться не уметь, потому что в руках у них не было ничего ни у кого, почали бегать и топиться в Москву-реку, и потопило их в реке болши 100 человек, а пересечено и переловлено болши 7000 человек, а иные разбежались. И того же дни около того села (Коломенского) повесили со 150 чел., а досталным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги, и у рук пальцы, а иных бив кнутъем, клали на лице на правой стороне признаки, разжегши железо на красном, а поставлено на том железе «буки», т. е. бунтовщик, чтобы был до веку признателен; и чиня им наказания, розослали всех в дальние города, в Казань, и в Астрахань, и на Терки, и в Сибирь, на вечное житье; а иным пушим ворами того же дни, в ночи, учинен указ, завязав руки назад, посадя в большие суды, потопили в Москве-реке. А те все, которые казнены и потоплены, и разосланы, не все были воры, а прямых воров болши не было что с 200 человек; и те невинные люди пошли за теми ворами смотреть, что они, будучи у царя в своем деле учинят, а ворами на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотели, и от того^в се погинули, виноватой и правой. А были в том смятении люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди. А гости и добрые торговые люди к тем ворами не пристал ни один человек, еще на тех воров и помогали, и от Ч&Ря им было похваление» (Котошихин).

Если такой взгляд сложился в центре страны, под боком у власти, тем более свободное выражение нашел он себе на окраинах. Казак, с его вольной, удалой жизнью, рисовался в заманчивом образе богатыря, которого «обилие сил влекло на широкое раздолье в степь или на другое раздолье — море или, по крайней мере, на Волгу-матушку» (Соловьев). Разбойник и казак становились синонимами. С первого спала его непривлекательная антисоциальная оболочка, он сливался с казаком, последний же становился идеалом для тех, кто дорожил личной свободой и простором действий, а дорожили тем и другим как раз именно те, кто лишен был их совершенно.

На Дону стало беспокойно особенно еще и потому, что бежавшие сюда привели с собой свои семьи, их надо было кормить, а хлеба на Дону не сеяли, и от скопления народа начался голод. Дон заволновался; не хватало только человека, который сумел бы сплотить нестройную массу и увлечь ее за собой заманчивой перспективой легкой добычи.

Такой человек нашелся в лице донского казака Стеньки (Степана Тимофеевича) Разина. Но куда было идти? Дорогу к Азовскому и Черному морю заслонили татары и турки, легче было пробраться на Волгу, а оттуда на Каспийское море (1667). Подвергнув беспощадному опустошению персидское побережье (от Дербента до Решта), разинская ватага с богатой добычей вернулась на Волгу и щедрыми подарками астраханским властям проложила себе свободный путь к дому, обратно на Дон (1669). В Астрахани разинцы очутились на положении скорее дорогих гостей, чем ослушников-грабителей. Сам Разин щедро сыпал золотом и серебром, одаривал неимущих и легко завоевал расположение астраханской черни; казаки, шеголяя в шелковых и бархатных кафтанах, в шапках, униженных жемчугом и драгоценными камнями, распродавали за бесценок дорогие персидские ткани, золотые узорчя и многим дали случай нажиться в несколько дней.

Слава о Разине и его удачном набеге на Персию быстро разнеслась, и со всех сторон потянулась к нему голытьба; скоро Разин увидел себя во главе дружины почти в 3 000 человек, и тогда он повел свою вольницу вторично, но уже не на Персию, а на русские земли, и не для одного только грабежа. Как некогда Болотников вел свои шайки с целью перевернуть существующий строй, так и Разин воодушевил свою голытьбу (и столько же воодушевляемый ей самой) идеалом казацкого царства, призывая выводить «измену», истреблять воевод, дворян, приказных людей, вообще всех, кто только имел вид начальства

й людей состоятельных; манил захватом чужого имущества и свободой, заменой царских порядков казацким всеобщим равенством. Разин умел увлечь толпу, наэлектризовать ее и стал ее героем.

Однако при всей своей ненависти к «вышним» Разин считал не бесполезным для успеха своего дела разгласить, будто с ним идут приставшие на его сторону царевич Алексей Алексеевич (только что перед тем, в январе 1760 г. умерший) и патриарх Никон (в ту пору уже лишенный патриаршеского сана).

Весной 1670 г. Разин двинулся с Дона на Волгу, захватил ^Арицын и Астрахань, ознаменовав там свое пребывание невероятными жестокостями; потом поднялся вверх по реке, овладел Саратовом и Самарой. К нему пристали казаки с Яика; на его зов поднялись инородцы (мордва, чуваша, черемисы) и значительно пополнили его дружину. С Волги восстание перекинулось вглубь страны, в Пензенский, Тамбовский и Нижегородский край, вспыхнуло к северу от Волги, в Галицком уезде, разлилось до Тотьмы и Устюга, везде поднимая крестьян и посадских. Повсюду разинцы ознаменовывали свой путь пожарами, убийствами, насилием.

Но ничего прочного в этом успехе не было и быть не могло. Первый же серьезный неуспех под Симбирском сразу подкосил все дело Разина; личность его потеряла прежнее обаяние, и правительству удалось потом, хотя с большими усилиями, подавить опасное движение. Разин сложил на плахе свою буйную голову (1671).

Но память о Разине не умерла; на Волге она жива и поныне: много холмов над рекой, урочищ, лесных ущелий связано с его именем; то это «стол Стеньки Разина», то его «шапка», «тюрьма» или «бугор». Разин вырос в народного героя-богатыря. Народ сложил про него песни; насилия казаков он забыл, но помнит, как они, «добры-молодцы», «погуляли, поцарствовали, попили, поели». Не с укором вспоминает Разина народная песня, а с сочувствием, сожалением. В народной фантазии Разин жить не перестал: он не умер, он сидит в горе; но настанет день, и он снова выйдет на свет Божий. Сто лет спустя, он, Действительно, и вышел под именем Емельки Пугачева.

Народный ореол, окруживший имя Стеньки Разина, свидетельствовал о тяжелой болезни, поразившей в XVII в. государственный организм России, о глубоком разладе между высшими и низшими классами общества, богатыми и бедными, сильными и слабыми. Насилия и жестокости разинских шаек были ответом

на несправедливость и произвол правящих лиц, на отсутствие правосудия, на тяжелый материальный гнет; и чем светлее рисовался в памяти народной образ казацкого атамана, тем очевиднее выступала необходимость устранить, возможно скорее, причины, превратившие этого разбойника-анархиста в «удалого молодца», в «батюшку» и симпатичного защитника интересов народных.

2. *Никон и церковная реформа*

Подготовка реформы

1) Новые течения в церковной жизни. Смутные годы, всколыхнув русское общество и пошатнув старые устои, не прошли бесследно и в области церковно-религиозной жизни. Сознание ее несовершенств, сознание необходимости ее исправления, первые попытки приступить к этим исправлениям — все это можно проследить уже при Михаиле Федоровиче, с воцарением же его сына новое течение получило особенно сильное выражение, и люди, проникнутые глубоким убеждением в неотложности преобразования, стали настойчиво и энергично домогаться его.

а) Что именно вызвало критику и осуждение?

а) Нестроения и непорядки, проникшие в церковную жизнь; нравственная распущенность духовенства, его зазорное поведение: разгульная и развратная жизнь, любостяжание, пренебрежение своими обязанностями; нерадение о пастве.

р) Расшатанность народной нравственности; преобладание внешней обрядности и недостаточное проникновение сущностью христианского вероучения; жизненность старых, все еще не искорененных языческих обрядов и поверий.

у) Искажение церковного богослужения; уклонение от церковного устава; многогласие; бесчинное поведение в церкви собравшихся в ней на молитву.

5) Отсутствие просвещения, научного знания.

б) Сдвиг сказался еще в другом направлении: прежний, установившийся еще со времен Флорентийской унии взгляд на греков, якобы отступников от церковной старины, стал постепенно уступать иному представлению; старое мнение, будто первоначальная полнота и неповрежденность церковного чина и обряда сохранилась только в Русской церкви, перестал быть господствующим: если и не повсюду, то по крайней мере в передовом, высшем и более образованном кругу стало, наоборот,

укореняться убеждение, что греки не только в вероучении, но и в обрядах, вообще во всем, держат православную веру ненарушимо.

в) Для врачевания зла требовались соответственные меры. Деры намечались разные:

а) Перевоспитание общества.

(3) Исправление обрядов и церковного чина богослужения согласно обрядам и чину, установленным в Греческой церкви.

у) Пересмотр церковно-богослужебных книг и исправление закрившихся в текст ошибок.

5) Создание новой школы в целях поднять образованность духовенства, среди которого было много хороших начетчиков, людей, основательно, часто даже наизусть, знающих содержание книги, то, что в ней написано, но мало людей, правильно понимающих смысл написанного и дух церковного учения.

е) Вызов в Москву из Киевской Руси тамошних ученых богословов и языковедов как для руководства заводимыми школами, так и для оказания своего просвещенного содействия в деле исправления книг и обрядов.

Q Издание учительных и назидательных книг.

п) Сближение с просвещенным Западом.

Э) Церковное единение с Греческой церковью.

Такова была программа. Одни принимали ее почти полностью, другие, наоборот, лишь в отдельных частях ее. Первые — это т. н. Московский кружок ревнителей благочестия; другие — это т. н. Провинциальные ревнители благочестия.

2) Московский кружок ревнителей благочестия. Этот кружок возник с воцарением Алексея Михайловича при московском дворе. Душой его был протопоп Стефан Вонифатьев, царский духовник, поклонник киевских ученых и убежденный грекофил, личность выдающаяся по своему уму, высоким нравственным качествам, по ревности к благочестию; к тому же Вонифатьев пользовался большим влиянием на царя, своего духовного сына. Членами кружка были боярин Ф. М. Ртищев, один из образованнейших русских людей того времени, сестра его Анна Михайловна, царский воспитатель боярин Морозов и архимандрит Новоспасского монастыря Никон (будущий митрополит Новгородский и патриарх Московский), сперва противник греков, позже, под влиянием Вонифатьева и Ртищева, их поклонник. Единомышленником с ними был и молодой царь, вообще относившийся к делам церкви Всегда, и в молодости, и в зрелые годы, с живым сочувствием

и интересом. Тоже убежденный грекофил, Алексей Михайлович усвоил идею «Москва — Третий Рим» и в себе видел наследника греческих императоров. Царь с Вонифатьевым решили ввести преобразование в Русскую церковь в духе полного единения ее с церковью Греческой.

3) Провинциальные ревнители благочестия. По указанию Вонифатьева, в разных городах поставлены были протопопами священники, выдающиеся своей благочестивой жизнью, начитанностью и ревностью в исполнении своих пастырских обязанностей: в Нижнем Новгороде — Иоанн Неронов, вскоре, однако, переведенный в Москву; в Юрьевце Повольском — Аввакум, в Костроме — Даниил; в Муроме — Логгин. Призванные воспитывать в благочестии свою паству, наставлять и обличать ее недостатки, бороться с народными пороками, они, действительно, проявили много ревности и заботы о подъеме нравственно-религиозной жизни духовенства и народа. Их энергичная борьба с общественной неправдой и пороками нередко накликала на них неудовольствие и преследование как со стороны подчиненного им низшего духовенства, так и со стороны паствы; протопоп Аввакум за резкие обличения свои подвергся даже побоям и должен был бежать; подобно Аввакуму, изгнан был и Даниил из Костромы.

4) Пункты схождения и расхождения между Московским кружком и Провинциальными ревнителями.

а) Единомыслие. Оно заключалось в том, что те и другие одинаково признавали недочеты жизни, упадок нравственности в народе, зазорное поведение монашествующих, небрежное отправление духовенством церковных служб, недостаточное рвание его о народе, который погряз в пороках, следовал обычаям, противным христианскому учению и крайне нуждался в добром примере и наставлении. Те и другие поэтому содружно и ревностно боролись со злом.

б) Разномыслие. Зато в оценке богослужебных книг, церковного чина и обрядов Провинциальные ревнители, подобно громадному большинству тогдашнего духовенства, придерживались старых взглядов: решительно не допускали мысли, чтобы русские церковные книги были настолько испорчены, что нуждались в радикальном исправлении и даже в новом переводе, особенно по новопечатным греческим книгам; мнение греков авторитетным не признавали; киевских ученых, как живущих в католической Польше, в постоянном общении с униатами, считали несвободными от «латинской прелести», и вообще все

обряды Русской церкви считали правильными, как установившиеся с давних времен и к тому же освященные постановлениями Стоглавого собора.

Представители старой Руси, чуждые новых московских веяний, воспитанные на Псалтири, на житиях святых, на старых толстых московских сборниках, Провинциальные ревнители совершенно не знали и даже не хотели знать и признавать никакой иной мудрости и науки, кроме той, что им завещали старые московские книжники. Люди традиций и обычаев, крайне неподатливые на всякую новинку, они держали себя враждебно ко всему, что стремится освободиться от уз векового отжившего обычая. Но при всей узости своих взглядов эти люди готовы были даже мученичеством запечатлеть свои верования и убеждения. Сильные характером, стойкие, готовые всем жертвовать и все претерпеть, они уже одним этим должны были производить, особенно на простую массу, сильное впечатление и придать своим верованиям прелесть истины и ореол святости.

На этой, исключительно обрядовой, почве Неронов, Аввакум, Логгин и Даниил уже в скором времени резко разошлись с кружком Стефана Вонифатьева и повели с ним борьбу, столь же пламенную и ожесточенную, какую только что перед тем вели со своей паствой.

5) Первые заботы о просвещении.

а) Из Киева вызваны (1649) книжные переводчики Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий для перевода на славянский язык греческих и латинских книг.

б) Поиски (безрезультатные) на Востоке учителя грека для основания в Москве школы.

в) Основание боярином Ртищевым ученого братства и школы при Андреевском монастыре (см. ниже, гл. XV, «Школа»).

б) Первый приступ к церковным преобразованиям при патр. Иосифе.

а) Посылка старца Арсения Суханова на Восток для непосредственного ознакомления на месте с греческим церковным обрядом и чином богослужения (1649).

б) Поминание на многолетиях вселенских греческих патриархов вместе с московским патриархом.

в) Введение устной проповеди в церквах.

г) Введение в церковной службе единогласия вместо **многогласия**. Церковный устав, введенный в Русскую церковь, был позаимствован **из** восточных, самых строгих, монастырей; там он применялся только в монастырях, у нас же его

ввели, кроме того, в приходских церквях. Согласно этому уставу, необходимо было вычитать и пропеть без всяких пропусков все, что в нем полагалось. Церковная служба поэтому была очень длинная, утомительная, и во внимание к немощи мирских людей, ради снисхождения к их житейским заботам стали совершать ее разом, несколькими голосами: стали вводить многогласие, т. е. одновременно петь положенное по уставу в несколько голосов сразу: «один пел, другой в это время читал, третий говорил ектении или возгласы, или читали сразу, в несколько голосов и каждый свое особо, не обращая внимания на других и даже стараясь их перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослужения окончательно терялась». Этим способом сразу убивали двух зайцев: церковная служба не затягивалась, оканчивалась быстро, а в то же время все положенное по уставу выполнялось без малейших пропусков, и молящийся, равно и сам священник, уходили из церкви с сознанием добросовестно исполненного долга. Зато «церковная общественная служба при таких порядках не только не назидала, не настраивала на молитву предстоящих, но, напротив, приучала их относиться к богослужению чисто механически, бессмысленно, только внешним образом, без всякого участия мысли и чувства. Многие из народа стали смотреть на посещение церкви как на одну формальность и не только во время богослужения держали себя крайне непристойно, но и старались ходить в те именно церкви, где служба, ради многогласия, совершалась с особой скоростью. Со своей стороны, духовенство, желая заманить в свои храмы побольше народу, доводило скорость церковных служб до крайности, дозволяя в храме читать одновременно голосов на шесть и больше» (Каптерев).

7) Противодействие патр. Иосифа. Единогласие, вводимое Московским кружком и принятое Провинциальными ревнителями, встретило на первых порах, как общая мера, отпор со стороны патр. Иосифа, который допускал и даже требовал его введения в монастырях («на то они и монахи, чтобы выстаивать долгие службы»), но никак не в приходских церквях, из опасения, как бы совсем не отвадить мирян от посещения церкви. Дело в том, что сторонники единогласия, как и их противники, одинаково требовали «полного соблюдения всех предписаний устава, даже вводили еще в богослужение разные положенные чтения из прологов, житий святых, отеческих поучений, чем необходимо крайне удлиняли все службы, приближая их к монастырским» (Каптерев). Мое-

овские ревнители, однако, не сдались и прибегли к авторитету греческих патриархов; те осудили многогласие, и Иосифу пришлось уступить (1651).

8) Введение наречного пения вместо раздельно-речного (хомового). Единогласие стояло в тесной связи с другим нововведением. В середине XVII ст. на Руси установилось т. н. хомовое церковное пение: каждый слог намеренно >астягивался и к согласным в конце или в середине слова фибавлялась, без особой надобности, гласная, что сильно искажало самое слово, затрудняя его понимание. Окончание х о м о в глагольных формах прошедшего времени послужило названием и самой манере пения. Хомовое пение было заменено пением наречным, более красивым и натуральным, — тем самым, что и теперь в обиходе в наших церквах. Наречным названо оно потому, что согласовано с формами живой речи, приноровлено к пению, похожему на речь.

Примеры хомового пения:

а) «Бого», «Спасо», «Христосо», «иземи», «во моне», вместо наречного «Бог», «Спас», «Христос», «изми», «во мне».

б) «Согрешихомо и беззаконовахомо, не оправдахомо передо тобою, не соблюдохомо, не сотворихомо, якоже заповеда, но не предажде нас до конца отеческыи Боже» — вместо «Согрешихом, беззаконовахом, не оправдихом пред тобою, ни съблюдохом, ни сътворихом, якоже заповеда нам, но не предажд нас до коньца отьчський Боже».

в) «Вонеми небо и возглаголю и восхваляю Христа на древе пригвожденааго и крестоме сомертеную страсте разорешааго» — вместо «Вонми небо и возглаголю и восхваляю Христа на древе пригвожденного и крестом смертную страсть разоршаго».

г) «Та бо бессмертене всемогущия противные сотре» — «То бо бессмертие всемогущия противные сотре».

д) «Святым Духоме всяка тваре обновляется, паки обращающиеся на первое, равеномощено бо есте Отцу и Слову» — вместо «Святым Духом всяка тварь обновляется, паки обращающаяся на первое, равномошен бо есть Отцу и Слову».

Реформа

1) Прошлое патр. Никона. Род. в 1605 г. Крестьянин; Уроженец Мордовского края (между Волгой и р. Сурой). Его Жизненные этапы: священником в Москве; приняв пострижение, монахом Анзерского скита в Соловецком монастыре на Белом море (1636); игуменом монастыря Кожеезерского (1643);

поездки в столицу по делам своего монастыря дали Никону случай свести личное знакомство с царем (1646); архимандритом Новоспасского монастыря в Москве; сближение с царем; посредник между ним и просителями, ищущими правды, помощи и защиты — своего рода в роли начальника позднейшей «Канцелярии по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых»; митрополитом Новгородским (1648). В бунт 1650 г. мятежники так избили Никона за укрывательство воеводы, что харкал кровью. Убедил царя перенести мощи св. митрополита Филиппа (задушенного Малютой Скуратовым по приказанию Ивана Грозного) из Соловецкого монастыря в Москву, в Успенский собор: замолить грех, совершенный его предком; патриархом Московским и всея Руси (25 июля, 1652 г.). Условия, поставленные Никоном при избрании: взял клятву с царя, с бояр и духовенства, что никакой помехи в устройении церкви они ему не окажут, в распоряжения его вмешиваться не станут; что быть ему патриархом на всей его воле. Усиленно уговаривая долго отказывавшегося Никона принять сан патриарха, царь Алексей, по позднему свидетельству Никона, «приклонися к земли и припадаше со всем народом, со слезами молиша нас».

2) Насколько патр. Никон подготовлен был к предстоящим преобразованиям в церкви? Увы, весьма недостаточно. Трудная задача поднять умственный и нравственный уровень духовенства, создать ему благоприятные для того условия: воспитать паству в духе истинного христианского учения — оказалась для Никона непосильной, да и сам он далеко не ясно сознавал всю настоятельность и первенствующее значение такой реформы, сосредоточив свои усилия преимущественно на внешней, обрядовой стороне тогдашнего уклада церковной жизни.

Лишенный правильного систематического образования Никон, подобно большинству своих современников, не умел отделить в делах веры существенное от несущественного, веру и учение церкви от церковного обряда и установленного чина. В этом отношении он ничем не отличался от своих противников: подобно им, односторонний и узкий в деле понимания веры и благочестия; скорее типичный старый московский начетник, чем образованный человек. Первоначально Никон сам держался старых обычаев, но позже, под влиянием кружка ревнителей и знакомства с киевскими учеными и наезжавшими в Москву греками, изменил прежний взгляд, сделался поклонником всего греческого и со свойственной ему энергией, страстностью и увлечением стал проводить в жизнь новые воззрения. Глубоко

религиозный, с душой, жаждущей деятельности, он сливал в своем представлении обряд с верой и всякое изменение формы, в какую она отлилась, понимал как искажение веры, нечестивое и преступное.

Вот почему чем ближе друг к другу стояли Никон и сторонники старых обрядов в ложном понимании и смешении этих обрядов с сущностью православной веры, тем резче разошлись они, тем непримиримее стало их взаимное ожесточение. И Никон, и старообрядцы одинаково горели чистой, пламенной верой, но, лишённые истинного просвещения, они не сумели подняться над формой и породили, при пагубном участии греков, тот разлад, который до сей поры разделяет нашу церковь, создав из одной две церкви, — одну, принявшую реформы Никона, другую, старообрядческую, отказавшуюся от них, а между тем и та и другая церковь одинаково православные, одинаково правильно исповедуют веру Христову, согласно учению и постановлениям семи вселенских соборов.

3) Личность патр. Никона. Духовная распря приняла острый характер также и вследствие личных недостатков Никона. Натура деспотическая, властная, подчас прямо жестокая, Никон был человеком крутого нрава, горячка, не умевший владеть собой, вдобавок честолюбивый. Облеченный громадной властью, он не сносил противоречия и не знал меры в наказании. Его вера в свой авторитет была так велика, что ему казалось, достаточно одного слова, чтобы заставить всех повиноваться, а это самомнение мешало ему замечать, как сильно оскорблял он многих своими требованиями, как грубо задевал в человеке самые деликатные его чувства. Став патриархом, «Никон весь запас своих недюжинных сил, всю свою громадную энергию растрчивает на бесполезную борьбу со своими личными врагами и недоброжелателями, на проявление своей патриаршей мощи, как неограниченного, ничем не стесняемого властелина, личная воля и усмотрение которого есть единственный регулятор в отношении к подчиненным и пасомым, на чем единственно он и строит всю свою церковнообрядовую реформаторскую деятельность» (Каптерев). Никона ненавидели, и в значительной степени эта ненависть была причиной того, что многие из его мер, сами по себе вполне справедливые и разумные, заранее встречали к себе враждебное отношение единственно потому,^ч что исходили от него. Вводя свою реформу насильственно, Никон забывал, что в делах веры победу одерживает не насилие,^а Убеждение, и что гонение лишь усиливает сопротивление,

превращает гонимых в жертву, придает им ореол мученичества и лишь увеличивает число их сторонников.

4) Перечень преобразований патр. Никона.

а) Земные поклоны при чтении великопостной молитвы Ефрема Сирина («Господи, Владыко живота моего»): класть вместо прежних 16 земных поклонов всего 4; остальные 12 в пояс (1653, Великий пост).

б) Перстосложение: складывать персты двояко, а не на один образец, как раньше (1653, Великий пост)

а) три перста — когда верующий (молящийся) осеняет себя крестным знаменем во имя св. Троицы. Для этого он слагает три первых пальца правой руки пригибая два последних к ладони.

Р) два перста — когда священнослужитель благословляет верующих во имя Иисуса Христа, в знак признания в нем двух естеств, божественного и человеческого. Для этого пальцы правой руки складываются так, чтобы изобразить собой первые и последние буквы имени: ІС ХС, т. е. Иисус Христос. Указательный палец простерт — внешним своим видом напоминает букву І; средний, подле указательного, наклонен — букву С; большой палец приложен к безымянному, пересекая его, — букву Х; мизинец, подле них, согбен — тоже изображает букву С. Служа символом имени Иисусова, двуперстное сложение называется также именованным.

Раньше, до Никона, в обоих случаях допускалось одно только двуперстие: как для наложения крестного знамени на самого себя, так и для благословения верующих иереем.

в) Четырехконечный крест на просфорах. В древности крест как эмблема мученической смерти Иисуса Христа изображался различно: 4-6-8- и даже 3-конечным (в виде латинской буквы Т), смотря по тому, выступали или нет за края вертикального столба поперечные дощечки: верхняя с инициалами І. Н. Ц. І. (Иисус Назарянин, Царь Иудейский), и нижняя, служившая подпорой для ног. В России к середине XVII ст. установилась форма 8-конечная (не исключался крест и о 6 концах); на Западе, наоборот, — форма 4-конечного креста. Отсюда, под влиянием европейской иконографии, как дань духу времени, 4-конечный крест стал было входить в употребление и в Русской церкви, однако вскоре признан был опасным новшеством: подвергся гонению и анафеме; и когда Никон постановил вырезать за литургией на просфорах 4-конечный крест, то старообрядцы увидели в этом предписании лишнее доказательство уклонения патриарха от истинного православия.

г) Собор 1654 г. утвердил число земных поклонов (4); постановил приступить к исправлению богослужебных книг.

д) Гонение на иконы франкского письма (1655 г., февраль).

е) Преобразования второстепенного значения (собор 1655 г.,

*ж) Проклятие, наложенное на двоеперстников, греческими иерархами (1656 г., февраль).

з) Проклятие, наложенное на двоеперстников собором русских иерархов (1656 г., апрель).

5) Как проводилась в жизнь церковная реформа.

а) Земные поклоны и троеперстие. Распоряжение о земных поклонах при чтении великопостной молитвы, не будучи ничем мотивировано, вызванное единственно по личному почину патриарха и во второй своей части (о перстах) явно шедшее вразрез с постановлением Стоглавого собора, было проведено слишком поспешно, без надлежащей подготовки общественного мнения, без разъяснения и оправдания его необходимости, а потому породило большую смуту в умах, так как для большинства обряд был то же, что само вероучение.

Получив предписание, Иоанн Неронов, бывший в ту пору протопопом Казанского (в Москве) собора, призвал Аввакума и других обсудить дело. Впечатление получилось потрясающее. Ведь еще на Стоглавом соборе было постановлено: «Да будет проклят тот, кто крестится не двумя перстами!» «Видим, — писал впоследствии Аввакум, — что зима хочет быть: „сердце озябло и ноги задрожали“».

На резкую критику своих действий Никон ответил суровыми мерами: Неронова лишили скуфьи. Логгина и Даниила расстригли, и всех троих сослали; сослан был и Аввакум, но от расстрижения его спасло заступничество царя Алексея. Однако сильное противодействие, оказанное его новшествами, побудило Никона пока, до поры до времени, не настаивать на них и в дальнейших **Мероприятиях** искать опоры в авторитете церковного собора, чтобы придать реформе выражение воли всей Русской церкви.

б) Собор 1654 г. На этом соборе Никон ограничился постановкой вопросов второстепенных и наименее жгучих, а собор русских иерархов принял предложения патриарха, почти не обсуждая их: держать антиминс на престоле открытым, а не под покровом; запирать царские двери в известные моменты богослужения; опустить в богослужении некоторые ектений, ^кк излишние, и тому подобные мелочи. Щекотливый вопрос ^о **Двоеперстии** намеренно не возбуждался. Наиболее важным

постановлением было — заново пересмотреть церковные книги и исправить их, согласно древним харатейным русским и греческим книгам. Собор прошел бы совсем гладко, если бы не вопрос о земных поклонах при чтении молитвы Ефрема Сирина: постановлено было принять изменение, предложенное патриархом, но коломенский епископ Павел воспротивился этому и ни за что не хотел давать своего согласия. Ничто не могло поколебать Павла; он упорно стоял на своем. Упорство привело Никона в крайнее раздражение. Патриарх лишил противоборника его кафедры, «снял с него мантию, предал тяжкому телесному наказанию и сослал в заточение, вследствие чего Павел сошел с ума, и никто не видел, как погиб, бедный, зверями ли похищен или в реку упал и утонул» (митр. Макарий).

Характерно, что собор 1654 г. уполномочивал Никона произвести исправление на основании лишь рукописного материала («старые харатейные книги славянского и греческого письма»), так что когда потом патриарх привлек к делу также и печатный материал: книги, изданные в Венеции, хотя и греческие, православные, но изданные в подозрительной атмосфере враждебного православию католического влияния, а кроме того, когда он стал изменять церковные чины и обряды на основании современной ему практики Греческой церкви, то породил в староверных слоях русского общества таким, и на этот раз единоличным, решением новый соблазн.

Моральный провал собора 1654 г. побудил Никона искать более авторитетной поддержки; он счел полезным передать свое дело на благоусмотрение и решение восточных патриархов. Материальная зависимость последних, их частые приезды в Москву за милостыней давали ему уверенность, что он не только не встретит с их стороны резкого расхождения, но, скорее, найдет себе в них поддержку в борьбе с противной партией.

в) Иконы франкского письма. А пока Никон воздвиг гонение на иконы франкского письма, т. е. писанные по западным, латинским образцам. В надругание над ними и в поучение народу он велел соскабливать с досок лики святых и в таком виде носить их по улицам, напоказ. Наконец, в неделю Православия (1655), в Успенском соборе, при торжественной обстановке, в присутствии патриархов Антиохийского и Сербского объявлено было запрещение, под страхом отлучения, писать и держать у себя такие иконы. Для вящего вразумления Никон брал эти образа в руки, показывал их молящимся и Ъ силой бросал, один за другим, на пол, разбивая их на куски о железные плиты, и только снисходя к просьбе царя, ограни-

чйлся приказанием зарыть разломанные куски, а не сжигать, как первоначально хотел было.

Грубое выступление Никона против икон возмутило благочестивых людей, дав новое орудие против него. Действительно, московский патриарх «грубо оскорблял весь народ в самом заветном и священном для него чувстве: его исконную приверженность к святым иконам, так как народ — масса — плохо, конечно, понимал различие живописи франкской и греческой и видел в иконе всякого письма именно только святую икону, к которой всякий обязан был относиться с подобающим святыне уважением — недаром в его глазах Никон являлся иконоборцем» (Каптерев). Патриарха хотели даже убить. В бедствиях моровой язвы, которая в ту пору уносила много жертв в городе Москве и вызвала панику в народе, видели перст Божий и наказание за Никоновы новшества.

г) Собор 1655 г., в марте. Он созван был по мысли антиохийского патриарха Макария в целях внести в Служебник некоторые перемены второстепенного значения, что и было исполнено (служба на антиминсе с изображениями и надписями, а не на куске белого полотна — вынимание из просфоры девяти, а не четырех частиц — более частое прикладывание к иконам — неперекрещивание ляхов и др.).

На этом соборе особенно ярко выявились преимущественные заботы Никона о ненарушимости и чистоте обряда. Разумеется, не следовало пренебрегать и обрядом, однако не заслоняя им других более существенных и неотложных потребностей церкви. Таким же исключительно обрядником проявил себя Никон и в запросах, обращенных к константинопольскому патриарху Паисию. Эти запросы поразили Паисия «крайней мелочностью, неважностью, полным непониманием значения и смысла в православной церкви того или иного обряда». Человек необразованный, Никон направлял «свою ревность на предметы безразличные для веры и благочестия». Паисий старался умерить реформаторский пыл Никона, дал ему понять всю односторонность проявленной им ревности, по вопросу же о перстосложении прямо заявил, что считает совершенно безразличным, будет ли молящийся слагать для осенения себя крестом Два или три пальца.

д) Анафема на двоеперстие. Паисий, однако, не убедил Никона. Пользуясь пребыванием в Москве антиохийского патриарха Макария, сербского Гавриила и никейского митрополита Григория, приехавших в Москву за милостыней, Никон возобновил свое предписание о троеперстии, и в неделю

Православия (1656) иноземные иерархи вынесли проклятие на двоеперстников. «Так торжественно пришлые иностранцы прокляли в Москве всех крестящихся двумя перстами. А между тем двоеперстником был тогда весь русский народ! Все русские, может быть, за самыми ничтожными исключениями, крестились дотоле двумя перстами, и не только в данное время, но так крестились их предки и между ними все ведомые и чудесами прославленные угодники Божий! Что же это значит, невольно думали русские, что в Московском Успенском соборе, этой национальной московской святыне, пришлые случайные чужеземцы торжественно предавали анафеме никого другого, как самих русских, их почивших предков и чуть не самих русских угодников Божиих? Кому более доверять: голословному ли заявлению подозрительных пришельцев или голосу своей церкви, которая устами целого собора изрекла: „еже кто не знаменается двумя персты, яко же и Христос, да есть проклят?“ Странно не то, что русский стойко стал за свое перстосложение, а то, если бы он, несмотря на определенный и ясный соборный голос своей церкви, несмотря на свою вековую святую старину, вдруг бы без всякого колебания бросил свое родное и принял чужеземное только потому, что какие-то пришельцы приказывают ему это». А между тем патриарх Московский дает этим пришельцам волю, «в самом чтимом московском храме произносит всенародно хулы на русское благочестие, на самих русских чудотворцев, нетленно почивающих в этом самом храме! Очевидно, правду говорят про патриарха, что он, действительно, отступник от православия, разоритель истинного русского благочестия, что он, сговорившись с отступниками греками, хочет и на Руси искоренить правую веру!» (Каптерев).

е) Собор 1656 г., в апреле, из русских иерархов, оформил факт уже совершившийся: произнес, под давлением Никона, проклятие на двоеперстников. Соборное определение было внесено в книгу «Скрижаль» для всеобщего сведения.

Примечание. «Скрижаль», изд. 1655 г.; содержит обширное толкование на чин богослужения; перевод с греческого. Соборное определение припечатано и приложено позже.

В анафематствовании двоеперстников значительная доля ответственности падает на советчиков и руководителей Никона — на восточных иерархов. «Без поощрения и поддержки Макарий-я

¹ Стоглавого.

Никон едва ли бы сам решился на крутую ломку русской церковной старины. Даже более, Никон, вероятно, пришел бы прямо в ужас, если бы узнал и убедился, что, изменяя русские обряды, как нововводные и неправые, он, в действительности, изменял древние православные греческие обряды, принятые **русскими** от древних греков и у русских неизменно сохранившиеся, тогда как позднейшие греки заменили свои старые обряды новыми, почему между ними и русскими обрядами и явилось, с течением времени, несогласие. Следовательно, Никон своими реформами не восстанавливал старый греческий обряд, как он думал и воображал, но только заменял новогреческим обрядом старогреческий, сохранившийся у русских» (Каптерев).

Как это могло случиться? Ответ следует искать в неодинаковом представлении на греческом Востоке Второй Ипостаси Пресвятой Троицы и, в зависимости от этого, в непостоянстве приемов осенения себя крестным знаменем.

б) Учение о Второй Ипостаси Пресвятой Троицы.

а) Православное исповедание, выработанное и установленное на Вселенском соборе в Халкидоне, 451 г., гласило: «Христос исповедуется **как** совершенный Бог и совершенный человек, единосущный Отцу **по** божеству и единосущный нам по человечеству, пребывающий и **по** воплощении в двух **неслиянно** и нераздельно, так что различие двух природ **не** устраняется через их соединение, а сохраняется особенность каждой природы при их совпадении в едином лице и единой ипостаси» (Вл. Соловьев).

б) Несторианское учение о небожественности Иисуса Христа. Несторий, патриарх Константинопольский, учил, будто в Иисусе Христе два естества соединены лишь внешним образом, что Христос родился человеком и только носил в себе божество, был только обителем божества, и что потому Он **не** равен первой и третьей ипостаси **св.** Троицы, и Мать Его есть «человекородица», «христородица», а **не** «Богородица».

в) Монофизитское учение о едином естестве (**фбоч**^ — природа). Основатель этого учения — Евтихий, архимандрит Константинопольский. Ересь возникла **как** реакция, отпор **не**-несторианству. Отвергая внешнее соединение естества и желая **Подчеркнуть**, что Христос всегда был божеством, Евтихий впал в другую крайность, утверждая, будто в Иисусе Христе оба естества, божественное и человеческое, слиты нераздельно, и **Человеческое** поглощено началом божественным; иными слова-

ми, признавая Христа-Бога, отрицал реальное существование Христа-Человека: последнего, по мнению монофизитов, можно различать от Христа-Бога только мысленно.

г) Монофелитское учение о единой воле (SeXnuа—воля). Это есть своего рода компромисс между учением монофизитов и учением православным — компромисс, охотно поддержанный светской властью во избежание внутренних смут (учение Евтихия, хотя и осужденное собором, имело еще много сторонников). Делая уступки православному воззрению о двух естествах, монофелиты утверждали, будто в Христе, при двух естествах, одна только воля, а не две (божественная и человеческая).

Все три ереси были своевременно осуждены на вселенских соборах: ересь Нестория — на 3-м соборе в Эфесе (431), как совершенно искажающая православное представление о Трехипостасном Боге; ересь монофизитов — на 4-м соборе в Халкидоне (451): признать ее значило бы отрицать возможность для Иисуса Христа всех тех чисто человеческих, физических страданий, о которых нам повествует Евангелие, так как Иисус Христос, по воплощении Своем на земле, пребывал в двух природах, неслиянных и нераздельных; ересь монофелитов была осуждена на 6-м соборе в Константинополе (681) в силу того, что при одной воле (энергии) два естества в действительности свелись бы к одному, так как естество без энергии не есть что-либо реальное, а лишь отвлеченное понятие; и что потому в Иисусе Христе следует исповедовать две воли, человеческую и божественную, причем воля человеческая находится в полном согласии с волей божественной, и хотя подчинена ей, но ею не уничтожается.

Примечание. Все три ереси вполне не заглохли и еще в настоящее время имеют на Востоке, правда, сравнительно в небольшом количестве, своих представителей. Таковы: несториане — Курдистан, Урмия, Месопотамия. Монофизиты — яковиты в Сирии; армяне-григориане; копты в Абиссинии. Монофелиты — марониты в Сирии.

7) Три момента в истории перстосложения.

а) Единоперстие. Первоначально, вплоть до IX в., христиане знаменовались одним перстом. Это была пора, когда новой христианской вере приходилось отстаивать себя в борьбе с язычеством, т. е. с многобожием, и потому, налагая на себя единоперстие, христианин выражал этим внешним знаком свою

веру в единого Бога-Творца, свою готовность исполнить первую и главную заповедь Божию: «Да не будут тебе бози инии, разве Мене».

б) Двуперстие. Но вот появились, одна за другой, две ереси монофизитов и монофелитов. Обе они, при всех отличиях одной от другой, означали в глазах православных одинаково неправильное и недопустимое признание в Иисусе Христе одного только начала. При такой обстановке единоперстие могло дать повод к ложному толкованию, и потому, в целях резче ограничиться и отделиться от еретиков, православные стали знаменоваться не одним, а двумя перстами, заявляя этим: в Христе мы исповедуем не одно естество, а два, не одну волю, а две. Двуперстие держалось в Греческой церкви с IX по XII ст., и так как Россия приняла христианство в конце X в., то и в ней принято было то же знаменование двумя перстами.

в) Троеперстие. Между тем несториане знаменовались также двуперстием. Таким образом, внешнее отличие между ними стиралось. И вот, подобно тому как раньше православная церковь, чтобы отделить себя от монофизитов и монофелитов, заменила единоперстие двуперстием, так и теперь, чтобы не смешивать себя с последователями Нестория, она приняла вместо двуперстия троеперстное знаменование, заявляя этим, что она верит не в две Ипостаси (Бога-Отца и Бога-Духа), а в три, равных и единосущных (Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Духа). Троеперстие с течением времени окончательно утвердилось в Греции, вытеснив двуперстие, и в XVII ст., ко времени патр. Никона, было там во всеобщем употреблении.

Вот почему Стоглавый собор и вслед за ним старообрядцы были не правы, полагая, будто троеперстие есть знаменование еретическое, достойное анафематствования; но не прав был и Никон, вводя троеперстие насильственно и в двуперстии видя что-то преступное и неправильное.

8) Исправление богослужебных книг.

а) Попытки исправления богослужебных книг До Никона.

а) Порча книг (и необходимость их исправления) признаны при митроп. Киприане и Фотии (1390—1431).

Р) Максим Грек внес много исправлений; но, недостаточно зная славянский язык, сам допустил ошибки, послужившие Поводом обвинить его в неправославии и заточить в монастырь (1531).

у) Стоглавый собор 1550 г. предписал протопопам следить за исправностью книг; дело попало в невежественные руки и

повело лишь к большей порче книг. Сам Собор вносил ошибочное чтение, например: возглас на ектений вместо правильного «сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим» — «себе и друг другу...»; или в 8-м члене Символа веры допустил лишнюю вставку: вместо «и в Духа Святого животворящего» — «и в Духа Святого истинного и животворящего».

5) Архимандрит Дионисий и свящ. Иван Наседка внесли исправления в целый ряд богослужебных книг: Псалтирь (изд. 1577 г.), Цветная Триодь (1592), Октоих (1592), Общая Минейя (1602), Требник (1602); но невежество и личная вражда к Дионисию погубили дело. Особенно вменили в вину Дионисию опущение из водосвятной молитвы в Требнике ненужной прибавки («и огнем»): «освяти воду сию Духом Твоим И ОГНЕМ»: хочет же вывести огонь из мира! — за что он и поплатился заточением, истязаниями и всякого рода надруганиями (1618).

е) При патриархе Филарете: Иван Наседка с товарищами, руководясь одними славянскими рукописями, допустил много ошибок.

Q При патр. Иосифе справщики внесли новые ошибки.

•ц) Выписаны из Киева, для работ по исправлению, ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Феодосий Сафонович, как специалисты по греческому языку (1649). Москва, наконец, прониклась убеждением, что без греческих рукописей исправление книг не может пойти успешно,

б) Исправление книг при Никоне.

а) Посылка Арсения Суханова на Восток. Приступая к большому делу, следовало вооружиться соответствующим материалом. С этой целью старец Арсений Суханов, уже бывавший на Востоке, был послан туда вторично. С Афона и из других мест он вывез свыше 500 рукописей: 498 греческих и 29 славянских; из общего числа (527) — 51 рукопись мирского содержания.

р) В чем заключалась трудность исправления.

а) разнообразие списков древних рукописей греческого и славянского письма, по которым велось исправление;

б) отсутствие надлежащего филологического образования у справщиков, научно выработанного критерия в оценке списков;

в) отсутствие руководящих начал.

у) К чему свелось исправление? Греческие печатные книги были приняты за норму; печатный текст проверялся по древним спискам, но каждый справщик вносил в него изменения по личному усмотрению; то, что казалось лично ему

лучшим. При повторных изданиях текст снова подвергался изменению.

В результате Служебник 1655 г., перепечатававшийся многократно, представлял в разных изданиях отличия, сильно смущавшие верующих.

5) Арсений Грек. Видное участие в деле исправления книг принимал Арсений Грек. Человек, несомненно, образованный, православный по рождению, он многократно менял свою веру: униат в Риме и Польше, магометанин или православный, смотря по обстоятельствам, в Турции; в Москве он был признан еретиком, заточен патр. Иосифом в Соловки и отдан там под строгое начало. Никон, лично уверенный в его невинности, вызвал его из заточения, поставил во главе Печатного двора, но от тяжелых обвинений не оправдал. Привлечение Арсения Грека к делу исправления богослужебных книг было большой ошибкой со стороны Никона: оно послужило одним из главных оснований для противников реформы признать новоисправленные книги еретическими.

е) Трегубая аллилуйя. В числе нововведений патр. Никона было одно, породившее протест особенно сильный: замена прежней сугубой аллилуйи аллилуйей трегубой.

В старину в Греческой церкви аллилуйю трегубили, но не исключалась и аллилуйя сугубая; последняя особенно была в употреблении в Малой Азии. Когда туда, с завоеванием Константинополя крестоносцами (1204), перенесен был политический центр Византийской империи, то сугубая аллилуйя вошла в обиход и в среде высшего руководящего духовенства, что придало ей известный авторитет. Из Малой Азии она перешла к южным славянам, а от них (в середине XV в.) и в Московскую Русь. Однако в Европейской части Византийской империи по-прежнему держалась трегубая аллилуйя; с течением времени она вытеснила сугубую и из малоазиатских провинций, так что старый порядок (троение) был восстановлен в Византии повсюду.

Между тем в России сугубая аллилуйя пустила корни настолько прочные, что Стоглавый собор (1551) признал троение формой совершенно недопустимой, «латинством и жидовством», и когда Никон задумал ввести греческий порядок славословия Божия, в этом увидели новшество и еретичество. Дело в том, что «аллилуйя» есть слово еврейское, означает: «слава Тебе, Боже», и потому — указывали старообрядцы — если троеить («Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже»), то выйдет, что мы повторяем одну и ту же мысль четыре раза, что

излишне, так как самое славословие нами возглашается в честь и похвалу св. Троицы, в честь трех Ипостасей ее.

9) Общий характер Никоновой реформы.

Преобразования патр. Никона коснулись, в сущности, одного только обряда и буквы. Стоглавый собор и противники московского патриарха, конечно, заблуждались, придавая перстосложению и разным другим обрядам значение догмата, но не менее ошибался и Никон, полагая, будто старый обряд нарушал чистоту православной веры и церкви. Исправление книг, правильно задуманное и вполне необходимое, ничем не расширило религиозного сознания русского человека, оставив его на прежнем низком уровне духовного просвещения. Обряд заслонил перед Никоном гораздо более насущную цель — нравственно-религиозную и церковную жизнь тогдашнего общества, в частности духовенства: эта жизнь нуждалась в реформе больше, чем простой обряд. Вместо школы и просвещения Никон всю свою энергию направил на букву христианского учения — не на дух и смысл его. Этим он еще более укрепил старый ошибочный взгляд, будто все дело в обряде и что малейшее изменение его становится грехом. По узости взгляда обе стороны стоили друг друга. «Все различие между ними заключалось только в том, что Никон уверовал в троеперстие как единственно правильную форму перстосложения для крестного знамения, в троение, а не двоение аллилуйи, в правильность написания имени Христа И с ус, вместо прежнего И с ус, в порчу русских церковных книг и т. п., тогда как его противники по-прежнему веровали в двоеперстие, в сугубую аллилуйю, в писание имени Христа И с ус и т. п. Никакой действительной вероисповедной разницы между ними не было, и обе враждовавшие стороны были одинаково православны, одинаково далеки от каких бы то ни было неправославных, а тем более еретических воззрений и верований» (Каптерев). Для веры же и благочестия было решительно все равно, крестятся ли люди двумя перстами или тремя, двоят или троят аллилуйю, отправляют ли церковную службу по новоисправленным или по старым дониконовским книгам: замена одного обряда другим еще не избавляла от нестроения в жизни церковной. И действительно, Русская церковь и после «реформ» осталась с прежними несовершенствами, а русское общество — с прежними пороками и недостатками, как и раньше, столь же далекое от истинного понимания духа и смысла христианского учения.

¹ См. выше, т. II, вып. I.

Никон и его дело

1) *Политическая роль патр. Никона*

а) Возвышение Никона. Еще до избрания в патриархи Никон представлял собой в правительственных кругах Москвы весьма внушительную величину. Уже тогда, на положении «собинного „друга"», он пользовался громадным влиянием на молодого царя, высоко ценившего его государственные заслуги во время усмирения новгородского бунта. В Новгороде Никон был не только митрополитом, но и верховным правителем целого края; царь предоставил ему право «наблюдать за правильностью и законностью действий местных воевод и других органов суда и управления и о всем доносить государю»; новгородский воевода, по делам усмирения бунта, не смел ничего делать без его совета. «Не замечая неприглядных качеств Никона, думая, что окружающие его, царя, неправильно понимают и ценят Никона, Алексей Михайлович всецело подчинился Никону как олицетворению идеала истинного архипастыря и выдающегося государственного мужа» (Каптерев).

б) Никон — «великий государь». Необычная обстановка избрания в патриархи возвела Никона еще выше. Царь и бояре с духовенством кланялись ему в ноги, умоляя принять посвящение, клялись слушаться его во всем, «яко начальника и пастыря, и отца краснейшего». Неудивительно, если обычное величание, усвоенное патриархам, — «великий господин» — казалось недостаточным в применении к Никону. Уже вскоре после избрания некоторые настоятели монастырей, а потом архиереи начали величать его в своих грамотах «великим государем». Алексей Михайлович не только не препятствовал этому, но и сам стал в письменных сношениях с Никоном вводить эту форму обращения. Создалось двоевластие, подобное тому, какое было при Михаиле Федоровиче и отце его, патриархе Филарете. Официальные грамоты снова стали выдаваться от имени двух «государей». В грамотах, писанных от одного своего лица к валашским и молдавским господарям и митрополитам, Никон напыщенно величал себя: «Никон, Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующего града Москвы и всеа великия и малыя и белыя Росии и всеа северныя страны и Помориа и многих государств патриарх». Два года Действительного управления государством (1654—1656) за время отсутствия царя из Москвы вследствие Польской войны, в Которой он принимал непосредственное участие, а потом из-за

моровой язвы, казалось, вполне оправдывали такой порядок вещей.

Этот порядок, однако, встречен был глухой оппозицией как со стороны духовенства, так и со стороны боярства, вообще правящего класса. Высказывать свое неодобрение открыто опасались — это равнозначило осуждению царя, — само же неодобрение выросло не столько на принципиальной почве, сколько по личным мотивам. Никон обращался с боярами и архиереями высокомерно; в расправе с подчиненными был суров, даже жесток; подвергал их истязаниям, пыткам. Вообще христианским архипастырем, благостным и милостивым, Никон не был, да и не мог быть по самой натуре своей.

Не носи Никон монашеского клобука, будь он мирянином, к нему вполне подошло бы название временщика из категории тех царских и королевских любимцев, которых так много знает история любого государства. Зато и фавор Никона, как чаще всего бывает у таких «баловней судьбы», продолжался также недолго и пресекался также фатально и неожиданно.

в) Как представлял себе Никон взаимные отношения между духовной и светской властью. Если исключительно высокое положение и льстило самолюбию властного и честолюбивого Никона, все же он смотрел на него не как на игру фортуны, а как на нечто должное, как на неотъемлемое достояние того сана, который он носил. А этот сан он ставил на самую высокую ступень в государстве, выше даже царского сана.

«Священство больше царства», — утверждал Никон; оно непосредственно от Бога; «Священство — это душа, царство — тело»; одно — солнце, другое — месяц, свет заимствованный; патриарх есть «образ Христа», и потому он, а не царь, есть глава церкви; благодать Духа Святого передается иерею непосредственно (посредством елея), царю же через иерея (который поминает его елеем). Поэтому церковь должна быть совершенно самостоятельна от светской власти в своих действиях. «Уложение 1649 г.» — «проклятая книга»: светская власть не имеет права ни судить духовных лиц, ни вмешиваться в сознание соборов; епископ, избранный царем, теряет право отправлять свои епископские обязанности; имущества, принадлежащие церкви, неотъемлемы от нее.

г) «Папизм» Никона. Духовное родство взглядов патр[^] Никона со взглядами римских пап на свою власть несомненно (ср., напр., Иннокентия III); но можно ли утверждать, что Никон сознательно разделял латинский «папизм»? Одни от-

ячают на это положительно, другие отрицают, указывая на то, что и помимо Никона Греческая и Русская церкви дают примеры подобных же взглядов без того, чтобы они исходили из убеждений «папизма». Так, например:

а) Григорий Богослов: «Закон Христов подчинил земных владык нашей власти и нашему суду»;

Р) Иоанн Златоуст: «Священство настолько же превосходит царство, насколько душа превосходит тело. Поэтому царь должен преклонять свою голову пред десницею священника».

у) Русский митрополит Фотий (правда, по происхождению грек): «Как небо высоко отстоит от земли, так наш сан выше всякого сана мирского».

5) Другой русский митрополит Киприан (тоже грек): «Епископ независим от воли великого князя; последний не должен ни назначать его, ни судить».

Патр. Никон, можно сказать, только объединил эти тезисы и подробнее развил их. На великом Московском соборе 1667 г. взгляд Никона нашел себе поддержку (Павел Крутицкий; Иларион Рязанский), и русские епископы, несмотря на противодействие греков (ставивших светскую власть выше духовной), добились если не первенства, то по крайней мере равноправности: светская власть самостоятельна и независима в делах гражданских, а патриарх самостоятелен и независим в делах церковных. Ближайшие последствия: уничтожение Монастырского приказа, ненавистного всем архиереям (1677 г., в патриаршество Иоакима, который, еще будучи новгородским митрополитом, заявлял своей пастве, что «духовный начальник много вящий светского»).

Это торжество никоновских идей, однако, было преходящим, лишь видимым. Церковь веками воспитывала русское общество в идее византийского единовластительства, в духе народного единства, подчиненного «единой воле помазанника Божия». Такой тезис логически, неизбежно вел к ее подчинению; в **Противоположность** мнению Иоакима, гораздо жизненнее оказалась другая формула, подысканная Паисием Лигаридом, участником собора, судившего патр. Никона. Этот грек, ложно **Называвший** себя митрополитом Газским, заявлял: «Две головы римского орла в государственном русском гербе знаменуют две **Верховные** власти: светскую и **духовную**, над государством и **Над** церковью, объединенные в одном лице — самодержавного **Монарха**; откуда явствует, что православный царь сам по себе обладает полнотой всякой власти на земле и что над ним нет **Никого**, кооме Бога».

И действительно, попытка изъять из ведения мирской власти обширнейшую область церковной жизни могла иметь в России лишь временный успех: все прошлое Русской церкви говорило против подобных «замахов», и Петр Великий, уничтожив полвека спустя патриаршество, низведя архиереев на степень безответных чиновников, наглядно доказал историческую несостоятельность и беспочвенность русского «папизма».

2) Судьба Никона

При заносчивом и властном характере Никона, при его «папистских» убеждениях, настойчиво проводимых в жизнь, то исключительно высокое положение, на какое возвела его царская милость, уже в самом себе таило зародыш будущих столкновений и рано или поздно должно было привести к катастрофе. Если первоначально царь Алексей и чтит патриарха, как «отца», если и оказывал ему поистине сыновнее почтение, называл его «собинным другом», то все же с годами, мужая, он все более и более входил в роль государя «Божиею милостию» и самодержавного владыки. Первоначальный порыв, под влиянием которого он в свое время дал было Никону почетное звание «великого государя», успел остыть; непосредственное участие в Польской и Шведской войне, разнообразные государственные заботы значительно содействовали его умственной зрелости, и Алексей Михайлович, рано или поздно, неизбежно должен был особенно остро почувствовать все несоответствие одновременного существования двух «государей», особенно когда второй «государь», не желая довольствоваться своим титулом, требовал себе самостоятельного «государствования», и притом далеко не в одной отмежеванной ему сфере церковной жизни. Неудивительно, если притязательность Никона, его опека стали, наконец, тяготить Алексея.

Самовластный патриарх коснулся даже частной жизни и отношений. При дворе Никон вообще не пользовался сочувствием, а теперь он еще больше нажил себе врагов. Так, он запретил иностранцам носить русское платье, а русским иностранное. У близкого родственника царя, боярина Никиты Ивановича Романова, любившего иногда пощеголять в иноземном платье даже после патриаршского запрета, Никон, не смея взять иноземную одежду явно, выпросил будто на просмотр, а получив ее — велел сжечь. Запретил он также музыку на улицах и приказал отобрать все музыкальные инструменты и разыскивать их по боярским-ч. дворам. Приказ был исполнен со всей строгостью; инструментов разного рода набралось 5 возов; их свезли за город и сожгли.

Резкие суждения Никона, заносчивое желание показать вещи своей власти, конечно, не оставались тайной для царя: в наушниках недостатка не было, а желающих поссорить государя с Никоном и того больше. Алексею Михайловичу то и дело твердили, что патриарх совсем затмил его; что всюду он да он, а о самом царе и не слышно. Царь начал избегать (свиданий с патриархом, и дело дошло до явного разрыва, когда (Алексей потребовал от Никона не писаться более «великим государем» (1658). Оскорбленный в своем самолюбии, Никон уехал из Москвы в Воскресенский монастырь («Новый Иерусалим»). Тщетно потом обе стороны старались найти путь к соглашению. Царя окружало слишком много лиц, которым было выгодно до соглашения не допускать.

Между тем, покинув кафедру, Никон не сложил с себя звания патриарха. Это ставило Русскую церковь в ненормальное положение, и таковое тянулось целые годы (1658—1666). Бессильный самостоятельно разрубить гордые узел, царь не видел другого исхода, как предоставить решение лицам, равным Никону по положению, обладающим правом безапелляционного приговора. В Москву были вызваны восточные патриархи; над Никоном наряжен суд, и недавний «собинный друг» царя был низложен (1666 г., 12 дек.), лишен патриаршего сана и заточен в Ферапонтов монастырь. Но и после того Алексей Михайлович не переставал искать примирения с Никоном; перед самой своей смертью он хлопочет о восстановлении его в патриаршем звании. Таковое возвращено было Никону лишь при царе Федоре (1681), но уже не застало его в живых: смерть застигла Никона в Ярославле, на пути в излюбленный им Воскресенский монастырь (1681 г., 17 авг.).

3) Судьба Никонова дела

Два собора:

а) Собор 1666 г. русских иерархов (29 апр.—2 июля).

б) Большой Московский собор 1666—1667 гг., с участием греческих патриархов. Две сессии:

а) 1666 г. ноябрь—декабрь (суд над Никоном и низложение его).

Р) 1667 г., февраль—июнь,

а) Собор 1666 г.

1) Признал правильными преобразования патр. Никона, уговаривал поборников церковной старины принять их; наказал

сопротивлявшихся. Примирились: вятский епископ Александр (с ближайшего же заседания он стал принимать участие в действиях собора на положении равноправного его члена) — протопоп Иоанн Неронов — поп Никита, будущий «Пустосвят» (не сразу) и др. Непримируемыми остались: Аввакум (расстрижен, предан анафеме и сослан в Пустозерский острог); дьякон Федор (отлучен от церкви, урезан язык, сослан в далекую ссылку); поп Лазарь (та же участь) и некоторые другие второстепенные лица.

2) Выработал «Наставление благочиния церковного»: руководство для духовенства, как вести себя, как упорядочить церковную жизнь и поучать паству; как бороться с «расколом»; из числа обрядов установил: 1) троеперстие; 2) 4-конечный крест на просфорах; 3) молитву Иисусову без «Сына»: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», заявив, однако, что он не осуждает и другую форму: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас»; 4) трегубую аллилуйю; 5) именованное знаменование при благословении иереем молящихся.

По отношению к поборникам церковной старины собор держал себя весьма примирительно: внушая держаться новоисправленных книг и троеперстия, он ничем не высказался против старопечатных книг и против двуперстия; осуждена была лишь сугубая аллилуйя: старообрядцы опирались в данном случае на «Житие св. Евфросима Псковского», книгу же эту собор признал еретической («зана тамо писано велия и несказанная хула на святую и живоначальную Троицу»).

а) *Собор, судивший на тр. Никона*

Никону было поставлено в вину:

1) «Досаждал» государю: вмешивался в дела, которые его, как патриарха, совсем не касались.

2) Самовольно оставил патриарший престол и свою паству, противясь при этом избранию себе преемника.

3) Анафематствовал без надлежащего испытания.

4) Глумился над архиереями.

5) Проявил неуважение к патриархам, судившим его.

6) Царя Алексея изображал (в грамотах к восточным патриархам) латинумудрствующим, мучителем, обидчиком.

7) Жил не по-архиерейски, но мучительски и хищнически.

Р) *Собор 1667 г.*

v

Он действовал по очень широкой программе. Она охватывала: 1) чин церковный (поставление в духовный чин; чин литургии;

1) правила причащения, венчания, погребения; обряды); 2) монашество и его поведение; 3) иконописание; 4) создание новых пархий; 5) церковные вотчины, находившиеся в ведении Никона; 6) поведение мирян.

Между прочим:

1) В отмену постановления Московского собора 1503 г., вдовым попам и дьяконам, если они живут «невозбранно», разрешено совершать богослужение.

2) В отмену постановления Московского собора 1621 г., предписано латинянам, при переходе их в православие, вторично не перекрещивать, ограничиваясь миропомазанием и заявлением об отречении («проклинании») прежних своих «ересей», ввиду того, что латинское трехкратное обливание младенца равносильно православному трехкратному погружению, так как и то и другое совершается одинаково «во имя Отца и Сына и Св. Духа».

3) В отмену постановления патр. Никона, предписано совершать освящение воды на праздник Крещения Господня (6 янв.) дважды: накануне, в навечерии, в церкви, и потом в самый день праздника, на реке. Никон же освящал воду один только раз, накануне, и притом на реке.

4) Запрещено держаться обычая, в силу которого священник, направляясь в церковь для венчания брачащихся, ехал верхом на коне, в облачении и с крестом в руках.

5) Запрещено держаться и другого обычая: погружать при крещении младенцев свечи в купель, так как это одно «сумудрие и бесчиние».

6) Запрещено работать и торговать в праздничные дни.

Собор дал свою санкцию преобразованиям Никона, одобрил изданные им книги: «Служебник» и «Скрижаль», повторил постановления собора 1666 года касательно церковных обрядов: 1) троеперстие; 2) крест на просфорах; 3) молитва Иисусова; 4) аллилуйя; 5) именованное — и добавил их новыми; 6) восьмой член Символа веры читать «без прилога Истинного»; 7) пение вести наречное.

Молитва Иисусова, впрочем, допускалась и с прилогом «Сына», если ее произносили «наедине», а не всенародно.

Собор так объяснил правильность трегубой аллилуйи: ею Мы исповедуем Бога «в Троице и во единце»; утверждаем, что «Троица — един Бог есть, а не три Бози», согласно той же мысли, что вложена и в молитву «Святой Боже (Отец), святой крепкий (Сын), святой Бессмертный (Дух Святой), помилуй нас», — а не «помилуйте нас». Тройная аллилуйя озна-

чает исповедание Троичности Бога, а добавочное «Слава Тебе Боже» — Его единства.

Как, однако, примирить подобное толкование с постановлением Стоглавого собора, наложившего клятву именно за трегубую аллилуйю (равно и за троеперстие)? Гордиев узел собор 1667 г. разрубил очень просто: все, что изложено об этом в книге Стоглав, «писано нерассудно, простотою и невежеством», а потому мы «тую неправедную и безрассудную клятву Макариеву и того собора, разрешаем и разрушаем: и той собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть (т. е.: как будто ее и не было). Зане той Макарий митрополит и иже с ним, мудрствоваша невежеством своим безрассудно яко же восхотеша, сами собою: не согласяся с греческими и с древними харатейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святейшими патриархи о том советоваша и ниже свопрочишася с ними».

Таким образом, собор 1667 г. существенно разошелся с собором 1551 г.: он не ограничился одними постановлениями, но занял непримиримую позицию по отношению сторонников церковной старины, которые как раз и опирались на постановления Стоглава. Он резко осудил «старую веру», безусловно запретил старый обряд, приверженцев его признал еретиками, наложил анафему на двуперстие и сугубую аллилуйю и призывал светскую власть преследовать и карать непокорных. Всякий противящийся постановлениям собора, заявляли его члены, «Богу противляется и уподобляет себя прежним проклятым еретикам». И мы такого противника, если это духовное лицо, — «извергаем и обнажаем его всякого священнодействия, и проклятию предаем»; если это мирянин — «отлучаем, проклятию и анафеме предаем яко еретика; отсекаем его от Церкви, пока не образумится и не вернется в ее лоно, а если умрет не примирившись, то да будет и по смерти отлучен, и часть его и душа со Иудою предателем и с распеншими Христа жидовы, и со Арием и со прочими проклятыми еретиками».

Сопоставляя деятельность двух соборов, 1666 и 1667 гг., замечаем громадную разницу в исходной точке зрения того и другого. Собор, составленный исключительно из одних русских иерархов, признав преобразования патр. Никона правильными, никакого проклятия и прямого осуждения ни на старопечатные книги, ни на двуперстие, ни на другие обряды, которых продолжали держаться противники нововведений, не наложил. Непосредственное осуждение выпало лишь на сугубую аллилуйю, как основанную на ложных толкованиях «Жития Ев-

фосина Псковского», да и в этом случае она не подвергалась я проклятию, ни анафеме. Вообще нигде и ни разу русские ерархи не назвали старые русские чины и обряды неправыми, тем более еретическими, недопустимыми в православной церкви, и осуждение старообрядцев вынесено было не за приверженность их к дониконовской старине, а за настойчивую пропаганду несправедливой и оскорбительной мысли, будто «нынешняя церковь несть церковь, тайны божественные — не айны, крещение — не крещение, архиереи — не архиереи, писания лестна, учение неправедное и вся скверна и неблагочестна». За отказ же руководиться в церковном обиходе нововведениями Никона собор налагал не отлучение, не анафему, а бычные в подобных случаях административные кары.

Подвергшись опале, Никон потерял прежнее влияние на ела, и собор счел возможным игнорировать прежнее постановление о проклятии за двуперстие, так что стало возможным надеяться, что терпимость, проявленная к инокомыслящим, сгладит или сделает менее чувствительною пропасть, вырытую в период патриаршества Никона. Между тем собор 1667 г. углубил эту пропасть еще сильнее и довел дело до полного, окончательного разрыва. Как это могло произойти?

На соборе 1667 г. видное участие принимали греческие иерархи с двумя восточными патриархами во главе; им принадлежало там первое место и первый голос. Греки воспользовались благоприятным случаем восстановить авторитет своей церкви, поколебленный в глазах русских еще со времен Флорентийской унии, и показать, что подозрения и нарекания на нее неосновательны, что скорее всего ошибаются сами русские. Под давлением греков собор разрешил от клятвы Стоглавого собора троеперстников и троивших аллилуйю, и, в свою очередь, наложил анафему на двуперстие и сугубую аллилуйю. Таким образом старообрядцы были поставлены на одну доску с еретиками. Этим было положено начало печальному явлению в русской жизни — расколу.

¹ Участие восточных патриархов на соборе 1667 г. придало ему характер всеправославного, как бы выражения мнения всей православной церкви. Не одной только русской поместной, а потому и снять отлучение со старообрядцев теперь может лишь такой же всеправославный собор: собора же из иерархов одной Русской церкви для этого недостаточно.

3. БОРЬБА ЗА МАЛОРОССИЮ

Образование Украины

Мы видели выше,¹ что одним из условий Люблинского договора 1569 г., объединившего Польшу и Литву в одно государство — Речь Посполитую, — договора, насильственно исторгнутого поляками у литовцев, было отторжение от Литвы значительной части ее территории, именно Подляшья, Волыни и Украины, — земель, лежавших, главным образом, по среднему Днепру и его притокам. Эти области отходили от Княжества к Короне и становились неотъемлемой составной частью последней, другими словами, всецело стали с этой поры подлежать польским законам, судиться польским судом, управляться польскими людьми применительно к тем порядкам, какие сложились в Польше и держались там. Последствия этой меры были громадны. Не говоря уже о том, что она ослабляла Княжество политически и нарушала прежнее равновесие в пользу Короны, — недаром Сигизмунд-Август, король, говорил, что у литовских панов «оборваны крылья» — помимо всего, передача этих областей в польские руки ставило русское население этого края лицом к лицу с иноплеменной и иноверной Польшей: предстояло применяться к новым порядкам, проникнутым чуждым литовско-русской народной массе началом аристократическим.

Рано или поздно, это неизбежно должно было повести к столкновению. На Волыни и на Украине стала водворяться польская администрация, вытесняя туземную русскую,² а под ее покровом сюда двигалась польская шляхта, приобретая здесь земли и принося с собою крепостное право, уже успевшее в самой Польше пустить прочные корни. Шляхта давно уже присвоила себе право жизни и смерти над своими крестьянами: убить холопа для шляхтича было, по выражению польских писателей того времени, то же, что убить собаку.

Убегая от неволи, сельское население, подобно своим собратьям в Московской Руси, усиленно отливало из внутренних областей Короны и Княжества к безбрежным степям Украины, спускалось все ниже по Днепру, в места, куда шляхтич еще не успел пробраться; но за ним следом шли паны; они выпрашивали

¹ Т. II, вып. 1.

² Напомним, что со времен Витовта (ум. в 1430 г.) чисто литовский элемент в Вел. княжестве Литовском потонул в массе русской народности: девять десятых населения были русские и лишь одна десятая — литовцы.

себе у правительства на южной границе обширные пустопорожные земли или просто самовольно захватывали их и спешно заселяли беглыми мещанами и крестьянами, приманивая последних щедрыми льготами. Благодаря этому, степная Украина быстро оживала. В короткое время здесь возникли десятками новые местечки, сотнями и тысячами хутора и селения. Одновременно с заселением шло укрепление степей: ведь чем дальше шли к югу, тем более подводили себя под удары крымских татар; и потому для прикрытия новых поселений цепь новых замков являлась необходимой, постоянная же борьба со Степью выработала из новых поселенцев военные общества, из которых постепенно и сложилось малороссийское казачество.

Малороссийское казачество

Казаки были люди нужные и полезные для края и для всего государства; но, при всей их пользе, это был элемент беспокойный, доставлявший польскому правительству немало хлопот и затруднений. Обороняя страну от татарских набегов, казаки в то же время сами питались такими же набегами на крымские и турецкие земли. На своих легких челнах они отважно бороздили по Черному морю, грабили побережье, доходили вплоть до берегов Малой Азии и даже проникали в самый Босфор, на виду Константинополя—Стамбула.

В отместку турки грозили Польше войной. Следовало поэтому обезвредить казаков, сохраняя их как силу оборонительную, как заслон на границе государства. Достичь этого думали, выделив наиболее благонадежную часть казачества и взяв ее на государственную службу, на жалованье, создать т. н. реестровых казаков, т. е. внесенных в списки, остальных же вернуть к сохе и к мирному промыслу. Но число казаков быстро росло, и хотя правительство тоже повышало цифру реестровых (в 1625 г. норма доведена была до 6 000 чел.), все же их рост не поспевал за ростом нерегулярных казаков. Таким образом, эта мера опасности не устранила, и чем более накапливалось на окраине беглого недовольного люда, тем легче было его двинуть не только против татар и турок, но и против самих Поляков и всего государственного строя.

Запорожье

В то же время далеко за пограничной чертой, на юге, в открытой степи, по нижнему течению Днепра, возникла другая Казацкая община — Запорожье (за порогами — отсюда его на-

звание). Ее образовали те же малороссийские казаки, вернее, их «крайняя левая»: те, кто уже совершенно порвал с польским правительством, для кого даже рамки полусвободного быта на пограничной черте являлись уже стеснительными и совершенно неприемлемыми. Тут, «за порогами» Днепра, они жили, действительно, совершенно свободными и независимыми: ни польский комиссар, ни карательные отряды не могли проникнуть туда. Запорожцы образовали военное братство, носившее название Сечи. Всякий недовольный, гонимый или в чем-либо попавшийся находил себе здесь место. В Сечи не спрашивали пришельца, кто он и откуда, какой веры, какого племени: принимали всякого, кто казался пригодным товарищем. Во главе Сечи стоял выборный атаман, своего рода президент этой казацкой республики, выбираемый всем наличным составом Сечи и бесцеремонно заменяемый другим, лишь только он становился неугодным своим товарищам.

Отношение к Польше

В общем казаки, и «малороссийские», и «запорожские», были люди, выбитые из колеи нормальной жизни: без отечества, без устойчивого положения и уверенности, что ожидает их завтра. Полностью связей своих с Польским государством они не порвали, но, убегая от крепостной зависимости, от шляхетского насилия, они видели в Польше такого же врага, если не хуже, как в Турции или в Крыму. Брестская уния 1596 г. обострила отношения еще резче. Православная церковь, перестав быть законной в глазах государства и угнетаемая им, искала себе и нашла защиту у казаков, казаки же тем охотнее стали на защиту своей православной веры и народности, так как, защищая ее, они одновременно вели борьбу и с ненавистным им социальным строем; борьба за веру значила в то же время истребление и изгнание ненавистной шляхты.

Четырнадцать лет подряд казацкие восстания следуют одно за другим (1624—1638); льются потоки крови; предаются пламени шляхетские усадьбы; вырезывается население, предается мучительной смерти; обе стороны изощряются в жестокостях и зверстве; но организованной силе государства каждый раз удается сломить эти восстания. Пользуясь своей победой, правительство уничтожило вольное казачество, вернуло нерестровых казаков в панскую неволю, а казаков реестровых поставило под контроль и управление правительственных комиссаров. *Орп* нако десять лет спустя казаки снова поднялись (1648) и на

этот раз с большим успехом. Во главе восстания стал Богдан Хмельницкий и быстро повернул дело в пользу казаков.

осстание казаков

иновий Богдан Хмельницкий был **Чигиринским** помещи- человек образованный и бывалый, он заслужил в русско-скую войну 1632—1634 гг. золотую саблю за храбрость: ил войсковым писарем; польское правительство считалось я и пользовалось его услугами. Потерпев личное оскорбле- *i* не найдя себе справедливого суда, он ушел в Запорожье, зтовил там восстание, получил помощь от крымского хана лбранный гетманом, объявил полякам войну. Первые же >итвы, при Желтых Водах и при Корсуни (1648), сломали этивление поляков. Успех поднял всю Малороссию; холопы **зпись** грабить и разрушать господские замки, жечь като-ские церкви и предавать мучительной смерти евреев, ко-х особенно ненавидели за то, что они держали в аренде ославные церкви.¹ Шляхта вынуждена была бегством спа-:я от ярости черни. Тогда король Ян Казимир сам пошел ив мятежников, но казаки и татары окружили его войско Зборовом и нанесли ему новое жестокое поражение. Збо-шй договор 1649 г. был наградой победителям, правда, не ой, так как измена крымского хана в решительную минуту дила Хмельницкого удовольствоваться меньшим, чем на он мог рассчитывать первоначально. Однако и то, чего иись казаки, было немаловажным успехом.

Зоровский договор

словия его были следующие: 1. Число реестровых казаков го прежних 6 000 повышалось до 40 000 чел.; зато все [ьные казаки обязывались сложить оружие и вернуться на Прежнее положение. 2. Польские войска лишались права на-ходиться на территории малороссийских казаков. 3. В трех воеводствах: Киевском, Брацлавском и Черниговском, король обязывался назначать на местные должности лиц исключительно¹ ^{св} **Польские помещики обыкновенно не занимались сами управлением оих имений, а отдавали их в аренду евреям, которые старались из Крестьян выжимать как можно более доходов и притеснениями своими Доводили их до того, что целые села иногда пустели от побегов. Вместе ^с именениями евреи часто брали на откуп у помещиков и православные Церкви, облагая пошлинами как богослужение, так и разные церковные ^тРебы. См. выше, т. II, вып. I («Казачество»).**

но из местной православной шляхты. 4. Уния в Малороссии упразднялась. 5. Киевский митрополит возводился в звание сенатора и как таковой получал место в сенате. 6. Евреям и иезуитам запрещалось жить в пределах Малороссии. 7. Город Батурин с округом отдавался гетману для получения с него доходов и для постоянного пребывания: он делался «столицею» малороссийского казачества.

Условия договора никогда, однако, не были выполнены и оставались мертвой буквой — уже по одному тому, что они были непосильны для обеих сторон. И король, и Хмельницкий были бессильны настоять на их выполнении. С одной стороны, униаты и римско-католики не допускали правительство уничтожить унию на земле казаков; сенат категорически отказался принять в свою среду православное духовное лицо, светские же сенаторы православные оказались бессильны сломить сопротивление католического большинства, вследствие чего православная церковь по-прежнему оставалась без своего представителя и защитника в среде правительства. С другой стороны, казаки, не попавшие в число 40 000 реестровых, отказались перейти «на прежнее положение», так как чаще всего это значило снова стать бесправными холопами, снова подвергаться прежним насилиям, вернуться в прежнее крепостное состояние, работать на тех самых господ, которых они только что прогнали со своей земли. Реестровые казаки, на положении счастливых избранников, баловней судьбы, составляли ничтожную часть «казацкого» населения Малороссии, и потому можно сказать, что вся Малороссия осталась Зборовским договором недовольна, и когда Хмельницкий задумал было строгими мерами привести в исполнение пункт Зборовского соглашения, то по всей Малороссии обнаружилось против него такое сильное неудовольствие, что гетман вынужден был совсем отказаться от своей попытки.

Договор в Белой Церкви

В результате — новая война, на этот раз, однако, неудачная для казаков. В самый разгар сражения под Берестечком (1651 г., 28—30 июня) вероломный союзник, крымский хан, подкупленный поляками, покинул их, и казаки понесли жестокое поражение. Условия договора, заключенного вскоре в Белой Церкви 18/28 сентября 1651 г., значительно отличались от договора Зборовского:

1. Число реестровых казаков уменьшалось до 20 000, причем располагались они не по всей Малороссии, но должны были быть сосредоточены в одном Киевском воеводстве. 2. Польским войскам возвращалось право нахождения на территории Малороссии; исключением было только Киевское воеводство: очевидно, во избежание столкновений между двумя враждебными и всегда вооруженными элементами. 3. Евреям тоже открывался доступ в Малороссию.

Об уничтожении унии, о предоставлении киевскому митрополиту места в сенате не было больше и речи. Для массы населения Белоцерковский мир был еще менее приемлем, чем Зборовский. Смута продолжалась. Тогда сознание собственного бессилия побудило Хмельницкого обратиться к московскому царю и просить его принять Малороссию «под свою высокую руку».

Присоединение Малороссии

Предложение Хмельницкого на первых порах не встретило в русском правительстве большого сочувствия: оно считало его несвоевременным. Казалось бы, чего лучшего? Давняя мечта, лелеемая еще со времен Ивана III, — воссоединение коренных древних русских областей, — готова была осуществиться: сама «отчина Св. Владимира» добровольно отдавалась в руки царя Алексея! Однако память о недавней неудачной борьбе с Польшей и соединенных с нею тяжелых потерях, о тщетных попытках вернуть не то что Киевский край, но хотя бы только Смоленск, вынуждало правительство действовать осторожно во избежание новой войны. А в то же время немислим был и прямой отказ. Желая оставаться корректным, царь Алексей предложил было казакам принять всех и расселить на территории своего государства, если на то даст свое согласие польский король, но, вероятно, он и сам хорошо понимал, что такой ответ не более как простая отписка. Угроза Хмельницкого отдаться в подданство турецкому султану побудила Алексея Михайловича на новый шаг: непосредственными переговорами с королем он пытался убедить его примириться с казаками на основе Зборовского договора, но, разумеется, успеха не имел. Тогда, и только тогда, решено было на созванном в Москве Земском соборе принять предложение гетмана (1653 г., октября 1), после чего, уже не мешкая, к Хмельницкому отправлено было особое Посольство (с боярином Бутурлиным во главе), и на раде в ^ереяславе оно приняло 8 января 1654 г. присягу казаков на Подданство русскому царю. «Статьи» соглашения, выработанные

Хмельницким и посланные в Москву, были там приняты (1654 г., март), и присоединение обширного русского края к Московскому государству стало совершившимся фактом.

Присоединение Малороссии, разумеется, означало войну с Польшей. Таким образом, избежать нового столкновения, при всем желании, не удалось. Ход событий оказался сильнее отдельной воли. Еще 11 лет перед тем, обсуждая в 1642 г. на другом Земском соборе вопрос, брать или не брать Азов, захваченный донскими казаками, т. е. решаться или нет на войну с турками, постановили от Азова отказаться в силу всеобщего убеждения, что война окажется непосильной; теперь дело обстояло иначе: за 11 лет государство окрепло не намного, да и окрепло ли вообще? Недавние бунты и народные волнения на протяжении нескольких лет (1648—1650) развить государственную мощь, конечно, не могли; но теперь дело шло не о татарском разбойничьем гнезде, а о единоплеменных братьях, о единоверцах, о стародавней «отчине», и не прислушаться к ее голосу было невозможно. К счастью для нападающего, бог войны оказался этот раз на его стороне.

Условия присоединения

1. В основу соглашения легло признание за казачеством полной свободы самоуправления, независимого суда согласно казачьим законам и обычаям; царь подтверждал войсковые права и вольности: «чтоб ни воевода, ни боярин, ни столник в суды войсковые не вступался, но от старших своих чтобы товарищество сужены были».

2. Казаки сохраняли за собой не только пожизненное (как это было при поляках) право на пользование земельными местностями, но и наследственное, с передачей их, по смерти, своим женам и детям.

3. Число реестровых казаков определялось в 60 000 чел., но сверх их дозволено было иметь и охочих людей военных.

4. Гетман, полковники и войсковой старшина избирались самими казаками.

5. Местная православная шляхта, православное духовенство и мещане сохраняли прежние свои права и положение: свои местности, свой суд, «чтоб шляхтич был шляхтичем, казак казаком, а мещанин мещанином».

6. Киевский митрополит избирался тоже на старых основаниях: народным голосованием, и по-прежнему оставался в подчинении у константинопольского патриарха.

7. На основе самоуправления выработаны были и денежные отношения малороссийского казачества с московским правительством: сбор доходов в государеву казну должен был производиться местными властями, без вмешательства московских чинов «для того, что люди здесь к нашим обычаям не признались» (не ознакомились с ними).

8. Наконец, за гетманом признано было немаловажное право (делавшее его полунезависимым государем) непосредственного сношения с иноземными государями: о своих сношениях с ними гетман только доводил до сведения царя. Впрочем, из общего порядка сношений установлено было исключение, тоже немаловажное: сносятся с польским королем и турецким султаном гетман мог лишь с царского разрешения: государство должно было гарантировать себя от возможности нанести ущерб наиболее жизненным интересам.

На таких условиях к Московскому государству присоединялась вся Малороссия: вся казацкая земля, «Войско запорожское», как называли себя сами казаки — недавние губернии Полтавская, Черниговская, Киевская, значительная часть губерний Волынской и Подольской.

Программа Б. Хмельницкого

В «Статьях» Хмельницкого на первый план выступают интересы казачества, заботы о нем: сохранение старых прав и дарование новых; в тесной связи также и забота о православной церкви. Интересы же других общественных классов хотя и не забыты, но отодвинуты на второй план. Знамя восстания против поляков поднято было не во имя интересов целого края, а во имя интересов именно казачества; до идеи государства гетман и окружавшая его войсковая старшина еще не доросли — отсюда и односторонность самой программы. Зато это обстоятельство и явилось впоследствии одной из главных причин неустойчивости завоеванных казаками прав и привилегий.

Характер соглашения

По форме соглашение между малороссийским казачеством и московским царем являлось настоящей инкорпорацией Малороссии, т. е. включением («втелением», как говорили на Литве) ее в состав Московского государства на таких *^е основаниях, на каких входили в состав его и другие русские области: царь принимал Запорожское войско — так называли себя и самую Малороссию сподвижники Хмельницкого — «под

свою высокую руку», в ответ на его низкое челобитье (заявления казаков в декабре 1652 г. и в апреле 1653 г.); царь становился в положение государя своих новых подданных. «Гетман его пресветлого величества войска Запорожского» — так титуловался Хмельницкий. Свои подданные отношения он наглядно подчеркнул, назвав себя на официальном приеме царского посланца «холопом» московского государя и в частной беседе с этим же посланцем прося царя Алексея принять казаков «в вечное холопство» (1653 г., август). Вот почему привилегии, полученные казаками, были им пожалованы как милость великого государя. Как милость выпрашивал Хмельницкий у царя себе и войсковой старшине земельные угодия.

В соответствии с таким характером соглашения, боярин Бутурлин, приняв в Переяславе от гетмана и войска присягу на верность московскому царю, категорически отказался, в противность желания гетмана и старшины, дать взаимную присягу за государя и выдать письменное обязательство в соблюдении царем казацких вольностей и в сохранении за казацкой старшиной и войском их местностей: все это, говорил он, казаки получают (и через два месяца, действительно, получили), но как пожалование царское.

Такова форма Переяславского и Московского соглашения. По существу же это был договор между двумя свободными договаривающимися сторонами, и не «пожалуй» царь того, что он «пожаловал» в марте 1654 г., согласно «Статьям Богдана Хмельницкого», соглашение 8 января и присяга, данная Алексею Михайловичу, возможно, были бы немедленно нарушены.

В этом расхождении формы с сущностью дела таился зародыш недоразумений на будущее время: Москва считала себя вправе то расширять свою «милость», то сокращать ее размеры в зависимости от субъективной оценки поведения казаков и их вождей; само же казачество эту «милость» понимало как свое неотъемлемое право, цепко держалось за него и в его нарушении видело нарушение самого договора. Считаясь с таким настроением казачества, московское правительство каждый раз при выборе нового гетмана подтверждало жалованную грамоту 1654 г. и обещалось соблюдать казацкие права и привилегии.

Так дело велось первые 60—70 лет, пока измена Мазепы, уже много позже, не произвела настоящего переворота во взаимоотношениях Москвы и Малороссии.

Война с Польшей (1654—1667)

Война началась крупным успехом русских войск — взятием Смоленска: этот важный политический и стратегический пункт снова, после 43 лет, стал русским достоянием (1654 г., сентября ДО). За Смоленском последовало падение Вильно, Ковно и Гродно (1655) — вся коренная литовская земля покорилась царю, и Алексей Михайлович, титулуясь перед тем государем «Великой и Малой России», раздвинул теперь свой титул вставкой «и Белой». С одновременным вторжением в Польшу и шведов, с завоеванием ими Кракова, Варшавы, Речь Посполитая очутилась на краю гибели. Доведенные до крайности поляки вступили с царем в переговоры и, маня его возможностью избрания теперь же в короли, преемником Яна Казимира после его смерти, добились заключения перемирия (1656 г., октябрь), что дало им передышку и возможность несколько оправиться от поражений, нанесенных им с двух сторон.

Переговоры об избрании были, однако, простым отводом глаз, но в Москве поняли это, когда уже было поздно. Война возобновилась, а вооруженное столкновение с Швецией (см. ниже) значительно ослабило ценность достигнутых перед этим успехов. Смерть Богдана Хмельницкого (1657 г., июля 27) осложнила положение дел еще более. Новый гетман Иван Выговский, из шляхтичей, воспитания и ориентации польской, изменил Москве и вошел в соглашение с поляками. Договор, заключенный им с ними («Гадячские пункты»; 6 сентября, 1658 г.) в значительной части своей повторял условия Зборовского договора 1649 г., и как ни отяготителен он был для поляков, но они пошли на него, лишь бы отторгнуть Малороссию от России, тем более что расценивали эти «пункты», подобно Зборовскому договору, как временную уступку, в расчете найти ближайший предлог и повод отказаться потом от него.

Гадячские пункты

Будучи частью повторением соглашения под Зборовом (уничтожение унии — место киевскому митрополиту в сенате — число реестровых казаков 60000 — запрет польским войскам находиться на Украине; впрочем, в случае необходимости их Появления они переходили под начальство гетмана), пункты Дополняли соглашение условиями:

1. Воеводства Киевское, Брацлавское и Черниговское образуют, наподобие Великого княжества Литовского, — Великое

княжество Русское, со своим самостоятельным правительством и правом чеканки собственной монеты.

2. Гетман избирается королем из числа кандидатов, назначенных и представляемых ему сословиями княжества.

3. В сенате заседают, кроме киевского митрополита, еще пять других архиереев.

4. Гетману предоставлено право представлять королю кандидатов для возведения их в шляхетское достоинство.

5. Еще при соглашении с Москвой казачество выговорило себе право заводить у себя школы, где бы ни было и какие бы ни было (1654) — договор в Гадяче уточнил этот пункт: казачеству предоставлялось право заводить коллегии, училища и типографии, сколько их понадобится; а в Киеве и еще в каком-нибудь другом месте право завести две православные академии с университетским курсом преподавания.

Гадячские пункты в жизнь не вошли. Казацкая масса, тянувшая к Москве, не видела в них большой для себя пользы и отшатнулась от Выговского. С согласия Москвы, гетманом избран был Юрий Хмельницкий, сын покойного Богдана, юноша ничтожный, живший чужим умом, переходивший то на ту, то на эту сторону и в конце концов сам добровольно отказавшийся от гетманской булавы (1662), закончив жизнь свою в монастыре.

Договор 1659 г.

При избрании Юрия (1659 г., октября 17) Москва заключила с ним и с казачеством новый договор, на этот раз существенно отличавшийся от соглашения 1654 г. Измена Выговского, ничтожество Юрия Хмельницкого требовали большей осмотрительности в задаче царских «милостей»: прежняя широкая автономия края показала московскому правительству непрочность положения местной власти и отсутствие надлежащих гарантий для соблюдения его собственных интересов. Поэтому новый договор значительно ограничил казацкую автономию и поставил Малороссию под более деятельный контроль Москвы.

I. Права гетмана были значительно сужены: 1. Начальных лиц без ведома и согласия царя он не мог ни казнить, ни судить. 2. Он лишился права принимать иноземных послов. 3. Избирать начальных лиц он не имел права без рады и совета всей казацкой черни (а на чернь-то Москва и полагалась более всего).

П. Инкорпорация Малороссии сказывалась и в запрещении казачеству тратить свои силы в ущерб общерусским интересам

и в привлечении его на службу этим общерусским интересам: войско казацкое обязывалось во время войны выступать и за пределы Малой России, т. е. оказывать войску московскому, когда это будет сочтено необходимым, вооруженную помощь, и вообще не воевать без царского разрешения.

III. Существенным отступлением от прежних порядков в области внутреннего управления было: 1. Назначение московских воевод в некоторые города (Переяслав, Нежин, Чернигов и др.)- 2. Разрешение населению подавать царю жалобы и челобитья помимо гетмана. 3. Наконец, как избрание гетмана, так и его низложение могли производиться лишь после предварительного доклада царю.

Эти новые порядки были первым проявлением той политики, которая позже, пройдя несколько промежуточных этапов, превратит Малороссию при Екатерине II в такую же русскую губернию, как и любая другая в Российской империи.

Дорошенко

В нездоровой обстановке польско-русской войны Малороссия вскоре распалась на две половины: одна, западная, правобережная, где сильнее было течение польско-шляхетское, тянула к Польше; восточная, левобережная, с преобладающим демократическим элементом населения, держалась Москвы. Гетманы там и тут сменялись один за другим, воевали друг с другом, зорили край и довели его до полной «руины». Из гетманов того времени наиболее выдался Петр Дорошенко, в Западной Украине. Видя, что, держась поляков, ему не приобрести народного сочувствия, он решился объявить себя их врагом и передался турецкому султану, тем более что в июне 1666 г. Польша и Москва, после долгих лет взаимных побед и поражений истощив свои силы, вступили в переговоры о мире, и надежда воссоединить обе половины Малороссии иным путем, как опираясь на турок, у Дорошенка исчезла совсем. В октябре 1666 г. он присягнул перед крымским ханом не служить ни польскому, ни русскому государю, пошел вместе с ним опустошать польские земли, вынудив поляков в переговорах с русскими быть более уступчивыми и поспешить с заключением если не мира, то перемирия на 13 с половиной лет (1667 г., января 13).

Андрусовский договор

Перемирие обыкновенно заключают в тех случаях, когда противники не могут окончательно договориться между собой,

в надежде со временем или найти новую почву для соглашения, или получить возможность силой принудить врага принять свои условия. Андрусовское соглашение носило поэтому характер временный, коренного расхождения не разрешая. Условия его были следующие:

1. К Москве отходили Смоленская область, Стародубский уезд Северной области, вся левобережная Малороссия и город Киев на правой стороне Днепра — последний, правда, всего только на два года: по истечении этого срока он должен был быть возвращен обратно полякам.

2. К Польше отходила обратно часть Литвы, оставшаяся ко времени заключения перемирия еще в русских руках (Витебск, Полоцк; вся Ливония и вся правобережная Малороссия — кроме Киева).

3. Запорожские казаки рассматривались как подчиненные одинаково и Польскому и Русскому государству, служили и царю и королю против их неприятелей и лишались права выходить в Черное море и самостоятельно делать набеги на турецкую землю.

Оба государства обязывались действовать совместно против крымского хана в случае его нападения на Украину, все равно, русскую ли половину (левобережную) или польскую (правобережную).

Условия Андрусовского договора, несомненно, были выгоднее для Москвы, а не Польши. Война, начавшаяся из-за Малороссии, выросла в течение лет, по самому ходу событий, в старый вековой спор за обладание бассейном Днепра на всем его протяжении. Завоевание на первых порах Смоленска дало царю Алексею возможность домогаться и Киева и завоевать право удержать его, хотя бы временно, в своих руках. Соглашение в Андрусове являлось вторым перемирием, которое Россия заключала с поляками после Смутной поры, но как мало походило оно на первое! В Деулине спорные земли остались в польских руках, в Андрусове — руки удержавшие были русские; притом в спорном владении за Россией остались не только области Смоленская и Северская, потерянные царем Михаилом, но и вся левобережная Малороссия, да на правом берегу Днепра город Киев, ценный стратегический ключ к обладанию всей западной правобережной Украиной, и вдвойне дорогой как символ единения русской народности, как колыбель Русской земли. И, подобно тому, как Деулино служило для поляков лишь этапом к Поляновке и полному закреплению земель, добытых силой оружия, так и русских людей Андрусовское перемирие

привело через 19 лет к Московскому договору 1686 г., превратившему временный мир в мир вечный.

Однако успех военный, достигнутый Россией, не был настолько решительным, чтобы довести дело до конца: от доброй половины Малороссии, поддавшейся вместе с Богданом Хмельницким в 1654 г., пришлось отказаться. Борьба была приостановлена, и не только потому, что ни у той, ни у другой стороны не хватало сил для решительного удара, и, следовательно, позволяло противнику хотя бы частично удерживать за собой спорные пункты, но и потому, что на горизонте появилась и выросла туча, грозившая большими бедами и тем и другим: и Польше, и Москве. Подданство Дорошенка турецкому султану ввело на сцену третьего партнера в распре. Его-то появление, одинаково опасное и полякам, и русским, и побудило их поспешить отложить на время свой спор.

Но с перемирием создалось ненормальное положение; два врага подавали друг другу руку для совместных действий против третьего, общего, однако настоящими сотоварищами по общему делу через это они не стали. Взаимного недоверия, накопившегося и воспитанного годами, Андрусовский договор не рассеял; то чувство раздражения, которое еще вчера питали они друг к другу, каждый по-своему справедливо, отстаивая то, что они считали своей законной собственностью, — это чувство продолжало и теперь бедерить старые раны.

И вот почему настоящих совместных или согласованных действий русских и поляков против турок после Андрусовского мира мы не увидим. Правда, когда турки захватят польскую крепость Каменец (1672 г., августа 17), а вместе с ней и целую область, Подолию, в Москве забьют тревогу: ведь, став в Польше твердой ногой, султан, чего доброго, набросится и на русские земли! Царь Алексей Михайлович поспешит разослать послов к европейским государям, зовя их на общую борьбу с «врагом христианства»; однако в то же время всякий неуспех поляков воспринимался в Москве как упрочение ее позиции в Малороссии, позволял оттягивать возвращение Киева и по истечении Двухлетнего срока; равно и на польской стороне любое затруднение московского правительства принималось с плохо скрытым Удовольствием: думали, «вот, Бог даст, вырвем Киев обратно из цепких их рук». Не раз сговаривались та и другая сторона совместных действиях против турок или хана, и каждый раз Взаимное недоверие расстраивало сговор.

А туркам все это было на руку. Нанеся поражение полякам^в 1672 г. и вынудив их подписать в Журавине мир «наиболее

постыдный (по выражению польского историка) из всех, какие когда-либо они заключали», турки несколько лет спустя двинули свои силы и против России, направив их на Чигирин. Царь Алексей, впрочем, до этого не дожил. Разделяваться с турками выпало на долю его преемнику.

Но еще раньше удалось освободиться от Дорошенка. С появлением русского войска в Западной Украине тамошнее население передалось на сторону Москвы и низложило своего гетмана (1674). Дорошенко продолжал было еще сопротивляться, но, убедившись, что дело его безвозвратно проиграно, покорился судьбе и отдался в русские руки (1676 г., октябрь). Трехлетним воеводством в Вятке, а затем длительным бездействием в пожалованных ему (уже не в Малороссии) вотчинах (ум. в 1698 г.) закончилась его бурная политическая карьера.

4. ВОЙНА СО ШВЕЦИЕЙ (1656—1661)

Войну со Швецией царь Алексей Михайлович начинал не по доброй воле: шведы собирались загородить ему дорогу и помешать его успехам в Польше. Три державы: Швеция, Польша и Россия издавна соперничали за господство на Балтийском море, и если последней еще рано было думать о «господстве», все же всякий успех русского оружия в этом направлении расценивался обеими соседками весьма подозрительно, не говоря про то, что каждая из них зорко и ревниво следила одна за другой. Стоило, например, Швеции при Василии Шуйском послать против Тушинского вора отряд Делагарди (1609), как Польша не замедлила ответить на эту посылку осадой Смоленска, не без основания опасаясь, как бы вмешательство шведов во внутренние дела Московского государства не нарушило политического равновесия и не нанесло полякам ущерба. Так и теперь: успехи русского оружия в Польской войне, начатой из-за Малороссии, не позволяли шведам оставаться равнодушными. Россия на первых же порах отломилась большой кусок у польского пирога — оставаться простым зрителем не значило ли косвенно помогать ей в дальнейших захватах? К тому же затруднительное положение Польши было слишком заманчиво, подавая надежду на легкий успех. Действительно, шведский король Карл X Густав под пустым предлогом напал на поляков, завладел Великой Польшей, заставил Яна Казимира бежать в Силезию, но, не довольствуясь этим, протянул руки еще к

Литве. Зато и в Москве могли ли, в свою очередь, оставаться Н этому последнему шагу шведов равнодушны, особенно после того, как царь Алексей, завладев рядом важных городов (Дорогобуж, Могилев, Смоленск, Витебск, Велиж, Вильно, Ковно, Гродно) и фактически владея, можно сказать, всем Великим княжеством Литовским, только что принял новую редакцию своего царского титула, внося в него знаменательные и многоговорящие дополнения: «всеа Великия и Малыя и БЕЛЫЯ 'оссии самодержца. ЛИТОВСКОГО, Волынского и Подольского». Вдобавок Карл X завел переговоры с Богданом Хмельницким, который был недоволен перемирием Москвы с Польшей и готов был, по-видимому, отложиться от нее.

Война началась весной 1656 г. Летом русские войска вступили в Ливонию. Начало военных действий было удачно; у противника захвачены Динабург, Кокенгаузен, Ниеншанц, потом Дерпт. Зато поход под Ригу, под водительством самого царя, кончился неудачей: осаду города пришлось вскоре снять [1656 г., осень). С той поры военные действия почти замирают, Яну Казимиру удалось в значительной степени обезвредить шведов, вернуть от них Краков и Варшаву. Как соперник, Карл X перестал быть опасным. Между тем мирные переговоры с Польшей не привели ни к чему, и с поляками пришлось возобновлять войну; в Малороссии гетман Выговский открыто вел себя враждебно, царь Алексей, чтоб не обессилить себя на польском фронте, стал думать о мире. Покончить войну со Швецией он спешил еще и потому, что с ней теперь не за что было более ссориться, ибо нечем стало делиться. Со своей стороны Карл XI, которого дела шли дурно в Польше и который, будучи вынужден вести войну с Данией, тем более вынужден был отказаться от каких-либо притязаний на Литву, «искренно желал помириться с царем и побуждал к посредничеству курфюрста Бранденбургского и герцога Курляндского» (Соловьев).

20 декабря 1658 г. в Велиесаре, близ Нарвы, заключено было трехлетнее перемирие, а через три года, 21 июня 1661 г., в Кардисе, около Ревеля, заключен «вековечный» мир. Россия отказалась от своих завоеваний в Ливонии и вошла в прежние границы. Таким образом, война не дала ей никаких положительных результатов; но мир был необходим: он развязывал Наши руки в Польше и в Малороссии.

Этот мир не только свидетельствовал о невозможности для России позволить себе роскошь — вести войну одновременно На два фронта, но и указывал, какому фронту отдано предпо-

чтение. Зато в выборе самого фронта главные руководители внешней политики коренным образом разошлись между собой.

Ордин-Нащокин настаивал на тесном союзе с Польшей, чтобы общими силами броситься на шведов и пробиваться к морю. Как позже Петр Великий, он тоже мечтал прорубить «окно в Европу». В этих видах он готов был поступиться даже Малороссией, вернуть полякам, лишь бы обеспечить России решительную победу над шведами. Иначе смотрел на дело царь Алексей: он находил, что Малороссия нам дороже, необходимее, и настоял на заключении шведского мира. И он был прав по многим причинам.

1. Польша в ту пору была много слабее. В ней еще с конца XVI ст. стала воцаряться узаконенная анархия; к половине XVII ст. она достигла ужасающих размеров. Политическая мощь Польши, ее военные силы были в корне подточены. Швеция, наоборот, выдвинула в ту пору ряд замечательных государственных деятелей, достигла наивысшего расцвета своего политического могущества и потому представляла для России весьма и весьма грозную силу.

2. Борьба за Малороссию для массы народной была понятнее, ближе ее сердцу: там жили свои родные братья, терпевшие за православную веру, и потому война с поляками пользовалась в обществе большей популярностью. Чувство мести играло в данном случае тоже не последнюю роль: отнимая у Польши Малороссию, ей как бы отплачивали за зло, причиненное в Смутные годы, а зло это чувствовалось всеми еще живо и болезненно. Напротив, пользу и необходимость моря сознавали немногие; большинство готово было видеть в завоевании его скорее вред, чем благо: сближение с Западом многих пугало — как бы не пошатнулись устои и заветы родной старины! Царю Алексею тяжела была мысль об уступке даже одной западной половины Малороссии, а Ордин-Нащокин предлагал отдать и восточную! «Собаке, — писал Алексей Михайлович Ордину, — недостойно есть и одного куса хлеба православного; если же оба куса достанутся ей вечно есть, — ох, кто может в том ответ сотворить? И какое оправдание примет тот, кто отдал собаке этот святой и живой хлеб?»

3. Причины русско-польского разлада были такие жгучие, самый разлад пустил такие глубокие корни, что надеяться на прочный мир с поляками, прежде чем им не будет нанесен решительный удар, не было достаточных оснований.

4. Наконец, царем руководили соображения и чисто военного характера. Ни Киев, ни Смоленск, т. е. ни среднее, ни верхнее

течение Днепра еще не были в наших руках; в такой обстановке начинать серьезное дело было опасно: финское побережье лежало далеко, и рискованно было «рубить окно», имея в тылу соседа, который, наверное, не умедлил бы использовать первое лее наше там затруднение и свести с нами старые счеты. Одно дело завоевать Нарву или занять устья Невы, другое — удержать их. Без опоры в тылу мы рисковали очутиться в таком же положении, от какого еще недавно предусмотрительно избавили себя, отказавшись (1642) от предложенного нам Азова. Другое дело после Андрусовского и особенно Московского договора 1686 г.: твердая позиция, занятая на Днепре, позволила гораздо свободнее развернуть свои силы в шведском направлении и самую Польшу использовать в своих интересах — это и не замедлит сделать Петр Великий через каких-нибудь 14 лет.

5. ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (его личность)

Это прежде всего русский человек, — русский по всему своему облику, внешнему и духовному: с окладистой бородой, с подстриженными в кружок русыми волосами, с легкой наклонностью к дородности, что в русских людях XVII в. обычно вызывало чувство почтения и уважения; русский по своим представлениям и понятиям, привычкам, навыкам, по всему обиходу жизни. Солнечный круговорот с его языческими праздниками и обрядами, перелицованный на христианский лад, являлся для царя Алексея такой же реальной ценностью, как и для последнего захудалого мужичонки в глухой деревне, для последнего ярыжки в подгородной слободе.

Но, живя одной жизнью со своим народом, он возвышался над толпой по своим душевным качествам, своей просветленностью, чистотой. Про царя Алексея можно сказать то, что некогда, более ста лет назад, один исследователь сказал применительно к Владимиру Мономаху: «У него были недостатки своего века, но у его века не было тех достоинств, какими обладал Мономах».

Это человек кристальной души, искренний, открытый, под-Час прямо-таки обаятельный в своей чистоте и непосредственности. В человеке он ценит прежде всего человека. Нравственные достоинства, при оценке людей, для него на первом плане. Царь — он потребует себе безусловного повиновения во всем; но, как человеку, ему нужны в людях близкие, друзья:

с ними ему всего уютнее. У него имеется «собинный друг» патриарх Никон: «друг Сергеич» — боярин Матвеев, и разрыв с друзьями он переживает очень, очень больно. Мелкого дворянина Ордина-Нащокина царь Алексей, прежде чем успел оценить его государственные способности, выдвинул за качества душевные, оценив в нем человека: его заботы о ближнем, постоянную готовность подать помощь нуждающимся, ласковый характер, добросовестное исполнение долга.

Посмотрите, сколько гуманного чувства в его утешениях, обращенных к князю Одоевскому! Как он старается утешить старика в его тяжелой утрате — смерти сына-первенца! Отец был далеко, когда умирал его сын, и царь Алексей нежно и вдумчиво описывает ход болезни молодого Одоевского, последние его минуты, хорошо понимая, как дорога неутешному отцу каждая подробность. Да, Евангельское слово для царя Алексея не простой звук: он милосерден не только в силу обязанности, но и по влечению сердца. Он сумеет глубоко прочувствовать чужое горе и влить в страждущее сердце действительно «бальзам утешения». Сын Ордина-Нащокина стал государственным преступником: бежал за границу, передался чужим. Казалось бы, как не разразиться царскому гневу? Между тем первым движением царя Алексея было утешить несчастных отца и мать, поддержать их в их горе, ободрить.

¹ «Он со мною здоров был, и приехал того дни к ночи в Покровское. Да жаловал их обоих (братьев) вином и романею, и подачами, и комками, и ели у меня, и как отошло вечернее кушанье, а он стал из-за стола и почал стопать головою, голова-де безмерно болит, и почал бити челом, чтоб к Москве отпустить для головной болезни, да и пошел домой... а болезнь та его почала разжигать огневая. А перед пятницу, в которую не стало, и полегчило ему, и сидел, и говорил, да почала кровь идти из носа беспрестанно, а сказывал мне князь Федор (брат его), ведра-де, государь, с три вышло, да как-де унялась, так и отходить начал... Причастили в третьем часу дни, а преставился в пятом, а после причастия отнюдь ничего не молвил; как есть уснул; отнюдь рыдания не было, ни терзания. И тебе, боярину нашему и слуге, и детям твоим через меру не скорбить, а нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да в меру, чтобы Бога наипаче не прогневать, и уподобиться б тебе Иеву праведному». См.: Собрание писем царя Алексея Михайловича М., 1856. С. 228—229.

² «И тебе, верному рабу Божию и нашему государеву, видя к себе Божию милость и нашу государскую отеческую премногую милость, и отложя тое печаль, Божие и наше государево дело совершать, смотря по тамошнему делу; а нашего государского не токмо гневу на тебя к ведомости плутоности сына твоего, ни слова нет». См.: Соловьев, ИР, X, гл. 1, в конце (этими словами царь Алексей заявлял, что не принимает отставки Нащокина, которую тот подал было государю, узнав о бегстве сына).

Живой, веселого характера, он любит шутку, хотя в наше время иному она и покажется слишком уже грубой и незамысловатой.¹ И вместе с тем он вспыльчив по натуре, легко поддается первому впечатлению и в минуту гнева способен оттащить за бороду своего тестя, боярина Милославского, с позором пинками вытолкать, за хвостовство, из палаты; или прибить почтенного старого боярина Стрешнева, к тому же родственника по матери, за его отказ позволить хирургу, заодно с царем, пустить себе кровь. Вспылив, царь Алексей даже и «собинный друг» обругает нехорошими словами, не сдерживаясь ни местом — церковью, ни моментом — в Страстную пятницу. Зато прошла вспышка, остыл гнев — и царь Алексей торопится загладить свою вину, восстановить прежние добрые отношения.

Чего недоставало ему — это сильной воли, твердого характера, что особенно проявилось в деле патриарха Никона: слабовольный, он долго колеблется, прежде чем принять решительные меры. Он хорошо понимает, что, удалившись с патриархии, но не сложив с себя патриаршества, Никон поставил Русскую церковь в ненормальное положение, причинял вред как ей, так и государству; но недаром же Никон — «собинный друг», «друг душевный и телесный»: такими прочными узами связан с ним царь Алексей, — узами дружбы, почтения, восхищения, благодарности! ... А потом, эти самые вспышки гнева: они так мимолетны, безвредны! Да и безволие диссонанса в общий облик царя Алексея не вносило; пожалуй, скорее даже гармонировало с той атмосферой благодушия, в рамках которой рисуется нам портрет «тишайшего» царя.

Зато если в деле патриарха Никона «государь» излишне долго борется в нем с «человеком», то с той минуты как первый, наконец, поборет второго, царь Алексей станет действовать не только решительно, но и настойчиво, упрямо, неуклонно держась новой принятой линии поведения. И это потому, что теория римского цезарепапизма для него неприемлема. Он не потерпит вмешательства Церкви в дела Государства и в то же время потребует, чтобы Государство руководилось указаниями, заветами Церкви, не отступало от них. Божие и

¹ «Да извещаю тебе, што тем утешаюся, что столников беспрестан купаю ежеутре в пруде; Иордань хороша сделана, человека по четыре и по пяти и по двенадцати человек, за то: кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю; да после купанья жалую, зову их ежден, у меня Купальщики те ядят вдоволь, а иные говорят: мы-де нароком не поспеем, так-де и нас выкупают, да и за стол посадят; многие нароком не поспевают». См.: *Собрание писем*, 78.

Кесарево он никогда не смешает. Государь — он обязан огородить «Кесарево»; как человеку — область «Божия» для него священна и неприкосновенна.

Притом «государь» и «человек» для него отнюдь не два противоположных понятия. Наоборот, одно нераздельное другим. Да и как, в самом деле, отделить одно от другого в те минуты, когда, пав на колени, царь Алексей земным поклоном упрашивает митрополита Никона принять патриарший жезл? Конечно, в этой униженной просьбе он — государь, пекущийся о благе Церкви и Государства, и в то же время сколько простого, человеческого в этом движении!

Как отделить «государя» от «человека» в те минуты, когда он идет проведать тяжело больного патриарха Иосифа и смиренно ждет целый час выхода его в приемную комнату! Как показательно настойчивое желание его, 23-летнего юноши, оказать почет недугующему старцу, усадив его непременно справа от себя, а не слева; эти земные поклоны и целование ноги у первосвятителя; эти угрызения совести в том, что вовремя не выяснил, кому патриарх «душу свою прикажет» и келейную казну.

¹ «Заболел лихорадкою... а к Вербному воскресению и полегчало... на злую силу ездил на ослияте, а кручиновать добре был, в ходу никто не мог угодить, на всех кручинится... а за столом весел таков был, сказывают, что не ведают, где деться. Да на Страстной неделе посылал я в понедельник и во вторник о спасении (здоровьи) спрашивать, и он государь сам выходил, да сказывал: „есть де легче, прямая де лихорадка, и знобит и в жар великой приводит“. Да во вторник ездил отпевать Ивана Григорьева сына Плещеева жену, а отпевал-де на злую силу, весь черн в лице... В среду ту ни у заутрени, ни у обедни не был, а я того и не ведал, что он гораздо болен... И прииде мне в вечеру помышление тое ж среды, что пойти к нему мне навестить его, а другое помышление мне прииде, что завтра де побываешь; и Божиим изволением первое то помышление гораздо почало понуждать итить к нему, и благословяся у отца своего духовного, пошел к нему тое ж среды к вечеру, и пришел к нему за час до вечера, и дождался с час его государя в крестовой, и вывели его едва ко мне, и идет мимо меня благословлять Василья Бутурлина, и Василий молвил ему: „государь-де стоит“; и он, смотря на меня, спрашивает: „а где-де государь?“, и я ему известил: „перед тобою святителем стою“; и он посмотря, молвил: „поди, государь, к благословению“, да и руку дал мне поцеловать, да велел себя посадить на лавке, а сел по левую руку у меня, а по правую не сел, и сажал, да не сел; а вышел ко мне, зная, в самом злом знобу... И ты меня грешного прости (пишет царь Алексей митр. Никону) в том, что яз ему не воспомянул о духовной, и кому душу свою прикажет, и что про келейную казну прикажет... обманула меня тем, я чаял, что впрям трасавица, а впрям смертная, а се и то мне на ум пришло великое

Как отделить «государя» от «человека» в те минуты, когда, возмущенный буйством казначея Саввина Сторожевского монастыря, он пишет ему, «врагу Божию и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чудотворцева дому и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодею», свое негодующее письмо? Ему, самодержавному государю, легче было бы, как пылинку, слуть с лица земли этого казначея, но царя Алексея никогда не покидала мысль, что на земле никто не безгрешен перед Богом, что на Его суде все равны, и цари, и подданные, и он ограничивается словами: «На оном веке рассудит нас Бог с тобою, а oprичь того мне нечем от тебя оборониться» (Ключевский. Курс, III, 420).

А этот памятный тягостный день, когда, оставив свой трон, на котором сидел, он подходит к восточным патриархам и, стоя, судится с патриархом Никоном, как самый простой смертный; ведет настоящую судебную тяжбу: жалуется на Никона, слезно просит очистить его, царя, от обвинений, которые тот возводит на него, горячо и раздраженно доказывая, что у него и в мыслях не было унижать Русскую церковь и подчинять светской власти. Перед нами во весь рост человек, жалкий в своей беспомощности и зависимости, и одновременно государь, который как-никак настоит на своем, так как в этом деле замешаны интересы вверенного ему Богом Государства и той же самой Церкви.

Но как это вышло, что эти два понятия, государя и человека, слились в сознании царя Алексея в одно неотделимое целое?

сомнение: болезнь та на нем трясавишная, а мне молвить про духовную ту, и помнить, „вот де меня избывает“, да станет сердечно гневаться почаял ... что утре увижусь (а к утру патриарха уже не стало); и ты меня прости: ей не с хитрости сие дело сотворилося, сатана занял такое дело совершить. — И посидя не много, я встал и его поднял, и так его почало знобить, не смог и Достоинно проговорить, Славу проговорил с отпуском на силу; да почел ко мне прощения говорить, что говорят в Реду на Страстной, и я ему отвещал по уставу, да сам почел прощение к нему творить, да поклонился в землю ему, а он малой поклон сотворил, да благословил меня, да велел себя весть провожать меня, а ноги те волочит на злую силу; и я стал, и учал его воротать: „воротися, государь, ей пуще тебе будет“; и он мне жалует говорит: „ино су я тебя и в другоредь благословлю“; и я молвил: „пожалуй же, государь великий святитель, благослови и третицею“, и он пожаловал и в третий благословил, Да как благословит и руку даст целовать и в херувим; и я благословясь, Да поклонился в землю ему и поцеловал в ногу, и он смотря на меня, благословляет и прощает, да и воротился, да и повели его в задним кельи, а я пошел к себе». См. Собрание писем. С. 158—162.

Потому что основным руководящим началом всей его жизни было — жить по правде, и это начало он проводил и в государственной деятельности, и в частной, личной. Правда от Бога, и кто бы ее ни нарушил — казись и ожидай возмездия. Злое, несправедливое дело совершил предок, Иван Васильевич Грозный: загубил неповинную душу митрополита Филиппа, загубил, как государь, и кому же замалчивать этот грех, как не ему, государю, преемнику его власти? И с каким умилением склоняется царь Алексей перед ракой святого мученика, с каким трепетом сердца молит о прощении! Ведь еще в Библии сказано, гнев Божий на государя отзовется на его народе, — как же не молиться о том, чтобы Господь отвратил от него свой праведный карающий перст!

Православие в том виде, как оно сложилось в середине XVII в., с его положительными и слабыми сторонами, нашло в царе Алексее яркое выражение. Он церковно воспитан и образован, знает церковные службы, уставы, порядки не хуже любого начетчика; и если он не возвысился до тонкого богословского понимания сущности веры, то Евангельская заповедь: «Люби ближнего, как самого себя», со всеми вытекающими из нее последствиями, для него не пустой звук: он носит этот завет в своем сердце и руководится им в своих действиях и поступках.

При всем том ему одинаково понятен, близок, неприкосновенен, дорог и обряд, форма религиозного верования. Когда патриарх Никон убедил его в исключительной правильности троеперстия и троения аллилуйи, то он с тем пылом и рвением стал держаться этой формы, с каким раньше слагал два перста и благочестиво вслушивался в двоение славословия Пресвятой Троицы. Форма не заслоняла в нем содержания, но иногда отодвигала его понимание на второй план; и будь он такой же пламенный ревнитель о Господе, как Аввакум, — кто знает, может быть, и он способен был бы пойти на костер во избавление себя от мук адовых за нарушение формы.

Человек глубоко религиозный, царь Алексей ежедневно ходил к обедне, охотно и легко выстаивал длинную службу, особенно длинную и утомительную в праздничные дни; редко пропускал и вечерню, а под большие праздники — заутреню; строго соблюдал посты: в Великий пост по понедельникам, средам и пятницам ел один черный хлеб, а в остальные дни ему готовились самые скромные, поистине «постные» блюда: из капусты, груздей, ягод, да и те без масла; воздерживался от вина и от рыбы; молитву свою сопровождал земными по-

клонами, особенно щедр бывал в эти дни в раздаче милостыни нищим, юродивым, — к этим молитвенникам о грехах наших, обладавших странной, чудодейственной силой: к их голосу Господь Бог прислушивался охотнее, чем к голосу сильных и имущих.

Но церковный обряд царь Алексей любил и ценил не только потому, что вкладывал в него свое глубокое религиозное настроение, а и за его красоту, благолепие. Чуткий к эстетической стороне жизни, он умел тонко ценить красоту вообще, находя ее одинаково и в благолепии церковного чина, и в взлете хищного сокола, в подмосковном ландшафте и в затейливом переплете архитектурных линий любимого своего дворца в селе Коломенском. Красоту он находил в парадных приемах иноземных посольств, в торжественных выходах в соборную церковь, когда при радостном звоне колоколов, в сопровождении многочисленной свиты, пестро разодетой в золотые, бархатные и атласные разных цветов и рисунков кафтаны, он являлся народу, или когда со всем царским Домом отправлялся на богомолье, в «поход», поездом, растянувшимся на версты. Конечно, во всем этом было немало из обряда, но сколько содержания вкладывал в него царь Алексей!

Царь Алексей любил в жизни порядок, — не тот, однако, холодный, бездушный порядок, за которым скрывается одна пустота, но порядок, свидетельствующий о строитстве, о стройном, осмысленном сочетании согласованных, внутренне однородных частей, о чем так хорошо свидетельствует его «Урядник. Новое уложение и устроение чина сокольничья пути».

От всей фигуры царя Алексея веет гармонией, спокойствием; благодушность, добродушие разлиты на его лице; ласковый взгляд, светлая радость сопровождают его. Никаких крайностей. Ничего броского, неожиданного. «Делу время, а потехе час», — скажет он в только что упомянутом «Уряднике»:

¹ «И по его государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без Устроения уряженого и удивительного не было: и чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был, по тому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерка, стройна, благочинна, — никто не зазрит, никто же похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин, и образец положен по мере. А честь и чин, и образец всякой вещи большой и малой учинен по тому: честь укрепляет и утверждает крепость; урядство же уставляет и объявляет красоту и Удивление: стройство же предлагает дело; без чести же малится и не славится ум; без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и восхваляет безделье». См. Собрание писем, 89—90.

дело — делом, но и для отдыха, для забавы должна найтись свободная минута.

Вообще духовный облик царя Алексея требует непременно нежных красок и тонкой кисти; он должен быть выдержан в мягких тонах. Не Малявину писать его портрет; кисть Ван Дейка или Серджента, думается, всего лучше передала бы на полотне эту спокойную, уравновешенную, несколько отяжелевшую фигуру с благостным лицом, приветливой улыбкой, этот ровный, как будто ничем невозмутимый взор, это сознание честно прожитой жизни.

Но когда вспомнишь, что эту фигуру необходимо вставить в рамку русского XVII в., то невольно задаешься вопросом: куда поместить ее, как органически связать ее с событиями, протекавшими столь бурно на протяжении тридцатилетнего государственования этого «тишайшего» царя (1645 г., июля 12 — 1676 г., января 29), в эпоху не только переходную, сколько неустойчивую, полную противоречий и неожиданностей? Вокруг волнующееся море, вокруг кипят страсти, а этот набожный человек, добрый семьянин, заботливый отец, в меру строгий государь, тонкий ценитель красоты, чуть не поэт в душе — он как будто и не замечает этих страстей, как будто ничто и никто не в силах возмутить и нарушить гармонию его души.

А между тем личных тяжелых переживаний у царя Алексея в жизни было немало. Не легко переживаются минуты вроде той, что выпала на его долю в знойный июньский день 1648 г., когда возбужденная, мятежная толпа, прорвав царскую охрану и без того мало надежную, вопя и жестикулируя, надвинулась на молодого государя, вырывая у него согласие на свои требования; или когда в июльский день 1662 г. такая же мятежная, нетерпеливая толпа не дает царю выстоять до конца обедню, чуть не насильно выводит на соборную паперть, «сердито и невежливо» хватая за платье, за пуговицы кафтана, заставляя клятвенно обещаться расследовать поданную жалобу и, не довольствуясь клятвой, еще «бить по рукам» с коноводами толпы.

Немало тревоги пережил Алексей Михайлович и во время чумы, безжалостно косившей население Москвы и многих из близких ему лиц; сердечную, едва ли когда вполне затянувшуюся рану причинил ему разрыв с Никоном, перед авторитетом которого царь склонялся так любовно и добровольно. Тяжелые войны с Польшей и Швецией, неустанные заботы, ими вызванные; надвигавшаяся гроза турецкая; разиновщина, захлестнувшая весь юго-восток Московского царства; смута церковная;

расхлябавшаяся государственная машина, на обстоятельную починку которой никак не выберешь свободного времени и благоприятной обстановки, да притом хорошенько не знаешь, как и налаживать-то ее — все это, конечно, не прошло бесследно для царя Алексея.

И при всем том, когда отойдешь на известное расстояние, когда облик царя Алексея предстанет во всей его полноте, первое, на чем останавливается наше внимание, это не бури и волнения, неоднократно пережитые царем, а то духовное равновесие, какое он сохранил среди этих бурь и волнений и которое в глазах — одинаково, современников и потомства — сделало его «тишайшим», «гораздо тихим».

Не думайте, однако, что перед нами олицетворение бесстрастия и безразличия, своего рода эгоистический квиетизм. Нет, Алексей Михайлович умеет и гневаться сильно, и радоваться от полного сердца; он живо интересуется, можно сказать, всем, что его окружает; будет ли это прием иноземных послов, совершение церковного обряда, охота в полях с соколами; он, как мы сейчас видели, близко примет к сердцу горе людей, которых привык уважать, и добродушно посмеется над какой-нибудь незамысловатой выходкой. Он государствует очень деятельно: и на войну ходит, и к внешней политике своего министра иностранных дел, боярина Ордина-Нащокина, присматривается зорко, внимательно, спорит с ним, доказывает; он и в работах Боярской думы принимает активное участие.

Однако в то время как Грозный, например, или Петр наложили собственную печать на свою эпоху, здесь эпоха наложила ее на царя Алексея. «Время Ивана Грозного»; «эпоха Петра Великого» — говорим мы, и оба эти выражения вызывают у нас вполне определенный, отчетливый образ, рисуют картину, где на первом плане фигура Петра или Грозного. Совсем не то будет, если скажем: «эпоха царя Алексея Михайловича». Конечно, мысль об эпохе слова эти вызывают в нас, увидите вы в этой «эпохе» и царя Алексея, но где-то сбоку, среди остальной толпы, отнюдь не на первом плане.

И это потому, что Петр и Грозный сами вели государственный корабль, направляя его согласно своей воле и разуму; это были люди почина, — царь же Алексей не был «вождем» и плыл на своем корабле по тому направлению, по которому корабль шел и раньше, до него. Места на передовой позиции были отведены его сотрудникам. Правда, и пассивным зрителем совершавшегося вокруг него он не был никогда, но не был и кормчим. Уже по той одной причине, что не имел ни собственной про-

граммы, ни намеченной цели. Дорогу, по которой он шел, проторил не он: она раскрывалась ему чаще всего силой стечения обстоятельств и не всегда согласно его желанию.

Зато он умел ценить в своем окружении разумную волю, энергию, честный труд, не стеснял этой энергии, умел выбирать людей. Конечно, выбор этот не всегда бывал безупречен, особенно в первые годы царствования (ведь царь Алексей вступил на престол 16-летним, совершенно неопытным юношей!), но такие сотрудники, как боярин Ртищев, кн. Никита Иванович Одоевский, благовещенский протопоп Вонифатьев, Симеон Полоцкий, патриарх Никон, Ордин-Нащокин, Матвеев, каждый в своем роде, оставили заметный и плодотворный след после себя. Конечно, в школе тех же государственных деятелей воспитался и блестящий ум широко образованного князя В. В. Голицына.

Однако, указывая, в чем царь Алексей отличался от Петра Великого, необходимо отметить и их общие черты, скажу более — их духовное родство. Противопоставлять в наше время эпоху петровских реформ XVII в. было бы анахронизмом. Теперь мы уже не скажем вместе с Ломоносовым и Сумароковым, будто Петр создал новую Россию, не повторим вслед за Погодиным, будто, бросая от себя гигантскую тень, великий император «застил ею всю древнюю нашу историю». Теперь для нас ясно, что своими корнями гениальный царь весь в XVII в. и что, следовательно, духовно, преемственно он сродни своему отцу.

Век Петра — спелый колос; век XVII — это первые всходы. Оба они — продукт одной и той же мысли, отнюдь не противоречие, отнюдь не два разных полюса. Что у сына больший размах; что Петр как государственный деятель много ярче, определеннее; что необходимость нового пути им признана лучше — это вне сомнений; неоспоримо, что и результаты его деятельности, как бы ни оценивать их, крупней и значительнее. Сравнительно с сыном, отец много осторожнее; он держит себя выжидательно, он никогда не осмелится прибегнуть к насилию, к тем поистине революционным приемам, на которые так скор и горазд был наш первый император. В его действиях нет ничего порывистого, ничего напролом, нет той прямолинейности, что у сына. Отпечаток примирения, доброй мысли, заботы лежит на его деятельности. Он будет долго колебаться, долго взвешивать все «за» и «против», прежде чем поднимет меч за Малороссию, в таком ответственном деле не возьмет решения на самого себя; но, раз приступив к делу, доведет его до конца, по крайней мере пока не испробует всех наличных средств.

Уж если говорить (в пределах очередных задач) о разнице между царем Алексеем и Петром, то видеть ее следует в том, что сын смело пустился в открытое, мало знакомое ему море и вел свой корабль без лоцмана, а потому не раз подвергал его серьезной опасности: под Нарвой наскочил на подводные шведские камни, на Пруте сел на турецкую мель; наконец, допустил в подводной части корабля глубокую пробоину — суд и казнь своего несчастного сына, пробоину, считаться с которой пришлось потом не только ему самому, но и его преемникам. Царь Алексей, наоборот, вел свой корабль с осторожной; правда, мелей и подводных камней не избег и он: Разиновский утес тоже причинил ему сильную течь; но виной тут был не задор смелого кормчего, а стечение обстоятельств, бороться с которыми было не по силам. Иные, более прозорливые, заранее предвидели эту опасность и знали, что ее все равно не избежать.

Затем, разница между сыном и отцом еще и в том, что один вел свой корабль по новому фарватеру, зная, что он новый, а другой, хотя уже и вошел в этот фарватер, продолжал думать, будто все еще плывет по старому. И скажи царю Алексею, что корабль его за 30 лет царствования значительно изменил свое направление, он искренно удивился бы и даже с негодованием отверг самую мысль как неприличную, чуть не оскорбительную.

И это потому, что он большой ревнитель старины. Традиции для него священны. Он воспитан на старый лад: мирское, нецерковное у него в подозрении. Он смущен, не берет ли греха на душу, присутствуя на театральном представлении, и только историческая справка духовника, указавшего на существование игрищ при дворе благочестивых императоров византийских, разрешает его сомнения. Но, держась старины, он доступен и новым веяниям. Раз смущение рассеяно, он не только просидит в театре десять часов подряд, точно прикованный к креслу, жадно, пытливо следя за ходом представления, но поведет в театр жену, детей; не только вывезет царицу в открытой карете без запон (с неопущенными шторами), но и возьмет ее с собой в поля на соколиную охоту. И разве не в доме своего отца выросла и воспиталась царевна Софья, впоследствии открыто и смело пошедшая навстречу новым порядкам и обычаям.

Заботливый отец, царь Алексей вместе с тем и отец разумный: образованнейший человек своего времени, он ценит образование и старается дать его детям; поставит к ним лучших Учителей; поймет, что образование необходимо не только юноше, но и девушке: его дочь Софья учится у Симеона Полоцкого, у

кого учатся и ее братья. Алексей Михайлович знает цену гуманитарному образованию. В этом отношении он, несомненно, выше своего сына, в педагогической программе которого техника, орудие знания, знание прикладное, уму и сердцу мало горящее, вообще занимало несоразмерно большое место.

Ревнитель старины, консерватор по складу ума, царь Алексей типичнейший представитель Московской, допетровской Руси. К его времени Московское государство окончательно сложилось и выработало тот уклад, что так характеризует его. Собираение русских земель, из которых должно было составиться Московское государство, в основных чертах закончилось еще в XV в.; Иван III принялся за постройку государственного здания, Василий III и Грозный продолжали ее; в XVII в. строение доведено было до конца; здание было построено, причем прочность заложенного в XV и XVI вв. фундамента, крепкую спайку его устоев убедительно доказал ураган, что с такой яростью пронесся над Русской землей в эпоху самозванцев и междоусобиц: как ни расшатывал он государственное здание, как ни ломал его, но разрушить и исказить работу предыдущих поколений все же оказался бессилён.

В чем же отличительная черта Московского государства XVII в.? Ответить на этот вопрос — значит определить основные черты царя Алексея как государя своего века. При Иванах, в XVI ст., хотя государство уже строилось, но вотчина еще не была окончательно изжита, идея государства, общественного блага еще не нашла своего законченного выражения. Прекращение династии Владимира Св. лишило Русскую землю хозяина; тогда пришел конец и вотчине: Земля стала ничьей, иначе говоря, стала народным достоянием. С тех пор выражения: «Русская Земля» (иначе: «Московское государство») и «народ Русский» стали, по их значению, тождественными, неотделимыми одно от другого.

Но, перестав быть вотчинниками, цари новой династии отнюдь не перешли на положение управляющих, простых приказчиков своего «хозяина». Нет, свои «хозяйские» права, свой суверенитет Земля воплотила именно в своем государе: царь по-прежнему хозяин, но теперь его «хозяйствование» приобрело иной смысл: прежний государь-частновладелец стал государем-выразителем интересов Земли, ее воплощением. Полновластие царя не только у него не отнято, но даже усилено: раньше орудие личного блага, теперь оно стало орудием блага общественного, национального. На этой почве сложится впоследствии представление о русском государе

как о «первом слуге своего государства» — представление, в русской жизни нашедшее себе такое яркое, отчетливое, такое благородное выражение в Петре Великом.

Если в своем собственном сознании царь Алексей и не стал таким «слугой», то в сознании народном он вырос в «царя-батюшку», в заботливого пестуна, на которого одна и есть надежда, который, единственно он, государь, защитит от самоуправства сильных людей, от лихоимства и хищничества, от «кривого суда» и «московской волокиты». Едва ли мы ошибемся, сказав, что первым государем с таким обличем был именно царь Алексей Михайлович.

Но стать московским государем XVII в. — это значило воплотить в себе весь уклад современной жизни, принять на себя очередные задачи времени, жить чаяниями и помыслами, выросшими из этого уклада и этих задач. Это значило полностью воспринять идею Третьего Рима, сознать себя главой православной церкви и, следовательно, верховным ответственным защитником православной церкви, сознать свои, помимо кровных, также и духовные узы с православным Славянством, горячо отозваться на его горькую судьбу, признать его поработителей своими врагами. Таким именно царем, самодержавным, славянским, шитом православия и сознавал себя царь Алексей.

Триста лет отделяют нас от Тишайшего. В пантеоне русских государей он занимает определенное место, и не только в зависимости от хронологической даты, но и в силу личных своих свойств. Разных государей видели мы на русском престоле. На нем сидели никчемные Гамлеты с надломленной душой вроде Александра I, маниакальные Павлы, блестящие Екатерины, умевшие сочетать тщеславие и личные слабости с большим государственным умом; кокетливые, легкомысленные Елизаветы. Глядя на Петра (конечно, Первого, Великого), на память приходят титаны, геркулесы, тот великан, что на картине Серова шагает сажеными переходами, полный творческой мысли, готовый на борьбу не только с людьми, но и со стихиями. Как жалко, что Микеланджело не жил в его время! С какой бешеной силой резца, сам неукротимый и мощный, изваял бы он его образ! Как обидно, что Шекспир не знал его лично! Как вдохновил бы русский царь его гениальное перо! Какой новый Дивный образ, под стать королю Лиру, обогатил бы мировую литературу!.. А вот далее, безумный, с инстинктами кровожадного зверя, богато одаренный Иван, первый наш царь; вот Иван III, нечто вроде Скупого рыцаря, жадно ухватившийся

за свои сундуки, вот Иван Калита, такой же Скупой рыцарь, но пока еще без сундуков, с одним лишь мешком золотых монет.

Глядишь на длинную вереницу коронованных и некоронованных русских владык, крупных и слабых, сильных и ничтожных, и хочется спросить себя: а где же у них сердце? Где душа? Где мир, где гармония?

Эту «душу», эту «гармонию» на русском троне показали нам лишь два царя: Федор Иоаннович, сын Грозного, и царь Алексей Михайлович, отец Петра Великого. Однако какая громадная разница между тем и другим! Один живет в потустороннем мире, не зная земли, — там, где, действительно, нет «ни плача, ни воздыханий», ни житейских бурь и треволнений, ни разъедающего скепсиса, где чувствуется близость Бога и где тихая радость наполняет душу человека. Таков Федор.

Не то Алексей: он весь от земли, плоть от плоти ее. Он не парит, нет; его мирозерцание выросло на реальной почве, и он прочно связан с нею; он реально — человек, но зато именно в этой человечности он сумел найти свою гармонию: в своем отношении к людям и к явлениям окружающей его жизни. Молитва и потехи, торжественность чина и радости жизни как-то легко и свободно уживались в нем, не создавали противоречий. Обряд осмыслен вложенным в него содержанием, а содержание умело найти себе соответствующую форму. Для своего поколения царь Алексей явился посредником, желанным звеном, связующим прошлое, недавнее — с грядущим, близким. Он примирил крайности того и другого века, уходящего и наступающего, потому что протянул руку тому и другому. От старины он не отказывается, но то, что уже народилось, уже подходит, он готов принять... Он хранит старину и ласково приветствует новые всходы.

И это не балансирование ловкого акробата; нет, это мудрое понимание великой, мало кем усвоенной истины: нормальное течение государственной жизни требует мирной, постепенной эволюции; дайте старому умереть естественной смертью, не мешайте молодым росткам выйти на свет Божий и отыскать себе место под солнцем, этим общим для всех источником жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Хмыров М. Царь Алексей Михайлович и его время. Древняя и Новая Россия. 1875. Т. III: биографич. очерк. *Забелин И.* Царь Алексей Михайлович. Его письма и Урядник охоты. Опы-

ты изучения русских древностей и истории. I. М., 1872: свод данных для характеристики. *Соловьев С. М.* Российская история. X, гл. 1, в конце. *Костомаров Н. И.* История России. СПб., 1874. Вып. IV, гл. III — одна из первых попыток дать более или менее всестороннюю характеристику царя. *Иловайский Д. И.* История России. Т. V. С. 465—468. *Ключевский В. О.* Русская история. Т. III, лекция CVT: одна из наиболее ярких характеристик царя. *Платонов С.* Царь Алексей Михайлович. Опыт характеристики // Исторический вестник. 1886, май; перепеч. в «Статьях» автора. Позднейшая, значительно пополненная редакция в сборнике «Три века». М., 1912. Кт. I. *Кантрев.*

VI. ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676—1682)

1. *Его особенности*

Царствование Федора Алексеевича за краткостью времени не вылилось во что-нибудь яркое, самобытное. Во внешней политике оно унаследовало «борьбу за Малороссию», во внутренней заботы — о подъеме производительных сил страны и, в первую голову — заботы об изыскании способов пополнения государственной казны, так как расстройство финансов продолжало и в эти годы нарушать правильный ход государственной машины. Новым явилась энергичная борьба с местничеством — его уничтожение. Можно, впрочем, отметить одну черту, которая сближала это шестилетие уже не с предыдущим царствованием, а с последующим: новым веяниям, культурным заимствованиям с Запада открыт был более свободный доступ. Недаром историк Соловьев, говоря о новой России, начинает ее не с Петра Великого, а с Федора Алексеевича.

Помимо того, в царской семье, со смертью Алексея Михайловича, ярко обозначился разлад, вызванный вторым браком государя с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Сам новый Царь еще сглаживал этот разлад, продолжая относиться с ува-

¹ Явления культурного характера в царствование Федора Алексеевича отнесены, совместно с однородными явлениями более ранней и более поздней поры, к главе XV: «Просвещение, культура и общественность» (1613—1725).

жением к своей мачехе; но по молодости и болезненности он еще не был настолько самостоятелен, чтобы сдерживать свою родню, Милославских, в надлежащих рамках; не прошло и полгода со смерти Алексея Михайловича, как боярин Матвеев, воспитатель царицы Натальи, начальник Посольского приказа и ближайшее доверенное лицо покойного государя, подвергся намеренно ложному обвинению в злых умыслах на нового государя и сослан в далекий Пустозерск. Разлад между двумя семьями пока еще не выходил за пределы дворца, но стоит только умереть Федору, как он скажется рядом кровавых событий и наложит свой мрачный отпечаток, можно сказать, на все последующее царствование преемника Федора.

2. *Борьба за Малороссию*

Примирение Дорошенка с московским правительством и впоследствии, в силу этого, воссоединение Западной Украины с Восточной привело к вооруженному столкновению с Турцией. Султан решился силой оружия вернуть себе обратно земли, только что признавшие его своим сюзереном. Эта война явилась для России началом целого ряда последующих столкновений с Турецкой империей, сливая вопрос о Малороссии, вопрос национальный, с вопросом территориальным — об утверждении на берегах Черного моря.

Военные действия сосредоточились вокруг Чигирина (на правой половине, южнее Киева). Турки дважды подходили к нему вместе с татарами и пытались взять (1677 г., август; 1678 г., июль). Они вынудили русский гарнизон покинуть крепость. Чигирин был сожжен и оставлен туркам. С весны 1679 г. начались переговоры о мире, в 1681 г. (4 марта) в Бахчисарае, при участии крымского хана, заключено было перемирие на 20 лет. Перевесила турецкая сторона: «вассальная» половина Малороссии осталась за султаном; Россия отказалась от правобережной Малороссии, сохранив на ней за собою лишь Киев с прилегающей округой («уездом»). Днепр разграничил московские владения от турецких. Запорожье, хотя и оставлено за Россией, но султан впоследствии отказался ратифицировать этот пункт договора. Точно так же никогда не исполнялось и условие оставить незаселенным пространство между Днепром и Бугом. Восстановив свою власть над Западной Украиной, султан отдал ее в управление другому своему вассалу — молдавскому господарю.

3. *Отмена местничества*

Местничество — явление чисто русское, московское

Это обычай, возведенный на степень юридического, законом признанного права служилого человека считаться с другим служилым человеком своим служебным положением или местом, — право настаивать, чтоб занимаемая им по службе должность не была ниже должности того лица, с которым он местничался, т. е. считался. Ни в Западной Европе, ни в Польше ничего подобного не было, не могло быть. Там сложились сословия, корпорации, и члены каждого сословия (в данном случае дворянского) были все равноправны: самый захудалый рыцарь был таким же благородным дворянином, как самый знатный пэр или герцог; польский магнат и польский шляхтич, как бы ни велика была разница их материального благосостояния и общественного положения, считались «**Панове братья**»; самый бедный дворянин во Франции, самый скромный шляхтич в Польше одинаково, как и те, ревниво берегли свой гонор, свою сословную честь. Эта честь была общей принадлежностью класса людей благородных. В наше время нечто подобное можно наблюдать в военной среде: «честь полкового мундира» оберегается всем полком, и, пятная мундир, данное лицо пятнает не только себя и даже не столько самого себя, сколько полк, форму которого носит.

В Московском государстве такой сословной чести не существовало, ее заменяла честь отеческая, честь рода. Эта отеческая честь составляла неотъемлемую принадлежность фамилии, исключительное достояние потомков данного «отца». Выражалась же она в соотношении чина или должности к чину и должности другого лица.

Забота о сохранении отеческой чести

Московские князья-собиратели, собирая земли и уделы, собирали вокруг себя также и служилых людей, будущую московскую знать. На службе эта знать заняла разные места: кто Разместился выше, кто ниже, и эти-то сложившиеся служебные соотношения отцы передали детям с обязанностью свято хранить их и на будущее время. В сохранении их и заключалась °храна отеческой чести. Отечественая честь приобреталась простым фактом рождения, а потому не во власти государя было жаловать *о или лишать ее. Государь мог наградить имением, чином, **Посадить** на самое высокое место, но **придать** отеческую честь

тем, у кого ее не было, или увеличить ее, он был бессилён. Кто допускал нарушение отеческой чести, тот понижал и позорил свой род, по крайней мере ту линию, к которой сам принадлежал. Вот почему государь должен был считаться с этой честью при назначениях: посади он худородного человека на высокое место — все родословные люди отказались бы служить под его начальством, и правительственная машина застыла бы.

На Западе и в Москве каждый по-своему защищал свою честь: французский дворянин держал честь свою и своего соловья «на острие своего меча», готовый охранить ее собственной кровью, а московские люди ради поддержания отеческой чести готовы были претерпеть кнут, батоги, ссылку, утрату пожалованных поместий.

Дело, значит, было не в должности, а в том, останется ли при назначении на эту должность соотношение лиц на местнической лестнице прежним или будет нарушено в ущерб данного лица.

Это нарушение могло проявиться во всех отраслях государственной службы. Местничались поэтому одинаково при назначении военными воеводами в полки, дьяками в приказы, на воеводские места в города, в посольства: в армии полк — «правая рука» был почетнее полка «левой руки», «большой» полк почетнее «передового»; приказы были: одни с более узким, другие с более широким и важным кругом деятельности; города главные и второстепенные, одни — типа «столичных» городов, другие — настоящая «глухая провинция»; то же и в посольствах... Обычно там было два посла: один старший, другой младший. Местничались и в придворной службе даже при раздаче царских наград: А не примет царской шубы, если Б, стоящий по месту ниже его, одновременно получит шубу такого же качества и ценности. Он и за царский стол на парадном обеде не сядет ниже, откажется и от первостепенного места воеводы в большом городе, если и Б предоставлен будет другой такой же по качеству город, так как иначе, приняв назначение, создаст опасный прецедент, даст родичам Б право требовать себе впоследствии равного с его родичами места. Но тот же А покорно пойдет и в «глухую провинцию», если при этом Б не перебывал ему места. В назначении на ничтожную должность А увидит выражение царской немилости, но смирится, помня, что как в милости, так и в немилости — воля государева; пусть это будет наказание — оно затронет только его лично, но не положит охулки на весь род, не нарушит установленных

соотношений к другим лицам, — а это и есть, по местническим понятиям, самое главное.

Неудобство местнических счетов

Вначале местничество, как охрана отеческой чести, было скорее полезно, чем вредно, поощряя служилых людей не отставать от своих отцов в ревностной службе государству, тем более что тогда местничались только знатные роды и число споров не могло быть велико. Но когда с течением времени стали местничаться все служилые люди и самое местничество стало применяться к мелким служебным назначениям, тогда оно превратилось в большое зло.

При распределении должностей приходилось принимать во внимание не столько личные достоинства кандидата, сколько его отеческую честь, и потому нередко ставить во главе большого дела лиц мало способных: под начальством талантливого, но не достаточно родословного другие отказались бы служить. Понятно, насколько пагубно отражалось это на самой работе, на поставленной цели. Особенно плачевными результатами сказывалось местничество во время войн, при назначении на ответственные посты.

Еще хуже стало, когда опричнина и Смутное время выдвинули людей худородных и, поставив их на высокие должности, дали основание местничаться со старыми боярскими родами. Поводов к ссорам и столкновениям не стало конца. Кроме того путанице счетов немало содействовало и то, что с размножением рода, с увеличением числа его членов определение места становилось нередко затруднительным даже и среди самого этого рода.

Зачастую местничество принимало формы и порождало явления столь своеобразные, столь чуждые понятиям нашего времени, что при поверхностном наблюдении не всегда легко удержаться от смеха или улыбки сожаления, хотя самими современниками явления эти переживались как настоящая драма и оценивались как истинный подвиг и серьезная заслуга. Боярина, отказывавшегося сесть за стол ниже другого, садили насильно; он упирался, бранил своего соперника, кричал: «Пусть царь голову отсечет мне, а ниже такого-то сидеть я не стану», — и для большей убедительности опускался под стол. Его выволакивали оттуда насильно и, в случае дальнейшего упорства (а упорствовать — для него было вопросом чести), отправляли в тюрьму, били за неповиновение приказанию батогами. Кроме

того, споривший боярин, по приговору Боярской думы, выдавался своему противнику головой. Выдача головой заключалась в том, что приставы (полицейская должность) брали под руки осужденного, приводили его, в сопровождении дьяка, на двор счастливого соперника и ставили там внизу у крыльца. Затем на крыльцо выходил хозяин, становился у верхней ступеньки, и дьяк обращался к нему со словами: «Великий государь указал, а бояре приговорили такого-то выдать тебе головою». Хозяин благодарил за царскую милость, отпускал униженного соперника, одаривал дьяка деньгами или вещами, а на другой день ехал во дворец бить царю челом за его милость.

Местничество в военной службе

Отрицательные стороны местничества особенно болезненно давали себя чувствовать во время военных походов, когда успех на поле сражения или при осаде неприятельской крепости более чем когда зависел от талантов полководца, а не от степени его родовитости.

Армия, снаряжаемая в поход, обыкновенно состояла из пяти «полков», которые по степени их значения шли в таком порядке: Большой полк, Правая рука, Передовой и Сторожевой (эти два признавались за равные) и Левая рука. Во главе каждого полка стоял первый, т. н. большой воевода; под ним находились второй воевода и (не всегда) третий.

Ах, Б¹(В¹ Гц Дх — большие воеводы
А², Б², В², Г², Д² — вторые воеводы.

Местничаться воеводе **A¹** по своему почину не приходилось: поставленный на самое высокое место — чего еще, было ему желать? Спокойно вступал в свою должность и воевода Б^x, видя под собой воевод В^x, Гц Дц А² и т. д., кто бы они ни были; но для него было не безразлично, кто занимал место **A-1** точно так же и для воеводы **B¹** не безразлично, кто получал места **Aⁱ** и Б^x. Вообще, чем кто ниже стоял на этой местнической лестнице, тем зорче должен был следить за тем, чтобы не нанести порухи отеческой чести. Таким образом местничались: большие (первые) воеводы между собой, а вторые воеводы — между собой и, сверх того, с большими (первыми).

Иван Грозный сделал первую попытку ослабить натянутую струну. «Указом 1550 года первый воевода Большого полка был объявлен стоящим выше всех других воевод. Первые вое-

воды трех следующих по значению полков Правой руки, Передового и Сторожевого признаны были равными между собой; воевода полка Левой руки — меньше воеводы Правой руки, но он не меньше воевод Передового и Сторожевого полков. Не считая местничества всех воевод с первым воеводой Большого полка, одному только воеводе Левой руки предоставлено было считаться местом с воеводой полка Правой руки. Затем всем вторым воеводам запрещено было считаться с первыми воеводами других полков: „Кто с кем в одном полку послан, тот того и меньше, а с другими (первыми воеводами) без мест“. Соответственно вышеуказанному счету первых воевод, вторые воеводы полков Правой руки и других признавались меньше второго воеводы Большого полка, но не могли местничаться между собой; а второй воевода Левой руки был, кроме того, меньше одного лишь второго Правой руки» (Павлов-Сильванский).

Другими словами:

1. С воеводой А₁ дозволено считаться лишь воеводам В^и В^и Г^х и Д^х, отнюдь не воеводам А², Б², В², Г², Д².
2. Воеводы Б¹? В¹ Г¹ признаны равными и потому считаться друг с другом не имеют права.
3. Воеводство Д^х признано ниже Б^х, а потому назначенный на него может местничаться с воеводой В¹.
4. Воеводство ^ не ниже воеводства В₁ и Г₂ а потому не дает права на местничество с этими двумя.
5. Воеводы Б², В², Г², Д² ниже А², а потому могут с ним местничаться (аналогия с п. 1).
6. Воеводы Б², В², Г², Д² признаны равными и местничаться один с другим не имеют права (аналогия с п. 2).
7. Воеводство Д² ниже Б², а потому назначенный на него может местничаться с воеводой Б² (аналогия с п. 3).
8. Воеводство Д² не ниже воеводства В² и Г², а потому не Дает права на местничество с этими двумя (аналогия с п. 4).

Борьба со злом

На практике указ 1550 г., построенный хитро и не без **казуистики**, соблюдался плохо: жизнь брала свое, и верховная власть еще не решалась круто порывать со старым порядком. На что уж крут бывал в своих решениях царь Грозный, а и он считался с общественным мнением и «терпеливо сносил явное неповиновение своих слуг, когда оно основывалось на **местнических** счетах». Необходимы были тяжелые испытания

Смутного времени, чтобы столкнуть камень с места. Правило «быть без мест» проводилось лишь в виде чрезвычайной меры; однако постоянные войны XVII в. делали эту меру более и более настоятельной, подготавливая тем общество к решительному шагу. Чаще и чаще при распределении должностей, в отдельных случаях, особенно перед военным походом, правительство стало предписывать на этот раз всем «быть без мест». Такой порядок давал возможность не считаться с местничеством и делать свой выбор соответственно личным достоинствам человека; в успокоение же умов заявлялось, что такая экстренная мера отнюдь не повлияет в будущем на местнические счета. При первом и втором Романове почти все походы велись уже «без мест»; это приучало к мысли, что, рано или поздно, экстренный указ «быть без мест» заменится постоянным, на все времена указом: «быть всегда без мест». Такой указ, действительно, и состоялся незадолго до смерти Федора.

Отмена местничества

На совещании и выборных людей от служилого сословия 12 января 1681 г. было постановлено, «для лучшего ратей устройства и управления», окончательно уничтожить старый порядок и «отныне всем быть без мест». В проведении новой меры видную роль сыграл кн. Вас. Вас. Голицын.

В чем же, именно где почерпнул законодатель те силы, что необходимы были ему для уничтожения веками укоренившегося обычая?

1) В очевидности самого зла, в том осязательном ущербе, какой наносился государству старым порядком. Старый взгляд простым указом еще не искоренялся; еще долгое время спустя будет он находить себе горячих сторонников; но к концу XVII ст. сами эти сторонники оказывались уже в меньшинстве.

2) На протяжении XVII ст. старые боярские роды, еще столь влиятельные в XVI в., в значительной степени переслоились новым неродовитым дворянством. К тому же многие из них в Смутное время, по выражению Котошихина, «без остатку миновались», а взамен их в верхние слои служилых людей выдвинулись новые фамилии. Выдвинувшись преимущественно личными заслугами, с генеалогическим древом очень коротким, а то и вовсе без него, это служилое дворянство было чуждо местнических счетов, видело в них тормоз на своем пути и относилось к нему враждебно. В результате — «понятие родословности было значительно поколеблено, относительная оценка отечества

оказалась более затруднительной как для самих заинтересованных, так и для судей. В XVII в. «„знать свою меру" и разбирать местнические споры стало много труднее, чем раньше. К тому же местничество постепенно утрачивало свое значение, как охраны аристократических притязаний родословных фамилий: в XVII в. состав верхних слоев служилых людей оказался гораздо менее аристократическим. Затруднения же, испытываемые от местничества в военной службе, значительно возросли вследствие учащения споров из-за мест» (Дьяконов).

3) Рост самодержавия делал местничество, ограничивавшее волю государя, анахронизмом в ту пору, когда эта воля ни в чем ином не знала ограничений. Пока существовало местничество, царь еще не мог чувствовать себя вполне неограниченным властелином; между тем «властелин» в нем давно уже вырос, и в этом сознании своей власти, найдя себе прочную опору в служилом дворянстве, он уже без особого труда мог смести последние остатки старой зависимости. С этой поры все факторы, задерживавшие самодержавие русского государя, перестали существовать даже формально. В 1682 г. русское самодержавие закончило цикл своего развития. Позже, в XVIII и XIX ст., русские государи могут ярче проявить свое самодержавие, болезненнее дать его почувствовать, но самодержавнее они не станут. При Петре Великом реальный факт нашел себе и теоретическое выражение (Воинский устав 1716 г.: «Правда воли монаршей»).

4) Местничество, по самому характеру своему, таило в себе элементы разложения, облегчая самодержавию борьбу с ним: оно «не давало боярам сплотиться, образовать между собой общие сословные интересы и постоять за них» (Костомаров). Полное отсутствие корпоративности в местничающем классе — его ахиллесова пята, что самодержавие и не умедило использовать в своих интересах.

Отмена местничества сопровождалась знаменательным распоряжением: разрядные «записи о местах» — этот своего рода архив местнических документов, точка опоры при возникавших спорах, были торжественно сожжены. Вместо них составлена родословная книга служилых фамилий, «им и впредь будущим их родам на память». Сюда вошла родовая знать, средний слой служилых людей и все те, «кто из нижних чинов за службы отцов своих или за свои написаны в московские чины». В основу новой родословной книги лег «Государев родословец» Ивана Грозного и родословные росписи, поданные, уже после отмены Местничества, частными лицами в Разряд.

Местничество, в понятиях общества, продолжало держаться еще и после официальной отмены. Оно не замрет окончательно и при ближайших преемниках царя Федора и, как пережиток старины, нет-нет да и проявит себя в бессильных потугах вернуть невозвратное прошлое.

Но одними указами не переделать того, что коренится в нравах и понятиях общества. Если постоянные «без мест», при назначении в поход, и приучали постепенно не так щекотливо относиться к вопросу о старшинстве, то в области придворных церемоний, при рассаживании за царским столом на парадных обедах, вопрос об отеческой чести продолжал оставаться по-прежнему болезненным и жгучим. Наглядным примером тому служит дело кн. Козловского в 1691 г.¹

И много позже, почти в конце своего царствования, Петру Великому приходится издавать специальный указ (1719 г., 4 июня) не местничаться в коллегиях.

Проект «вечных» наместничеств

Отмена местничества наносила непоправимый удар старинным боярским родам («то их смерть, что им без мест быть»), и чем меньше, количественно, оставалось этих родов, чем назойливее оттесняли их худородные люди, тем естественнее было, с их стороны, сделать хотя бы последнюю попытку спасти свое первенствующее и привилегированное положение.

¹ «Велено было быть к царскому столу кн. Козловскому, и два раза посылан за ним дьяк, но он не поехал, а в третий раз послан дьяк и велено, взяв у него карету, привести неволею. Но Козловский вновь отказался за болезнью и был в черном платье, и на дворе у него кареты и лошадей не сыскано, и тогда велено было за непослушание привести его в простой телеге. И приведен он был к Красному крыльцу и говорено ему было, чтобы он шел вверх, но он не пошел и снова два раза посылан был за ним разрядный дьяк, он же на верх итти за болезнью вновь отказался и черного платья с себя не сложил. И тогда, по государеву указу, из телеги был взят и отнесен в Патриаршу Крестовую и лежал на полу многое время и у стола не сидел, и велено было его за стол посадить неволею, и он за столом о себе не сидел, а держали его разрядные подьячие. И того ж числа государи Иоанн и Петр Алексеевич за то его многое их указу ослушание, указали честь у него боярство отнять» (Синбирский Сборник Валуева).

Козловский ссылался на болезнь — только на нее и мог: после уничтожения местничества ссылаться на местнические счета никто уже права более не имел.

Эту попытку они, действительно, и делают почти одновременно с изданием акта об уничтожении местничества. В названной боярской среде вырос проект разделения Московского государства на особые крупные наместничества из областей, составлявших прежде самостоятельные государства (Владимир, Великий Новгород, Казань, Сибирь и др.). Наместники намечались из «великородных бояр», пожизненно («вечные» наместники), и должны были носить «титла тех царств, где кто будет»: «боярин и наместник князь царства Казанского», «боярин и наместник князь царства Сибирского» и т. д. Проект рухнул, встретив энергичную и прозорливую оппозицию со стороны патриарха Иоакима, указывавшего на то, что такие «великородные вечные наместники, разбогаченные и возгордившиеся, разрушат единовластие, „многими годами“ установленное, поделят между собою верховную власть и поколеблют государство, ибо разделившееся царство, по евангельскому слову, не простоит долго, и тогда опять пойдут войны, нестроения, гибель людей, все те несказанные беды, какие были некогда в Русской земле, когда она делилась на разные княжения» (Ключевский).

Не является ли, до некоторой степени, отголоском этого несостоявшегося проекта то исключительное положение, каким в 1690-х гг. пользовался князь Борис Ал. Голицын по званию начальника Приказа Казанского Дворца, — этот настоящий «вице-рой» испанского типа, бесконтрольный владыка в своем «государстве»?

Но названный проект характерен не только как тщетная и запоздалая попытка родовых фамилий сохранить прежнее свое, теперь изжитое, привилегированное положение, но и как отражение новых веяний, которых ожидала не гибель, а, наоборот, полный успех. Проект впервые поставил вопрос об отделении высших гражданских чинов и должностей от военных.

Согласно этому проекту, суд выделен в особую инстанцию; ею заведует первое лицо в государстве, боярин, «предстатель и рассматритель над всеми судьями царствующего града Москвы» (министр юстиции); при нем совет из 12 бояр и думных людей. Наместник Владимирский, старший из наместников, председательствует в совете государственных дел. Подле этих двух гражданских сановников сановники специально военные: Дворовый воевода — наш военный министр: во время похода он состоит при царе; в мирное время на нем лежит забота о подготовке государства к войне (заготовка оружия, провианта,

военных снарядов). Воевода Севского разряда охраняет степную полосу Украины; Новгородского разряда — окраину северо-западную; воевода Владимирского разряда, с постоянным пребыванием в городе Владимире, «устраивает рати конные и пешие, всегда пребывает во всяком воинском приуготовлении и, получив государское повеление, идет против неприятеля со своим разрядом куда потребуется». В таком же положении и наместник Казанский (Соловьев).

Проект не получил осуществления, но мысль, вложенная в него, не заглохла и вскоре нашла свое выражение в преобразованиях петровского времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ XIII

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СНОШЕНИЯ РОССИИ С ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

1. В истории дипломатических сношений России с Зап. Европой за время 1613—1725 гг. легко различить два периода: до и после Андрусовского перемирия с поляками. Первый период (1613—1667) — восстановление прерванных Смутой сношений с чужеземными странами. Спеша наверстать потерянное, Голландия и Англия деятельно развивают свою торговлю с Россией, а последняя, в свою очередь, старается использовать положение и поручает своим агентам вызвать оттуда на русскую службу офицеров и мастеров (1640, 1646), или закупать оружие и военные снаряды (1658, 1660). Преимущественно торговыми интересами вызваны посольства в Венецию и Флоренцию (1656—1662). Оживленные переговоры и ссылки ведутся с Данией в 50-х и 60-х гг., но более на почве политической — во имя совместных действий против общего врага — Швеции. Соблюдая международную вежливость, правительство Михаила Федоровича оповещает в 1634 г. о заключении вечного мира с Польшей и о смерти патр. Филарета Англию, Голландию, Данию и Швецию — четыре державы, с которыми, если говорить вообще о сношениях, с ними таковые, по-настоящему, только и были в ту пору; и если оно не обошло в этот раз также и Францию, то, кажется, единственно ради предполагавшегося там в ту пору набора солдат и офицеров на русскую службу.

Все эти сношения лишены, однако, органического единства; русское правительство идет еще ощупью и не выработало определенных критериев и устойчивых оснований своей политики. Преобладающее мерило — субъективное. Сношения с Францией тормозятся потому, что она держава католическая; лишь позже выяснится, что идти с нею по одной дороге трудно, почти невозможно, не из-за веры, а потому, что она держит руку Топыпи, а главное, дружит с турецким султаном, врагом России. Лишение англичан права беспошлинной торговли, хотя и диктовалось экономическими интересами самой России — о том согласно свидетельствовали громкие жалобы русского купечества, — но, может быть, еще долго заставило бы ждать себя, не соверши англичане крупного политического промаха, который в Москве сочли необходимым опротестовать и осудить: «всей землей учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти».

Германия, фактор громадной политической важности в политической жизни Европы, почти совсем еще не входит в орбиту наблюдения московских дипломатов. Вступая на престол, царь Алексей Михайлович счел необходимым оповестить об этом Голландию, Англию, Польшу, Швецию и Данию, но не германского императора. Оповещение цесарю было послано лишь 9 лет спустя, да и то попутно (1654), когда понадобилось хлопотать, чтобы он и германские курфюрсты оставались нейтральными в начавшейся у России войне с Польшей.

Более того, курляндский герцог, через псковского воеводу, дает знать о своем желании поздравить Алексея Михайловича с восшествием на престол и отправить в Москву с этою целью посла; но воеводе приказано было ответить, что как раньше у курляндских князей с русскими государями ссылок не бывало и послов от них не присылалось, «то и ныне приняты не будут; Да и быть пересылке не для чего и непристойно».

2. 13-летняя война с Польшей (1654—1667) явилась для России полезной школой международной жизни. Втянув ее в Другую войну — со Швецией, — она заставила искать союзников (Дания), посредничества (цесарь), расширила ее международные горизонты: вопрос о Зарубежной Руси превратила в вопросы Польский и Балтийский, породила и третий вопрос — Восточный, отодвинув на второй план прежнюю защиту южных границ от крымских набегов и выдвинув новую задачу: борьбу с могущественной империей Турецкой. Ценные успехи, добытые в этой войне силой оружия, предстояло еще закрепить, при

неблагоприятной конъюнктуре они могли быть утрачены, а опыт показывал, что такая конъюнктура в значительной степени будет зависеть от общего положения дел в Европе. Московское государство, быть может, впервые совершенно отчетливо сознало теперь себя неотъемлемым членом европейской семьи со всеми вытекающими отсюда благоприятными и неблагоприятными последствиями.

3. Это сознание сказалось прежде всего в широкой огласке, которую московская дипломатия хотела придать Андрусовскому договору. Со своим заявлением о состоявшемся перемирии, о новой мирной эре, открывшейся для Востока Европы, она обращается не только к правительствам держав, с которыми обычно вела сношения, но и к Пруссии, к Франции, даже к далекой Испании, хотя с последней у московских царей раньше совершенно никаких ссылок не бывало. Для царя Алексея это прекрасный случай попытаться завести торговлю с французами и испанцами. Не обойдена и Венеция: в Москве учитывают ее международное значение как соперницы Турецкой империи на Востоке Европы.

4. Пять лет спустя царю Алексею представился случай еще шире раздвинуть свой дипломатический круг. Правобережная Украина, по Андрусовскому миру покинутая Москвой, не хотела возвращаться под старое и слишком знакомое иго поляков. Казаки, с Дорошенкой во главе, восстали и поддались султану. Польше пришлось снова вести войну, и притом войну бесславную, тяжелую. Полуторастысячное войско турецкое под предводительством самого султана Магомета IV наводило польские области; 27 августа 1672 г. пал Каменец, последний польский оплот, и падишах совершает свой парадный въезд по улицам польской твердыни, попирая святые иконы, брошенные под копыта лошадей. Под Львовом победитель продиктовал мир, «наипостыднейший из всех, какие когда-либо заключала Польша» (Шуйский). Украина и Подолия перешли в турецкие руки.

Москва не могла остаться безучастной зрительницей турецких побед. Не столько забота о несчастной соседке-сопернице, не столько желание выполнить договор, сколько сознание собственной опасности вынудило и ее вынуть свой меч. К тому же в торжестве турок царь Алексей видел опасность не одной Польше или России, но всему христианскому миру, видел угрозу полумесяца кресту. С тех пор как Рюриковичи породнились с

византийскими императорами и двуглавый орел осенил Московскую державу, русские государи не переставали считать себя единственными законными наследниками павшей монархии, охранителями православия. Москва давно усвоила себе фикцию Третьего Рима.

Решено было звать всю Европу в крестовый поход на мусульман. Воззвание рассылалось одинаково и католикам, и протестантам, ближним и дальним. Снаряжая свои посольства к 11 государям, Москва поступала вполне логично: кому же, как не ей, хранительнице истинных заветов Христа, стать во главе движения? Но логика не совпала с реальными фактами. С точки зрения тогдашних политических условий она сильно отзывалась наивностью и невежеством. Европа не знала и не хотела знать притязаний московских государей на передовую роль в христианском мире. К тому же в ту пору вопросами религиозными она интересовалась едва ли не менее всего: на **первом** плане стояли заботы более житейские, заботы практической государственной пользы. Европа не ополчилась на **турок**. Московские послы встретили холодный прием и получили уклончивый ответ. Одни отзывались войной, другие внутренними затруднениями, третьим помехой стояло дальнейшее расстояние; отделялись и общими фразами. Практические англичане, отговариваясь давнишними торговыми сношениями с султаном, старались повернуть дело совсем на иную почву: на возвращение «древних прав и вольностей», отнятых у них русским царем в эпоху революции. Таким образом, Россия, впервые самостоятельно выступившая в вопросе, имевшем **полное** право на именование общеевропейского, потерпела полное фиаско.

План не удался, но он сам по себе явление замечательное: это первая попытка московского правительства петь в европейском концерте по собственной партитуре, более того: дирижировать оркестром. Обращение к Европе имеет право на внимание и по Другой причине: в числе приглашенных намечен был и римский папа. После многих лет отчуждения Москва и Рим снова находят положительные точки соприкосновения. 20—30 лет назад подобный факт, казалось, был бы совершенно немислим. Проследить эволюцию во взглядах XVII в. на католичество — значит во **Многом** уяснить себе процесс его «европеизации».

5. Москва и Рим. Поколение, выросшее в тяжелые годы лихолетья, еще болезненно переживало ту пору, когда на престоле царей русских сидел ставленник поляков и иезуитов,

тайный католик, сторонник безбожной унии и явный слуга римского папы (Лжедмитрий I); когда Московский Кремль, национальная святыня и гордость русского народа, видел в стенах своих и черные сутаны иезуитов, и цветные чамарки польских жолнеров; когда православная Русь вынуждена была присягать уже явному католику (Владиславу), позволять построение костелов, а взамен видеть осквернение собственных храмов. Чувство ужаса перед грозившей опасностью и ненависть к его виновникам на заглохли даже и тогда, как самая опасность давно миновала.

1) Французский король Людовик XIII хлопочет для своих подданных, вместе с торговыми привилегиями, также о правах богослужения, о приезде священников — ему отвечают категорическим отказом.

2) Заключая Поляновский мир, поляки хлопочут, чтобы тем из них, кто пойдет на службу к московскому государю, было дозволено строить в своих поместьях костелы, — им дан такой же отказ.

3) Голштинскую торговую компанию обязали под страхом смертной казни «костелов своей веры в данных им местах и купленных не строить, Божию службу совершать в домах, папешской веры попов и учителей и никаких латинской веры людей с собой в Российское государство не привозить и тайно у себя не держать».

4) Единичные случаи появления католических патеров в пределах России беспощадно наказывались ссылкой в Сибирь.

5) Москва не хотела терпеть у себя католиков вообще, не только духовного чина, но и мирян. Вербую за границей солдат для иноземных полков, правительство категорически запрещало, нанимать французов «и иных папешкия веры», и когда в числе набранных оказалось несколько католиков, их немедленно отослали обратно из пределов России.

Практическое применение такой программы, однако, наталкивалось на целый ряд затруднений. Было немыслимо огородить себя китайской стеной в ту пору, когда соприкосновение с Западной Европой усиливалось с каждым днем и потребность общения с нею стучалась в двери столь назойливо, что зачастую оказывалось прямо невозможным разбирать, кто идет в эти двери: протестант — в русской земле его еще терпели — или католик.

1) Как ни хотелось в 1635 г. загородить дорогу польским купцам из опасения, что станут-де «привозить с собой учителей римской веры» и обращать в нее православных, но соображения коммерческие перевесили это желание.

2) Не успели отчураться от французов и папежан, а через два года последовало разрешение мастеров-иноземцев нанимать не только в государствах протестантских, но и во Франции, и в Венеции, брать всех, кто захочет пойти на царскую службу.

3) При Алексее Михайловиче набралось много пленных католиков, если часть их и обращалась в православие, то другие оставались верны религии отцов своих и, селясь среди русских, беспрепятственно держались прежнего вероисповедания.

4) Дипломатические сношения с иностранными дворами неизбежно обуславливали хотя бы временное пребывание католиков, и не только мирян, но и патеров: последние приезжали в свите посольства и даже отправляли религиозные требы.

5) Продолжало увеличиваться и число иноземцев военных. При царе Алексее убедились, что система тридцатых годов более непригодна: среди офицеров и солдат русскому государю служат теперь не одни протестанты. Наряду с военными видим и католиков-торговцев. Правда, число последователей Римской церкви по-прежнему ничтожно, но важно не количество, а самый факт — лучший признак того, что старый принцип начинает колебаться в своем основании.

6) Андрусовский договор поставил вопрос о католиках еще настойчивее и прямо на юридическую почву. Новые подданные левобережной Украины не все были православными, и польская сторона выговорила своим единоверцам свободное исповедание веры.

7) Такая «либеральная» постановка дела как раз совпала с порой, когда киевская образованность, перенесенная в Москву, культивировала там латинские формы и латинский дух просвещения.

Вообще Смутная пора постепенно уходила в даль прошлого; складывалась новая обстановка, крепились новые отношения. Поколение, выросшее под впечатлением годин лихолетья, сменилось другим, которое знало эту пору лишь по живым свидетельствам, устным да литературным рассказам. Принципиальное отношение, правда, не изменилось: дети также враждебно держали себя к католичествому, но у сыновей не было того захватывающего чувства, того инстинктивного трепета, какой еще виден в отцах. Краски успели поблекнуть, едкое чувство — притупиться. Идея принималась такой же, мысль о единении с папистом по латинской формуле казалась не менее греховной; но все более и более появлялось людей, для которых она становилась достоянием разума, без примеси той горечи и бессознательной ненависти, ужаса, как раньше. Врага осмелились

рассматривать на более близком расстоянии. В 1637 г. отец еще мог говорить: «с папой римским царскому величеству ссылки не бывало и ссылаться с ним не о чем: Римская область от Московского государства далеко, между ними прошли многие государства и земли, и вперед ссылки быть не для чего», — а 35 лет спустя, в 1672 г., сын скажет: нет, ссылка будет, папу необходимо привлечь к общему делу, потому что «не послушать папы окрестным государям будет не мочно». И ссылка состоялась. Царя Алексея не остановило даже то, что к главе Римской церкви посылался иноземец и к тому же сам католик. Именно как католик и не русский по происхождению, шотландец Павел Менезий, майор русской службы, имел больше шансов сблизиться с государственными лицами в Риме, пользу чего московское правительство не могло не сознавать.

6. После безуспешной попытки 1672 г. на новое выступление московское правительство подвинуто было заключением Вечного мира с Польшей. Согласно Московскому договору 21 апреля 1686 г., Россия, активно выступая против турок, обратилась к европейским державам с приглашением принять участие в общем деле. Это приглашение было обставлено особенно торжественно. В то время как в 1672 г. Менезий, Виниус и Украинцев ехали в звании простых гонцов, теперь гонец был послан только в Данию и Швецию, к остальным же державам отправили посланников, а к цесарю, к королям французскому и испанскому — Великие посольства, в составе трех и даже четырех послов. Непосредственная цель и на этот раз достигнута не была, но переговоры с французским двором окончательно выяснили туркофильство Франции и бесполезность ожидать от нее в будущем какой-либо поддержки и сочувствия.

7. Конец XVII в. преподавал еще один хороший урок в школе международной политики: Великое посольство 1697—1698 гг., снаряженное Петром в целях вторично звать Европу к совместной борьбе с турками. Для самого Петра посольство явилось вполне логическим выводом из переживаний последних лет. Азов был завоеван, но для того, чтобы два похода под эту крепость (1695, 1696), уложившие столько народу, не остались простой авантюрой, следовало продолжить дело завоеванием Керчи: только тогда можно было бы сказать, что владеешь свободным выходом в Черное море, а не сидишь взаперти в Азовских водах. Между тем Керчь означает войну с Турцией, — в силах ли России вести ее один на один? Необходимы союзники.

Коалиция же, созданная Вечным миром 1686 г. и другими договорами (Польша, Россия, цесарь, Венеция), готова распасться: надо не только поддержать ее, но и обновить, вдохнуть в нее свежие силы; надо привлечь к ней и другие державы.

С другой стороны, Азов ясно показал отсутствие военных знаний и опытности, отсутствие техников, надлежащих людей, а ведь для Керчи их понадобится еще больше! Где же взять их? Немецкая слобода хороша была для потех, но для серьезного дела, очевидно, совсем не годится. Союзников и знания, технических сил надо, то и другое, искать за границей.

Так сложилась у Петра мысль о Великом посольстве; потому и цель ему предназначалась двоякая: политическая и технико-комиссионерская.

Такова была логика Петра; но беда в том, что она не считалась с реальными фактами. Новичок в международной политике, царь явился в Европу не вовремя: там как раз в это время заключали Рисвикский мир, и те самые державы, на которые всего более рассчитывал царь: Англия, Голландия, Германия, если и оттачивали свои копыя, то не против турок, а против другого врага, в ту пору для них гораздо более грозного (Франция): то был канун войны за Испанское наследство. Англия и Голландия отклонили предложение союза, а цесарь спешил потихоньку от союзников заключить с турками сепаратный мир, увлекая за собой Польшу с Венгрией. Без новых союзников, брошенный даже старыми, совсем одинокий, Петр поневоле и сам должен был мириться с султаном. Ему дали хороший урок, не пропавший, однако, даром. Карты европейских дипломатов несколько приоткрылись для него, и в новую войну — со шведами — он вступал уже более или менее испытанный в деле дипломатической науки. Борьба же с Карлом XII избавила его и от других иллюзий — насчет своей военной подготовки: поражение под Нарвой явилось хорошим уроком — гениальный Царь сумел также и этот использовать на благо России.

8. Опыт прошлого и сложность политических отношений' в эпоху Северной войны подсказали Петру еще один важный шаг — Учреждение постоянных представительств при иностранных дворах. Сами иностранцы давно уже пытались, не ограничиваясь временными посольствами, обзавестись в Москве постоянными агентами. Первой удалось достигнуть этого Швеции, потом за ней пошли Дания, Польша, Голландия. Сама Москва не особенно торопилась идти навстречу, однако Андрусовское перемирие, а особенно Вечный мир с поляками побудили

Голландия — Грузия — Дания — Индия (Вел. Могол) — Испания — Китай — Крым — Курляндия — Молдавия — Папский престол — Польша — Турция — Флоренция — Франция — Швеция.

Всего 24 государя и 2 вольных города.

Кроме того:

патриархи восточные,
патриарх армянский,
кабардинцы,
калмыки,
нагайцы,
черкесы

II ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПОЛУЧИВШИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗВЕЩЕНИЯ О ВОСШЕСТВИИ РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ НА ПРЕСТОЛ

1645 г.	1676 г.	1682 г.
Польша	Польша	Польша
Швеция	Швеция	Швеция
Дания	Дания	Дания
Голландия	Голландия	Голландия
Англия	Англия	Англия
Цесарь (1654)	Цесарь	Цесарь
	Пруссия	Пруссия
	Испания (1680)	Франция (1685)

III

- 1654 г. Кому сообщено было о начавшейся с Польшей войне:
1. Швеция — 2. Дания — 3. Пруссия — 4. Голландия — 5. Франция.
- 1667 г. Посольство с извещением о заключении в Андрусове 13¹/₂-летнего перемирия с Польшей:
- 1 Цесарь (И. А. Желябужский). — 2. Швеция —

3. Дания — 4. Пруссия — 5. Англия — 6. Франция (Потемкин) — 7. Испания (он же) — 8. Венеция.

1672—1673 г. Посольства к христианским державам с призывом помочь Польше и общими силами повести борьбу с турками:

1.2.3.4.5. Цесарь, папа, курфюрсты: саксонский, бранденбургский, Венеция (майор П. Менезий).

6.7.8. Франция, Испания, Англия (Андрей Ви-ниус).

9.10.11. Швеция, Дания, Голландия (Емел. Украинцев).

1680 г. Кому сообщено о возобновлении перемирия с Польшей:

с этой целью во 1. Францию, 2. Испанию и 3. Англию посылался П. Потемкин.

1686 г. Посольства для сообщения о заключении Вечного мира и оборонительно-наступательного союза с Польшей и для приглашения примкнуть к общему делу — к войне с турками:

1. Цесарь (Вел. посольство: боярин Б. П. Шереметев, окольный Чаадаев, думный дьяк Иван Волков).

2.3. Франция, Испания (Вел. посольство: боярин кн. Яков Федор. Долгорукий, стольник кн. Як. Мышецкий, дьяк К. Алексеев).

4.5.6.7. Пруссия, Англия, Голландия, Флоренция (дьяк В. Т. Постников).

8.9. Швеция, Дания (подьячий Б. Михайлов).

10. Венеция (дьяк Ив. Волков: выделен из состава Вел. посольства к цесарю и отправлен из Вены).

1697—1698 г. Великое посольство для заключения наступательного союза против турок:

1. Пруссия. 2. Голландия. 3. Англия. 4. Цесарь (генерал Франц Лефорт, боярин генерал крйгс-комиссар Ф. А. Головкин, думный дьяк Прок. Богд. Возницын).

IV
ПОСТОЯННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ
ПРИ ИНОСТРАННЫХ ДВОРАХ

Назначение послов (посланников, резидентов, полномочных министров) для обслуживания текущих дел и, в этих видах, с постоянным пребыванием на месте началось не раньше конца XVII ст., а в норму входит только при Петре Великом, хотя и в его время оно упорядочилось и стало регулярным еще не вполне. Ниже указывается, с которого года, где именно возникло такое представительство и кто был первым посланником и резидентом.

1673	Польша: В. М. Тяпкин
1699, апрель	Голландия: А. А. Матвеев
1700, май	Швеция: кн. А. Я. Хилков ¹
1700, июнь	Пруссия: кн. Ю. Ю. Трубецкой (негласно)
1700, сентябрь	Дания: А. П. Измайлов
1701, январь	Цесарь: кн. П. А. Голицын
1701, ноябрь	Турция: П. А. Толстой
1702	Франция: П. В. Постников (на положении негласного агента, даже не по инициативе самого русского правительства).
1707	Пруссия: фон-дер-Лит
1709	Гамбург: Беттихер
1711	Ганновер: бар. Шлейниц
1711	Англия: кн. Б. И. Куракин
1717	Франция: бар. Шлейниц
1717	Мекленбург: М. А. Салтыков
1719	Испания: А. Л. Нарышкин (негласно)
1721	Швеция: М. П. Бестужев-Рюмин
1722	Испания: С. Д. Голицын

¹ Если не считать 1635—1636: Д. А. Франбеков.

V

ТОРГОВЫЕ АГЕНТЫ, КОНСУЛЫ

1707 — Любек	1713 — Гамбург
1711 — Венеция	1715 — Париж (бр. Лефорты)
1714 — Гданск	1717 — Спа
1717 — Антверпен	1718 — Вена
1717 — Бреславль	1719 — Китай (Лор. Ланг)
1718 — Лютих (Льеж)	1723 — Испания (Кадикс)
1723 — Бордо	

VI

ИНОСТРАННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ

(агенты, резиденты, комиссары, полномочные министры, посланники)

Начальные годы назначения

1631	Швеция
1672	Дания
1673	Польша
1677	Голландия
1692	Цесарь (негласно)
1699	Пруссия
1703	Франция
1704	Англия
1714	Ганновер
1722	Швеция

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ В ИМПЕРАТОРСКУЮ РОССИЮ (Царствование Петра Великого) (1682—1725)

І. ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Воцарение

Преждевременная смерть царя Федора, скончавшегося еще в молодых годах, к тому же бездетным (1682 г., апреля 27), чрезвычайно осложнила вопрос о преемнике. Царь Алексей женат был два раза: от первого брака с Марией Милославской теперь, после Федора, оставался сын Иван, 16 лет; от второго, с Натальей Нарышкиной, — 10-летний Петр. При дворе, еще задолго до рокового дня, образовались две партии, тем более что формального закона о престолонаследии в России тогда не существовало — его заменял обычай и порядок, освященный давностью. Казалось, корона должна была достаться Ивану; но крайне болезненный и даже ненормальный, с подслеповатыми, слезящимися глазами, косноязычный и, самое главное, умственно совершенно убогий, Иван уже и в 16 лет был духовным инвалидом, без всякой надежды когда-нибудь достигнуть умственной зрелости. Если право первородства и было за ним, то всякий хорошо понимал, что, царь по имени, он навеки останется пешкой и, даже хуже, простыми ширмами в руках других.

Это обстоятельство давало партии Нарышкиных нравственное право выдвигать кандидатуру Петра: детский возраст десятилетнего царевича, как нарочно, в противоположность старшему брату, цветущего здоровьем, бойкого, жизнерадостного, являлся лишь вопросом времени, и опека над мальчиком не могла быть вечной, как это неизбежно предстало в случае избрания Ивана. Нарышкины нашли могущественную поддержку в патриархе, и это решило дело в их пользу. Умственное Убожество Ивана немало смущало и беспартийных, и когда

патриарх Иоаким обратился к присутствующим во дворце чинам государства, а вслед за тем к народной толпе, собравшейся перед дворцом, с вопросом: которого из братьев хотят они видеть у себя государем, громадное большинство выкрикнуло имя Петра, заглушив отдельные голоса, называвшие Ивана.

С таким решением Милославские не примирились и, благодаря совершенно случайному стечению обстоятельств, нашли возможность исправить свою неудачу.

Бунт стрельцов

В городе Москве были расположены полки стрельцов, этой своего рода царской гвардии, избалованной своим привилегированным положением; как раз к этому времени у них накопилось много недовольства, в значительной мере основательного, на своих командиров; стрельцы жаловались, но не всегда с успехом, и, понятно, были недовольны. Среди них начиналось брожение, новое правительство Нарышкиных не справилось с ним, а несвоевременными уступками и потачками коноводам еще более разжигало страсти. Милославские умело использовали это брожение: со стрельцами начались тайные пересылки, их сознательно возбуждали, распустили слух, будто Нарышкины убили царевича Ивана и не хотят оказывать правосудия стрельцам. Иван Михайлович Милославский, самый деятельный и самый энергичный из этой фамилии, был душой заговора. Малоприятная перспектива очутиться, в случае окончательного перехода власти в руки Нарышкиных, где-нибудь в далекой ссылке служила достаточно сильным побуждением, чтобы не сидеть сложа руки, к тому же на рискованный путь он выступал не один — рука об руку с ним шла молодая, полная энергии и честолюбия, жизнерадостная, отважная и смелая Софья.

Стрелецкий бунт разыгрался менее чем через три недели по воцарении Петра. В злополучный день 15 мая 1682 г., стрельцы с оружием в руках ворвались в Кремль, перебили родственников царицы Натальи, отца ее заставили принять монашеский клобук и после трехдневной кровавой расправы с неугодными людьми потребовали, чтобы, кроме Петра, царем стал также и Иван, а правительницей сестра их Софья. Петра не тронули, законности его избрания оспаривать не решились, но, оставив его на престоле, посадили подле него и старшего брата. Придворные историографы нашли в оправдание такого небывалого появления двух царей одновременно примеры если не в русской, то в византийской истории, — там же отыскивали примеры и женщин-

Правительниц. Так возникла небывалая на Руси форма двоевластия и наступило семилетнее правление царевны Софьи (1682—1689).

к | *Царевна Софья*

Из дочерей царя Алексея Михайловича царевна Софья была если не самая старшая (род. в 1657 г.), то самая умная, самая честолюбивая и более остальных сестер сильная и твердая духом, полная энергии, силы воли и, вдобавок, еще и широких полетов. Новые веяния, т. е. новые вкусы и интересы, новый взгляд на условия жизни, неуклонно проникавшие в русское общество, добрались и до царского терема, обитательницы которого обыкновенно жили взаперти, в стороне от текущей жизни. Церковь, где они молились, тщательно сокрытые от посторонних глаз; чтение житий святых и вообще книг поучительного содержания, вперемежку с описанием фантастических стран или необычайных приключений; вышиванье по узору; художественные работы по изготовлению таких предметов церковного обихода, как плащаницы, платы, воздухи пелены, — работы, где пускались в ход игла, шелк, золотая или серебряная нитка, бисер и жемчуг; благочестивые беседы с разного рода юрдовыми, странниками и странницами, их рассказы о посещенных ими святых местах, о чудесах, виденных или слышанных; и, вдобавок, незатейливые развлечения и забавы в кругу нянюшек и мамушек, шутов и шутих, карлов и карлиц — вот обычный разговор жизни прежних царевен.

Теперь настала иная пора. В конце XVII в. царский терем, скрывавший в себе женскую половину царской семьи, был уже не тем, что раньше. Глухая стена, отделявшая его прежде от внешнего мира, если еще не рухнула, то дала сильную трещину, и через нее уже стали проникать туда новые веяния, доноситься новые голоса, манившие возможностью иного жизненного уклада, сулившие личную свободу, независимость действий и, вдобавок, еще и знание, заманчивое уже само по себе своей нравственной, по тем горизонтам, что оно раскрывало пытливому, Жадному уму.

Теперь сам Алексей Михайлович вывозил свою вторую молодую жену в карете с открытыми окнами, на удивление и соблазн москвичей; теперь царевна Софья брала вместе с братом Федором уроки у ученого монаха Симеона Полоцкого, что, в известной степени, равносильно было для того времени слушанию университетских лекций. Значение такого небывалого яв-

ления подчеркивалось еще и тем, что Симеон был не домашнего, московского происхождения, а выходец из Литвы, с оттенком латино-польского образования. Когда воцарился Федор, то Софья искала случая быть возможно чаще при больном брате; нередко она присутствовала в его кабинете во время докладов бояр о государственных делах.

Страстная любительница театра, в представлениях которого, по преданию, сама принимала активное участие, слагательница вирш — поэтесса по тогдашним понятиям, Софья ярко выделяется на фоне тогдашнего времени, оставляя далеко в тени своих сестер. Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, несколько позже Карион Истомин, передовые и образованнейшие люди той поры, составляют если не постоянный, то во всяком случае не заурядный круг близких ей лиц; и темы их собеседований обычно вопросы из области культуры и образования. Еще не став правительницей, еще без власти, и потому еще не предмет искательства, она уже предмет восхвалений и стихотворных посланий, которые уже по одному этому не могут быть заподозрены в намеренном преувеличении. Молоденькой девушкой, 19—20 лет, она не может дожидаться появления в печати книги Симеона Полоцкого «Венец веры» и знакомится по черновой рукописи с этим первым опытом в московской литературе догматического изложения православной веры. Как и брат Федор, Софья говорит и читает по-польски, и можно с уверенностью сказать, что стихотворные произведения на польском языке Лазаря Барановича, поднесенные им в свое время царевичу Федору, не миновали и ее рук. Впоследствии даже политические враги ее не могли не отдать должного ее выдающимся дарованиям. «Великого ума и самых нежных проникательств, больше мужеска ума исполненная дева», — говорит о Софье в своих «Записках» Матвеев.

Избрание в цари не старшего единоутробного брата Ивана, а младшего Петра, от Нарышкиной, было для Софьи жестоким ударом. Другую натуру, менее сильную, он скопил бы совсем, а ей он придал, казалось, лишь новые силы. Царевна хорошо понимала, что значит — власть в руках ненавистной мачехи и ее родных: в лучшем случае, двери терема, только что приоткрывшиеся, снова захлопнутся. А что если и того хуже? Что если терем заменится монастырем? И для того ли она еще при жизни брата сживала в его рабочем кабинете, прислушиваясь к докладам бояр о государственных делах? Для того ли не отходила в последние минуты от его изголовья? Не из тех натур была Софья, чтобы останавливаться перед решительными

Дэрами. Волнения стрельцов прямо подсовывали ей в руки оружие, и она не колеблясь ухватилась за него.

Князь В. В. Голицын

(Правление государством попало в достойные, надежные руки **К Н Ж** Вторая Пульхерия и Екатерина Медичи, царица Софья лишняя раз показала, что государством могут править не одни только мужчины. Ее септеннат если не открыл новую страницу русской истории, то значительно раздвинул прежние горизонты. Свою власть царица разделила со своим любимцем, кн. Василием Васильевичем Голицыным, самый выбор которого в фавориты свидетельствует о ее незаурядных духовных потребностях. В то время как сестры: одна, Екатерина, сошлась с костромским попом, а другая, Марфа, с каким-то дьяконом Иваном Гавриловичем, выбор Софьи пал на человека, духовно стоящего много выше толпы. Перед смертью царя Федора (когда, вероятно, началась связь) Софья не была уже девочкой, а Голицын, на 14 лет старше ее, тем более не был уже первой молодости. Можно поэтому положительно утверждать, что он привлек ее не внешностью, а той разносторонностью образования, той культурностью, какие выделяли его среди других мужчин ее круга. Это был, может быть, самый передовой человек в тогдашнем русском обществе, знавший языки — он свободно изъяснялся по-латыни и по-польски, — умевший ценить умную, дельную беседу, всегда готовый использовать возможность расширить свой умственный горизонт. В голове Голицына роились гуманные планы освобождения крестьян; он умело провел назревший закон об уничтожении местничества, а несколькими годами позже, может быть еще с большим тактом и пониманием дела, использовал тогдашнее международное положение России, заключив выгодный для нее Вечный мир с Польшей. Про Голицына можно сказать: это был настоящий «европеец» в лучшем смысле этого слова; без отречения от национальных форм и заветов, унаследованных от родного прошлого, он охотно перенимал с Запада его культуру и широко раскрывал перед ней дверь.

Его обширный дом в Москве поражал глаз иностранца своим убранством на широкую ногу; заезжие гости считали голицынский дом одним из наиболее блестящих в Европе: в больших залах простенки между окнами заставлены были большими зеркала; по стенам висели картины, портреты русских и

иностранных государей, немецкие географические карты в золоченых рамах; множество часов и термометров художественной работы довершали убранство комнат. У Голицына была значительная и разнообразная библиотека из рукописных книг на русском, польском и немецком языках. Дом Голицына был местом встреч для образованных иностранцев, попавших в Москву, и в гостеприимстве своем хозяин шел дальше других московских любителей иноземного: двери его дома были открыты даже для иезуитов, чего те не могли бы ожидать для себя в других домах.

Голицын выдвинулся еще при царе Федоре как председатель комиссии, занимавшейся преобразованием военного строя и постановившей отмену местничества. В связи с реформой военной Голицын думал освободить крестьян, предоставить им, за ежегодную подать в казну, те земли, которые они обрабатывали. Он постоянно ставил боярам на вид необходимость учить своих детей, выхлопотал разрешение посылать их в польские школы, советовал приглашать польских гувернеров для их образования, советовал дворянству ездить за границу для обучения там военному искусству. Замыслы Голицына, говорит русский историк (Ключевский), показывают, что в основании их лежал широкий и, по-видимому, довольно обдуманый план реформ, касавшийся не только административного и законодательного порядка, но и сословного устройства государства и даже народного просвещения; но короткий срок, каким Голицын пользовался властью, помешал ему сделать что-либо прочное и устойчивое.

Зато во внешней политике царевна Софья и князь Голицын достигли результатов гораздо более ярких и осязательных. Они прекрасно использовали международное положение тогдашней Европы и сумели мирным путем приобрести много такого, чего прежним русским государям не удавалось даже и с оружием в руках.

Вечный мир с Польшей

В ту пору агрессивная политика турок снова приняла опасные размеры. Завоевание острова Кандии (1669), захват Западной Малороссии, появление мусульманских знамен под стенами Вены (1683) всполошили одинаково Венецианскую республику, Германию и Польшу. При деятельном участии Святого престола, не без основания видевшего в продвижении турок вглубь Европы угрозу христианскому миру, эти три государства заключили

Между собой союз, т. н. антиоттоманскую лигу. Но в этой лиге недоставало еще одного партнера, и польский король Ян Собеский, наследственные владения которого в Трансильвании остренно терпели от турок, взял на себя нелегкую задачу привлечь к общему делу также и московских царей. Участие России было необходимо и важно, главным образом, тем, что она могла отвлечь крымских татар от главного театра войны, лишить Турцию их содействия и позволить полякам сосредоточить все свои силы против султана.

Таким образом, Москва оказалась в выгодном положении стороны, в которой нуждались и у которой поэтому заискивали. Софья охотно пошла навстречу польскому предложению, но поставила свои условия: закрепление прежних условий Андрусовского договора 1667 г., окончательный переход к России такого важного в политическом, в военном, религиозном и национальном отношении города, как Киев, т. е. закрепление за Россией *de jure* того, что *de facto* уже находилось в ее руках; и, наконец, обязательство предоставить православному населению в Речи Посполитой полную свободу в исповедании своей веры и не допускать со стороны римско-католиков и униатов притеснений его (Московский договор 21 апреля 1686 г.).

Важное значение последнего пункта договора выяснилось не сразу, а постепенно. Верховным главой православного духовенства и всей православной паствы в Польше остался киевский митрополит, подчиненный патриарху Константинопольскому. Но уже в следующем, 1687 г., он вышел из его юрисдикции и стал под начало патриарха Московского, что неизбежно превратило его в политическое орудие русского правительства, открывая последнему возможность неоднократно потом, на законном основании, вмешиваться во внутренние дела Польши.

Этот пункт московского договора наносил тяжкий удар политической самостоятельности Речи Посполитой: с этой поры можно сказать, начался новый, последний период истории Польши — период ее политического упадка. Недаром Ян Собеский, принося клятву в соблюдении договора, говорят, не мог удержаться от слез. Времена Стефана Батория прошли безвозвратно. Сто лет, отделявшие Вечный мир 1686 г. от перемирия в Запольском Яме 1582 г., не прошли для России бесследно. Работа последующих поколений по выполнению завета Ивана III — собиране «отчины» Владимира Великого — была теперь в значительной мере облегчена и обеспечена.

Крымские походы

Во исполнение принятых обязательств, русские войска под предводительством кн. В. В. Голицына дважды ходили на Крым (1687, 1689), но с ничтожным успехом военным: опытный дипломат, князь Голицын не обладал талантами полководца; да и самая задача, поставленная ему — покорить или по крайней мере разорить Крым, — была, в тогдашних условиях, вообще не по силам Русскому государству: обширные, незаселенные степи отделяли Россию от Крыма; армия должна была тащить за собой громоздкие, малоподвижные обозы; вообще организация тыла натывалась на всевозможного рода затруднения. Русские войска дошли до Перекопа, узкого перешейка, соединяющего полуостров с материком, но вторгнуться в самый Крым были не в силах. Во всяком случае оба эти похода помешали крымцам действовать заодно с турками, и в этом отношении содействие Польше, хотя и в слабой степени, оказали.

Непрочность положения царевны Софьи

Захват власти, успехи во внешней политике прочным положением Софьи, однако, не сделали; наоборот, с каждым годом почва все заметнее и заметнее ускользала из-под ее ног. Торжество Милославских в мае 1682 г. удесятерило вражду двух партий, и чем затаеннее была она у Нарышкиных, тем охотнее питали они злобное чувство и надежду на отмщение. Надежды же эти отнюдь не были беспочвенны: ведь вся власть Софьи опиралась на одно малолетство царей, а этому, рано или поздно, должен был наступить конец тем более решительный, что умственное убожество Ивана делало младшего брата, Петра, в момент совершеннолетия царем фактически самодержавным. Наступит этот момент, и Софья, бесправная сама по себе, даже и руками старшего брата не в силах будет бороться с младшим. А Петр, как нарочно, рос и развивался, что называется, не по дням, а по часам. Едва успела Софья вкусить сладость власти, как ей пришлось серьезно задуматься над будущим. Ведь чем ближе совершеннолетие Петра, тем неизбежнее вопрос о том, кому править, тем неизбежнее расплата за прошлое.

Замыслы Софьи

Положение Софьи, замечает другой историк (Соловьев), походило на положение людей в легендах, которые заключили договор со злым духом: до известного времени в их пользовании

«Ое блага и наслаждения жизни; но минет срок, и они становятся достоянием зла. И вот, чтоб освободиться от его когтей, Софья принимает энергичные меры: импонируя дипломатическим успехом в переговорах с Польшей, она, со времени договора 1686 г., приказывает титуловать себя в официальных бумагах самодержицей наряду с другими двумя самодержцами, Иваном и Петром, — этим Софья заявляла, что она не только правит государством, но и соцарствует совместно с братьями. Еще раньше, раз или два, она приняла иностранных послов в торжественной аудиенции; теперь эти приемы стали обычными, причем на голове ее блестела специально для таких случаев приготовленная корона. На монетах и медалях чеканились ее изображения; подобно государям-братьям, она стала жаловать к своей руке бояр, генералов, митрополитов; на торжественных молебнах, на многолетиях имя Софьи упоминалось рядом с именами царей, тотчас после них, прежде цариц и старших царевен; именины Софьи стали справляться теперь с особым торжеством; в церкви ее, как и государей, духовенство встречало с крестом, при звоне колоколов. Во время богослужения Софья старалась выделиться от женской половины царствующего дома, становилась отдельно и даже — что являлось особенно решительным жестом — не за запонами (занавеской), а на виду толпы, рядом с царями, по левую их руку. Наконец, Софья стала участвовать вместе с братьями в крестных ходах, публично появляясь перед народом, что уже было полным нарушением обычая, недозволявшего девушке из царского рода быть на виду толпы.

Софья пошла еще дальше: она задумала короноваться, т. е. венчаться царским венцом. Этот шаг логически вытекал из предыдущих. Венчаться на царство значило не только именоваться самодержицею, но стать помазанной, стать так же, как и братья, «Божиею милостию» и так же, как и они, приобрести право на благоговейный трепет толпы, святость положения не в силу простой, физическим рождением созданной принадлежности к царскому дому, но в силу таинства, освященного церковью по божественному предначертанию. Удайся этот план, и положение Софьи окрепло бы сразу, ей нечего будет трепетать за будущее.

В целях пропаганды этой идеи, за границей, в Голландии, заказан был портрет Софьи в короне, со скипетром и державой^В Руке; венец из семи аллегорий-добродетелей окружал ее фигуру; на ободке портрета прописан был полный государственный титул царевны, с обычным перечислением земель, входящих в

состав Русского царства, точь-в-точь как величались полностью братья Иван и Петр. Портрет печатался на атласе, тафте и бумаге и довольно свободно раздавался в Москве в избранных кругах. Однако, нащупав почву среди стрельцов и не найдя желанного отклика, Софья и ее сторонники оставили мысль о короновании.

Легко себе представить, сколько пересудов, злостных разговоров и сплетен пошло по дворцу! Начались взаимные угрозы и оскорбления; появились подметные письма; втихомолку говорили о возможных насилиях; Милославские обвиняли и наговаривали на Нарышкиных; те не оставались в долгу и платили той же монетой. Уже в конце 1688 г. пронесся тревожный слух о готовящемся бунте стрельцов; струна натягивалась все сильнее и сильнее и, наконец, порвалась в ночь с 7 на 8 августа 1689 г. В эту пору царь Петр считал себе уже 17 лет.

П. ПЕТР И СОФЬЯ

Воспитание Петра

Петр родился 30 мая 1672 г. Учился он без системы, школьное образование его носило характер случайности. С ранних лет он пристрастился к занятиям на воздухе, к военным играм, к работе, требовавшей физического напряжения. Окружив себя сверстниками, он забавлялся с ними игрой в солдатики, проделывал под наблюдением иностранных офицеров, бывших на русской службе, военные эволюции, став постарше, причился владеть огнестрельным оружием. В окрестностях Москвы он построил потешную крепостцу «Прешбург» и занимался ее осадой и обороной. В 16—17 лет он уже имел в своем распоряжении два потешных полка — Преображенский и Семеновский — ядро будущей регулярной армии.

Другого рода потеху нашел себе молодой Петр в занятиях ремеслами. Он охотно работал на токарном станке, учился переплетать книги, столярничал, кузнечил, научился свободно владеть киркой, молотком и лопатой, познакомился с типографским искусством. Впоследствии Ганноверская курфюрстина Софья Шарлотта, видевшая Петра в 1697 г. в Германии, говорила, что молодой царь «знал в совершенстве 14 ремесел». Вообще навык к такого рода занятиям Петр приобрел с ранних лет, и потому неудивительно, если позже мы встретим его на корабельных верфях в Воронеже, Амстердаме или Дептфорде с топором в руках в качестве опытного и энергичного мастера.

Здорового, крепкого телосложения, рано сформировавшийся, на вид много старше своих лет, от природы живой, Петр искал, прежде всего, деятельности подвижной, физической, и все, что давало таковую, было ему по душе. Если в зрелые годы Петр никогда не проявлял склонности к мышлению отвлеченному, то тем труднее могло оно овладеть им в возрасте детском и юношеском. Впечатлительный, он живо схватывал представления реальных предметов; мысля преимущественно образами, он и самим образом спешил дать конкретную оболочку, доступную ощущению.

Заинтересовавшись случайно виденной астролэбией, он начал, чтобы разобраться в ее тайнах, учиться под руководством иноземного мастера Франца Тиммермана арифметике и геометрии; ведя осаду своего «Прешбурга», стал учиться фортификации, а найдя забытый в амбарах английский бот, который — о, чудо! — мог ходить по воде на парусах «не только по ветру, но даже против ветра», он немедленно, пользуясь указаниями другого иноземца, Карштен Бранта, спустил его на воду и, не довольствуясь простой маленькой лодочкой, стал строить большие корабли на Переяславском озере, в 60 верстах к северу от Москвы. Так зародилась в Петре страсть к воде, к морскому делу с тем, чтобы никогда больше не замирать.

Такова, в общих чертах, была образовательная школа, пройденная Петром в молодые годы; столь же мало обычно сложилась и школа жизни. По смерти отца Петр остался трехлетним ребенком и с воцарением старшего брата Федора оказался в положении чуть не опального. Едва воцарившись, Петру пришлось пережить все ужасы стрелецкого бунта. Кровавые майские дни 1682 года оставили по себе неизгладимый след во впечатлительной душе 10-летнего мальчика. Петр видел перед собой на Красном Крыльце остервенелые лица бунтовщиков; видел, как бросили вниз на копья князя Долгорукого, оторвали от его детских рук ухватившегося за него его Дядьку, боярина Матвеева, и покончили с ним столь же ужасным образом; на его глазах толпа потом, через два дня, набросилась на его дядю, Ивана Нарышкина, повалила наземь, стащила вниз по лестнице, чтобы потом прикончить, разорвав на части.

В течение трех дней толпа бегала по дворцу, шарила по комнатам и чуланам, перерыла все кровати и постели, чтоб убедиться, не спрятали ли кого в мягких перинах, осквернили самые церкви, тыкая копьями под престолом в алтаре... Общую Картину разгула Петр, конечно, не видел и мог составить о

ней понятие лишь по отголоскам, по пересказам, но ведь и того, чего он насмотрелся собственными глазами, было более чем достаточно, чтобы глубоко всколебать молодую душу. Он видел всеобщий переполох, искаженные ужасом и злобой лица, панику, охватившую близких ему существ. Недаром впоследствии, в течение всей жизни, в моменты особенно сильного раздражения у него тряслась голова и судорожно подергивались плечи. Образ стрельцов неизгладимыми чертами врезался в его память и навсегда нарушил душевное равновесие. Между тем те же стрельцы заставят его еще не раз пережить не одну горькую минуту!

Бунт прекратился, началось семилетнее правление старшей сестры, и Петр, хотя и царь, опять оказался не то удален, не то на втором плане, опять перед его глазами печальная мать и вечные жалобы, вечные толки о том, что власть похищена и делается Бог знает что в государстве. В своем кругу Нарышкины не стеснялись, открыто говорили, что угнетало и давило их сердца, и мальчик уже теперь бессознательно привыкал соединять с известными именами чувство нерасположения и недоверия. Дети чутки вообще, а ум Петра был такой живой, такой наблюдательный.

А годы шли, и чем решительнее становились поступки Софьи, чем убедительнее свидетельствовали они о ее намерении юридически закрепить за собой власть, фактически уже находившуюся в ее руках, тем решительнее должны были Нарышкины готовиться к генеральному сражению. А силы их росли. Уже с конца 1687 г. Софья вынуждена была волей-неволей допустить доклады 15-летнему мальчику о наиболее важных государственных делах. Петру не исполнилось еще и 17 лет, как мать поспешила женить его на Евдокии Лопухиной, дочери простого дворянина; Софья женила и царя Ивана — это было своего рода соревнование: кто обзаведется собственным потомством и прочнее закрепит свои права на престол.

Вообще чем более подрастал Петр, тем насыщеннее злобой и тревогой становилась окружающая его атмосфера. Толкам эдкн другого тревожнее не было конца. Готовы были прибавлять ко всякому, даже нелепому слуху, если его выгодно злыло перетолковать во вред противнику. Раздраженное сердце эхотно верило всякому вымыслу, и скоро в сознании враждующих партий правда настолько перемешалась с ложью, а факт с вымыслом, что выделить одно из другого становилось почти невозможным, тем более что и не хотели выделять. Нашлось

довольно лиц, которым было выгодно поддерживать такую смуту в умах.

На половине царицы Натальи Кирилловны насчитывали целый короб обвинений против Софьи и ее сторонников, и прежде всего намерение убить младшего царя и его мать, извести весь нарышкинский род. А со стороны царевны Софьи, в свою очередь, утверждали, что двое Нарышкиных ломились в комнаты царя Ивана, изломали его царский венец, что третий Нарышкин бросал в царевну поленьями, что по приказу Петра его родня закидала дровами двери комнаты старшего брата.

О фактах (?) этого рода историк знает лишь из следственного дела, которое велось пристрастно, беспокойно. Он не может безусловно доверять всем показаниям, но не смеет и отвергнуть их огулом. Некоторые показания настолько характерны по своим деталям, что было бы трудно допустить, будто обвиняемый выдумывал их в минуту истязаний, а следовательно заранее наметил программу соответственных вопросов. Следовательно, конечно, шел ошупью, но он прежде всего искал категорического ответа на то, что сам предчувствовал, допускал, о чем сам догадывался. Вот почему если не факты, то толки о таких фактах, о злостных намерениях Софьи непременно существовали, разглашались раньше, тем более что, повторяем, охотников и охотниц переносить чужую болтовню было не занимать стать.

В результате — страшное напряжение нервов у тех и у других. Легко веришь, что стоило прийти царевне с половины мачехи расстроенной, особенно если еще и постельницы, тогдашние камер-фрау и фрейлины, нашушукают чего-нибудь неприятного, то двор Софьи охватывало «великое мнение и опасение, и ожидание всякой беды». Мерещилось появление потешных, чернослободцев и иноземцев. Даже и полкам стрельцов не всем доверяли. Повторяем, историку, может быть, никогда не удастся выяснить, насколько основательны были все эти страхи и опасения, но к правильному пониманию истинного положения дел мы приблизимся уже и в том случае, если будем помнить, что эти страхи приобрели реальное значение и служили исходной точкой действий. Обе стороны не доверяли, боялись одна другой; обе стороны ожидали нападения из-за Угла, и каждая, боясь сделать решительный шаг, в то же время ежедневно, ежечасно думала про себя: вот-вот сейчас настанет минута решительного столкновения.

И эта минута настала — 8 июля 1689 г.

Разрыв с Софьей

В этот день в Кремле совершалось обычное из года в год церковное торжество: перенесение чудотворной иконы Казанской Божьей Матери в Казанский собор, лежавший за чертой Кремля. Это было шествие с иконами и хоругвями, в нем принимало участие духовенство, двор, чины и масса народная. Как не однажды и раньше, Софья тоже приняла участие в процессии вместе с братьями-царями, неся в руках одну из икон. С непокрытой головой (что считалось столь зазорным для девушки) шла она за образами, далекая от мысли об унижении, которое ее ожидает. На дворцовой площади, против угла Грановитой палаты, иконы встретил патриарх с духовенством, подал благословение царям, после чего процессия ненадолго вступила под своды Успенского собора. Там пропели государям многолетие и снова подняли иконы, чтобы направиться в Казанский. Но тут Петр неожиданно обратился к сестре с требованием остаться и далее не ходить, не нарушать обычая. Та стала возражать. Петр настаивал. Произшел горячий, совершенно неприличный при такой обстановке спор. София все-таки переупрямила, не послушалась. С трудом сдерживая свой гнев, Петр сделал несколько шагов до Архангельского собора, что стоит в другом углу миниатюрной дворцовой площади, и здесь покинул процессию. В Архангельском он приложился к мощам царевича Димитрия и немедля уехал обратно в Коломенское.

Думают, что на такой шаг Петра натолкнули его родные и близкие, посоветовав проявить свою зрелость и, как взрослому, уже вышедшему из-под опеки государю, указать Софье ее надлежащее место. Предложение допустимое; но еще вероятнее другое объяснение: Петр действовал по собственному почину, без обдуманного намерения, под влиянием настроения и минуты. Возможно, что он и решил заранее остановить сестру, но, не рассчитывая на отпор, не готовился и к тому, что сделал, отпор этот встретив. Нет, учить, наставлять Петра не было надобности. Он уже вырос и в достаточной мере развился, чтобы предпринимать самостоятельные шаги.

1688 г. был выдающимся годом в жизни Петра. Французская астролябия, уроки Тиммермана, находка английского бота, корабли на Переяславском озере — все это дало сильный толчок его духовному развитию. Личные склонности, интерес данной минуты стоят еще на первом плане; но по самому существу простая забава становится теперь серьезным делом. Новые ин-

тересы свели царя с иноземцами, с Немецкой слободой и дали новый толчок, раздвинули горизонт еще шире. Петр охотно посещал слободу: его кипучей натуре, полной жизни и запросов, она представлялась поприщем более открытой и свободной деятельности. Проснувшийся дух инициативы нашел себе прекрасную почву в организации потешных полков, в постройке кораблей, во всех этих беседах, обсуждениях разных планов и проектов. Незаметно Петр привык сознавать себя центром маленького общества, где его мысль, его воля дают тон и направление всему. Гений царит над толпой даже и без официальной санкции, а у Петра была и таковая.

Хотя на положении царя он жил с десяти лет, но только теперь, входя в возраст, начал сознавать как следует, что значит быть государем-самодержцем. Парадные аудиенции в Грановитой или Столовой палате; торжественные выходы и богослужения, да еще в постоянном присутствии брата, как совместника — это совсем не то: там он скорее раб установленного этикета и порядка, чем свободный властелин. При живости характера ему томительно скучно, невыносимо тягостно выполнять весь этот холодный и сложный ритуал царских обязанностей. Молодая душа чувствовала себя там скованной, и только теперь, устраивая потехи, приказывая и распоряжаясь, действуя на свободе, отдаваясь ничем не стесненному проявлению своих желаний, сидя сколько хочешь в гостях у иноземцев, властью настреливаясь и маршируя, не отказывая себе даже и в рановременной пирушке, когда у себя в Преображенском, а когда так и в заманчивой, по новизне, обстановке — среди немецких слободчан — только теперь, по мере того как раскрывался перед ним простор индивидуальной жизни, почуял он на себе крылья и стал расправлять их.

Да, теперь он вырос, стал большой, может сам все делать. Конечно, материнский глаз зорко следит за ним. Поездка на Переяславль не дается без борьбы; но это борьба с милым любящим существом, где выигрыш ему все равно обеспечен. До сих пор самодержавие знакомо Петру лишь формально, по названию; теперь он начинает проникать в его содержание. Да, он не только взрослый, который может сам делать, но и государь, которому должны повиноваться. Незаметно для себя Петр привык повелевать и сознавать свое право поступать по своему усмотрению. Отсюда один шаг для признания, что «самодержавие» Софьи и занятое ею положение противоречат его правам. Прийти к такому выводу было не трудно и потому, что такую мысль давно уже подсказывали ему в оба уха и

мать, и дядя, и дядька. Проницательный ум юноши без особого труда усвоил ее. У него уже проснулось свое *Я», критика чужих действий, самостоятельное, хотя бы не полное представление о том, что он может делать, чего может требовать. Окружающая среда охотно поддерживала в нем это самоопределение, но основная причина духовного процесса коренилась в самом Петре.

Разбирая свои отношения к сестре, Петр теперь в состоянии был взглянуть на них именно со стороны идеи своего права на власть. Реальная сторона этой власти еще не влекла его к себе; он пока вполне удовлетворялся возможностью приказать доставить ему десяток солдат или сотню пищалей из Оружейной палаты, затратить деньги на снаряжение корабля или постройку потешного городка. В большем пока он и не нуждался; да и после устранения Софьи от власти он еще долго будет стоять в стороне от управления государственными делами. Но достаточно было возникнуть простому опасению, что даже и эти солдаты, и пищали могут быть отняты, если захочет Софья, чтобы поставить вопрос: имеет ли она на это право? А раз поставивши такой вопрос, Петр тем самым не мог уже оставаться лишь пассивным зрителем совершающегося вокруг него.

Пусть старшие обдумывают, взвешивают свои силы — он слишком для этого юн, да и самое дело в его глазах было так ясно, просто, законно. Право за ним — и этого довольно, чтобы с молодой горячностью заявить о нем. Те в более зрелых годах, опытнее, лучше знают людей, многое взвесят, прежде чем сделать последний решающий шаг, — Петр, не умевший сдерживать себя и в зрелые годы, теперь еще слишком юношески честен, чтобы хитрить и вести игру. Подойдет минута, и он, сам не ожидая ее, перешагнет свой Рубикон.

Петр не оставил ничего, что бы могло раскрыть процесс мысли, приведший его к 8 июля; историк в силах восстановить лишь почву, на которой процесс этот возникал, но и только. Чтоб раскрыть душу молодого царя, пришлось бы вдаваться в догадки, рискуя впасть в ошибку; однако позволительно думать, что вторичный неудачный исход Крымских походов сыграл здесь большую роль и стоит в прямой и причинной связи с событием 8 июля.

Уже первый поход 1687 г. оставил по себе горький осадок; ко второму готовились с тревожной мыслью, что повторная неудача может сказаться грозными последствиями не на одном только театре военных действий. Еще в апреле месяце, в случае неудачи, всеобщий взрыв и волнение представлялись посторон-

нему наблюдателю неизбежными. Незадолго до отъезда Голицына к войску у ворот его дома нашли гроб с запиской, в которой грозили, в случае неудачи, смертью. Простую стычку с татарами Голицын изобразил в виде большой победы, в действительности же татары лишь заманивали его в безводную степь, из которой ему пришлось вскоре же бесславно с большими потерями возвращаться назад. Донесение о победе пришло в Москву 14 июня, и Софья на радостях спешила отслужить благодарственный молебен, а Сберегателю послать похвальную грамоту. Политическое значение этой «победы» для царевны было ясно, и муссировать ее ей было из-за чего; но позволительно думать, что ее враги имели возможность получить из обоза более правильные сведения о ходе военных действий, и милости, которые правительница готовила своему любимцу, вызвали лишь усиленное раздражение на половине царицы Натальи.

А в то же время все эти месяцы Софья усердно посещала монастыри и церкви, испрашивая у Господа победы русскому оружию. Она все более проникалась сознанием, что ее будущее находится в прямой зависимости от этой победы. И в мае, и в июне она участвует в нескольких крестных ходах. Крестный ход предстоял и 8 июля. В нем обыкновенно, за редкими исключениями, принимали участие и цари, оба ли вместе, один ли царь Иван. Но еще ни разу за все семь лет правления не участвовала в нем Софья. Давно, давно уже отвык Петр присутствовать на богослужении совместно с сестрой, едва ли не с позапрошлой осени, более полутора лет, когда оба государя ходили с ней на встречу икон, возвращавшихся из Крымского похода. Неуместность появления царевны 8 июля ввиду этого чувствовалась еще сильнее, и порох был подожен.

Переворот

Драматическая сцена 8 июля и Софьей, и Петром была воспринята как вызов и оскорбление, нанесенное одним другому. После всего происшедшего и брату, и сестре ничего не оставалось иного, как признать, что между ними началась открытая борьба, и сделать отсюда соответственный вывод. Промежуточные звенья в развитии последнего акта семейной драмы дошли до нас не вполне, и прямых указаний, как именно велась борьба, у нас не имеется. Кого бы, однако, ни считать стороной нападающей, каждая думала, что не она, а на нее нападают, и что потому было бы безумием пассивно выжидать, как развернутся

события. Каждый хорошо понимал, что ожидает его в случае торжества противной стороны; и если после выходки Петра ближайшие к царевне лица, а то и сама она, готовы были, спасая себя, посягнуть на жизнь его и его родни, то и Нарышкины, из такого же чувства самосохранения, не отступили бы перед самыми решительными действиями.

При всем том сколько-нибудь отчетливого плана действий не было выработано ни теми, ни другими. Петр сорвал свою злобу на князе Голицыне по возвращении его из похода. Софья встретила своего фаворита как триумфатора, заготовила манифест, в пышных выражениях выставляя заслуги Сберегателя; ему и его сотрудникам назначены были щедрые награды, — однако обнародовать самый манифест оказалось невозможным, так как младший царь упорно отказывался дать на то свое согласие. Лишь после многих усилий Петра удалось, наконец, уломать. Правительственный акт был обнародован 27 июля, но, сделав уступку, царь не допустил к своей руке воевод, явившихся к нему благодарить за оказанные милости.

Последняя выходка младшего царя не замедлила найти себе эгоголосок. В тот же день вечером, после всенощной в Новодевичьем монастыре, куда ее провожали начальные стрелецкие иуды, Софья обратилась к ним с формальной жалобой на царицу Наталью Кирилловну. «И без того была беда, да Бог сохранил, 1 ныне опять беду затевают. Годны ли мы вам, и если годны, го стойте за нас; не годны — мы оставим государство: воля \$аша». Стрельцы уверяли правительницу в своей преданности 1 в ответ получили приказ ждать «повестки». Слова эти не «огли не разгласиться и, конечно, произвели свое действие, — I Преображенском дворце, куда в ту пору переехал из Колоденского Петр с матерью и женой, может быть, более сильное, сем в стрелецких слободах.

Страсти до того разгорелись, что обе стороны начали серьезно шастаться, как бы противная сторона не прибегла к насилию. Приказ, отданный Софьей 7 августа, приготовить в Кремле силеный конвой стрельцов для сопровождения ее в Донской юнастырь, куда она собиралась ехать на другой день рано тром, более горячими головами был понят как приготовление : походу на Преображенское, и когда ночью на 8-е число ерные люди прискакали к Петру и, разбудив, торопливо сообщили, что в Кремле собираются вооруженные стрельцы с елью захватить и убить его, то это известие имело все данные равдоподобности.

Бегство в Троицу. Страшно перепуганный, Петр соскочил с постели и босой, в одной сорочке, бросился в конюшню. Наскоро оседлали ему лошадь, и он поскакал в соседнюю рощу, куда *уже* принесли ему одеться. В сопровождении всего пяти человек он помчался в Троицкий монастырь, в 60 верстах от столицы. В 6 часов утра Петр уже стучал в ворота святой обители. Физически измученный, нравственно потрясенный пережитыми волнениями, царь, очутившись в келье настоятеля, бросился на кровать и разразился рыданиями, умоляя игумена оказать ему защиту и помощь. Вслед за царем прибыла и мать его, царица Наталья, с дочерью и невесткой, преданные Петру бояре, потешные и стрельцы Сухарева полка. Монастырь сразу поставили на военную ногу: заперли ворота (их держали запертыми несколько дней), выставили пушки на стенах; люди под ружьем днем и ночью сторожили приход стрелецких полков, готовые к настоящей осаде.

Между тем заговора, как чего-либо организованного, совсем и не было; но всеобщее опасение и уверенность, что он существует, вскружили голову. Во всяком случае струна, сильно натянутая, теперь порвалась, и бесповоротно. Это было началом конца. Бегство Петра явилось большим козырем в руках его партии. Получилось такое положение, будто Софья злоумышляла на брата, т. е. совершала государственное преступление. Сочувствие общественного мнения, — а нельзя же было пренебрегать им, — естественно склонилось на сторону обиженного, который, вдобавок, за твердынями Троицкой обители и подле чудотворных мощей святого Сергия сразу обрел себе защиту — и материальную, и божественную.

Торжество Петра и его партии. Из монастыря действиями Петровой партии руководил князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат князя Василия: одной фамилии, они на политическом пути резко разошлись друг с другом. Отлично понимая, как выгодно в данном случае положение обороняющегося лишь парировать удар, а не наносить его, князь Борис не замедлил поставить Софью в положение обвиняемой, требуя отчета и оправданий. В то же время по городам разосланы были войскам предписания собираться к Троицкому монастырю, от московских стрельцов потребовали выслать туда же, от каждого полка, старших офицеров, вызваны были и представители разных классов московского населения. Партия Софьи стала таять: в монастырь поехал патриарх Иоаким, всегда и без того, хотя не гласно, стоявший на стороне На-

рышкиных; поехали и многие из бояр. Рассчитывая на личные объяснения с братом и его окружением, поехала было и Софья, но ее не допустили до Троицы и вернули с полдороги. Когда же на сторону Петра перешли, по вызову, и иноземные полки, то Софья поняла, что песня ее спета. Одну минуту она было заколебалась, выдавать ли Шакловитого, начальника Стрелецкого приказа, но это была уже последняя бесполезная судорога сопротивления. Последний час царевны пробил, когда к Петру явился с повинной ее любимец, князь Василий Голицын.

Суд над «преступниками» начался в тот же день. Его решение, скорее и далеко не беспристрастное, можно было предвидеть заранее. Шакловитый сложил свою голову на плаху; кн. В. В. Голицын сослан с семьей в Яренск, а позже в еще более дальний Пустозерск, и там, в ледяных пустынях негостеприимного севера, должен был свыше 20 лет искупать свою «измену». Лишь родство и заступничество с Борисом Голицыным спасло Сберегателя его голову. Зато никто не заступался за Софью, и честолюбивые мечты своей пылкой, богато одаренной натуры ей суждено было навек схоронить под мрачными сводами монастырской кельи Новодевичьего монастыря. Трагедия подошла к концу, а с ней закрылась целая страница в жизни царской семьи; теперь открывалась новая. Она была новой и для всей России.

Характеристика царевны Софьи

Характерной чертой в русской женщине Древней Руси, при всем величии и большой ценности ее душевных качеств, выступает начало пассивное, недеятельное: покорность долгу, безропотность страдания, восприятие уклада жизни, установленного другими, не ею; начало же активное, творческое почти отсутствует в ней. Заботливая семьянинка, верная жена; сердце, отзывчивое на чужое горе; иночество как выражение «честного вдовства» для потерявших мужа, и как идеал «постничества» для женщины вообще, и девушки и замужней; изредка религиозный экстаз с его логическим для того времени последствием — тем же монашеским клобуком — вот наиболее характерные черты русской женщины допетровского времени. Если не постриг, не клобук, то это Ярославна, что «рано кычет на Путивле, на стене», или бедная полоняночка в татарских руках, что слезно горюет о родном утраченном гнезде. Некоторым уклонением от этого типа явится разве лишь «матерая

вдова», не растерявшаяся после смерти мужа, сумевшая и детей поднять на ноги, и деловито, толково продолжать доставшееся ей попечению заведенное хозяйственное дело, — матерая вдова, образ которой, в большом даже масштабе, нам дан новгородской Марфой-Посадницей.

Вообще же женщины с личным почином, женщины с самостоятельной волей Древняя Русь почти не ведала, и если на заре нашей истории выступает дивный облик киевской княгини Ольги, воплощение мужественной силы, энергии и решимости, то кто знает, насколько реален в действительности этот суровый образ женщины, с такой изощренной жестокостью мстившей за смерть своего мужа? Не лежит ли на этом образе густая тень летописной легенды? Не наложил ли на него в наше время еще и от себя, своих красок — чудных, прекрасных, незабываемых — большой русский художник, так ярко и убедительно изобразивший нам в киевском соборе св. Владимира Ольгу, полную огня, сознания и пламенной веры — той веры, что, казалось, всю сожгла ее, вчерашнюю язычницу, вчера еще не знавшую истинного Бога, а теперь готовую так же пламенно и беззаветно служить Ему, как раньше служила богу языческому?..

С той поры понадобилась уйма лет, целых семь веков, чтобы на пороге старой и новой России русская жизнь создала и оставила, во всей его неуязвимой прелести, образ женщины, на этот раз отнюдь не легендарной, но вполне реальной и тоже полной энергии, силы воли и, вдобавок, еще ума, широких полетов. Наши историки и поныне не могут окончательно сговориться о царевне Софье; испытав на себе все невзгоды судьбы, незаслуженно отодвинутая в историческую тень, она обычно слышит одно безжалостное *vae victis*, хотя сама имела бы право бросить в ответ: *frangor, pop flector* — люди могут сломить меня, но согнуть — никогда!

Прежде всего Софья не одно бытовое явление: на ней лежат яркие черты индивидуальности. Недаром ее септеннат настолько заслонил царствование Петра, что и до сей поры обыватель, не особенно-то привыкший разбираться в тонкостях исторической хронологии, и даже некоторые авторы печатных книжек готовы начало петровского царствования относить на семь лет позже действительного.

25 лет терема, 7 лет управления царством, наконец, 15 лет заточения в монастырской келье, из них без малого шесть в насильственном постриге — вот вкратце биография царевны Софьи. Терем, кормило правления и монастырь — это три после-

довательных этапа в ее жизни, три основные линии поведения. В тереме царевна жадно стремится заглянуть в потусторонний мир, что лежит за теремной оградой, чутко прислушивается к тому, что творится на Божьем свете; овладев властью, она цепко и нервно впивается в нее, не выпускает из рук, пока хватает на то сил; в монастыре ей один удел: бессильная злоба и бесплодные воспоминания о безнадежно, безвозвратно утраченном прошлом.

Первый выход русской женщины в Московском государстве на общественное и политическое поприще, как видим, оказался неудачным. Но ведь без первого шага нельзя сделать второго, третьего. Без Софьи не было бы Екатерины II и княгини Дашковой; без нее мы не знали бы ни Федотовой, ни Ермоловой, наилучшего украшения русского театра; ни Суловой, первой женщины-врача; ни Софьи Ковалевской, математика; ни культурных салонов Авдотьи Петровны Елагиной или великой княгини Елены Павловны; без царевны Софьи и Тургенев не дал бы нам ни Аси, ни Елены, ни Марианны. Конечно, не будь Софьи, рано или поздно, кто-нибудь иной сделал бы этот необходимый шаг, но его сделала именно Софья, никто другой — и вот почему русской женщине XX в. надлежит с благодарностью вспомнить о ней. Царевна Софья первая пробила брешь в той стене, за которой, замурованные, сидели наши прабабушки; она первая вывела их из терема, указав путь, идя по которому русская женщина стала теперь, по широте и глубине своего образования, по интенсивности своих духовных стремлений, одной из первых женщин мира. Женский вопрос в России, можно сказать, начинается с царевны Софьи. Не выставляя никакого знамени, не афишируя никаких принципов, она личным примером выдвинула право женщины на личную свободу, независимое положение в обществе, на духовное равенство с мужчиной. И потому в истории русской культуры царевна Софья завоевала себе неоспоримое право на почетное место и благодарную память.

III. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

Царевна Софья сошла со сцены, оставив своему преемнику ценное наследство — Вечный мир с Польшей. Этим миром заканчивался допетровский период внешней политики России, и прежде чем продолжать следить за ходом дальнейших событий, остановимся на время и отметим основные черты этой политики, как они определились при первых Романовых.

1. Три задачи. Отношения России к иностранным державам в царствование Михаила, Алексея, Федора и в правление Софьи определялись тремя очередными задачами. Задачи эти не ставились намеренно, не выдумывались; никто в то время пока их еще не формулировал, — они сложились исторически, без участия чьей-либо индивидуальной воли; их создавала вся обстановка жизни, весь предыдущий ход событий. Выясняться начали они еще в XVI в., а совсем обозначались в XVII и с тех пор властно вели страну в указанном жизнью направлении.

Одна задача была — воссоединить Зарубежную Русь с Русью Московской во имя племенного и религиозного родства; другая — продвинуться к Балтийскому морю ради свободного общения с европейскими народами; третья — отодвинуть свои границы до берегов Черного и Азовского морей в целях лучшей обороны, а также чтобы открыть свободный доступ народной волне, искавшей новых земель для приложения своего труда.

В первом случае мы преследовали цели национальные; к берегам Балтийского моря нас влекли интересы культурные; на Черноморском юге, где мы искали естественных границ, предстояло решить вопрос территориальный.

Решение любой из этих задач означало войну, напряженную борьбу с оружием в руках: на национальном пути — борьбу с Польшей; на пути культурном — борьбу с Швецией; путь территориальный столкнул нас с крымскими татарами и с Турецкой империей.

В какой же мере поставленные задачи получили свое осуществление за указанный период времени?

2. Польский фронт. Всего успешнее действовала Россия на польском фронте. Ни разгром, нанесенный Грозному Стефаном Баторием, ни падение Смоленска, ни вторжение поляков,

проникших до самого сердца России — Московского Кремля; ни тяжелые условия, наложенные на Россию Поляновским миром, — ничто не могло заставить ее поступиться той программой, что наметил еще Иван III и усиленно старался выполнить его внук. Эта программа определялась словами: Зарубежная Русь. Неудача Грозного, а потом Смута с ее последствиями могли на время отбросить Россию, задержать ее поступательный ход, но только на время; уже вторая половина XVII в. ознаменовалась крупными положительными успехами; и если после Андрусовского соглашения последующий путь предстоял еще дальний, все же с 1667 г. явилась возможность в ближайшем будущем, именно в правление царевны Софьи, достигнуть новых осязательных и вполне определенных результатов. Терпеливая и осторожная политика принесла свои желанные плоды — Вечный мир 1686 г.

3. Шведский фронт. Иначе сложились у России в XVII в. дела шведские. Если на польском фронте за все это время борьба велась, можно сказать, почти без перерыва, лишь с короткими передышками, то здесь, на фронте шведском, Россия активно выступала всего лишь два раза: один раз (1613—1617) исключительно, а другой (1656—1661) преимущественно в положении обороняющегося. Это показывало, что и задача еще не так настойчиво давала чувствовать себя, и сил еще не хватало достаточно, чтобы позволить себе настойчиво добиваться ее осуществления.

4. Отличия одного фронта от другого

а) Разница была прежде всего в срочности задач. Проблема «Зарубежной Руси» восходит еще ко временам Ивана Калиты, являясь дальнейшим развитием и завершением великого собирания Русских земель вокруг Москвы; идея же «окна в Европу» не только впервые выдвинута была как очередной вопрос лишь при Грозном, и не только его современникам казалась довольно химерической, но и много позже, хотя бы при Петре Великом, далеко еще не завоевала себе сочувствия и права гражданства в сознании народных масс.

б) Помимо сказанного была еще одна разница — психологическая. На Балтийском море Россия искала одних только гаваней, лишь свободного выхода к нему; спор шел только о территории, о политическом преобладании, на духовные же ценности соперника ни та, ни другая сторона не посягала: ни Швеция не думала о завоевании России, ни России не нужна

была самая Швеция. Поэтому в их столкновениях больше спокойствия и терпимости, нет едкого чувства злобы и обиды, какая выросла у поляков и у русских на почве религиозной распри и отстаивания национальной самобытности, породив обидные клички: «лях» для одних, «москаль» для других.

в) Что касается до разницы в успехе, то причины ее не только в том, что Россия с неодинаковой настойчивостью преследовала ту и другую задачу, но также и в неодинаковости того отпора, какой она встретила со стороны своих противников. Выше уже говорилось, что узаконенная анархия достигла в Польше к середине XVII ст. ужасающих размеров. Политическая мощь Речи Посполитой была вконец подорвана; тогда как Швеция, наоборот, выдвинув ряд замечательных государственных деятелей, достигла к середине XVII в. наивысшего расцвета своего политического могущества и потому представляла для России весьма и весьма грозную силу.

Беглый взгляд на положение Швеции и Польши в XVII ст. наглядно покажет силу и слабость той и другой.

Швеция в XVII в.

А. Густав Адольф (1611 — 1632)

1) Кончат с удельной системой: верховная власть более не дробится между членами королевской фамилии; она остается навсегда в руках одного лица — короля.

2) России загорожен доступ к Балтийскому морю (Столбовский мир 1617 г.).

3) У Польши отнята Лифляндия.

4) Участие в 30-летней войне и блестящая победа под Лейпцигом (1631) поставили Швецию наряду с великими державами Европы.

5) Упорядочены — финансы, судопроизводство; заботы о просвещении (основание университета в Дерпте), о промышленности и торговле. Ближайший помощник короля — знаменитый канцлер Оксеншерна.

Б. Христина (1632—1654)

1) По Вестфальскому миру Швеция стала твердой ногой на севере Германии.

2) Завоеваны острова Готланд и Эзель.

3) К середине XVII в. Балтийское море все более и более получает характер внутреннего Шведского озера.

4) Культурный подъем страны; заботы Оксеншерна о духовном просвещении народном.

В. Карл X Густав (1654—1660)

1) Захват у Дании юго-западного побережья (нынешней) Швеции и средней полосы Норвегии.

2) Блестящие (хотя и непрочные) победы над поляками.

3) Ливония (к северу от Зап. Двины) окончательно закреплена за шведами. Можно сказать, что царствование Карла X — апогей политического могущества Швеции.

Г. Карл XI (1660 — 1697)

Швеция остается по-прежнему могущественной державой на Северо-Востоке Европы, но для нее уже начинается постепенный закат. Война с Данией и Бранденбургом (1672—1679) закончилась потерей почти всей Померании. На полях Фербеллина (1675) впервые шведскому оружию нанесен был тяжелый, непоправимый удар, ослабить который не могла и победа над-датчанами при Лунде (1676). Швеции оказалось не под силу удержаться на той высоте, на которую вознесли ее предыдущие столетия: обширные владения не соответствовали редкому населению (менее трех миллионов), а частые войны подорвали ее экономическое благосостояние. Редукция (возвращение в казну земель, ранее розданных дворянству) если и укрепила государственные финансы, зато вызвала неудовольствие среди этого привилегированного класса — неудовольствие особенно сильное в недавно завоеванной Ливонии, пошатнув там престиж короны. И это не замедлило пагубно отозваться в первые же годы царствования ближайшего преемника Карла XI, его сына Карла XII.

Польша в XVII в.

Избирательный престол. С 1572 г. польский престол стал избирательным; монархия превратилась в республику с пожизненным президентом, продолжавшим носить прежний королевский титул. Короля избирала шляхта, так как народом, нацией считалась она одна. Корона покупалась претендентом ценой привилегий, которые выторговывал себе «народ». Искателей короны обыкновенно являлось несколько, два или три; каждый из них подкупал избирателей, а деньги деморализи-

ровали и открывали доступ иностранному влиянию. Для избрания требовалось единогласие. Значит, достаточно было одного голоса, чтобы сделать избрание недействительным. В таком случае каждая партия выбирала своего кандидата, и если ни один из них не хотел уступить, то спор решался с оружием в руках.

В договорных условиях с королем шляхта выговаривала пункт, вконец разрушавший самую основу государственного порядка: право не повиноваться своему государю (*de popraestanda oboedientia*) в случае нарушения королем шляхетских вольностей и прав. Зло такого условия заключалось в том, что судьями в споре была не третья сторона, которая, как непричастная к делу, могла бы объективно решить, на чьей стороне правда, а та же шляхта-обвинитель, т. е. сторона заинтересованная. На этой почве возникло другое ненормальное явление: рокош — узаконенное вооруженное сопротивление распоряжениям короля, формальная война с королем.

Шляхта (дворянство). Социальный строй Польши зиждился на принципиальном неравенстве классов населения и преобладании одного класса над другим. Тяжело было положение населения в Московском государстве: там к нему предъявлялись требования часто непосильные; но по крайней мере там все классы населения, без изъятия, несли государственное тягло, все одинаково служили; в Польше — вся тягота лежала на низших классах, шляхта же (и тем более высший слой — магнаты, паны) находилась в исключительно привилегированных условиях. Она безраздельно господствовала в стране; она, только она, была «народом», и польский король, по ее мнению, был «королем шляхтичей, а не хлопов». Шляхта пользовалась исключительным правом владеть земельной собственностью. Она не несла никаких тягостей налоговых — все таковые падали на крестьянство и города. Она пользовалась безответственной властью над хлопами, жившими на ее землях; ей же принадлежало исключительно право устанавливать законы в стране. Даже воинская повинность — эта первейшая и священная обязанность гражданина защищать кровью свою родину, даже и от нее освободили себя шляхтичи. Посполитое рушенье (поголовный сбор шляхты на войну) в XVII ст. окончательно вышло из употребления и заменено наемным «кварЦяным» войском, названным так по техническому названию специально установленного для его содержания налога («кварта»).

Со стороны можно было подумать, что все остальные сословия: крестьянство, городской класс («мещане» — от слова *miasto»: город), даже духовенство, только и существуют, что для шляхты. Да это, пожалуй, так и было, потому что шляхта закрепостила хлопков, отняла у мещан их прежние права и привилегии, сделала из высших духовных должностей (аббатства, епископии) достояние исключительно своего сословия и подчинила себе корону.

Шляхта — каста. Кроме того шляхта сложилась в почти замкнутую касту. Доступ в нее был возможен или через усыновление или через пожалование, а то и другое являлось как очень редкое исключение. Раньше шляхетские двери еще мог приотворять король, но билитировать нешляхтича; но к XVII в. он утратил право пожалования, и для нобилитации стало необходимым особое постановление сейма.

Высокая стена отделяла шляхту от массы народной. И хотя в создании этой стены известную роль играли причины неустрашимые, всегда и везде неизбежные — разница в положении, в занятиях и особенно неравенство имущественное, — но главное зло заключалось в принципиальном взгляде шляхты на нешляхтичей как на существа низшего порядка, как на людей не белой как у нее, кости. Крестьяне — это быдло (скот); «неблагородным» оказалось вскоре и городское население. «Шляхтич, занимавшийся городскими профессиями (ремеслом, торговлей), даже занимавший городские должности, терял шляхетство». Наглядным выражением презрения к городскому сословию служило запрещение носить дорогие платья, меха: право на роскошь не могло быть достоянием низкого положения; мещане и во внешности не смели походить на привилегированный класс! (Кутшеба)

Королята. Особенно выпукло и в особенно нездоровых формах вылилось привилегированное положение шляхты в коэолятах — так назывались крупные магнаты в своих имениях. Они жили настоящими независимыми царьками; законом для них была их собственная воля. У них были собственные юрודה и крепости, свои войска. С такой мощной опорой они мялись над королевскими указами, если те шли вразрез с их шдами. Королята вели свою политику, внутреннюю и внешнюю, *алеко не всегда согласованную с политикой центрального правительства: политика внутренняя сводилась к обессилению короля и получению от него милостей (король — „пчелиная

матка"), к угнетению низших классов, командованию над массой, взаимной борьбе из-за богатых рук наследниц; вторая — к абсолютному миру, хотя бы ценой позора страны» (Ястребов).

Законодательная и исполнительная власть. В зависимости от такого исключительно привилегированного положения шляхты сложился и государственный строй. Законодательная власть принадлежала сейму, исполнительная — королю и его министрам. Состав сейма был исключительно шляхетский, а исполнительная власть короля ненормальным образом стеснена теми самими министрами, которых он назначал, по своему выбору, на должности.

Сейм составляли так называемые три чина (*ordines*): король; сенат — королевская рада (*ordo senatorius*); земские послы (посольская изба — *ordo equestris, stan rycerski*).

а) Король. Как государь и правитель, король был связан по рукам и ногам. Еще с 1505 г. было признано за основной закон, что король, сам лично, без согласия своих «советников» (сенаторов) и земских послов не имеет право устанавливать ничего нового. Всю государственную власть на сейме забрала шляхта. В своей инициативе и распоряжениях король был стеснен министрами. Даже в своем исключительном праве — назначать на высшие государственные должности и раздавать в пожизненное пользование государственные имущества — он не был вполне свободен: незамещенное место воеводы, каштеляна или министра он не мог оставлять вакантным; точно так же и старбства (обыкновенно связанные с большими доходами) должны были быть розданы, хотя бы у короля в данную минуту и не было подходящего, желанного ему кандидата. Особые «сенаторы-резиденты» контролировали действия короля. В провинции, на местах, вся власть была в руках местных магнатов, и королевский указ там всегда мог оставаться мертвой буквой, если он шел вразрез с пожеланиями этих магнатов.

б) Сенат. Сенаторы назначались пожизненно королем из числа наиболее влиятельных и богатых шляхетских фамилий.

Состав сената: архиепископы, епископы; воеводы, каштеляны и министры. Последних полагалось 10 человек (по пяти на Польшу и Литву): 2 вел. маршалка; 2 канцлера; 2 подканцлера; 2 вел. подскарбия; 2 недворных маршалка.

Ненормальное положение министров в сенате. Как министры — они исполнители приказаний короля; как Сенат — они его помощники.

ствовать его приказаниям. К тому же их звание пожизненно, и какое бы сопротивление политике короля сенатор-министр ни оказал, король не имел права его от должности отрешить, разве в случае явного преступления.

в) Земские послы (Посольская изба) избирались провинциальными сеймиками на каждый данный сейм и по закрытии сейма слагали с себя полномочия. Они выбирались из местной шляхты и таким образом представляли в сейме местные интересы своей округи.

Libertum veto. Одной из особенностей польского сейма — особенностью очень пагубной для государственных интересов — было требование, чтобы всякое решение на сейме было принято единогласно. Порядок этот вырос из стародавнего общеславянского обычая — решать общественные дела в духе полного единогласия («единомыслия»: *jednomyslność*). Как трудно, однако, достичь на практике такого единогласия и к каким печальным последствиям приводит настойчивое проведение его в жизнь — показал пример Великого Новгорода: разногласие на вече вызывало раскол, образование двух веч, которые сходились с двух противоположных концов реки на Волховском мосту и вступали в рукопашную. Кто одолеет, за тем и решение. Таким образом «единомыслие» достигалось путем простого насилия, применения грубой физической силы.

То же самое было и в Польше, даже хуже. В Новгороде, по крайней мере, всегда действовала громада; личность там ступшевывалась; в Польше же, где каждый шляхтич носил в себе частицу народного суверенитета, он имел право в любую минуту «сорвать сейм», закричав: «*nie rozwalam*», и не только приостановить действие принятого всеми остальными законопроекта, но аннулировать, кроме того, и все предыдущие, хотя бы вполне единогласно принятые постановления. Поэтому любой сейм, любой законопроект всегда висел на волоске; а между тем шляхтич, сорвавший сейм, бывали случаи, действовал не только наказу своих избирателей, а или из личной мести, или будучи подкуплен иностранным (или польским же) золотом. Удивительно ли, если страсти сеймовых послов зачастую разорались настолько, что вынимались сабли из ножен и «единомыслие» достигалось, как и в Новгороде, ценой крови.

Это порядки XVII и XVIII вв., т. е. эпохи упадка Польши, (первые сорван был сейм в 1652 г. С тех пор в течение ближайших 112 лет (1652—1764) из 55 созданных сеймов только змь закончились благополучно — все остальные были сорваны:

две трети несколькими голосами, одна треть сеймов всего одним голосом. Для XVII в. сеймы, сорванные одним голосом, приходились на годы: 1654, 1665, 1666, 1668, 1669, 1670, 1672, 1681, 1689, 1696.

Конфедерации. Другой особенностью польского государственного строя были конфедерации. Первоначально этим именем назывались союзы, организованные в экстренных случаях для замены верховной власти, когда ее не оказывалось налицо (бескорольеве — *interregnum*; вынужденное бегство короля, как это было в 1657—1658 гг.). Полновластная шляхта не замедлила, однако, направить и такого рода союзы против короля. Конфедерации имели свои сеймы, свою исполнительную власть и могли призвать короля на суд, так как король, согласно конституции, отвечал перед шляхтой за свои поступки.

«Значение конфедераций зависело от их силы. Иногда короли заключают против них и свои собственные конфедерации. От сил обеих конфедераций зависел результат этой борьбы, т. е. останется ли конфедерация только преступным, направленным против государства „рокошем" или сам король примкнет к ней, соединится с ней и, таким образом, легализует ее. Хотя конфедерации часто бывали неизбежны, возникали по необходимости и поэтому являлись легальными, все же, в общем, они приносили государству больше вреда, чем пользы, разбивая и без того слабые узы публичного права» (Кутшеба).

Картина развала Польши обрисовывается полнее, если добавить к сказанному:

1. Промышленность в стране была убита; шляхта даже и в этой области пользовалась привилегиями в ущерб другим классам населения; право шляхты на беспошлинный вывоз сырых продуктов, добываемых на их землях; запрет мещанам вывозить товар за границу; беспошлинный ввоз иностранных товаров.

2. Зависимость суда от местных властей.

3. Угнетение крестьян, особенно на Украине.

4. Насильственное введение унии и преследование православия.

5. Король Ян Казимир, отчаявшись сделать что-нибудь для блага и спасения страны, добровольно отрекся от короны (1668); его ближайшие преемники Михаил Вишневецкий (1669—1673) и Ян Собеский (1674—1696) все время боролись с магнатами, которые, за французские и австрийские деньги, старались свергнуть их, подкопаться под их власть.

б. Потери территориальные:

а) по миру в Оливе (1660) — Ливония к северу от Зап. Двины уступлена Швеции;

б) по перемирию в Андрусове (1667) — оставлены за Россией Смоленский край, восточная половина Малороссии и город Киев;

в) по миру в Бучаче (1672) — сами поляки называют его «постыдным» — туркам уступлена Подолия и западная половина Малороссии;

г) по миру Московскому (1686) — за Россией закреплены навеки области, удержанные ею по Андрусовскому перемирию.

Порядки, существовавшие в Польше, поляки (собственно шляхта) называли своей «золотою вольностью», они гордились ими. У них и поговорка сложилась: «Польша безнарядьем держится» (*Polska peradem stoi*). В действительности, однако, именно это безнарядье и погубило страну.

Крымско-турецкий фронт

Одно уже наименование этого фронта свидетельствует о том, что здесь, на Юге, нам пришлось иметь дело с двумя, не с одним противником. Как тесно ни связаны были Крым и Турция друг с другом, все же это были два особых государственных организма, к тому же Турция, по сравнению с Крымом, долгое время оставалась в тени и вперед выступила не ранее 60-х гг. XVII в.

Борьбу на южном фронте можно подразделить на два периода: первый — степной; здесь на первом плане Крым; второй — морской; здесь на первом плане Турция. Степной период не закончился еще и в XVII ст., период морской в XVII в. лишь обозначился, и называть его таким позволительно лишь постольку, поскольку он явился зародышем развившейся уже в XVIII ст. борьбы за морские берега, за превращение турецкого моря в море русское.

а) Степной (Крымский) период. Корней его следует искать в глубокой седой старине. Киевские князья Олег и Владимир Великий с их возведением защитных укреплений на южных границах Киевского княжества; знаменитый Владимир Мономах, неудачливый Игорь, князь Северский и многие-многие другие русские князья, хсдившие походом в половецкие степи; последующая борьба с татарами; возведение засечных линий на южной границе Московского государства; набег Данилы Адашева на Крым (1559); вековая борьба казаков с тем же

Крымом; наконец, те отношения, какие сложились к нему во времена первых Романовых, — это все звенья одного и того же процесса: борьбы со Степью, с той Азиатчиной, которая назойливо висела и продолжает до днесь висеть и тяготеть над русской жизнью.

б) Морской (Турецкий) период. Как явно враждебная сила, Турция появляется на русском горизонте не раньше второй половины XVI ст. Крымское ханство, отделившись от Золотой Орды в 1446 г., признало в 1475 г. над собой верховную власть турецкого султана, и с тех пор отношения Москвы к Крыму, прямо или косвенно, всегда связаны с отношениями к Турции, которая смотрела на земли, выросшие из Золотой Орды, как на входящие в сферу ее влияния, и потому не оставалась безучастной к их судьбе. На завоевание Казани и Астрахани турки ответили (неудачным) походом под Астрахань (1569), и если не вмешивались в степную борьбу Крыма с Москвой, зато зорко следили и обороняли подступы к морю (Азов, Керчь, низовья Днепра).

Вот почему чем дальше продвигались мы в степь, тем неизбежнее становилось, рано или поздно, наше столкновение с Турецкой империей. Именно опасение такого столкновения заставило царя Михаила отказаться в 1642 г. от предложения казаков и не оставлять за собой Азов: как ни заманчива была мысль овладеть укрепленной позицией и грозить с фланга татарской орде в случае набегов на русские земли — осуществить ее не посмели: Турецкая империя в ту пору была еще очень сильной державой, и на то, чтобы удержать за собой Азов, лежавший далеко от коренных областей (расстояние его от Москвы 1 200 верст), было мало надежды.

От столкновения, однако, мы все же не убереглись. Четверть века спустя Малороссия и Дорошенко втянули нас в войну с турками, и, как мы видели, с последствиями очень плачевными для нас. С этой поры Россия встала даже географически в непосредственное соприкосновение с владениями султана.

Международный характер русских войн

Одна из особенностей внешней политики России в XVII ст. — международный характер ее войн. Особенность эта не составляет принадлежности специально XVII в.: ее можно проследить уже с Ивана Грозного, и особенно выпукло обрисуетя она позже, в XVIII и XIX вв., и тем более в наши дни, но впервые отчетливо обозначилась она при первых Романовых.

В любую войну обыкновенно вмешивался третий, посторонний. Казалось бы, что ему? А между тем на поверку выходило, что нет: борьба двух государств — дело для него совсем не «постороннее», что оно всегда более или менее чувствительно бьет и задевает его самого. И в зависимости от этого «более или менее» определялась самая интенсивность его вмешательства. Особенно это надо сказать, когда «посторонним» являлся ближайший сосед.

В Западной Европе вмешательство «третьего» чувствовалось, пожалуй, в еще большей степени. Вспомним итальянские походы французских королей в конце XV и в начале XVI вв., 30-летнюю войну, любую из войн Людовика XIV с Испанией или Германией, вызывавших сложные коалиции держав, — все они свидетельствовали о тесных международных сношениях, о том, что всякая резкая перемена в судьбе одного государства не могла не затрагивать интересов другого. Стоит двум государствам начать распрю, третье зорко следит за ними и, пользуясь тем, что соседи заняты собой, старается устроить свои дела, захватывает, что ему надо, или же принимает непосредственное участие в борьбе, оказывая поддержку одному из соперников, если находит, что усиление другого грозит ему самому опасностью. От этого закона жизни не ушла и Россия.

1) Иван Грозный начал войну с Ливонским орденом, и будь она локализована, цели своей — утвердиться на Балтийском море — он достигнул бы; но в войну вмешались Швеция и Польша, стали поперек дороги и расстроили его планы.

2) Стоило Василию Шуйскому позвать на помощь себе шведов против Тушинского вора и казацких шаек, как Польша, в ту пору открытый враг и соперник Швеции, увидела в этой помощи угрозу себе и поспешила ввести свои войска в пределы Московского государства: занятием Смоленска она спешила уравновесить территориальные приобретения, на которые шведско-русский договор давал шведам право.

3) В свою очередь соглашение русских бояр с Сигизмундом и обязательство поддерживать его политические интересы появили Швецию из союзницы России превратиться во врага.

4) Точно так же и в царствование Алексея Михайловича успехи, достигнутые в борьбе с поляками из-за Малороссии, встревожили шведов и привели к вооруженному столкновению : Россией.

5) Турция не остается простым зрителем русско-польской >аспри из-за Малороссии и тоже вмешивается в нее, принимая 1 свое подданство Западную Украину и посылая полки в Чигирин.

Жизнь ставит и самую Россию в положение «третьего»: разгром Подолии и унижительный мир, к которому турки вынудили поляков, всполошили Москву: в беде, постигшей Польшу, она не без основания усмотрела угрозу по ее собственному адресу и ответила на нее призывом к европейским державам, убеждая их сообща двинуться на «врага христианства». У Польши и у Москвы, вчера еще непримиримых врагов, оказываются положительные точки соприкосновения, и в результате — Московский договор 1686 г. и совместные действия против султана.

IV. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА (1689—1694)

А. Потехи

Орленок расправляет крылья

С устранением Софьи от власти управление государством перешло к царице Наталье Кирилловне, к ее брату Льву Нарышкину и к главному советнику новой правительницы, князю Борису Алексеевичу Голицыну. Сам же Петр, по молодости лет, в дела еще не вмешивался: его еще тогда не подпускали к ним, да и у самого не то было в ту пору на уме. С увлечением 17-летнего юноши он всецело отдался своим личным желанием. Как и раньше, на первом плане стоит потеха: сухопутная, водяная и огневая; отличие от прежней лишь в размерах ее, несравненно больших, да в возможности предаться ей без помехи со стороны, в полную меру желаний и собственного разумения. Более широкие размеры примет теперь и общение с иноземцами Немецкой слободы.

Таким образом, чего-либо нового сентябрьский переворот в личную жизнь Петра, по существу, пока не внес ничего; однако внешнее отличие немалое. Юноша сменил к тому времени прежнего мальчика и сам начинал превращаться во взрослого молодого человека; прежняя потеха из простой детской забавы, из игрушки, теперь, в силу самого размаха своего, постепенно выросла в серьезное занятие, в деяние ответственное, а потому ярче, нагляднее подчеркнула расхождение с издавна сложившимися представлениями о дозволенном и недозволенном высокому царскому сану. А это расхождение, как увидим Далее, вызовет осуждение и даже протест.

Пока же, повторяем, в первые годы после переворота основные линии жизненного пути молодого царя остались без изменений. Петр жил как вообще живут гениальные юноши, гений которых еще не успел развернуться, — без устойчивых, определившихся задач: серьезно задумываться над ними не пришла еще пора; без ясно поставленных ближайших целей: слишком уж много кипело в нем разных желаний, чтоб дать перевес непременно одному над всеми остальными; наконец, без забот о завтрашнем дне: личные желания в достаточной мере удовлетворяли и день сегодняшней. Но важно было то, что удовлетворение этих желаний раздвигало умственный горизонт, а воспринятые впечатления давали толчок к новой работе ума, подготавливая его к тому плодотворному труду, в котором гений только и может найти благородное приложение своим силам во всем их объеме.

Вот почему ближайшие после падения Софьи пять лет (1689—1694) представляют один из самых важных периодов в жизни Петра. За эти годы окрепли его прежние интересы и наклонности, симпатии и привычки, определилось отношение к лицам. Хотя последующие затем годы раздвинут умственный горизонт еще более, научат лучше понимать людей, привьют новые интересы, однако не вырвут и не ослабят тех, что определились и сложились теперь. Вот почему названное пятилетие приобретает в глазах биографа особенный интерес и значение.

В это пятилетие окружавшие Петра лица заботились о его здоровье, о его теле, но духовное развитие предоставлено было случайностям. По меткому выражению Соловьева, Петр вышел из дворца на улицу, русская же улица конца XVII в. была донельзя грязная, порочная и хорошей воспитательной школой служить не могла. Другая улица, не русская, иноземная, что в Немецкой слободе, едва ли отличалась большей чистотой: этражая, да и то довольно криво, Западную Европу, она могла снабдить Петра полезными знаниями, но добрых навыков, моральных устоев искать в ней было бы напрасно.

Водяная потеха

Первое время после переворота, по-видимому опасаясь за сына, Наталья Кирилловна не решалась отпускать его далеко от столицы, и свою страсть к воде Петр мог пока удовлетворить лишь на реке Москве. Но речные прогулки возможны были лишь ранней весной, в полоую воду, и Петр тем более ценит е редкие дни, когда он мог развезжать, большой и веселой

компанией, по окрестностям. Но уже зимой 1691—1692 гг. на Переяславском озере спешно приступили к постройке дворца для приездов царя и его свиты и одновременно заложили большой корабль. С тех пор Петр то и дело на озере хоть на несколько дней, внимательно следит за постройкой, весь уходит в нее. 1 мая корабль был торжественно спущен на воду, но молодому царю этого мало, и к середине лета 1692 г. пять военных кораблей, вооруженных пушками большого калибра, а кроме них еще несколько мелких судов, — настоящая флотилия, — готовы были показать совершенство и настойчивость царственного работника. В жизни Петра это был важный момент, и горделивая радость, охватившая его, была слишком велика, чтобы пережить ее одному. Он повез в Переяславль показывать матери и жене с сыном свои достижения, приказал следовать за собой войскам и целый месяц провел на озере в веселых пирах с пушечной пальбой и в прогулках по воде.

Фейерверки

Параллельно водяной потехе идет потеха огненная. Приготовлением и пусканием фейерверков Петр занимался и раньше, но теперь принялся за них особенно ревностно, целыми днями сидя в своей лаборатории в Потешном дворце. К сожалению, молодому царю недоставало хорошего, опытного руководителя. Тайнам пиротехники обучал его знакомый нам Франц Тиммерман, далеко не стоявший на уровне требований. Неумелое обращение с легковоспламеняющимися составами причиняло взрывы, иногда даже ожоги лица. Эти неудачи, впрочем, не охлаждали юношеского пыла.

Грандиозным фейерверком справил царь рождение сына, будущего несчастного царевича Алексея (1690 г., февраля 19). Год спустя, на масленице, Петр снова на Пресне за приготовлением фейерверка и с прежним риском изувечить себя. Полковник Страсбург еще в прошлом году поплатился ожогами лица, нынче ему обожгло голову, руки, колени и ноги; едва живым вернулся домой; Франца Тиммермана взрывом отбросило в сторону. Эти двое по крайней мере остались в живых — много хуже досталось трем другим: они поплатились жизнью. Несчастный случай сильно врезался в память Петру, и много лет спустя он еще будет вспоминать его подробности.

Готовить фейерверки тем не менее не перестали. Потеха эта стала для Петра обычной масленичной забавой. За нею мы встретим царя не только в 1690 и 1691, но и в 1692, 1693 гг.

В школе Гордона

Ни речная и озерная потеха, ни огненная не могли отвлечь Петра от его потешных конюхов. Скажем больше: потешные конюха за все это время никогда на задний план и не отодвигались, по-прежнему стояли на первом, являлись потехой постоянной, не временной. К тому же теперь, с устранением царевны Софьи, военной потехе открылся значительно больший простор, и Петр не замедлил этим воспользоваться, придав забаве размеры более смелые и независимые. В обучение потешных военному строю внесена большая упорядоченность, устранена прежняя случайность; оно ведется регулярнее и перешло в опытные руки шотландского генерала Гордона, много лет уже находящегося на русской службе.

Обучая потешных и солдат, Гордон тем самым обучал и Петра. И надо признать, что юноша попал в хорошие руки. Гордон жил во времена Вобана, Монтекукколи, Тюренна, создателей нового военного искусства, следил за специальной литературой, за успехами в военном деле, и если, быть может, *ie* стоял вполне на уровне требований своего времени, все же гучшего руководителя талантливому ученику в ту пору в Москве не найти бы. Испытанный боевой генерал, Гордон в свое время отличился под Чигирином и пользовался в правительственных кругах большим авторитетом в области военного >нания.

В конце XVII в. Европа, почти вся, перешла от наемных, ременных войск к постоянным; тяжелый мушкет, требовавший для точности прицела особой подставки, т. н. вилки, уступил [вето более легкому ружью-карабину, что, в свою очередь, с ведением шомпола, ускоряющего процесс заряжания, понудило — чтоб предоставить огню больше простора для действия — существенно изменить систему построения войск: прежний глухой строй заменили менее плотным, растянули его в ширину. >ланги, удаленные вследствие этого от центрального ядра армии, стали нуждаться в опорных пунктах. Роль таковых выпала а долю крепостей — выросло значение последних. Одновременно в новую фазу вступило и искусство инженерное. При аде крепостей вошли в употребление параллели, мины и онтрмины — изобретение гениального Вобана; развилось мешие ручных бомб — это привело к созданию особого рода шск — гренадер. Начали входить в употребление и маневры, арактерно, что там, на Западе, они носили в то время такой е характер забавы, что и в маневрах потешных конюхов или

Гьрдоновых солдат. «При Людовике XIV в мирное время иногда собирали войска в лагерях, которые, однако, имели характер скорее потешных, чем учебных лагерей. Маневры если и производились, то состояли большей частью в нападениях на земляные укрепления и в подражании отдельным действиям крепостной войны. Весь двор присутствовал в качестве зрителей». Из подражания французам, подобные же упражнения ввела у себя и Германия (Пузыревский).

С тех пор как руководство обучением потешных перешло к Гордону, старый генерал становится постоянным и желанным гостем в Преображенском, а Петр, не довольствуясь одной теорией, разъяснениями, принимает, наравне с потешными, активное участие в их практических занятиях, проходит на деле военную службу: добросовестно проделывает требуемые уставом приемы, учится обращению с пушкой, барабаном, простаивает положенное время на часах, участвует в лагерной жизни. Упражнения велись всерьез, зачастую по три раза в неделю. На Семеновском поле располагались лагерем и стояли там дня три и дольше. Стрельба и шереножное учение составляли основу практической школы, проходимой царем. Крепостной войне и совокупному действию конницы с пехотой в Западной Европе придавали в те времена огромное значение — на этом строил свое обучение и Гордон, а потому особенное внимание обращено было на навык к длинным и утомительным переходам, к маневрированию, к ведению правильной осады крепостей и умению идти на приступ в стройном порядке. Для этой цели служила не только потешная крепость Прешбург, но и другие, меньших размеров, специально для того построенные в подгородных селах Семеновском, Коломенском или Измайловском. Их сооружали те же потешные, и царь, на положении простого солдата, не выделялся в этом случае от сослуживцев, наравне с ними копая и вывозя землю.

Военная потеха (Семеновские походы)

С августа 1690 г. в маневрах стали участвовать, кроме обученных иноземному строю, также и стрельцы. Большого оживления достигли учебные маневры в т. н. первом Семеновском походе (1690 г., сентябрь), с показательными сражениями: нападениями, защитой, атаками и т. п. «Примерные» битвы зачастую превращались в настоящую серьезную схватку. К сожалению, не одно воодушевление, не один воинственный пыл

вызывали эту горячность, но и раздражение, затаенная вражда. Лицом к лицу ставили обыкновенно потешных и Гордоновых солдат против стрельцов. Нечего говорить, на чьей стороне был государь, кого ободрял он своим словом и примером. Жгучая боль личных воспоминаний и, вдобавок, политическая незрелость молодого ума, еще не знакомого с беспристрастием и спокойной объективностью государственного деятеля, неизбежно делали царя партийным. Недаром в этих шуточных боях современники искали объяснения той ненависти, что питали стрельцы и потешные друг к другу, — ненависти, доходившей до того, что на любом сходбище они не могли обойтись без того, чтобы не завязать драки. Недаром также боевые схватки потешных с Сухаревым полком, испытанным в своей верности, доказавшим ее в смутные августовские дни 1689 г., оканчивались без увечья и вреда для тех и других.

Год спустя Семеновские маневры (второй Семеновский поход) были повторены и велись еще в больших размерах, еще более напоминали настоящие битвы. Обе стороны нападали друг на друга, схватывались, наносили раны; заходили по всем правилам военного искусства в тыл; бросались в атаку, врывались в укрепленный лагерь. Неприятельской армией командовал И. И. Бутурлин, нашей — кн. Ю. Ф. Ромодановский, оба в чине генералиссимуса. Решительное дело, окончившее маневры, пришлось на 9 октября 1691 г. Бились горячо, с увлечением. Увечных, даже убитых было довольно. Кн. И. Дм. Долгорукий, тяжело раненный, заплатил жизнью. Об этих маневрах современники отзывались, что «тот бой равнялся судному дню». «Неприятель», конечно, был разбит наголову, и победитель торжествовал свою победу в духе времени: производил смотр войскам, ступая по неприятельским клейнотам и заставив вражеского главнокомандующего, равно и других пленных, опуститься перед собой на колени. В дополнение всего, на память потомству было составлено описание достопамятного «похода».

Образование полков Преображенского и Семеновского

Постоянное обучение потешных технике военного дела, построениям, маршированию, частые маневры, примерные сражения — все это не только требовало, но и обуславливалось существованием некоторой организации, большей или меньшей упорядоченностью действий. Потешные конюхи мало-помалу перестали быть простой арифметической суммой, составленной

из сложения отдельных единиц — для них потребовалось известного рода расслоение. Раньше бесформенная масса, они разбились теперь на категории. Должности пушкаря, пехотинца, кавалериста стали более постоянными, менее случайными. Понадобились и начальствующие с более широкими, более утонченными полномочиями. Командовали потешными, конечно, и раньше; но теперь возникает команда, как нечто регулярное, постоянное, органически связанное с существованием конюхов и столь же органически вытекавшее из возложенной на них задачи. Теперь стали формироваться строевые части. Постепенно стали возникать капралы, десятники, должность фатермистра (квартирмейстера), заведовавшего хозяйственной частью; в мае 1690 г. появились сержанты. Потеха потребовала управления и породила съезжую избу, центральный административный и судебный орган потехи.

Постепенное превращение потешных в солдат, т. е. воинов, которые занимаются своим делом всерьез, а не в шутку, пережило 7 декабря 1690 г. решающий исторический момент: в этот день потешные были разделены на роты; каждая рота получила своего капитана, а в главе всех рот поставлен «полковник что у потешных конюхов», Иван Чамберс; иными словами, расчлняя общий состав на части, одновременно сводили эти последние воедино, объединяя их в лице общего над ними начальника.

Таким образом, 7 декабря 1690 г. потешные превратились в полк. Теперь вместо сбродной толпы они представляли собой военную, правильно организованную единицу. Скоро, однако, и этот «полк» расщепят на две половины, образуют из него две самостоятельные единицы, и вместо одного Преображенского полка с весны 1692 г. мы будем иметь дело с двумя полками: Преображенским и Семеновским. У каждого полка свой командир, своя особая съезжая изба, свои писаря, вообще отдельная, независимая одна от другой организация. Но, подобно тому, как раньше деление на роты вызвало необходимость их объединения в лице общего командира-полковника, так и теперь два полка, по тем же мотивам, были сведены в одно генеральство, с генералом Автомоном Михайловичем Головиным во главе.

С этой поры конец потехе. В обиходе останутся выражения • потешный двор», «потешные конюшни», но как простой пережиток, исключительно для обозначения места; слово же «конюх» заменится словом солдат. Наконец, в 1693 г., в апреле месяце для Преображенского полка, в декабре — для Семенов-

ского, проявится наружу целая служебная иерархия: от генерала до прапорщика. Таким образом, то, что раньше было потехой гениального ребенка и юноши, станет теперь фактором государственного порядка и значения.

Б. Новые навыки

Двоится образ Петра за эти пять лет (1689—1694). Раньше, мальчиком, выросал он смелый, зоркий, пытливый, точно ядреное, здоровое зерно, что, будучи брошено в рыхлую, тучную землю, пускает крепкий, надежный росток: примется ли Прешбург потешный свой ставить, засядет ли с Тиммерманом за циркуль и глобус, возьмется ли за топор на Переяславском озере — во всем сказывается здоровая основа, бодрая, свежая. Смотришь на него и думаешь: выйдет из мальчика добрый работник, даром век не проживет, добрый слуга станет своей Родине.

А вот теперь... Не стало Софьи, да и подрос он, вышел из мальчиков, сам стал себе господин... Пытливость осталась прежняя, жажда знаний развернулась, пожалуй, еще напряженнее, во всяком случае много сознательнее; ум, несомненно, зреет, а с ним и сильная воля, энергия, бодрый дух. Да, это уже не мальчик; врата жизни приоткрылись перед ним, и хотя он еще не видит всего, что находится там за ними, но вы знаете, что он идет по верному пути. Жизнью веет от Петра. Потеха все еще остается потехой, но она переплелась с серьезным делом и стала с ней неразрывной; еще шаг, другой — и она совсем сбросит с себя первичную чешую и предстанет в новом виде — государственного дела.

В этом росте духовых сил много привлекательного. К Петру чувствуешь невольную симпатию; он влечет к себе, вызывая такое же чувство радости, какое обыкновенно испытываешь, тюбуясь здоровым ребенком, здоровым деревом, когда видишь, как вокруг тебя природа щедро рассыпала свои дары.

Но стоит только внимательнее всмотреться в этот образ, и >н замутится; сквозь «щедрые дары природы» проглянут ее »тбросы, выступит оборотная сторона медали. «Петр вышел на 'лицу» — и этим многое сказано, пожалуй, даже все. «Улица», [есомненно, раздвинула его горизонт, увеличила запас его зна- [ий; но она же и загрязнила его, осквернила его чувство, аспустила волю, оставила неизгладимый след на его навыках, риучила его, и без того несдержанного, не зная никакой держки, отдаваться первому порыву, не уважать в человеке

человека; «улица» принизила духовное существо Петра и в течение всей его жизни будет подтачивать положительную сторону его государственной работы.

Ведь это только теперь, на расстоянии веков, отделяем мы в Петре человека от государя; но для его современников все, что исходило от него, было делом государя, и за все свои действия он отвечал перед современниками, как государь нес ответственность и за то, что было в нем от человека, от личности. Да и как иначе, если его «личное» проявлялось и в «государственном», влияло на него, зачастую выступало от его имени?!

Перемена одежды

Рано сбросил с себя Петр длиннополый стеснявший его кафтан и оделся в немецкое платье. Уже в апреле 1690 г. он надевает накладные волосы, башмаки и вешает шпагу на шитой золотом перевязи. Камзол красного бархата на белом атласе, обшитый золотым шнуром и золотной бахромой, с блестящими пуговицами, да в придачу перчатки и белый кружевной платок нравились ему больше отечественных зипунов, охабней и ферязей, и последние он надевает все реже и реже. Торговый англичанин А. Кревет сделался придворным поставщиком, выписывая для царя из-за границы разные предметы по части гардероба. С царя, разумеется, брали пример и близкие к нему бояре: кн. Ю. Ф. Ромодановский, И. И. Бутурлин и др. При дворе стали входить в моду английские шляпы, на манер матросских, камзолы и кортики с португеей; впрочем, в новом костюме отдавали предпочтение разнообразию: носили то башмаки с пряжками, унизанными цветными камнями, то французские сапоги с острогами; камзолы делались из зеленого атласа, суконные дикого цвета или атласные по белому полю, с золотыми, серебряными травами и т. п.

В одежде старинного русского покроя едва ли бы пришло молодому царю на мысль учиться фехтованию, — теперь владеть шпагой учит его сын датского резидента Бутенанта; он же знакомит царя и с правилами верховой езды. Не забыл Петр и занятий ремеслами. В токарном деле он совершенствуется под руководством уже известного нам Франца Тиммермана.

Если мы вспомним, что этот Тиммерман был первоначально наставником Петра в геометрии и фортификации; что он же посвящал его в искусство пиротехники, помогая устраивать к масленице ежегодные фейерверки, что он же, когда понадобилось для царя, вызвался завести фабрику парусных полотен, —

то нельзя не подчеркнуть еще раз той бедности обстановки, среди какой пришлось проходить подготовительную школу будущему преобразователю России. Это была школа в полном смысле слова неудовлетворительная: случайная, без организации, без системы и программы, лишенная знающих руководителей. Школой для Петра была, в сущности, сама жизнь, и лишь его гениальный ум мог на этой малопроизводительной почве взрастить и пожать ценные плоды.

Дружба с Лефортом

В это же время завязалось у Петра знакомство с Лефортом, которого он, может быть, мельком встречал раньше. Женевец родом, еще при Софье в чине полковника, он, подобно многим другим иноземным офицерам на русской службе, выдвинулся в перевороте 1689 г., став открыто на сторону нарышкинской партии. Знакомство вскоре перешло в настоящую дружбу и горячую привязанность. Незаметно для Петра Лефорт сделался дорогим, необходимым для него человеком. Царь положительно начал нуждаться в его обществе, и достаточно было нескольких дней, проведенных без женева, чтобы вызвать непреодолимое желание снова видеть его.

Человек бывалый, подвижный, неутомимый весельчак, Лефорт привлекал своей простотой, беспритязательностью и той (правда, невысокой пробы) добротой, которая, не умея делать настоящего добра, неспособна причинить людям и дурного. Без образования, но наблюдательный, с запасом скорее впечатлений, чем знаний, Лефорт казался девятнадцатилетнему Петру самым привлекательным выражением Западной Европы, какой, по крайней мере, представлял ее себе царь на основании личного знакомства с Немецкой слободой. Любитель кутнуть, мастер устроить шумную и веселую попойку, Лефорт стал незаменимым организатором всех пирушек царя. Нигде так не веселился 1 Петр, как в сообществе своего нового друга, и, конечно, в значительной степени последнему обязаны мы тем, что это шумное веселье, в обстановке хмельных паров, вылилось в формы чрезвычайно выпуклые и приобрело характер явления не случайного, а постоянного и устойчивого.

Дружба царя поставила Лефорта в привилегированное положение при дворе и сделала его влиятельным человеком. Но эн благоразумно ограничился ролью друга, не вмешиваясь ни теперь, ни позже в дела управления, которых не понимал и нуждался по самому свойству своей неглубокой натуры. Зато

тем свободнее устроил он свою жизнь на широкую ногу, став центром кружка, в котором было место всякому, кто хотел и умел пожить весело и без стеснений.

По желанию и на средства царя помещение в доме Лефорта в Немецкой слободе было значительно расширено пристройкой обширной залы столь громадных размеров, что, по некоторым, правда, кажется, преувеличенным показаниям, она вмещала в себя до 1 500 человек. Шелковые обои, вытканые золотом, покрывали стены этой парадной залы, всюду скульптурная резьба и позолота, зеркала, картины, оружие и красивые безделушки; вдобавок, столовый сервиз из серебра служил украшением обедов и ужинов. Оконченная постройкой весной 1693 г., эта зала стала сборным пунктом того общества, в котором обыкновенно вращался молодой царь и где он теперь часто и подолгу любил проводить досужие часы.

Новый уклад жизни

Дружба с женеvцем заметным образом сказалась на учащенных посещениях Немецкой слободы и иноземцев вообще, причем эти посещения обыкновенно сопровождались веселой попойкой. Дом Гордона посещался по-прежнему очень часто; ездил царь и к иноземным послам: шведскому, датскому и голландскому; не пренебрегал он и другими, менее видными иноземцами. Не забывал царь и своих бояр, а те, равно и иностранцы, в свою очередь, приглашались во дворец. Государь ездил в гости обыкновенно целой компанией, нередко в несколько десятков человек, а иной раз таких гостей набиралось и до сотни. Приезжие шумно вваливались в хоромы хозяина, рассаживались за столы и часами сидели за стаканами вина, целый день, когда и всю ночь напролет, если не сплошные сутки. Музыка, танцы, иллюминации, фейерверки, пушечная пальба были неизменной обстановкой праздника, особенно если он давался у Лефорта. Из-за границы специально выписывались музыкальные инструменты (органы), и для этого охотно тратились большие суммы. На этих вечеринках и балах, без особых уроков, а «с одной практики» научился Петр танцам, особенно бывшим тогда в моде польскому и мазурке. Один из современников, давший царскому любимцу Лефорту мало лестное прозвание «французского дебошана», говорит, что попойки в его доме зачастую доходили до чудовищных размеров: пьянствовали по три дня подряд, запершись, и «оттого многим случалось умирать». Пирушка, начатая в одном доме, иногда заканчива-

лась в другом; бывало и так, что царь после обеда во дворце вез гостей своих к кому-нибудь в слободу. Пили много, расплачиваясь на другой день нездоровьем; иные принуждены бывали слечь в постель; но это не мешало, день-другой спустя, с возобновленной энергией снова наполнять свои кубки.

Русское общество конца XVII в. вообще не могло похвалиться ни чистотой, ни сдержанностью своих нравов. Грубые инстинкты ничем не стеснялись в своем проявлении, и, конечно, не в такой обстановке мог двадцатилетний Петр найти образец нравственной порядочности и сдержки своим рано проснувшимся страстям. К тому же он уже хорошо сознавал силу своей царственной воли, свободной от всяких помех и стеснений.

Прежние цари чинно сидели в своем Кремлевском дворце, торжественно и редко появлялись в народе, с достоинством и подобающей важностью исполняя обязанности своего высокого сана; Петр, наоборот, пошел в толпу, смешался с ней; вышел из старой колеи и повел свою жизнь по новой. В его обращении с окружающими резко бросалось в глаза настойчивое желание стереть черту, отделяющую простого смертного от государя. Петру доставляло видимое удовольствие держать себя в обществе запросто. Он шаферит на купеческой свадьбе у немцев; участвует в погребении простого капитана, провожая его до могилы; за обедом потребует посадить на почетное место не себя, а кого иного; он и обедает не у одних только знатных бояр, а снизойдет до ужина и у какого-нибудь приказчика Тараса.

Окружение Петра

В самом окружении Петра произошла перемена. Наряду с придворной знатью, лицами, принадлежащими к дворцовому штату, появились новые элементы, придавшие всему окружению молодого царя особую окраску и даже особый смысл.

В среду родовитую и служебную, людей придворных, Петр ввел людей, по понятиям века, не имевших на то права в силу их социального положения. Хотя, количественно, таких было не так уже много, однако самое появление их наряду с сановными боярами, доверие, им оказываемое, делало таких счастливчиков заметными фигурами, придавало им значение, а оно не всем было по сердцу: в одних говорила сословная гордость и пренебрежение, в других — зависть и боязнь быть оттертыми, потерять свое влияние.

Среди таких избранников Степан Буженинов был сыном монастырского служки; Григорий Лукин, сын подьячего, вместе

с Яковом Ворониным были товарищами Петра еще по детским играм. Впоследствии царь будет горько оплакивать их гибель под Азовом. Вероятно, в это же время подле Петра появился и Алексашка Меншиков, будущий князь, фельдмаршал, регент Всероссийской империи и задолго еще до этого бешеного взлета на вершины власти и могущества уже интимный друг и «герценскинд» царя. Пока же, теперь, он служит простым рядовым I в бомбардирской роте.

Всепьянейшая компания

А между тем шумное веселье, то и дело повторяющиеся • схватки с Ивашкой Хмельницким, ставши постоянными, очень скоро получили в глазах Петра и его застольных товарищей характер явления обычного и нормального. Участники этих затрапезных сходов незаметно для самих себя привыкли видеть K в них известного рода дело, для выражения которого естественно было подыскать и соответствующие, более или менее определенные формы. Успех всякого дела зависит как от доброй воли, желания, так и от правильной организации его. Ведь успех потешных с их маневрами, штурмом крепостей и примерными сражениями обуславливался прежде всего тем, что I там, во-первых, не было недостатка в труде, благородном соревновании, и, во-вторых, что там были свои генералы, ротмистры, бомбардиры и солдаты, каждый знал свои обязанности, у каждого было свое назначенное место. Так и застольное I сотоварищество обеспечит себе веселье и лучшее достижение цели — торжество над доморощенным Бахусом, — когда у него будут свои начальные люди и подчиненные, когда будет кому вдохновлять на борьбу, поддерживать слабых, поощрять при- I мером колеблющихся.

Но какого же рода организацию придать компании, которая уже давно стала в глазах своих сочленов «всепьянейшею»? Разумеется, организацию шутовскую, карикатурную. За образец взята была, ни больше ни меньше, как духовная иерархия православной Русской церкви с ее обрядами и священнодействиями. Во главе всепьянейшей компании стал потешный патриарх «Прешбургский и Кокуйский и Всеяюзский», боярин Матвей Филимонович Нарышкин, человек недалекого ума, старый, постоянно пьяный, в окружении таких же, как он, шутовских «митрополитов», «архиереев» и «дьяконов». В сан «дьякона» возведен был и молодой государь. Карикатура не ограничилась одними прозвищами: она перешла и на облачение.

Жестяная митра с изображением Бахуса, восседавшего на бочке, возлагалась на голову «патриарха»; не решаясь, впрочем, заходить слишком далеко в уподоблении, этой митре придали форму епископской католической. Зато на платье свободно нашивали игральные карты; глиняная фляга с колокольчиками изображала панагию, а евангелием служил ящик в форме книги, внутри которого умещалось несколько склянок с водкой. Совершаемые при этом церемонии изображали обыкновенно празднества в честь бога Бахуса. В Вербное воскресенье, торжественно справив в Кремле обычную церемонию шествия на осляти, проведя патриарха Адриана от Лобного места на Красной площади в Кремль, к Успенскому собору, Петр ехал в Преображенское, где в потешном Прешбурге после обеда справлялась карикатура на ту же церемонию. Нарышкина садили на верблюда и вели в сад, что был разбит у реки, к погребу, где хранились фряжские вина. Следовало обильное возлияние, и только окончив попойку, разъезжались по домам. Поставление в патриарший и архиерейский сан совершалось в том же Прешбурге в форме крайнего глумления и неприличия. Даже современники, менее нас шепетильные насчет форм и выражений, — даже и они отказывались говорить об этой церемонии полными словами, ограничиваясь замечанием, что она «сложена была к пьянству, блюду и всяким дебошам».

С особенной разнузданностью проводили время на святках, когда и без того по старому русскому обычаю на многие вольности и отступления от правил приличия смотрели сквозь пальцы. С Рождества вплоть до масляной вся компания обыкновенно маскировалась, ездила по городу из дома в дом и славила: царь посещал бояр и палатных людей, «патриарх» дома знатных купцов, «с воспением обыкновенным церковным». Гостей в таких случаях ожидали заранее накрытые столы, и, смотря по времени и настроению, компания обедала, или ужинала, или просто только пила. Наезд пьяной толпы сопровождался зачастую разгромом, дикими выходками; шуты и дураки давали полный простор языку и рукам, колотя одних, ругая других, обливая вином третьих.

Организатором святочных забав был комнатный стольник В. А. Соковнин, прозванный почему-то пророком. Грубым вкусом доставляло наслаждение разрезать кнотом крепкие деревянные лубки, протискивать человека плотной комплекции сквозь узкие стулья, драть платье, раздевать донага, сажать на лед и т. п. Иные шуточки переходили всякую меру приличия, вызывая в нас безгливость и отвращение. Современник заме-

чает, что многие к этим святочным дням готовились точно к смерти. И действительно, один думный дворянин поплатился жизнью за потеху наглумившейся над ним пьяной толпы; на масленице 1692 г. царские дураки забили до смерти двух солдат: одного потешного, другого — из Гордонова полка. Описанные увеселения продолжались до первой поездки царя за границу.

Невольно поражаешься той смелостью, с какой всепьянейшая компания дерзала занести свою руку на учреждения, освященные церковью, и предать их такому пошлому осмеянию. Еще так недавно глава Русской церкви пользовался, наравне с царем, положением первого лица в государстве, авторитетно § возвышал свой голос, а теперь его безнаказанно подвергали I самому неприличному, оскорбительному глумлению. Конечно, ж обаяние патриаршего сана сильно потускнело со времен Никона, I и, может быть, последний сам немало способствовал тому: | папистические замашки «собинного» друга царя Алексея Ми- I хайловича вызвали пагубную для церкви реакцию. Еще сильнее I подорвал обаяние патриарха раскол. Нападки на Русскую цер- I ковь слышались теперь отовсюду, а с укореняющейся привыч- I кой воспринимать явления жизни, подвергая их критике и I анализу, сильнее прежнего бросались в глаза пороки и крупные I недостатки современного духовенства. С другой стороны, это I самое духовенство открыто заняло враждебную позицию против I того, что было так дорого дружине Петра и, можно сказать, I составляло ее «святая святых», проходило красной нитью во I всей ее деятельности: это — широкое общение с иноземцами, I легкая, подчас легкомысленная пересадка на русскую почву I иноземных обычаев, легкая в особенности для вчерашних ко- I нюхов, монастырских служек, сыновей подьячих. Дружина по- I чувствовала в духовенстве своего врага — и мстила ему по- I своему.

А между тем — какое, казалось бы, противоречие и нескла- I дица понятий! — церковные праздники, торжественные выходы I в церковь, положенные панихиды соблюдались Петром по- I прежнему, более или менее неукоснительно. В Успенье и на I Рождество, в Благовещение, в праздник Положения Ризы Гос- I подней он выстаивал большую часть службы: вечерню и молебен I накануне праздника, обедню на следующий день. В Крещение I он ходил на водосвятие: 5 января в церкви, 6 — на Иордани; I в Вербное воскресенье водил вместе с братом патриаршего осла за уздцы, соблюдал обычную церемонию «прощения» в послед- I ний день масленицы, обходил в установленные дни монастыри I и церкви, совершал там поклонение св. мощам и особо чтимым

иконам и присутствовал, облаченный в царские бармы и в Мономахову шапку, на торжественном поставлении духовных лиц в архиерейский чин. Участвовал Петр на страстной неделе и в перенесении мира и св. мошей; присутствовал на пасхальной заутрене и ходил с крестным ходом в оба праздника Казанской Божией Матери, 8 июля и 22 октября, и редко когда пропускал службы в дни поминовения московских чудотворцев-митрополитов; по-прежнему в престольный праздник Федоровской Божией Матери молился перед святой иконой, и если из-за дурной погоды поездка в Сергиеву обитель откладывалась, то церковную службу он все же выстаивал в городском Троицком подворье.

Правда, иногда он заставит себя ждать, запоздает к службе, вовремя не приехав из Преображенского; старший брат в церкви бывает, безусловно, чаще его; он выстаивает длинные, утомительные всеношные, чего Петр обыкновенно избегает; но так ведь было и раньше, при Софье; если же уклонения и бывали, то при живости характера и при разнообразии интересов молодого царя было чему отвлекать его от церкви; но в равнодушии, в пренебрежении к ней упрекать его было бы несправедливо. Его кошунство своим острием направлялось на лица, отнюдь не на учреждение.

При всем том кошунство, разумеется, оставалось кошунством. Как впоследствии Вольтер не сумеет выделить отдельных недостойных лиц от целого учреждения и, бичуя пап, патеров, монахов, неосторожно затронет и самую Церковь, самую религию, так и Петр, глумясь над патриаршей властью (как бы теперь уже воспитывая себя в мысли рано или поздно положить ей конец), не замечал, какой непоправимый удар наносил он церкви вообще, как оскорблял самую религию своего народа и какие непреодолимые препятствия и затруднения подготавливал в будущем самому себе.

Охлаждение к жене

Проводя время большей частью вне дома, Петр мало-помалу совсем забыл и семейный очаг. Не чувствуя большой потребности в согревающей теплоте материнского крыла, он тем менее становится чувствителен к ласкам и чарам своей жены. Слишком еще молодой, чтоб испытывать нежное чувство отца, он вскоре охладевает и к брачному ложу: кажется, летом 1691 г. он знакомится с красавицей Анной Монс, и эта женщина скоро совсем изгонит из его сердца образ белолицей, но малоподвиж-

ной и монотонной жены Евдокии. Сохранилось известие, что царица-мать возненавидела невестку и сама способствовала охлаждению к ней сына. Разрыв с женой совершался тем легче, чем был он постепеннее, чем незаметнее привыкал Петр находиться в Немецкой слободе в женском обществе, одно присутствие которого для русских людей того времени носило характер вкусного запретного плода. А если вспомнить легкость тогдашних нравов вообще, постоянный, по выражению современника, «дебос с дамами», в доме Лефорта, в частности, то следствия его выяснятся сами собой.

Немецкая слобода как политическая школа

В сношениях Петра с Немецкой слободой следует отметить еще одну немаловажную черту: слобода явилась политической школой, помогла Петру разобраться в сложной международной обстановке и до известной степени определила его политические взгляды и симпатии. Основное направление этим взглядам дал ему, конечно, Посольский приказ, но в данном случае симпатии, господствовавшие в слободе, не расходились с точкой зрения правительственной: ориентация французская там и тут сторонников не имела, а издавние торговые связи России с Англией и Голландией, в ту пору врагами французов, указывали руководителям внешней политикой, где искать им своих друзей.

В слободе, этой своего рода Европе в миниатюре, сошлись представители самых разнообразных национальностей и самых разнообразных общественных слоев и профессий: захудалая аристократия, выбитая из колеи у себя на родине; родовое и неродовое дворянство, явившееся в Россию предложить свою шпагу в расчете на лучшие дни и на лучший кусок хлеба; люди свободных профессий: доктора и аптекари, техники и инженеры, артисты и торговцы. Швеция, Дания, Польша, Голландия, Германия держали здесь или постоянных агентов, или посылали их на время со специальной целью. Всего больше было голландцев и немцев. По вероисповеданию слободу населяли преимущественно протестанты: лютеране, кальвинисты, реформаты. Четыре церкви обслуживали их религиозные нужды. Значительно меньше было в слободе католиков; не имея разрешения на постройку церкви, они все же могли (еще со времен Софьи) обзавестись священниками для негласного богослужения в частном доме.

В конце XVII в. добрая половина Европы вела упорную борьбу с Францией. На карту ставились интересы промышлен-

ные, торговые, территориальные и вдобавок еще династические и религиозные. Вестфальский мир еще не успел окончательно потушить распри религиозные; торжество Людовика XIV знаменовало победу католичества, и потому тем энергичнее политические противники французского короля, как представители протестантизма, отстаивали дело Реформы с ее религиозной свободой. Наконец, в государственной жизни Людовик олицетворял начало самодержавное, голландцы же и англичане — строй конституционный. Интересы борющихся сторон, таким образом, оказывались очень сложными и поучительными. Московские иноземцы внимательно следили за ходом военных действий, горячо их обсуждали и, вероятно, не без страсти и не без запальчивости высказывались в пользу тех или других.

Протестантская, т. е. не католическая, германская, т. е. не романская атмосфера Немецкой слободы не могла не оказать своего влияния. Если сам Петр непосредственно и не был заинтересован в исходе борьбы, волновавшей западных соседей, все же по своей впечатлительности и природной восприимчивости равнодушным зрителем оставаться он не мог. Для молодого царя, разумеется, еще не наступила пора уяснить себе сущность и роль ни католичества, ни протестантизма; к обоим вероисповеданиям он относился одинаково терпимо хотя бы по одному тому, что в числе близких и уважаемых лиц были и горячо верующий сын Римской церкви, Гордон, и реформат Лефорт; но, конечно, уже и теперь, воспитанный в духе самодержавия, Петр хорошо понимал, что в то время как протестантизм охотно признавало над собой верховенство светской власти, церковь католическая требовала себе полной самостоятельности в государстве; и уже одного этого было достаточно, чтобы отнестись к ней с большим недоверием и, пожалуй, даже предубеждением. Не забудем, что русские православные люди в течение всего XVII в. привыкли католичество отождествлять с закоределым врагом своей государственности — Польшей. Преследования, каким подвергались там православные, лишь подливали масла в огонь, а неудача посольства Менезия к папе (1672—1673) еще более закрепила холодность московского правительства к Риму.

Об эту пору не через кого было даже познакомиться поближе с Францией: в Москве жили случайные неизвестные французы, какие-то два офицера, а кн. Я. Ф. Долгорукий, конечно, не в радужных красках описывал прием, сделанный ему Версальским двором в 1687 г. Напротив, представителем голландских интересов в эти годы был такой умный и образованный дип-

ломат, как резидент ван Келлер. В беседах с последним Петр незаметно привыкал отдавать предпочтение всему голландскому. Недаром же он начал в это время учиться по-голландски у Андрея Винууса, родом голландца.

Политические темы сменялись темами торговыми. Опасаясь французских каперов, голландцы долгое время не решались посылать коммерческих кораблей своих к Архангельску, а через это страдали интересы уже не одних Штатов, но и самой России. По свидетельству Невилля, в Немецкой слободе жило до тысячи иноземных купцов, в обилии закупавших русскую кожу и икру. Таким образом, торжество антифранцузской коалиции совпадало бы с выгодами Русского государства. В конце 1691 г. в Москве получили известие о покорении английским королем Ирландии, и Петр, живой во всем, в первую минуту думал было даже снарядить посольство с Лефортом во главе поздравлять победителя с успехом. Заодно собирались направить посольство в Швецию, Данию, Голландию, к цесарю и всем курфюрстам. Но так как план сам по себе имел слишком мало внутреннего оправдания, то и был отложен столь же быстро, как и зародился. Зато увлекающийся Петр некоторое время носился с мыслью сделать кампанию против французов под начальством Вильгельма.

Те же голландцы обратили внимание Петра на значение для России Азиатского Востока. Амстердамский бургомистр Н. Витзен, лично посетивший Россию в царствование Алексея Михайловича, автор замечательного сочинения. «Noord — en Oost Tartarye* (1672), прислал в начале 1691 г. письмо Петру, развивая свои взгляды и планы о торговле с Китаем и Персией и предлагая свои услуги. Петр сочувственно отнесся к этим указаниям, под влиянием чего в том же году организовалась экспедиция в Китай немецкого купца Елизара Избранда Идеса.

В. На Белом море

Переяславль

После летних и длительных забав на Переяславском озере (1692) Петра снова потянуло туда; в конце зимы и в мае 1693 г. он снова там, но майская поездка на этот раз была уже последней. Рано или поздно, увлечение неизбежно должно было ослабеть, и тем скорее, чем чаще находило оно себе удовлетворение. Замкнутый бассейн воды стал слишком тесен для Петра. Потеха перестала удовлетворять, потому что с каждым разом

становилась простым повторением предыдущей, одно же количественное увеличение размеров игры еще не спасет ее от монотонности. Переяславские забавы потеряли свою первоначальную прелесть, молодой царь перерос их: флот был построен, намеченная цель достигнута — спала и прежняя горячка. В сущности, после июльских маневров 1692 г. царю на озере нечего было более делать. Весенние поездки 1693 г. новых ощущений к прежним не прибавили; Переяславль устарел и потерял прежнее свое обаяние. На смену озеру должно было прийти море, «потеха» — получить иные размеры и формы, более подходящие к настоящему, не игрушечному делу. Переяславль сделал свое дело, а впереди открывались новые горизонты — на далеком Белом море. На север Петра потянуло уже давно. Мысль о поездке туда упорно гвоздила в его голове, хотя и туда влекла его все еще не серьезная мысль, не потребность разумного, плодотворного труда, а более всего жажда новизны, личного удовольствия; но новые впечатления принесут новое знание и явятся новым этапом в духовном развитии Петра.

Поездка 1693 г.

Главным препятствием к поездке являлись опасения царицы Натальи. Долго, неоднократно просился Петр у матери отпустить его к Студеному морю, но та постоянно отказывала, опасаясь несчастья. Петр оставил нам личное свидетельство о том, как ему удалось, наконец, вырвать у нее согласие. В воспоминаниях царя об этом столь важном в его жизни событии еще и теперь слышатся отзвуки того волнения, с каким мать и сын ставили и решали вопрос о поездке. Рассказ Петра вскрывает перед нами и тревогу материнского сердца, и сыновнее чувство повиновения, и ту внутреннюю силу настойчивого напора, перед которым именно любящие материнские сердца обыкновенно и пасуют, принося в жертву, ради любви к сыну, собственное спокойствие. Петр рассказывает, как первоначально, вследствие узких берегов речонки Яузы, не позволявшей найденному им в Измайловских амбарах боту свободно лавировать, он перенес его на Просяной пруд и, не сыскав «много авантажу» и здесь, перешел на Переяславское озеро, «и там, — продолжаем его собственными словами, — несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро; но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положил свое намерение прямо видеть море; о чем стал просить

матери своей, дабы мне позволила; которая хотя обычаем любви матерней в сей опасный путь многократно возбраняла, но потом, видя великое мое желание и неотменную охоту, и нехотя позволила».

Собственными глазами повидать водную стихию и заморские суда, непосредственно испытать ощущения морского путешествия да построить свой большой корабль — вот в каком пока виде представлялась Петру цель поездки.

В сопровождении большой свиты (до 100 чел.) выехал царь из Москвы 4-го июня 1693 г., продолжая в эту поездку носить, как и раньше перед тем, звание сержанта Преображенского полка. В Архангельске его ожидала приготовленная для морского путешествия яхта «Св. Петр». Царь сгорал нетерпением поскорее увидеть море и ехать в Соловки; однако обитель соловецких угодников видеть ему в этом году не пришлось: от поездки в монастырь его отвлекло другое интересное путешествие.

Ко времени приезда Петра в Архангельск весенний караван английских и голландских кораблей уже окончил погрузку товаров и готовился отплыть за границу, выжидая лишь попутного ветра. Представлялся заманчивый случай пройти с караваном часть пути, воочию наблюдать морской ход корабля, целой даже флотилии — своя, Переяславская, казалась теперь игрушечной. Как было не использовать такой, действительно, соблазнительный случай!

И вот молодой царь плывет по Студеному морю, и волны, настоящие морские волны, не в пример шуточным всплескам Переяславского озера, негодующе набегают, бьют о борт корабля, своим бессильным протестом лишь усиливая задор и отвагу юного сердца. Государь проводил иностранных гостей на расстояние свыше 300 верст и простился с ними ввиду уже открытого океана. Это плавание было морским крещением Петра.

Время летело быстро. Летом Архангельск кипел иностранцами; торговая деятельность шла полным ходом; в эту пору в Архангельске пахло отдаленной Европой, и город, предупреждая будущего счастливого соперника на берегах Невы, служил русскому человеку своего рода «окном в Европу». Три десятка коммерческих иностранных фирм, основавшихся в Архангельске, ежегодный приход из-за границы 40 кораблей с заморскими товарами придавали городу своеобразный, оригинальный облик. На широком просторе Северной Двины плавали вниз и вверх

по реке барки, груженные рыбой, хлебом, салом, пенькой, поташом; на берегу груды тюков и бочек ждали своей погрузки.

Петру было к чему присмотреться. Под свежим впечатлением обстановки приморского города с присущей ему особой атмосферой зарождались новые планы обширнее прежних. Стало выясняться экономическое, общегосударственное значение Архангельска. В Петре стал просыпаться государь. На острове Соломбале, ниже Архангельска, Петр собственноручно заложил корабль на вновь устроенной верфи; другой корабль, через Витзена, заказан в Голландии. Петру уже рисуется заманчивая картина торговых сношений с иноземными государствами, активной конкуренции на европейском рынке: довольно чужого посредничества! Мы сами начнем вывозить товары!

С богатыми впечатлениями вернулся Петр обратно в Москву и с твердым намерением побывать еще раз на Белом море.

Смерть царицы Натальи Кирилловны

Зимой умерла царица Наталья Кирилловна (1694 г., января 25). Смерть матери явилась в значительной степени психологическим переломом в жизни Петра. Воспитанный, как и все его поколение, в духе безусловного повиновения родительской власти, он, царь, давно уже женатый, свободно удовлетворявший свои прихоти и желания, в сущности, не знавший препятствий своей воле, до сих пор все еще оставался на положении сына, не вполне еще совершеннолетнего. В серьезных делах он не участвовал; государством правила мать, и если не сама лично, то в лице тех, кому она доверила дело управления. Теперь ее не стало, и с ее смертью осталось пустое место; его следовало заполнить. Кем же, как не Петром? Права теперь переходили к нему; он сразу вырастал в совершеннолетнего, в государя — теперь уже не по одному титулу. Но с правами неразрывно связаны и обязанности, забота о государственном благе. Вот почему если вчерашний потешный цень не сразу сменится днем государственным, то все же рке теперь дело государственное начнет перебивать потеху, заслонять собой, вторгаться в нее и через каких-нибудь восемь-^евять месяцев совсем заслонит. Вторая поездка на Белое море л последовавшие за ней Кожуховские маневры пройдут еще юд флагом потехи, но уже и тогда потеха органически сольется : серьезной работой, так что иной раз не знаешь, сколько в •той работе потешного и сколько серьезного, делового.

Вторая поездка на Белое море

Отправление во второй «дальний Городской поход» состоялось 30 апреля, на два месяца раньше, чем в прошлом году. В эту поездку царь сменил свое сержантство на звание шкипера. В Архангельске Петра ждал заложенный в прошлом году 24-пушечный фрегат «Апостол Павел». Его спустили на воду с обычными в этих случаях салютами и возлияниями.

Не мешкая, царь отправился на своей яхте в Соловецкий монастырь. Буря небывалой силы едва не потопила судно. Смерть, казалось, была неминуема: архиепископ Афанасий уже причастил государя Св. Тайн; но сам Петр присутствия духа не потерял, пассивно ждать смерти не намеревался. Рука об руку с опытным кормчим, монастырским стрельцом Антипом, управлял он рулем, помогая ему, и отдавал команду. С трудом пристав к Пертоминскому монастырю, он переждал здесь непогоду и, на память своего избавления, собственноручно срубил деревянный крест в полторы сажени вышины, сам снес на место высадки на берег и водрузил в землю, вырезав на нем надпись по-голландски: «Dat kruys, maken kaptein Piter, van, Ia. Sht. 1694».

Побывав на Соловках, царь еще три месяца гостил в Архангельске, зачастую проводя время в шумных пирах. Но рядом с шумным весельем он не забывал и серьезного дела. Целыми днями он на своем «Апостоле Павле», в подробности знакомясь с корабельной службой, изучая ее практически. Время от времени производит артиллерийское учение. Технические тонкости кораблестроения и мореходства, в чем позже он был такой знаток, царь, конечно, здесь, в Архангельске, мог изучить гораздо лучше, чем в Москве или на Переяславле. Он хотел все знать и, говорят, однажды на корабле голландского капитана Николая Вильемсона Мупа (родом из Саандама) на практике прошел все роды корабельной службы от простого юнги до матроса, подавая капитану, конечно, шутки ради, спички и вино и, уже всерьез, затягивая канаты, отпуская паруса, взбираясь на мачты.

Не одну, впрочем, технику усвоил в Архангельске царственный шкипер. Новые горизонты рождают и новые планы. Если в Москве поговаривали о морской экспедиции в Китай, то теперь мечтают о посылке нескольких галиотов в Балтийское море с торговыми целями, приступают к постройке торговых кораблей, толкуют о поездке в Казань и Астрахань, намереваются строить новые суда, спустить их на Волгу и завязать

торговые сношения с Персией. Забава опять незаметно приводит к более серьезному.

Пришел, наконец, и заказанный в прошлом году в Голландии и нетерпеливо ожидаемый 44-пушечный фрегат «Святое Пророчество» и 40 человек экипажа. Прекрасный случай испытать достоинство нового судна дали иностранные купеческие корабли, возвращавшиеся на родину. По примеру прошлого года^ государь и их проводил до океана. Вернувшись с моря, Петр через пять дней покинул Архангельск, торопясь в Москву. Там его ждала новая потеха — дело.

Г. Кожуховский поход

Новый потешный поход своими размерами должен был затмить все предыдущие, чтобы приложить на практике по возможности все теоретические правила военной науки. По мысли Гордона, задачей маневров было научить войска сражаться в боевом порядке, укреплять захваченную позицию под прикрытием рогаток, приучать войска переправляться на судах через реку, отражать атаку неприятеля, научиться строить контрвалационную и циркумвалационную линию, воздвигать редуты, а при осаде крепости рыть траншеи, устраивать апроши и минные галереи, наконец, бомбардировать и брать штурмом саму крепость.

Задача предстояла сложная и нелегкая. Сзывались наличные военные силы, расположенные в столице: полки стрелецкие, два потешных, выборные солдатские, рейтарские роты, даточные боярские люди, подьячие московских приказов. Под Москвой собралась целая армия почти в 16 000 человек. Собранные войска образовали две армии: нашу и неприятельскую; во главе первой стал кн. Ромодановский, второй командовал Бутурлин. Чтобы ярче подчеркнуть свое «неприятельство», Бутурлин принял название «польского короля»: при тогдашних натянутых отношениях с Польшей этот титул, действительно, сам говорил за себя.

Но не один национальный характер выделял одну армию от другой: они отличались и по своему составу. Под знаменами кн. Ромодановского собрались люди нового пошиба и направления, по-новому обученные: полки потешные, выборные солдатские (Лефортов и Гордонов); по устройству, по обмундированию и вооружению они напоминали европейские регулярные войска. Армию Бутурлина, наоборот, составляли войска

старой организации: конницу — дьяки и подьячие приказные; £ государевы певчие; площадные и комнатные стольники, а пел' хоту — шесть стрелецких полков, над которыми (если не считать Стремянного полка) тяготели тяжелые воспоминания 1682 и 1689 гг. За время Семеновских походов мы видели, как обозначалась рознь между старыми и новыми войсковыми частями — теперь ей суждено было проявиться еще резче. Царь, записавшись бомбардиром в армию Ромодановского, тем самым, естественно, увеличивал моральную силу; но если понятно желание домогаться победы нашей армии, то вполне ли было уместно на высшие командные должности в ней назначать преимущественно иностранных офицеров? Иноземные офицеры, правда, были и у Бутурлина, но почти исключительно младшего ранга: ротмистры и поручики, а генералы с иностранными фамилиями не играли никакой видной роли, не чета Гордону, Лефорту, фон Менгдену, Чамберсу и многим другим, в обществе которых привык находиться царь Петр.

Маневры, несомненно, являлись практической проверкой преимущества европейского военного искусства над домашним, старомосковским; но форма, в какой эта проверка велась, больно задевала национальное самолюбие русского человека. Вообще было бы ошибкой закрывать глаза на легкомыслие, с каким молодой государь задумывал Кожуховский поход, неосторожно примешивая к делу, обещавшему принести немало полезного, элементы нежелательные и опасные.

За деревней Кожуховой, в двух верстах от мирного Симонина монастыря, воздвигли земляное пятиугольное укрепление в пять аршин вышиной и рвом в четыре аршина глубиной — эту-то крепость и должен был защищать Бутурлин от осаждающей армии Ромодановского. Осадные действия, штурмы и вылазки, война минная, схватки в открытом поле продолжались свыше трех недель и все закачивались в пользу «нашей» армии. При устройстве апроша отличился бомбардир Петр Алексеев, захватив в плен «неприятельского» полковника; на другой день, при штурме крепости, первыми ворвались в город преображенцы, и позволительно думать, царь в эти минуты был среди них. Крепость была взята, но победа досталась недешево. Лефорт в одном своем полку насчитывал раненых около сотни. Сам он был весь обожжен; пороховой горшок разорвался над его головой, повредил лицо, ухо и лишил зрения на целую неделю.

Победа была полная, неприятель покинул укрепление и бежал в свой лагерь; но такой быстрый успех совсем не входил

в планы осаждающих. Пленных поэтому отпустили; Бутурлин снова занял крепость, и осада возобновилась по всем правилам военного искусства. Вели апроши, подкапывались под вал, проводили мины. Через десять дней все было готово к новому штурму, и после ожесточенного боя крепость снова была взята. Неприятель укрылся было в укрепленном лагере, но был выбит и оттуда.

Вот как описывает современник последние минуты боя (17 октября): «И великая с обеих стран восстала стрельба из мушкетов, и бросание бомбов, и ручных гранат, и горшков, так что непреодолимое было в дыму великом страшных восходящих огней блистание: и в тем лютом бою не токмо огнем друг на друга воевали, но водой лили, и землей, и грязью бросали, и превеликое из рва, и вала, и из-за рогаток из щитов неприятеля противление чинили, как по должности прямым жолнерам больши того в таком случае сотворити было не возможно». Стрельцы, видимо, на этот раз отбивались особенно жестоко: последние неудачи их раздражили, и они, надо думать, более чем когда, дрались всерьез: с обеих сторон пало много раненых, были даже убитые. Маневры не на шутку превратились в настоящую битву, и кто знает, как бы далеко зашла потеха, если бы не Преображенский полк, на долю которого и сегодня выпала честь решающего удара. Бросившись в самый огонь, преображенцы взошли на вал и развернули там свое черное знамя. Ворвавшись в лагерь, они открыли дорогу остальным. Армия Бутурлина положила оружие, и царь большим пиром праздновал торжество новой военной системы над старой.

Какой только ценой досталась победа? Современник насчитывает 24 человека убитых и 50 раненых; но последняя цифра, конечно, далеко ниже действительной. В шести стрелецких полках четыре полковника и три подполковника были тоже в числе раненых. В то же время надо помнить, что Кожуховские маневры, в школьном развитии Петра занимая бесспорно видное место, несвободны, как было уже сказано, от тяжелого упрека. Вместо простого обучения они получили характер страстной партийной борьбы, уже теперь усиливали число будущих противников Реформы, создавали людей, привыкших думать: одни — что им все дозволено, другие — что правды для них не существует. Если чего преднамеренного во всем этом со стороны Петра и его компании теперь и не было, то не было и желания сгладить шероховатости; наоборот, победе над «неприятелем» радовались чисто по-детски, слишком от-

Кровенно и бурно; наивно пристегивали сюда Цезарево выражение «пришел, увидел, победил», не задаваясь мыслью, какие опасные страсти неосторожно возбуждаются таким поведением.

В пылу увлечения Петру едва ли приходило на ум, что своим торжеством «новая» система в значительной мере обязана была намеренной уступчивости со стороны системы «старой»; что стольник Бутурлин, этот не только вождь «вражеской» армии, но и царедворец не со вчерашнего дня, был достаточно искушен в дворцовых отношениях, чтобы непременно домогаться победы над «нашими», что если во время «лютого боя» он кого и старался охранить, то, конечно, не столько своих сподвижников, сколько молодого бомбардира, сражавшегося в противных рядах. А победитель, не довольствуясь самой победой, спешил еще в литературной форме закрепить память о своих подвигах. Составленное услужливой рукой современное описание Кожуховских маневров явилось сплошным панегириком Ромодановскому и его армии.

Между тем в народе давно уже начался ропот и шли толки о том, что царь связался с немцами, и, конечно, оспаривать их стали бы не раненые и убитые под стенами «потешной» крепости, не те из оставшихся в живых, кто видел в себе жертву, отданную на потеху избранных счастливых; не те, кто обязан был разыгрывать в течение более трех недель жалких марионеток, а в заключение всей комедии на коленях выпрашивать себе пощаду и «прощение» у «победителя». Для толпы серьезная сторона дела во всяком случае осталась невыясненной; налицо была лишь шутовская, потешная, и потому тем резче бросалось в глаза несоответствие всей забавы с жертвами, каких она потребовала. Даже иностранцы о Кожуховском походе отзывались, что это «слишком много» для игры; а московское купечество, обязанное кормить обе армии во время маневров, едва ли понимало навязанную ему обязанность как долг патриотизма. Смотреть на маневры сходилась много народа. Среди зрителей, конечно, достаточно было зевак, равнодушных ко всему, кроме грубых ощущений, но среди таких могли быть и матери, жены, сыновья и братья злополучных участников потехи, и кто знает, сколько лиших недоброжелателей породил себе царь, сколько посеял сомнений, лишь ожидавших благоприятного случая, чтобы перейти в прочное убеждение и непримиримую ненависть! Эпоха реформ еще не начиналась, а почва для ее противодействия уже была почти готова.

Д. Азовские походы

Возобновление борьбы с Крымом и Турцией

Кожуховский поход был последней потехой Петра. Первый период учения кончился. Гимназический аттестат зрелости в руках — предстоит добиться университетского диплома. Петр считал себе 22 весны, и «играть» было уже не время, да своеобразные размеры Кожуховского похода, закладка кораблей на Архангельской верфи, снаряжение судов с товарами за границу — одно это свидетельствовало, что прежние рамки стали темны, что их уже переросли. Наступала пора серьезного дела. За что же примется Петр? Вопросы внутренней политики еще не по плечу 22-летнему, хотя бы и гениальному, юноше; еще не осязательна их важность, не ясно взаимодействие и влияние тех могучих факторов, из которых складывается и которыми определяется сложная жизнь народа, общественная и государственная. Для этого необходимо больше вдумчивости, привычки к отвлеченному мышлению, необходим и предварительный опыт в управлении государством. Теоретической школы Петр, как мы знаем, не проходил никакой, а ум его, трезво-практический, грубовато-реальный, и в более зрелые годы с трудом уживался с теорией и системой. В 22 года так естественно искать дела более или менее подвижного, наглядного, осязательного, особенно натуре нервной, порывистой.

Это живое дело Петр нашел в войне с турками. Крымскими походами князя Голицына наша война с ними и с ханом татарским, как мы знаем, еще не закончилась; но неудача этих походов и большие потери заставили московское правительство быть скромнее в расходовании своих сил и наступление заменить обороной. Польша то и дело напоминала нам об обязательствах, принятых на себя по Вечному миру 1686 г. Кроме того, на возобновление наступательных действий толкали и православные греки. Уже несколько лет подряд иерусалимский патриарх Цосифей посылал в Москву грамоту за грамотой, взывая к эгоистичному продолжению борьбы с турками: с 1690 г. Святые места в Палестине перешли к католикам-французам, и православный мир на Востоке не мог помириться с оскорблением, нанесенным его религиозному чувству. А у кого же естественнее всего искать себе защиты и покровительства, как же у могущественных благочестивых царей московских? Послания патриарха попадали в тон общему настроению, господствовавшему теперь в Преображенском, до известной степени уси-

ливали его, служили оправданием и опорой. Недаром в скором времени Петр открыто выступит под знаменем борьбы с мусульманским полумесяцем.

В конце 1694 г. в Москве решено было возобновить войну с Крымом и Турцией; но неудача голицынских походов по безводной, ненаселенной степи указывала на необходимость искать новых путей. Эти новые пути вели к Азову, к устьям Дона. Важное стратегическое значение этой крепости делало обладание ею одинаково ценным как для русских, так и для турок и крымских татар. С целью отвлечь внимание неприятеля и замаскировать план войны, был объявлен поход лишь на Крым, и 120 000-й армии, старой дворянской коннице, под начальством боярина Б. П. Шереметева, отдан приказ, соединясь с гетманом Мазепой, идти к низовьям Днепровским, поход же под Азов держали в строгом секрете. В отряд, предназначенный действовать против этой крепости, вошли полки стрелецкие и все нового устройства, общим числом 31 000 чел. «Потешных» генералиссимусов, Ромодановского и Бутурлина, оставили в Москве: для настоящей войны они не годились, начальство над Азовской армией поручено было трем генералам: А. М. Головину, Лефорту и Гордону; их постановления принимались в консилие. Общего главнокомандующего, таким образом, не было, но недостаток единства власти надеялись устранить (как увидим далее, без особого успеха) постановлением все приговоры проводить в исполнение лишь с согласия «бомбардира Преображенского полка, Петра Алексеева».

Поход 1695 г.

«Шутили под Кожуховом, а теперь под Азов играть едем», — писал Петр Апраксину, но уже с самого начала военных действий стало ясно, что Азов не Кожухово и что настоящая война застала героев подмосковной крепости далеко к ней не подготовленными. Тайна похода преждевременно огласилась, и Азов еще до прихода русской армии получил подкрепления свежими войсками. Турецкий гарнизон энергично и не без успеха мешал нам занять выбранные позиции, беспокоил частыми вылазками. Бомбардировка крепости большого вреда ей не причинила.

Зато Петр в осаде принимал самое деятельное участие. Великий бомбардир лично распоряжался на своей батарее, сам готовил снаряды, начинал порохом бомбы, наводил и стрелял из пушек. В течение двух недель он почти без перерыва нахо-

дился на своем посту. Недаром впоследствии царь определял эту пору своей жизни словами: «Зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром». Этой фразой он провел резкую и справедливую грань между законченной потешной забавой прежних лет и начатым серьезным делом служения государству. Прежние названия сержанта, шкипера были «потешными» кличками; первый же чин, с которого царь начал свою службу родине, был офицерский чин бомбардира, начальника роты, соответствующий нынешнему чину артиллерийского поручика.

Смешанные чувства владеют в эту пору Петром. Пора свежих впечатлений еще не прошла для него; по-прежнему, как под Кожуховом или раньше, где-нибудь на Семеновских маневрах, его тешит самое зрелище падающих бомб, ему по-прежнему любо следить за траекторией их падения; он еще не насытился самым процессом артиллерийской стрельбы, и отдельные моменты, из каких она складывается, еще не потеряли интереса новизны. А в то же время Петром двигает и другая сила: потребность проделать самому: жизнь бьет в нем ключом, и простым зрителем оставаться он не может. И не только на батарее. Он сам станет осматривать лодки, которым предназначено подойти к Азову со стороны реки, будет лично участвовать в рекогносцировках, в принятии мер к недопущению татар и янычар прорваться в крепость на помощь осажденным. Он постоянно в движении, часто собирает «консилии» для совместного обсуждения и решения действий, ездит из одного лагеря в другой, от Лефорта к Гордону, от Гордона к Головину.

Царь горел нетерпением приступить к штурму. Молодецким набегом казаков захвачены были на берегу Дона две каланчи, небольшие укрепления, сильно, однако, мешавшие свободному плаванью по реке, и этот успех окрылил царя. Штурм был назначен на 5 августа, но без надлежащей подготовки: апроши не были достаточно придвинуты к крепостному рву, вокруг него не провели свой ров для защиты на случай неудачи. Движение атакующих колонн Гордона и Лефорта не было согласовано, и русские войска были отбиты с уроном в полторы тысячи человек. Несмотря на это, царь настаивал на продолжении осады. Работа в апрошах возобновилась; под крепость) трех сторон стали подкладывать мины, но одну минную ^алерею неприятель перехватил, другая была подожжена раньше времени, и в результате: десятка три убитых, сотня переженных без всякого вреда крепостной стене. Эта неудача свидетельствовала о слабых познаниях в технике инженерного ;ела.

Полной неудачей закончился и второй штурм (25 сентября). Потери наши неизвестны, но они должны быть громадны. Неспособность вождей, отсутствие надлежащей организации и согласованности действий били в глаза. Ничего не оставалось другого, как снять осаду и возвратиться домой. Правда, пятнадцать тысяч бомб, пущенных за время осады в крепость, разрушили ее, но тем лишь сильнее подчеркнули нашу собственную неподготовленность. Каланчи, единственный трофей войны, были заняты гарнизоном в 3 000 человек.

На обратном пути

На обратном пути армию преследовал ряд новых неудач и несчастий. Жестокая буря помешала переправе через Дон; в степи постоянно тревожили татары, и арьергард потерял почти всякий порядок. Целый полк в тысячу человек, с полковником и знаменами, был захвачен в плен. Паника при этом была так велика, что многие бросались к лодкам, оставив провиант на месте или побросав его в реку. А потом начались октябрьские морозы, снег и вьюга. Идти пришлось безлюдной и обгорелой степью. Люди гибли сотнями. За отступающей армией тянулись вереницы голодных волков, пожирая отставших или замерзших солдат, лошадей. Деревни и города, лежавшие на пути, переполнились больными; некоторые селения сами вымерли от заразных болезней, занесенных войсками. Полный неуспех было возвращение в Москву. Четыре маленьких укрепленьца, захваченных в эту кампанию у турок на другом театре войны — на низовьях Днепра, не могли никоим образом уравновесить громадных потерь на театре азовском.

Приготовления ко второму походу

Неудача не остановила, однако, обставить вступление войска в столицу очень торжественно; трем генералам-главнокомандующим объявлены царские милости. Лично награды, может быть, и были заслужены, но в глазах страны они теряли свой смысл. Шесть лет назад население Москвы видело такой же парад якобы «победоносного» войска; так же жаловали князя Голицына и его сотрудников шубами и кубками, но разве кого-нибудь обманули этим? А скрыть теперешнюю неудачу было еще труднее — столь велика была она и наглядна.

Но большие люди познаются в несчастии. Гениальный человек в своем гении найдет и силу перенести удар, и ясность

понимания средств, необходимых для достижения цели, и способ овладеть этими необходимыми средствами. «Петр не упал духом, но вдруг вырос из беды и обнаружил изумительную деятельность, чтобы загладить неудачу, упрочить успех второго похода», и, может быть, прав наш историк, говоря, что «с неудачи азовской начинается царствование Петра Великого» (Соловьев).

Основная причина неудачи Азовского похода была тройкая: отсутствие флота — без него немислима была полная осада крепости; отсутствие опытных инженеров и саперов; и, наконец, многоначалие, особенно пагубное на войне. Надо было, значит, соорудить флот, приобрести техников и специалистов дела, выбрать главнокомандующего. Еще на обратном пути из-под Азова царь отправил грамоты цесарю, в Польшу, к курфюрсту Бранденбургскому, прося их выслать возможно скорее «подкопных мастеров»; Гордон в этих целях использовал и свои личные связи за границей. Главным начальником будущей армии выбран был боярин А. С. Шейн. Но самое главное внимание обращено было на сооружение флота. Его готовили одновременно в Воронеже и под Москвой: там, главным образом, заготавливали струги для перевозки войск и провианта; тут, под непосредственным наблюдением царя, составные части 22 галер и 4 брандеров, которые по последнему зимнему пути, на санях, и были перевезены на реку Ворону, к месту спуска будущей флотилии. Краткость времени, нерадивость подрядчиков, убеги подводчиков, задержка в доставке материалов, пожары в лесах как раз в тех местах, где надлежало рубить струги, дурная погода — все было преодолено железной волей царя.

Единодержавие Петра

В эту зиму скончался царь Иван Алексеевич (29 января). Смерть его прошла для окружающих так же незаметно, как незаметно прошла и самая жизнь. Никчемность, безличие Ивана выделились особенно ярко именно теперь, в сопоставлении с грозным, подчас даже жутким величием, с каким обрисовался за зиму образ младшего его брата.

Из беззаботного юноши Петр вдруг преобразился в государя; личное дело навсегда ушло в прошлое, вперед выступили интересы и нужды страны, судьбы которой он держал в своих руках. Впервые осознал он (пусть, может быть, еще не вполне отчетливо, ясно) свою ответственность перед своим народом и принял этот свой долг как службу. Но государем встал он с

зкелезной, непреклонной волей, готовой, не считаясь ни с чем, смести с пути любое препятствие, стереть любую помеху, каких бы жертв это ни стоило стране и ему самому. С этой поры, раз в голове его загвоздит какая-нибудь мысль, зародится план, он не успокоится, пока не осуществит его. Жалости, сострадания с той поры он не будет знать. 26 000 работников будут согнаны в Воронеж для постройки стругов, нетчики и беглецы подвергнутся жестоким наказаниям. Им там трудно живется? Появились болезни? Большая смертность? Ничего, в России довольно рук, чтобы заменить упалые новыми, свежими. Если необходимо — пусть гибнут люди, царь с легким сердцем принесет их в жертву великому Молоху — Государству, его интересам и нуждам. В зиму 1695/96 г. впервые обрисовался тот Петр, каким его позже узнает история: с тяжелой, беспощадной рукой, с беззаветной преданностью делу, с теми взлетами мысли, что допускали одновременно и грубую ошибку, и гениальное прозрение, — с тем, повторяем, ореолом жгучего величия, какое вызовет у его современников восхищение, преклонение в одних, панический ужас, непримиримую ненависть — в других.

Второй поход

В начале мая 1696 г. авангард морского каравана под командой государя выступил из Воронежа. Лефорт в звании адмирала командовал всем флотом. Царственный бомбардир на этот раз записал себя капитаном 3-й роты Преображенского полка и поплыл на галере «Принципиум», сколоченной собственными руками. По дороге Петр выработал устав, определивший главные начала морской службы — первый наш морской регламент. На этот раз Азов был окружен и с суши, и с моря. Попытка турецкого флота высадить десант встретила надлежащий отпор, и неприятельские суда ушли в море с тем, чтобы не появляться более. Бомбардировка крепости сильно повредила ее, однако штурмовать нынче опасались: горький опыт прошлого года научил быть осмотрительнее, тем более что иноземные инженеры явились под Азов с большим запозданием. С их приездом дело пошло несколько успешнее: разрушены палисады в угловом башенке, что позволило занять один из крепостных бастионов. Вслед затем запорожцы и донцы, уже независимо от инженеров, самостоятельной атакой овладели вторым бастионом, что окончательно решило судьбу крепости. Истощив все средства обороны, гарнизон через два дня капитулировал на условии свободного выхода (19 июля).

Желанная цель, таким образом, была достигнута, принесенные жертвы и усилия оправданы. Два с половиной месяца спустя после падения Азова состоялось триумфальное вступление русских войск в столицу, под грохот пушечных выстрелов, звуки литавр и бой барабанов. Государь пеший шел впереди своей роты, с белым пером на шляпе и с протазаном в руке (30 сентября). Азовские походы кончились, но деятельность Петра только еще начиналась.

Новые планы. Постройка флота

Завоевание Азова выдвинуло новые задачи. Чтобы удержать крепость в своих руках, надлежало укрепиться на Азовском море, нужен был флот, на этот раз уже не речной, а морской. Предстояли большие расходы. Они не остановили царя. На совете, им созванном, решено было строить 50 военных кораблей усилиями отдельных товариществ — «кумпанств»: на землевладельцев духовных (патриарх, монастыри) возложено было поставить 17 кораблей, по одному с 8 000 крестьянских дворов; на служилых людей (помещиков, вотчинников) — 18 судов, по одному с 10 000 дворов; посадские же люди, гостиная сотня, беломестцы — все вместе ставили 12 кораблей. Новая повинность тяжело легла на население, не пощадив ни имущих, ни маломощных, и породила глухой ропот, тем более что срок определялся короткий: к 1 апреля 1698 г. все должно было быть готово.

Таким образом, завоевание Азова, и без того стоившее двух военных походов, вместо отдыха сулило населению новые тяготы. Правда, царь лично не отставал от несения общей повинности: как частный землевладелец, и он вместе с остальными членами царского дома обязался поставить девять военных судов; но едва ли царский пример ослабил недовольство, вызванное общим распоряжением. Работа, однако, закипела. Спешно послали за границу нанимать мастеров; по рекам Воронежу, Хопру и Дону занялись отводкой казенных дач для заготовки лесного материала; начали было соединять каналом Волгу с Цоном; вблизи Азова воздвигали Таганрог — гавань для будущих кораблей, а для защиты ее новую крепость Святотроицкую.

Уже в самом приступе к делу, в спешке, в деталях, не юегда внимательно обдуманых, чувствовалась энергия, слышался грозный окрик молодого царя. Россия вступала в тяжелую полосу своей исторической жизни, ей предстояла пора рудных, зачастую непосильных испытаний. Согнется ли она

под железной рукой своего царя-самодержца? Пойдет ли подкорно вслед его предначертаниям или окажет им сопротивление? Русское самодержавие, всецело воспитанное и порожденное народной волей, резко разошлось и станет, чем дальше, тем резче и резче расходиться с той самой силой, что породила его. И уже теперь, вслед за Азовом, Петр не замедлил сделать ; новый большой и ответственный шаг, тоже далеко не нашедший ; себе всеобщего сочувствия в стране, — он поехал за границу.

Е. Великое посольство за границу
1697—1698 гг.

Как выросла мысль о поездке за границу

Какой процесс мысли привел Петра к решению отправить большое посольство к европейским дворам и самому ехать с ним за границу; кому принадлежит почин в этом решении — в исторической литературе высказаны об этом разные взгляды. Едва ли не правильнее и не проще всего видеть в заграничной поездке молодого царя естественный и логический результат совокупности предшествующих событий и ранее воспринятых впечатлений.

Следя за тем, как последовательно мужал молодой Петр, как последовательно, год за годом, вырастал его ум и ширился кругозор его понятий, мы видим, как в смене этих понятий последующее опирается на предыдущее, тесно примыкает к нему, стоит в органической связи и является не только его дополнением, или дальнейшим развитием, но и порождением, следствием. Образование Петр получил бессистемное; о каком-либо стройном плане не может быть и речи. Юноша вынес данные впечатления, но мог совершенно пройти мимо них. Не Петра вели к намеченной цели, а сам он бессознательно раскрывал ее; независимо от чего-либо руководства шел к ней, причем, может быть, правильнее говорить не о цели, а о целях, вытекавших и развертывавшихся одна из другой. В руках опытного педагога все эти Яузы, Просяные пруды, Переяславские озера были бы только необходимой ступенью к единственной цели — к Балтийскому морю; Петр же на Яузе видел один только Просяной пруд и за ним пока ничего больше; но попал он на пруд — и увидел воды Переяславские, и опять ничего больше, как это озеро. Но с Переяславля пред ним развернулось Белое море, а за этим морем стали выдвигаться и другие водные пространства. То же самое и в его сухопутных

играх. Таким образом, ближайшая цель только спустя уже некоторое время становилась средством, приобретала характер посредствующего звена.

Процесс умственного развития Петра, накопление познаний можно сравнить с восхождением на вершину высокой горы, расположенной в центре сложной горной системы. Многочисленными скатами, пологостями, выступами и неровностями самых разнообразных форм спускается она к своему основанию. Вершины снизу, конечно, не видать, да и поднявшись не сразу отыщешь ее среди других возвышенностей; но при правильном руководстве, в правильной школе если не сам Телемак, то Ментор знает, что ожидает путника на вершине горы, знает, где находится самая вершина, какую посредствующую роль играют все эти скаты и выступы на дальнейшем пути при подъеме на высшую точку. Но у Петра не было Ментора, о самой вершине он и представления не имел никакого; поднимаясь вверх, он совсем о ней и не думал, совсем не представлял себе, сколько трудностей предстоит тому, кто вздумает добираться до нее. Ему уже каждый выступ скалы, заслонявший высшие оконечности, казался конечной точкой, с каждым подъемом пред ним раскрывались новые высшие точки, тоже казавшиеся «конечными». Лишь со временем, переходя с одного холма на другой, более высокий, взбираясь с одной горной покати на другую, более возвышенную, лишь постепенно забравшись вглубь и ввысь, начал он понимать, в чем дело. Зато каждый подъем, преодоленный, усиливал желание узнать, что за ним скрывается выше; творческая работа ума раздвигала перед Петром все новые, один другого заманчивей, кругозоры, каждый раз отчетливей и убедительнее раскрывая трудности избранного пути.

По такой-то горе поднимался все эти годы Петр, в последовательном подъеме проходя Воробьевы, Язуз, Просяной пруд, Преображенское с его военными потехами, Переяславль, Архангельск, Студеное море. Но и тут он еще далек от настоящей вершины. Из-за туманов, окутавших Белое море, из-за порохового дыма кожуховских маневров обрисовалась новая высшая точка — стены Азова, и опять-таки пока только они одни. Но пали стены — и развернулись новые перспективы: бассейн Азовского моря, борьба России с Турцией, историческая задача борьбы со Степью, продвижение границ на юг. Ограничиться одним Азовом нельзя: нужна и Керчь, свободный выход в то море, что некогда, на заре русской жизни, носило многоговорящее название Русского моря.

Что ж, это и будет конечная точка вершины? Нет. Осада Азова открыла большие пробелы: недостаток знаний, опыта, отсутствие техников, дисциплины, умелой организации. Где же взять эти знания? Немецкая слобода более к тому непригодна: она удовлетворяла потехам, но ей не ответить на более серьезные требования. Очевидно, надо ехать самим в Европу за этими знаниями. С другой стороны, помимо знания, с точки зрения чисто военной, под силу ли было тогдашней России борьбу с Турцией вести один на один? Правда, существовала коалиция, обусловленная Вечным миром 1686 г., но, во-первых, она не была всесторонней, а вдобавок, еле держалась и распасться могла каждую минуту: союзники действовали не единодушно, без доверия, втайне даже враждя между собой. Все же, однако, Россия связана условиями с Польшей, а Польша с Австрией — необходимо предупредить окончательное разложение, поторопиться поддержать союз, — более того: обновить, вдохнуть в него свежие силы, привлечь к нему и другие державы. Одним словом, наступил момент перейти за рубеж домашней обстановки: в данную минуту мы нуждаемся в Западной Европе, нам принадлежит почин вступления на путь более тесных и оживленных сношений с западными соседями. Приходится идти в Европу. Образовательные и политические задачи, какие при этом преследовались, обусловили и форму нашего появления за границей: это было посольство к европейским дворам и самостоятельная отправка некоторых партий из стольников и спальников, т. н. волонтеров, для обучения военному и морскому делу. Так как одно с другим шло рука об руку, то ничто не мешало часть волонтеров прикомандировать также и к посольству.

Поездка Петра за границу

Но Петр не только снаряжал посольство, не только отправлял взрослых и малых учиться заграничной науке — он и сам поехал учиться и набираться знания. Как ни малообычным было такое явление, как сильно ни смутило оно умы современников, но тех, кто внимательно следил за развитием молодого царя из года в год, принятое решение не должно удивлять. Станным было бы, скорее, обратное. Кто еще шестнадцатилетним мальчиком рвался на широкий простор, правдой и неправдой выпрашивал у матери позволения побывать на Переяславском озере; кто с первых же дней юности пренебрег вековыми традициями придворного устава и смело замешался в толпу иностранцев Немецкой слободы; кто, вразрез со старо-

давними обычаями, будучи царем, носил уже столько лет иноземное платье, перенимал до мелочей весь внешний обиход иноземной жизни; кто в роли простого шкипера или бомбардира следовал прежде всего влечению своего «Я», не зная ему ни в чем отказа и запрета, — для того поездка за границу отнюдь не могла казаться поступком крайним и исключительным, требующим какого-то особенного присутствия духа или чрезвычайного проявления силы воли. Сравнительно с тем, что делал Петр* раньше, в этой поездке, на его взгляд, ничего не было выходящего из ряда вон, никакого Рубикона, никаких сожженных кораблей. Целый ряд предшествовавших поступков достаточно подготовил царя к тому, чтобы и в этом последнем видеть естественное удовлетворение своей воли, не знавшей препятствий, своих стремлений, столь неудержимых, столь безграничных.

Что же касается до внутреннего оправдания поездки Петра, то мы видели, как последовательно сменялся у него один интерес другим, более серьезным и более сложным. С годами ведь у любого ребенка игры и занятия становятся более зрелыми, менее «детскими», чтение — содержательнее: и чем ребенок развитее, тем менее удовлетворяют его прежние игры и книги. Если Азов логически вытекал из прежних «потех», то, в свою очередь, и посольство, посылка волонтеров за границу логически вытекали из Азова. Но мы знаем, насколько эти потехи и Азов были личным делом Петра; знаем, какое близкое, непосредственное участие принимал он в них — мог ли он остаться теперь в стороне одним простым зрителем? Мог ли устраниться от дела только потому, что оно вступало в новую фазу своего развития, — того дела, где до той поры именно он был главным действующим лицом, коноводом и вдохновителем? Личное участие в поездке было лишь новым подъемом на более высокий выступ горы. В данный момент это последняя стадия всего предшествующего развития молодого царя: но, в свою очередь, она укажет на новые пути и новые цели: за путешествием последуют первые попытки преобразований, Шведская война... Последняя выдвинет вопросы финансовые и экономические, а эти, в свою очередь, заставят внимательнее присмотреться ко всей системе управления обширным государством русским.

Маршрут

Великое посольство было пышно обставлено; во главе его стояли: Лефорт — первым послом, боярин Ф. А. Головин —

вторым и думный дьяк Возницын — третьим; первый — для декорации и представительства, остальные как дельцы и специалисты-дипломаты. В состав посольства вошло свыше 200 человек: государь задумал стусhevаться в этой толпе, записавшись волонтером, со званием простого десятника (офицера): письма к нему за границу велено было адресовать на имя I «господина Петра Михайлова», без упоминания царского титула даже в тексте письма. Две цели преследовал Петр своей поездкой: образовательную и политическую. Он ехал учиться, и это настроение нашло себе яркое выражение в избранном им рисунке и девизе, которые он велел награвировать на своей сургучной печати: рисунок изображал молодого плотника, окруженного корабельными орудиями, а вокруг шла надпись: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Настроения • политические нашли свое выражение несколько позже, в I Голландии, когда, в свободные минуты, осторожно водя иглой I по медной доске, Петр выгравировал фигуру ангела с крестом I в одной и с пальмой в другой руке, попирающего полумесяц I и турецкие бунчуки. Таким образом, накопление знаний и торжество христианства над мусульманством — вот две главные мысли, какие властно владели в то время умом царя, вот ради чего он поехал за границу и снарядил I свое Великое посольство.

Первая большая остановка была в городе Риге, на шведской территории; затем Митава, у гостеприимного герцога Курляндского Фридриха Казимира. Из Ливавы морем царь приехал в Кенигсберг к курфюрсту Бранденбургскому Фридриху, который четыре года спустя сменит свой скромный титул на более пышный, королевский. Здесь, вместе с посольством, Петр пробыл полтора месяца: послы договаривались с курфюрстом о союзе и выжидали результата выборов нового короля в Польше. Наконец, через Германию царь и послы перебрались в Голландию почти на пятимесячное пребывание. Отсюда Петр съездил в Англию, тоже прогостив там немало, и, вернувшись, направился в Вену, откуда, уже через Польшу, вернулся обратно в Москву. Все путешествие продолжалось полтора года, с марта 1697 г. по август 1698 г.

В европейской школе

Столкновение в Риге. Царь ехал в Европу учиться и действительно учился там в широком и благородном значении этого слова. Шведская Рига была для него первым европейским

городом. Все в ней ему было ново. Петр с любопытством приглядывался к ней, но осмотр крепостных укреплений, без предварительного разрешения местных властей, рижского губернатора генерала Дальберга, оставил в нем горький осадок. Слишком детальный осмотр сооружений с помощью подзорной трубы, зарисовка плана крепости на бумаге, попытка измерить глубину рва вызвали серьезное столкновение с гарнизонным караулом. Шведы грозили пустить в ход огнестрельное оружие. «Обида» глубоко запала в душу царя. Конечно, странно было бы говорить о праве русского государя раскрыть тайну той крепости, которая всего 40 лет назад видела под своими стенами его отца, вынесла его осаду. Кто мог гарантировать рижан, что, сегодня — заезжий гость, сын царя Алексея, не явится когда-нибудь с теми же враждебными намерениями, что и его родитель? Но с другой стороны, право осматривать укрепления Риги Петр носил в своем сознании, в несдержанном характере, в привычке видеть всегда свою волю исполненной. Молодой дикарь, он не хотел знать никаких преград, вытекавших из права международного: ему так трудно было стать на чужую точку зрения, чуть только она расходилась с его собственной. Душа его жаждала сведений; он летел мыслью за новым знанием, горел нетерпением увидеть, чего доселе еще не видал, — и с первого же шага ему оказывают сопротивление!.. Через одиннадцать с половиной лет царь будет еще помнить нанесенное ему оскорбление и, бомбардируя Ригу, с чувством особого наслаждения пустит в нее три первые бомбы из осадных орудий.

Митава, Либав, Кенигсберг. В курляндской столице, попеременно с визитами к герцогу, царь плотничает, и в доме, где он остановился, еще до недавнего времени показывали матицу в 11 футов длиной, вытесанную его рукой. В Либаве он случайно натывается в аптеке на саламандру в банке со спиртом и не в силах оторваться от нее, довольный тем, что мог воочию убедиться в существовании «диковины», о которой в Москве передавали разные сказки, подвергая даже сомнению возможность ее существования.

В Кенигсберге царь брал уроки метания бомб; под руководством специалистов изучал теорию огнестрельного искусства, посещал мастерские, приглядывался к местным ремеслам, к производству янтарных вещей; осматривал крепостные сооружения, арсенал; с увлечением изучал детали военного дела. В том же городе он посетил университет и, пользуясь возможностью говорить без переводчика с профессорами, владевшими

!рольским языком, внимательно вслушивался в их объяснения, загоревшись желанием завести университет и у себя, в Москве. В Германии, проездом по Гарцу, Петр посетил знаменитый Броккен, это была первая прогулка его по горам.

Заандам (Саардам). Неделя, проведенная в Заандаме, маленьком городке близ Амстердама, полном разного рода строительных и промышленных заведений, с богатой системой шлюзов, в городке, где кипела работа, всецело окунула Петра в обстановку трудовой голландской жизни. В конце XVII в. Заандам, с тесно обложившими его соседними местечками, ходил на одну сплошную мастерскую или фабрику чудовищных размеров. На его верфях, доходивших числом до пятидесяти, работа кипела днем и ночью, без перерыва: торговые суда самых разнообразных размеров, начиная от громадных океанских трехмачтовых вплоть до простых барок, то и дело спускались на воду. Были верфи, изготавлившие ежегодно по 20 больших кораблей. Масса мельниц, целые сотни, придавали окрестностям Заандама типичный «голландский» отпечаток. Одни занимались специально распилкой леса, подготавливая корабельный материал; другие размолот зерна; третьи — выделкой бумаги; были там мельницы, приноровленные к трепке пеньки, обработке красок, лыка. Немалое число жителей отправлялось в открытый океан на ловлю китов — и потому Заандам, помимо всего остального, выделял еще китовый ус, жир и клей. Предприятия велись в больших размерах и давали жизнь массе побочных ремесел. Несмолкаемый гул трудовой жизни стоял над Заандамом: стучал топор, визжала пила и тысячи голосов кричали на разные лады. Кончался трудовой день, и движение на улицах, набережных принимало такие размеры, что маленьких детей в эти часы обыкновенно поскорее уводили домой, опасаясь, как бы их не зашибли и не изувечили. Наблюдательному Петру было к чему присмотреться, чему научиться. По сравнению с этим круговоротом промышленной деятельности, с этим морем кипучей жизни, размахом народной волны, какой жалкой, мизерной должна была показаться ему своя родная Москва, с ее пустынными улицами, убогими постройками, бедным, невежественным населением, с ее монотонной жизнью!..

Амстердам. Корабельное дело. Ко дню торжественного въезда Великого посольства в Амстердам Петр перебрался туда из Заандама. Голландские Штаты дорожили добрыми от-

ношениями с московским правительством и не пожалели денег на почетный и роскошный прием, а ввиду присутствия царя им хотелось щеголянуть особенно. Послов угощали обедами, водили в театр, забывали фейерверком, показывали достопримечательности города. Петр вместе с ними осматривал городскую ратушу, гордость и архитектурную славу Амстердама, воспитательный дом, исправительные заведения, верфи и склады Ост-Индской компании, адмиралтейство. Но всего более любилось царю примерное морское сражение, устроенное в заливе Эй. Две флотилии, каждая из 20 кораблей, не считая мелких судов, разместились в боевом порядке и под непрерывный гул пушечной канонады, от которой дребезжали окна не только в самом городе, но и в соседних деревнях, вступили в маневренный бой: нападая, ускользя от врага, сближаясь, схватываясь на абордаж. Петр был в полном восторге. Но и тут, как везде, в тех случаях, когда что-нибудь его сильно захватывало, он не мог остаться простым только зрителем: в разгаре битвы он перешел с яхты, с которой наблюдал за сражением, на один из боевых кораблей и постоянно направлял его туда, где гуще был дым и где дело принимало более горячий оборот.

Но кончились праздники, и Петр с удвоенной энергией принялся за дело, ради которого и ехал в Голландию. В Амстердаме он устроился на верфях Ост-Индской компании и вплотную принялся за работу. Ему хотелось проследить, главным образом, процесс постройки военного фрегата, начиная с закладки и кончая выводом его из доков, и притом проследить не простым зрителем, но и приняв в работе деятельное участие самому, пройдя на практике, в качестве мастерового, все формы и ступени этого сложного дела. Удовлетворяя желаниям высокого гостя, компания нарочно заложила новый фрегат «Святые апостолы Петр и Павел», устроив царю помещение на самой верфи, так как царь непременно желал находиться возможно ближе к работам.

На верфях он поступил под начало корабельного мастера Геррита Клааса Пооля и учился у него 4 с лишним месяца. Учение заключалось в усвоении малейших деталей плотничьего искусства, поскольку таковые были необходимы при постройке кораблей. Аттестат, выданный впоследствии Поолем царю, перечисляет, чему именно учился «Питер-Баас» (так звали в Голландии Петра). Это были: связывание, заколачивание, сплачивание, поднимание, прилаживание, натягивание, плетение, конопачение, стругание, буравление, распилка, мощение и осмолка. Уроки Пооля, несомненно, были полезны: они выра-

ботали практическую сметку, хороший глазомер, ловкость в обращении с инструментом, прочное знакомство с реальной стороной предмета; но Петр вскоре почувствовал, что этого недостаточно, что важно знать не только как делается то или иное, но и почему, в силу чего так, а не иначе. Уроки Клааса Пооля не объединялись в стройную систему фактов; в работе голландских мастеров Петр не находил основных принципов, руководящего начала. Долговременной практикой мастера эти набили себе руку, наметали глаз, но чужды были теоретических оснований своего дела. Не было даже выработано общепринятых размеров для отдельных типов судов: каждый строил по своему образцу и личному усмотрению.

Дептфорд. В поисках теории Петр поехал в январе 1698 г. в Англию и поселился в городе Дептфорде, знаменитом своими доками. Дептфорд, давно уже слившийся с Лондоном, § в ту пору отстоял от него в 9 верстах, и здесь русский царь, действительно, нашел, что искал. Здесь уже нет прежнего «Питера-Бааса». Топор и рубанок отложены в сторону: к ним прикасаются редко. Царь не столько стругал и обтесывал в Дептфорде, сколько всматривался, расспрашивал и наблюдал, выясняя теоретическую сторону судостроения, в духе той главной побудительной цели, что привела его в Англию. К тому же в Редрифе, нарочно для царя, и без того велась постройка корабля, давая ему полную возможность проследить также и практическое приложение теоретических правил. Обучал Петра в этой области А. Дин (Deen), комиссар и инспектор флота. Английская школа удовлетворила царя вполне. Позже он не раз заявлял, что без поездки в Англию так бы ему и остаться на всю жизнь простым пачкуном, без надлежащего знания в деле кораблестроения.

Разнообразие интересов

Голландия. Ни в Голландии, ни в Англии царь, однако, не ограничивался одним корабельным делом. Его широкий разносторонний ум требовал себе самой разнообразной пищи. В Голландии славился в ту пору профессор Рейш, достигший в сохранении трупов путем инъекции большой степени совершенства. Петр проводил в его анатомическом кабинете целые часы за рассматриванием препаратов. Он с восхищением присутствовал на его лекциях, сопровождавшихся демонстрациями, помногу раз посещал госпиталь, где Рейш производил больным

хирургические операции. Русский царь родился не в «нервный» век и совершенно спокойно следил за тем, что у другого непривычного вызвало бы крик ужаса. Он не задумываясь целует трупик ребенка, понравившийся ему своей жизненностью и улыбкой на губах; он сделает еще более: нарочно попросит голландское правительство доставить ему возможность лично познакомиться с формами казней, применяемых в стране к преступникам, — наполовину высунувшись из окна, с напряженным вниманием, вперив глаза, станет следить за тем, как отрезают голову одним, вздергивают на веревке других, бьют кнутом и клеймят третьих.

А рядом с этим — занятия самого мирного характера: посещение ботанического сада, внимательный осмотр богатой коллекции архитектора Шейнфета по естественной истории, еще более богатого собрания в музее Я. Вильде египетских, греческих и римских монет, камей, разного рода статуй, предметов религиозного культа. В механической мастерской Ван-дер-Гейденов, отца и сына, царь войдет в детали устройства пожарной машины новой системы, а у себя в спальне засядет с Шхонбеком и станет брать уроки гравирования. Специальная поездка в Дельфт была вызвана желанием посетить местные оружейные магазины и видеть зоолога Левенгука, открывшего инфузорий и целый новый мир животной жизни под микроскопом. Целых два часа с напряженным вниманием следит увлекающийся царь за движением крови по капиллярным трубкам у рыб, рассматривает устройство микроскопов, ранее никогда им не виденных, и знакомится с теорией Левенгука о невозможности самопроизвольного зарождения. На одном из городских бастионов гостеприимные хозяева Амстердама нарочно устроили для царя маленькую обсерваторию и вызвали из Роттердама для объяснений астронома Гартцекера; они же дали ему случай видеть способ подъема военных кораблей с помощью плашкоута и неоднократно присутствовать на артиллерийском ученье.

В конце XVII ст. Голландия находилась в расцвете своей промышленности и торговли: отдаленные колонии обогащали ее жителей; культурное развитие страны стояло очень высоко, с чувством законной гордости и патриотического воодушевления смотрели голландцы на отпор, данный могущественнейшему государю Европы и обеспечивший им политическую свободу; жизнь всюду была ключом, а общий духовный подъем страны сказывался в той жизнерадостной работе, довольстве и бодром направлении духа, какое проникало все слои тогдашнего общества. И этот поток захватил собой Петра.

Разобраться во многом, конечно, было ему еще не по силам; во многих явлениях, какие приходилось наблюдать, он еще не отдавал себе вполне ясного отчета, и причинная связь явлений во многом еще ускользала от него. Да многое, наконец, прямо скажем, прошло мимо. Как наблюдателя, Петра не остановили ни своеобразный политический строй Голландского государства, ни его еще более своеобразные корпоративные учреждения, ни широкая автономия классов, ни самодеятельность голландского общества. Духовная сторона жизни Голландии осталась ему во многом чужда. Страна Рембрандта и Фр. Гальса для него не существовала. Казалось, такие художники, как Вуверман, ван Остаде, Ян Стеен, чей жанр был столь близок ко вкусу царя, сами по себе должны были привлечь к себе; между тем на это не сохранилось никаких указаний: лучшей картиной для Петра служила сама Голландия, живая, не на полотне, во всем разнообразии своей оригинальной жизни и обстановки. Нечего уже и говорить о явлениях литературных.

Зато тем резче бросалось Петру в глаза материальное богатство Голландии, обширные размеры ее торговли, ее колоний, доставлявших в Европу невиданные диковинки, тысячи судов, бороздивших океан. Из грязной бедной Москвы, похожей скорее на большую деревню, чем на город в западноевропейском представлении, царственный путешественник точно силой волшебства очутился в обстановке, говорившей прежде всего о прочной, сильной культуре. Реальная сторона этой культуры, главным образом, и слепила глаза. В этом отношении Петр мало отличался от того провинциала, который, впервые покинув свой угол, попадает в круговорот шумной столичной жизни и, оторопелый, жадно набрасывается на все, что предлагает ему богатый город, не зная, за какой предмет ухватиться, какой выбрать.

Англия. В Англии Петр с наслаждением следил за отливкой пушек в Вульвиче, стрелял там из орудий, метал бомбы, осматривал мастерские для выделки пороха и огнестрельных снарядов. В конце марта царя повезли в Портсмут смотреть корабли. Грозный вид морских гигантов, внушительные размеры вооружения произвели на Петра сильное впечатление, а морские маневры, разыгранные на Спитгейдском рейде с участием 12 судов привели его в неописуемый восторг, и он с неподдельной искренностью тут же заявил, что положение адмирала английского флота для него куда выше и заманчивее сана русского государя.

В Лондоне он побывал в парламенте, осмотрел музеи, обсерваторию, арсенал в Тауэре, съездил в Оксфорд, Виндзор. Особенно заинтересовал царя монетный двор. Действительно, поучительного там для Петра было немало: чистая, отчетливая чеканка резко бросалась в глаза при сравнении с неопрятными рублями и копейками московского изделия. Увлекся он и часовым мастерством, даже добился умения безукоризненно собирать и разбирать механизмы.

Вообще, механическая, материальная сторона западноевропейской культуры и в Англии стоит для Петра на первом плане. В Кенсингтонском дворце, резиденции короля, он проходит мимо чудных произведений живописи, совсем не обращая на них внимания, зато в восхищении останавливается тут же перед прибором, показывающим направление ветра. Английскому королю Вильгельму III казалось диким и странным в царя полное безразличие к красоте природы, отсутствие архитектурного вкуса; и действительно, царь охотнее следил за движением кузнечного молота или за выделкой оружия в мастерской оружейника. В области технических ремесел он присматривался, охотно поучался всему: усталость здесь была ему неизвестна; от него не ускользнул даже способ сколачивания гробов, и он заказал один такой гроб, приказав его отправить в Россию для образца.

Вопросы религии. Была еще одна сторона, которой Петр не остался чужд за границей, — это вопросы религиозные. Система английского вероучения заинтересовала его, он познакомился с архиепископом Кентерберийским, бывал у него не однажды, присутствовал на богослужении и вообще оказывал английскому духовенству знаки внимания, которых от него, как иноверца, к тому же русского, никак не ожидали. Епископ Солсберийский Бернет вел с ним, с помощью переводчика, длинные беседы, выясняя ему основоположения англиканства и нравственно-социальное значение христианства в человеческой жизни. Бернет не ожидал встретить у московского царя таких солидных знаний по кругу богословских вопросов вообще и такой начитанности в Священном Писании в частности, какие выказал его царственный собеседник.

Квакеры. Иезуиты. Английским квакерам также удалось заинтересовать русского царя: Петр с удовольствием ознакомился с их учением, был однажды на их собрании. Принципы «друзей», по-видимому, глубоко запали ему в душу — ведь их

• учение являлось такой яркой антитезой тому политическому и социальному средо, какой носил в своем сознании сам он! Убеждений Петра квакеры не переделали, но московский дикарь все же сумел оценить благородную простоту и возвышенность их учения.

Царь в Вене проявил живой интерес к местной церкви: слушал обедню и проповедь у иезуитов, завтракал с ними и вел беседы на религиозные темы. Любезность царя, проявленные им внешние знаки благочестия дали пищу общественным толкам. Как в Англии уже шла речь о готовности его принять протестантство, так и в Вене пылкие головы были готовы видеть недалеким день соединения Православной и Римской церквей.

Распад антитурецкой лиги

Набираясь за границей знаний, вбирая в себя, подобно пористой губке, все, что встречалось ему на пути, Петр не забывал и другой цели своей поездки, осуществление которой возложено было непосредственно на Великое посольство: привлечь европейские державы к борьбе с турками. Но тут его ждало горькое разочарование. Назревала война за Испанское наследство, и в Европе намечались совсем иные группировки.

Между тем как раз перед поездкой Петра за границу русское правительство заключило с цесарем и Венецианской республикой союзный договор, возлагавший на три державы обязательство в течение трех ближайших лет действовать в турецком вопросе сообща и не только не заключать с Турцией сепаратного мира, но и самое обсуждение мирных условий, в случае предложения таковых, вести непременно совместно (1697 г., января 29). Однако еще в Англии царь получил тревожные известия о намерении союзников нарушить свои обязательства. Оказалось, что и с королем Вильгельмом Стамбул завел секретные переговоры.

Чтобы парировать удар, Петр поспешил со своими посланиями в Вену, но здесь горькая истина обнажилась перед ним еще полнее. Царя и послов чествовали парадными обедами, маскарадами, развлекали и угощали, как умели, но деловую сторону приезда свели к нулю: к программе Великого посольства отнеслись более чем холодно. Петр понял, что его обошли и что надежда утвердиться на берегах Азовского и Черного морей при содействии союзников разлетается, как дым. Таков был первый урок, полученный Петром на дипломатическом поприще.

¹ См. выше.

Из Вены Петр собирался было ехать в Венецию, но известие о стрелецком бунте, жгучая опасность, грозившая престолу, всему его будущему, заставили Петра спешно возвращаться домой. Впрочем, узнав во время пути, что бунт уже подавлен, он несколько задержался в дороге, в местечке Раве, для свидания с новым королем польским, Августом II.

Свидание в Раве

Со смертью в Польше короля Яна Собеского (1696 г., июня 7) престол стал вакантным, и в стране началась обычная для нее в таких случаях предвыборная горячка, состязание претендентов на освободившуюся корону. Главными соискателями ее явились саксонский курфюрст Фридрих Август и французский принц Конти. Первого поддерживала Австрия, второго Франция единодушно с Турцией, так как в польских делах обе эти державы обычно действовали заодно. Последнее обстоятельство делало для Москвы кандидатуру Конти совершенно неприемлемой, между тем шансы на выбор у принца имелись громадные, что побудило русское правительство двинуть войска к польско-литовской границе и открыто заявить, что, в случае избрания Конти, оно введет их в пределы Речи Посполитой. В конечном результате выбор пал на Фридриха Августа (польским королем история его знает как Августа II) под несомненным давлением России (1697 г., июня 17). Теперь, год спустя после избрания, Петру предстояло свести с королем личное знакомство.

Четырехдневные гостины в Раве (31 июля—4 августа) прошли в пышных обедах и ужинах, в маневрах саксонских войск. Гость и хозяин очень быстро сошлись, и гость проникся большой симпатией к хозяину. На прощанье тот и другой обменялись подарками; царь предложил новому другу целый ворох соболей; король — драгоценное алмазное кольцо. Кроме того, они обменялись своими шпагами в знак верной и прочной дружбы.

В данном случае шпаги имели право на символическое значение. Свидание двух государей не свелось к одним банкетам и маневрам: на празднествах в Раве нашлось место и политическому разговору, может быть, даже наиболее серьезному из всех, какие вел русский царь за все время заграничной поездки. За последние полтора года Петр многому научился и смотрел уже иными глазами на взаимные отношения европейских государств. Дипломатическое поражение, понесенное Великим посольством, многое раскрыло ему. Антиоттоманская лига доживала свой век, и рассчитывать на нее было напрасно; Керчь

ускользала из рук, и дальнейшие планы приходилось строить на иных основаниях. Не было ничего невероятного в том, что придется довольствоваться одним Азовом. Хотя третий посол из состава Великого посольства, думный дьяк П. Б. Возницын, и поехал на съезд в Карловцы добиваться Керченской крепости, но кто знает, добьется ли? Если союзники подпишут с султаном сепаратный мир, тогда сговориться с турками станет, разумеется, много труднее.

По-видимому, здесь, в Раве, у молодого царя впервые явилась серьезная мысль о перенесении центра военных действий с юга на север. У Августа были свои особые виды на шведскую Лифляндию; в русском царе он видел ценного союзника, и, надо думать, именно он первый подал Петру мысль о совместной борьбе с давним и общим для России и Польши врагом.

Вопрос о Швеции в Раве, несомненно, был затронут; к сожалению, нам неизвестны подробности переговоров. По позднейшему свидетельству Петра, Август, будучи с ним на вечере у саксонского генерала Флемминга, просил русского царя, в случае чего, оказать ему помощь против поляков, на что тот, отвечая согласием, в свою очередь, просил помочь отомстить обиду, нанесенную Дальбергом в Риге. «Итак, друг другу обещались крепкими словами о дружбе без письменного обязательства».

В свои 26 лет, при впечатлительности и пылком, подвижном характере, Петр был еще недостаточно опытен в жизни, чтобы умело разбираться в людях. Лживая натура Августа, этого царственного авантюриста, воспитанного на интригах и криводушии, беспринципного гуляки и позера, еще не успела развернуться перед ним во всей своей наготе. Август прельстил Петра грубой откровенностью речи, ловко маскировавшей сознательную хитрость человека «себе на уме»; царю понравилась его «широкая натура», физическая сила. Фактически ставленник русского царя, обязанный ему престолом, польский король умел льстить Петру, держал себя добрым товарищем в попойке. Он первый и пока единственный из государей Европы сумел приноровиться ко вкусам и настроению царя. Это не холодно-вежливый Вильгельм Оранский, король Англии и одновременно штатгальтер Голландии; не чопорный, помешанный на этикете император Леопольд I. С теми не потягаешься в силе, не станешь состязаться и гнуть подковы, сворачивать за обедом в трубку серебряные тарелки. А вернуть старые русские города на побережье Финского залива — да ведь это давнишняя мечта деда и отца! Сосед обещает поддержку... Зачем же упускать хороший случай? Да и в Кенингсберг, в передний проезд, в

гостях у курфюрста Бранденбургского, разве его не уговаривали вступить в союз против Швеции? Значит, и с этой стороны он не останется одиноким!

Но хорошо ли рассчитал Петр? Хорошо ли разобрался в политических конъюнктурах? Он упустил из виду, что союз предлагает ему не «польский король», а «курфюрст Саксонский», бессильный в делах шведских, сама же Польша планам Августа и Петра окажет скорее противодействие, чем поддержку. Мог ли быть надежен, более того, безопасен союз московского царя с королем того народа, который весь, можно сказать, пропитан был ненавистью к России? Август встречал русского царя как лучшего своего друга, а его новые подданные дожидаться не могли, когда этот «друг» выедет из пределов Речи Посполитой, из опасения, как бы ему не бросились в глаза недостатки польского войска и вообще слабые стороны государства, столь раздираемого партийными усобицами.

Рознь немецких и польских интересов была полная. В Рава Петр находился в кругу одних саксонцев; из Кракова до Львова его конвоировала сотня саксонских же драгун, к беседам двух государей поляки отнеслись с крайним подозрением; одно уже появление на польской территории царя, раньше категорически заявлявшего, что его ноги никогда там не будет, было достаточно для подозрений. К тому же, по-видимому, и с русской, и с немецкой стороны мало сдерживались, резко и оскорбительно высказываясь по адресу поляков.

Как бы ни было, но свидание в Рава подогрело неприязненное чувство, вынесенное царем из прошлогодного пребывания в Риге; сильней заговорили воспоминания о том, что Петр называл «обидой». Вообще Рава стала поворотным пунктом в умонастроении Петра. Советы Августа Польского, направляя мысли царя в сторону Балтийского моря, получили особенный вес, когда вскоре выяснилось, что Возницыну в Карловичах заключить мира с турками не удалось и пришлось довольствоваться перемирием на два года (1699 г., января 29): в вопросе о Керчи Оттоманская Порта упорствовала и теперь, разделившись с главным противником, императором германским, очевидно, тем меньше уступчивости проявит спустя эти два года.

Возвращение домой

Звонили к вечерне, когда на исходе дня, 25 августа 1698 г., после полугодового отсутствия Петр вернулся в свою столицу. Желая до конца остаться на положении «десятника»,

простого члена посольской свиты, он, как подчиненный, предварительно проводил послов, Лефорта и Головина, до их поместий и уже потом только поехал к себе домой. Но он поехал не в Кремль, где напрасно ожидала его жена, а в свой любимый Преображенский дворец.

Многое переменилось в Москве за время отсутствия царя, но и сам он вернулся не тем, каким поехал за границу. Петр возвращался под тягостным впечатлением известий о стрелецком бунте, полный мстительной ненависти к стрельцам, этим ненавистным еще с детства врагам своим; оскорбленный их новым посягновением; возвращался с нетерпеливым решением вытравить с корнем как их самих, так и тот дух, что породил и питал этих своевольников, видя в них не только личных врагов, но и врагов государства. Москва не догадывалась, что ее ждет, а ее ждал — царский террор.

Ж. Стрелецкий бунт

Заговор на жизнь Петра

Еще до отъезда за границу над головой Петра стали собираться грозные тучи. Поведение царя давно уже вызывало глухой ропот, русское общество давно уже с чувством горечи смотрело на «якшанье» православного государя с иноверцами, на его потехи, не обходившиеся без крови и без жертв, на его открытое высмеивание старины, прадедовских обычаев, на дерзкие поступки, доходившие до явного кощунства. Своим поведением Петр в глазах общества, громадного большинства, унижал достоинство царского сана, колебал самые основы, на которых зиждилось верноподданническое чувство благоговения к своим государям. Русским людям оскорбительно было видеть властителя Русской земли, боговенчанного царя, в положении обычного смертного, его разъезды по городу с шумной и разгульной ватагой, его частые отлучки из города, чтобы ехать невесть куда. Завоевание Азова было, действительно, праздником; но старики неодобрительно качали головой, смотря на то, как во время торжественного вступления войск в столицу, под грохот пушечных выстрелов, под звуки литавр и бой барабанов царь шел пешком простым капитаном впереди своей роты, тогда как иноземец Лефорт ехал перед ним в раззолоченных санях, на положении главного действующего лица всего торжества. Царю ставили на вид приближение к себе худородных людей, сетовали на то, что, предавшись потехам, он не радел о делах, ближние

же бояре творили-де что угодно; упрекали царя и в том, что он бросил семью, не живет во дворце. Пошли слухи, будто государь сам ведет в Преображенском розыск, сам пытается и казнит. Нашлись смелые люди (монах Авраамий, бывший келарь Троице-Сергиева монастыря), пытавшиеся, путем подачи челобитной, направить царя на истинный путь; но Петр считался с одной лишь своей волей и, самодержавно пренебрегая традициями старины, с презрением бросал обществу вызов. И общество не замедлило дать на него свой ответ.

Намерение царя ехать за границу явилось последней каплей, переполнившей чашу. Воображению благочестивого русского человека Запад вообще рисовался скоплением разной нечисти и греха. Необходима была наличность очень веских и побудительных причин, чтоб заставить русских людей XVII в. перешагнуть рубеж родной земли. Для этого требовалось разрешение и благословение духовных властей. Придерживаясь буквального текста Священного Писания, воспрещавшего детям Израиля, во избежание заразы идолопоклонства, иметь общение с народами, окрест живущими, русские послы, вынужденные ехать к иноземным дворам, обыкновенно оставляли своих сыновей дома, не брали с собой.

Нашлись фанатики, на этот раз из среды высшего общества, решившиеся поднять руку на царя: окольничий Соковнин, столь же фанатично, как и сестра его, боярыня Морозова, готовый постоять за старую веру и старые обычаи; сват его, боярин Пушкин, оказавший сопротивление посылке своих детей в учебу за границу, и стрелецкий полковник Циклер, обрусевший иноземец, обиженный назначением его на дальнюю окраину строить гавань Таганрог. Заговор был открыт, заговорщики, все трое, совместно с их соучастниками, были казнены, но еще перед казнью, на следствии, Циклер признался, что еще в правление царевны Софьи, она, царевна, и ее правая рука, боярин Иван Михайлович Милославский, подговаривали его убить царя.

При этом известии «у Петра отуманилась голова, ему захотелось достать Ивана Милославского, хотя мертвого; ему захотелось угостить сестру, дочь Милославской» (Соловьев). Мстительное чувство овладело Петром. Гроб с разложившимся трупом Милославского — боярин умер в 1685 г. — был выкопан из могилы, привезен на свиньях в Преображенское и поставлен у плах так, что кровь казнимых падала в гроб и точила на труп. Надруганье превзошло всякую меру; месть была жестокая, изощренная, но умы она не успокоила, лишь усилила раздражение,

и год спустя возбуждение народное нашло себе выход в открытом бунте стрельцов.

Стрелецкий бунт

Продолжая свое заграничное путешествие, Петр в Вене думал закончить его посещением Венеции и уже собирался ехать туда, посмотреть, как стоит корабельное дело там, и уже оттуда возвращаться домой; под обаянием виденного за границей он мысленно уже приступал к преобразованиям, уже перedelывал Россию на европейский лад; уже готовились экипажи, чтобы садиться и ехать в гости к «царице Адриатики», которая, в свою очередь, тоже готовилась к встрече высокого гостя — как вдруг Петра неожиданно остановила страшная весть о стрельцком бунте, о том, что стрельцы двинулись на Москву и готовятся свергнуть бояр, поставленных им на время своего отсутствия во главе правления, хотят захватить власть и распорядиться ею по-своему...

При этой вести Петр задрожал, но не от страха, как в те незабываемые, майские дни, когда десятилетним ребенком он стоял на Красном крыльце и стрельцы вырывали из его рук несчастного старика Матвеева; как в ту памятную ночь на 8 августа 1689 г., когда, уже семнадцатилетним юношей, но также полный страха и нервного потрясения, он спасался от них бегством из Преображенского дворца под сень Троицкой лавры — он задрожал от гнева, от негодования, от оскорбления, наносимого ему теперь как государю. О, эти стрельцы вечно стоят ему поперек дороги! И разве не пахло ими в прошлогоднем заговоре на его жизнь, перед отъездом его за границу? Как же он ответит на этот новый вызов? Теперь из мальчика, юноши став самостоятельным государем, он не остановится ни перед чем, чтобы раз навсегда обезвредить это змеиное гнездо, раздавить его и разделаться с ним окончательно.

Стрельцы, действительно, взбунтовались. Удаленные из стрелы (по низложению царевны Софьи), лишенные прежнего привилегированного положения царской гвардии и рассованные по глухим отдаленным местам, — в Азове, на литовской границе — на скудном жалованьи, они предчувствовали, что как войско их рано или поздно все равно уничтожат. Между тем из Москвы до них стали доходить вести одна другой тревожнее: будто царь за границей обасурманился, переменял веру, изменил родине; будто бояре собираются удушить царевича Алексея, сына Петра. Замешалось и имя царевны Софьи, — имя, нераз-

рывно связанное с именем стрельцов по воспоминаниям 82 и 89 гг.: говорили, будто она зовет их освободить ее из заточения, хочет взять власть в свои руки. Слухи подействовали: стрельцы двинулись к столице, но под Воскресенским монастырем царское войско встретило мятежников, без особого труда разбило их, подавив бунт в самом корне (17 августа). Начались допросы, пытки, еще до приезда царя; многих казнили, многих разослали по тюрьмам или засадили в монастыри под стражу.

Но Петр не удовлетворился этим. Следствие, по его мнению, не было доведено до конца. Ему чудилось, что «растет семя Ивана Михайловича», и он решил с корнем вырвать его, хотя бы это стоило потоков крови. Тотчас по возвращении в Москву он возобновил розыск и повел его с небывалой строгостью, дав полный простор своему гневу и жестокому чувству, охватившему его. Все, что накопилось едкого и болезненного и связано было в прошлом с ненавистным именем стрельцов, сгустилось и сосредоточилось на одной тяжелой, упорной мысли: немилосердно распорядиться с виновными, не давая им никакой пощады. И, действительно, с приездом царя Москву ожидал настоящий террор.

Расправа

На следствии, которое вел сам Петр, плохо доверяя беспристрастию своих непосредственных помощников по управлению государством, свыше 1 700 человек было подвергнуто пыткам; застенки работали изо дня в день, в течение всего сентября и октября и, казалось, не могли насытиться пролитой кровью. Есть известие, что сам царь собственноручно отсек голову пятерым стрельцам и что его примеру должны были последовать и некоторые из приближенных: князь Голицын, Борис, рубил неумело и еще больше мучил несчастного; зато Алексашка Меншиков хвастался, что отрубил головы двадцати стрельцам. Впрочем, Лефорт и барон Блюмберг отказались взять на себя обязанности палача, отговорившись тем, что это не в обычае на их родине. Сидя верхом на лошади Петр следил за совершением казни и торопил ее исполнением, гневаясь на невольное волнение, с каким иные пускали в ход непривычный им топор. Стрельцов вешали всюду: на стенах Кремля, на крепостном валу, на дорогах, перед окнами Софьиной кельи, у съезжих изб стрелецких, оставляя висеть трупы неубранными по неделям, даже месяцам.

Трудно определить точную цифру погибших, но она далеко заходит за тысячу. Родные казненных стрельцов остались без крова, и никто не смел приютить их у себя. Это было настоящее применение ветхозаветного слова: «кровь да падет на головы чад ваших». Это были настоящие Сулловы проскрипции. Софья, до конца отвергавшая свое участие в стрельцком бунте, была пострижена в монахини в том же Новодевичьем монастыре, в котором жила с 1689 г., а самое войско стрельцкое раскассировано. Террор прекратился, но он оставил по себе страшное зло, и вытравить его оказалось потом невозможным. Уничтожив стрельцкое войско, Петр думал, что покончил с нанавистным врагом, но в действительности за его трупом поднимался новый враг, невидимый, неосязаемый, но многочисленный и еще более опасный. Такие сцены, какие пережила Москва в сентябре и октябре 1698 г., не забываются. При всей своей гениальности Петр допустил непоправимую ошибку: в стрельцком деле он явился не царем, не спокойным, беспристрастным судьей, а мстителем, настоящим палачом. Подобно Ивану Грозному, он смешал дело государственное с делом личным: он не только наказывал государственных преступников, но и вымещал на них тяжелые минуты, некогда пережитые из-за них в раннем детстве и молодости. Уничтожая стрельцов, Петр думал, что тем самым разрывает связь с прошлым и обеспечивает новую жизнь для России; в действительности же он разрывал связь свою с самой Россией. Он бросил перчатку старой московской партии, и та подняла ее. Недаром стала складываться легенда, будто настоящий царь умер за морем, что в «немецкой» земле его заковали в бочку и пустили в море, что вместо него вернулся другой, подставной, какой-то немчин, и что это есть не кто иной, как скрытый антихрист, а та горячка, что охватила страстную натуру Петра, что распалила его иступленным гневом против стрельцов, лишь подтверждала мнения недовольных. Петр же новыми мерами точно хотел усилить и оправдать эти невежественные толки.

3. Перед войной

Ломка старины

В 1698 г. Петру шел 27-й год. Он был в ту пору человек уже вполне сложившийся, с установившимися если еще не взглядами, убеждениями, то характером и привычками; если еще не программой действий, то приемами и способами ее

осуществления. Еще много раньше, «выйдя на улицу» и «якшаясь» с иноземцами из Немецкой слободы, с кораблей, приходивших в Архангельск, он возненавидел родную старину и круто порвал с ней. Старина прежде всего лично стесняла его, мешала свободе действий; а кроме того, отталкивала и сама по себе, при сравнении с тем, что он увидел в среде иноземной. Сломить эту старину — вот мысль, постепенно крепшая в голове царя. Теперь, после поездки за границу, она созрела в нем окончательно, Царь собирался сделать из России европейское государство, старина стояла ему поперек дороги, и он, не мешкая ни одного лишнего дня, принялся за ломку. Но пока что он мог именно только ломать. Намеченное им превращение требовало долгих лет, а ему не терпелось, хотелось поскорее, хотя бы внешне, сделать своих подданных европейцами.

На другой же день по приезде из-за границы, на первом же приеме явившихся к нему с поклоном бояр он схватил ножницы и стал им резать бороды и укорачивать длинные полы их кафтанов. Право носить бороду оставлено было за духовенством и крестьянами, остальные могли покупать это право, внося особую, довольно высокую пошлину. Другим указом русским людям велено было одеться в короткое «немецкое» платье. Точно так же вслед за возвращением в Москву Петр удалил из дворца свою жену Евдокию и насильно постриг ее в монахини. С 1700 г. новый год было велено считать не с 1 сентября, как раньше, а с 1 января, по примеру европейских стран.

Ломка началась и вызвала сильное раздражение. Так как новое столетие, по старому счету, начиналось с 8 сентября 1692 г. ($5508 + 1692 = 7200$), т. е. на восемь лет раньше того, как теперь, с 1700 г., пришлось считать его, то в народе стали говорить, что царь «у Бога восемь лет украл». Но особенно сильный протест вызвали указы о брадобритии и ношении короткого, «кургузого», как его стали презрительно называть, платья.

Некультурный человек свои заимствования у культурного начинает прежде всего с внешнего, это общее явление. Неудивительно, если и Петр, очарованный Западом, в желании подойти к своему идеалу, начал с внешности. Он только не рассчитал одного: борода и длиннополое платье были для русских XVII в. символом национальности, православия, нравственности, т. е. наиболее священного, наиболее дорогого. Вопрос иной, правилен или ложен был такой взгляд, но факт оставался фактом, и не считаться с ним было опасно. Насилие над обычаем,

над дорогими человеку устоями обыкновенно дает результаты диаметрально противоположные тем, каких ожидают и добиваются. Насилие, наоборот, возведет в догмат явление временное и само по себе преходящее. Не так думал Петр; сломить убеждение казалось ему так же легко и законно, как тот обрубок дерева, который в его руках и под его ножом принимал ту или иную угодную ему форму.

Зато как же он и поплатился за свою ошибку! Какую массу недовольных создал он! Сколько препятствий в будущем выросло ему на пути, все из-за этой бороды и «кургузого» платья!.. То, что пало бы со временем само собой, теперь стало знаменем, вдохновлявшим толпы недовольных. Если и справедливо, что борода и длинный кафтан прежде отдаляли русского человека от европейца, то своей реформой Петр настолько омерзил бритый подбородок и короткий костюм в глазах далеко не малой части русского общества, что — вполне понятная психологическая ошибка — все, что виднелось за ними, — вся европейская культура, уже совершенно становилось мерзким и неприемлемым. Посягая на внешность, русский царь не понял, что он посягает вместе с тем и на внутренний духовный мир своих подданных.

Ведь в то время, как он с такой нетерпимостью преследовал бороду, другой авторитетный голос, и в делах старины и обычаев, пожалуй, даже более авторитетный, обращался к русскому человеку с требованием прямо противоположным. Патриарх Адриан окружным посланием запрещал брить и подстригать бороды, грозя ослушникам карой небесной. Русский человек очутился в клещах: царь запрещал носить бороду, а верховный святитель церкви — сбривать ее. Борода, пояснял патр. Адриан, украшение, дарованное людям самим Господом Богом; брадобритие — грех смертный, уподобление еретикам, псам и котам. Взгляните на икону Страшного суда: одесную Христа праведные, с бородой, ошую — басурманы, люторы, поляки; всем им дорога в ад кромешный — такую ли участь хотите уготовить себе и вы?

Неудивительно, если дело коснулось спасения души, то голос патриарха перевесил, и царь в громадном большинстве населения встретил ожесточенный отпор своему указу. Конечно, тот старовер, который, будучи вынужден сбрить свою бороду, бережно носил ее в течение всей своей остальной жизни за пазухой и заклинал похоронить его вместе с ней, чтобы предстать на Страшном суде пред Господом, как подобает верующему и добропорядочному человеку, — такой старовер может вызвать в нас улыбку, мы, вероятно, назовем его взгляд близоруким,

однако и точку зрения Петра на бритый подбородок назвать дальновидной тоже нельзя. Своей «реформой» царь наглядно показал, что он был истинный сын своего века, придавая такое важное значение форме и внешности.

Беда в том, что такая «реформа» явилась особенно некстати: русский государь собирался поднять меч против своего соседа; и для успеха в предстоящей войне, неожиданно затянувшейся на очень долгие годы, необходимо было более, чем когда, найти во всех классах русского народа духовное единение и дружную совместную работу. И этого драгоценного единения царя со своим народом Петр, не подозревая того, сам лишил себя.

Подготовка к войне

Мы видели, как свидание в Раве с польским королем натолкнуло Петра на мысль о войне с Швецией. Твердого решения тогда у него еще не сложилось, но желание схватиться с северным соседом, несомненно, уже проявилось, Август же продолжал поддерживать его в этом желании и после свидания в Раве. К нему примкнул датский король Кристиан V. Начались переговоры о заключении тройственного союза; в Москву зачастили дипломатические агенты польского короля, явные и тайные; король датский держал своего посла при русском дворе (Гейнса) еще с 1697 г. Петр шел навстречу предложениям, но он еще не развязался с Турцией, предстояло двухлетнее перемирие, заключенное в Карловцах, превратить в прочный мир, чтоб не рисковать вести две войны одновременно.

Поведение царя в ближайшие месяцы по возвращении из-за границы допускало бы предположение, что Керчи он решил добиваться во что бы то ни стало. Едва расправившись со стрельцами, он уже спешил в Воронеж, где в его отсутствие все полтора года производилась усиленная постройка кораблей. Свой флот царь нашел «в изрядном состоянии»; но, не довольствуясь достигнутым, энергично принялся за продолжение начатого. Два месяца проводит он в Воронеже, лично наблюдает за ходом дела, направляет его; между прочим закладывает и строит по собственным чертежам 60-пушечный, 130 футов длины корабль «Божие Провидение», спускает на воду уже готовые суда. Вернувшись в Москву к Рождественским праздникам, Петр через два месяца снова в Воронеже, за той же работой (с 19 февраля).

И он поступал правильно. *Si vis pacem, para bellum*. Положение было серьезное: оставленный старыми союзниками, царь

стоял теперь один на один перед султаном и должен был быть готовым ко всему. Однако, готовясь, на всякий случай, к войне на юге, мысли своей о Швеции он не оставлял. Финское побережье заслонило перед ним ценность и выгоды обладания далекой черноморской крепостью. Как раз во вторичный приезд свой в Воронеж, в доверительной беседе с представителем дружественной державы царь производил впечатление человека, всецело поглощенного мыслью о предстоящей борьбе со шведами (донесение Гейнса, 18 марта).

При всем том царь продолжает укреплять Азов, едет туда выбирать место для морской гавани и довершает свою работу внушительной демонстрацией, направив целую флотилию новых судов — 10 больших кораблей и 8 других категорий — к Керчи и чуть не силой заставив тамошнего пашу пропустить через пролив военный корабль, на котором, под охраной 46 пушек, отправляя послом в Константинополь думного дьяка Емельяна Украинцева договариваться с турками о мире.

Однако указанные действия Петра, как ни серьезен характер их, именно демонстрация, скорее запугивание турок, чем выражение непреклонного решения прибегнуть, в случае отказа уступить Керчь, к оружию. Посылая Украинцева в августе 1699 г. в Стамбул, Петр уже не думал более о Керчи; но довольствовался Азовом и Казы-Керменем: в ту пору ему уже необходимо стало мириться с турками, потому что как раз в те дни, когда корабль Украинцева впервые коснулся вод Черного моря (28 августа), в Москве подписывался (24 августа) договор с Данией о наступлении против Швеции. Три месяца спустя (11 ноября) такой же договор, в тех же целях был подписан и с Августом, причем Петр обязался, по заключении мира с турками, двинуть свои войска в Ингрию и Карелию не позже апреля 1700 г.

Таким образом, несомненно, война со Швецией решена еще до отъезда Украинцева в Константинополь, известные обязательства перед новыми союзниками, если мир с турками будет заключен, приняты прежде, чем султану дано время произнести последнее слово. Потому-то Петр и стал потом торопить Украинцева с заключением мира; отказавшись от Керчи, царь пошел и на дальнейшие уступки: ограничился одним Азовом, отдавал обратно Казы-Кермен, захваченный боярином Шереметевым еще в поход 1695 г., впрочем, под условием, чтобы стены ее были предварительно снесены, чтобы вообще разорены были все городки, лежавшие по Днепру, а полоса земли от Запорожской Сечи до Очакова лежала впусе и лишь

номинально считалась под властью султана. Расположенный на низовьях Днепра, на расстоянии одного ночного перехода от Перекопа, Казы-Кермен в руках русских являлся бы постоянной угрозой Крыму. За эту уступку турки перестали настаивать на обязательной посылке Крымскому хану обычных в старое время унижительных для Московского правительства «поминок» (хотя они и носили вид добровольной «царской милости»).

Готовясь к войне, царь занялся созданием регулярной армии, так называемых новоприборных полков. Полки Преображенский и Семеновский к тому времени уже были обучены применительно к европейским порядкам: теперь, на тех же основаниях, стали комплектовать новые полки, составляя их, главным образом, из охочих людей. Сюда шел всякий сброд, «вольница», вольноотпущенные крестьяне и холопы: из холопов царь разрешил принимать даже и беглых, явившихся без согласия своих господ, против их воли: с набором торопились, в солдатах нуждались. В ноябре 1699 г., подписывая соглашение с Августом, польским королем, царь издал указ (17 ноября) о наборе даточных. «Через три месяца начали появляться первые полки „прямого регулярного войска“, а через восемь месяцев после указа об их создании, они, не толпой иноземного строя, а правильно устроенными полками, разделенными на дивизии, генеральства, отряды, двинуты к границам» (Пузыревский, 68). Главную опору, основное ядро русской армии составили 30 полков, по 1000 человек в каждом, сведенные в три генеральства. Во главе этих генеральств мы видим, за исключением одного уже знакомого нам генерала А. И. Головина, новых лиц: Адама Вейде и князя Аникиту Репнина. Лефорта давно уже не было в живых: он умер 2 марта 1699 г.; скончался и Гордон в самый разгар военных приготовлений (29 ноября 1699 г.). Петру приходилось искать новых сотрудников; но эти двое новых недолго удержатся на своем посту: при первом же столкновении со шведами, в злосчастный день поражения под Нарвой, они попадут в плен и надолго выйдут из строя.

Меры финансовые. «Деньги суть артерией войны», — скажет впоследствии Петр, но справедливостью этого афоризма он проникся уже теперь. В поисках денег он, еще находясь в Англии, продал маркизу Кармартену за 20 000 фунтов стерлингов право монопольной продажи табака; но это было поступление единовременное и крупного финансового значения не имело. Гораздо важнее было введение гербовой, или, как ее

тогда называли, орленой бумаги: обязательной пошлыны при заключении крепостных актов, купчих крепостей, при подаче прошений и т. п., (указ 23 января 1699 г.).'

В те же дни (30 января) был издан закон, вышедший далеко за пределы мер чисто фискальных и носящий уже характер реформы. Население русских городов издавна жаловалось на злоупотребления местной администрации, на волокиту, чинимую в делах приказными; от притеснений воевод промышленность и торговля несли большие убытки, а это, в свою очередь, сводилось к недоимкам и к ущербу казне. Указом 30 января 1699 г. городам даровано было самоуправление. Гости, посадские, купецкие и промышленные люди изымались из ведения правительственных чинов: сбор и раскладка доходов, а также преступления (впрочем, кроме уголовных) переходили в ведение бурмистров, выбираемых самим населением из своей среды. Выборные органы образовывали в провинциальных городах т. н. Земские избы, а в Москве — Бурмистрскую палату (ратушу), куда должны были сходиться все денежные поступления из городов и расходоваться потом по именному царскому указу.

Мера эта, по мнению законодателя, должна была поднять материальное благосостояние города, сделать его более платежеспособным. В предвидении такого благоприятного результата он спешил теперь же извлечь выгоду, обложив торговых и промышленных людей двойным против прежнего окладом податей. Таким образом, на первый план законодатель поставил интересы не населения, а фиска, — печальная необходимость, с какой ему постоянно потом придется считаться на всем протяжении своего царствования. Городская реформа 1699 г. явилась первой в длинном ряде других реформ, вызванных, как эта, потребностями той войны, в которую готовился вступить теперь Петр.

Война со Швецией готовилась в строгой тайне, и соблюсти ее, действительно, удалось. Как раз в это время • в Москву прибыло шведское посольство для подтверждения Вечного мира, заключенного в Кардисе в 1661 г. Петр был поставлен в щекотливое положение и пошел на сознательный обман: при торжественной обстановке он подтвердил мир, но без принесения обычной в этих случаях клятвы на Евангелии, под предлогом, что таковую однажды он уже дал, в 1684 г. Отказывался же царь, так как знал, что клятву, будь она дана, пришлось бы вскоре все равно нарушить. Нарушить честное слово не побоялись: это был грех светского характера; но

нарушение клятвенного слова было бы преступлением перед Богом, тягостный грех в собственном смысле этого слова — на такой шаг Петр пойти не осмелился.

Чтобы лучше усыпить бдительность шведов, царь объявил весной 1700 г. о своем намерении отправить в Стокгольм великих послов с подтвержденной грамотой, а по скором прибытии их отправил туда на постоянное пребывание при шведском дворе резидентом кн. Хилкова. Великие послы никогда потом не выезжали из Москвы, а Хилков сознательно принесен был в жертву дипломатической изворотливости: едва успел он вручить королю верительные грамоты, как началась война, и он очутился на положении пленного.

И. Великая Северная война

Поражение под Нарвой

Союзники начали войну со Швецией в самом начале 1700 г., т. е. задолго до того, как мир с турками был подписан. Они торопили царя с начатием военных действий, но Петр выдержал эгоистический натиск, остерегся сделать неосторожный шаг, но зато и не стал мешкать, лишь только весть о заключении мира, точнее, тридцатилетнего перемирия (3 июля 1700 г.), дошла из Константинополя до Москвы (8 августа). На другой же день царь отдал приказ войскам двинуться к шведской границе. 18 августа отпраздновали заключение мира, а 19-го последовало объявление войны.

Но война начиналась под неблагоприятными ауспигиями. Царь не успел еще объявить ее шведам, а один из союзников, Дания, уже выбыл из строя. На военном горизонте Европы появился талантливый полководец, почти мальчик, неожиданно-негаданно перетасовавший карты союзников и спутавший все их расчеты. Быстрым натиском Карл XII, молодой — ему было всего 18 лет — король шведский, переправил свои войска через Зунд и появился перед столицей Дании прежде, чем там успели подготовиться к его появлению и где вообще не допускали самой мысли о появлении его под стенами Копенгагена. Дании не оставалось иного выхода, как миром в Травендаале, 8 августа обязаться выйти из коалиции.

В наш век радио и телеграфа о Травендаальском мире в Москве узнали бы, конечно, задолго до 19 августа, дня объявления Россией войны, и тогда — кто знает? — решился ли бы Петр на решительный шаг свой! Но он узнал о несчастье,

постигшем его датского союзника, когда отступить назад было уже поздно. Раздумывать же над местом, куда направить первый удар своих войск, Петру не приходилось: предшествовавшие войны достаточно обозначили его. Это была полоса финского побережья от устьев Невы до устьев Нарвы, территория Яма, Ивангорода и Копорья, из-за которых полтора века шла распря со шведами. Уже по одному тому, что города постоянно переходили из рук в руки, можно судить, какое важное значение и та и другая сторона придавали этой полосе побережья.

Под главным начальством недавно принятого на службу иноземца, герцога де Кроа, русская армия, в 34 000 человек, при 95 орудиях большого калибра, осадила Нарву; но победитель датчан уже спешил сюда с 12-тысячным войском при 38 орудиях, атаковал русские войска, растянувшиеся на крайне неудобной позиции, прорвал центр и вызвал панику среди конницы: кавалерия бросилась в Нарову и при переправе через реку много людей потонуло. Пошатнулась дисциплина; с криком: «Немцы изменили!» русские набросились на иноземцев и стали избивать их. Главнокомандующий, избегая личной опасности, предпочел добровольно сдаться в плен. Между тем фланги, разделенные шведами, действовали несогласованно, одна часть не знала, как действует в данную минуту другая, и русские генералы, опасаясь худшего, решили поступиться артиллерией и капитулировать, при условии сохранения оружия и свободного отступления. Из 38-тысячного войска осталось всего 23 000 (19 ноября).

Поражение русских войск было полное, но шведы обязаны победой не одним талантам своего короля, а также отсутствию дисциплины в войсках, отсутствию инициативы среди начальствующих, отсутствию общего руководства. Там же, где дисциплина и военная выправка были налицо, — налицо была и боеспособность. Преображенцы и семеновцы, заняв Вагенбург, отбили все ожесточенные атаки шведов. Раздраженный сопротивлением правого фланга, Карл XII поставил себе целью во что бы то ни стало сломить упорство „мужиков", усилил свой левый фланг за счет правого, но все попытки короля, лично водившего войска на штурм Вагенбурга, не увенчались успехом» (Пузыревский, 78).

После Нарвы

Поражение под Нарвой сопровождалось не одним материальным ущербом: потерей пушек, убылью в войсках, расстройством

армии, пленом начальных лиц — оно нанесло еще и тяжелый моральный удар. Такая серьезная неудача, притом на первых же порах, вызывала сомнение в собственных силах, порождала растлевающую мысль о неспособности вести далее дело. Сотрудники Петра пали духом; будущее рисовалось им в мрачных красках. Но сам Петр не потерялся, духом не пал. Поражение, казалось, лишь удвоило его обычную энергию, веру в себя, лишь дало новый случай проявить свое величие. Великие люди тем и сильны, что готовы принять одинаково как успех, так и неудачу: успехом умеют пользоваться, а при неудаче не теряются.

Тотчас же закипела работа по укреплению пограничных пунктов на случай вторжения неприятеля в пределы государства, причем работали все: солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто отлынивал от работы или пытался поживиться при общем деле. Немедленно начался набор нового войска; в больших городах, по всему государству, стали снимать с церкви и монастырей колокола, переливать их в пушки, и менее чем через год в распоряжении Петра было уже свыше 300 новых орудий.

Карл XII

В деле восстановления сзоей армии царю немало помог сам шведский король. При вступлении на престол (1697) Карл XII получил богатое военное наследие. Шведская армия выросла в школе Густава-Адольфа, одного из наиболее блестящих полководцев XVII в., закалила себя на полях Померании и Саксонии в 30-летнюю войну и донесла свои блестящие традиции вплоть до XVIII ст., когда судьба поставила во главе ее молодого короля, достойного преемника военных талантов своего великого деда. Но, талантливый полководец, Карл XII был типичным викингом X—XI вв., «последний варяг», как его справедливо называют. Война была для него сама по себе целью; грохот орудийных выстрелов, свист ружейных пуль — самой приятной музыкой. Он презирал опасность, можно сказать, намеренно искал ее; воинская слава и сознание, что он одолел оказанное ему сопротивление, были для него дороже самих результатов победы. Прекрасный тактик, он был плохим стратегом, не говоря уже про то, что в жертву войне и славе он готов был принести интересы государства, стоявшие у него обычно на заднем плане. Легкость, с какой досталась ему под Нарвой победа над Петром, дала ему ложное основание видеть в русском противнике полное ничтожество. Нет, не в победе над царем

проявит он свои военные таланты, действительно незаурядные и богатые! Бросив Петра, Карл все свое внимание обратил на Августа и, по характерному выражению царя, «увяз в Польше».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

КУЛЬТУРА, ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ (1613—1725)

Вместо предисловия

НАУЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАПАДЕ В XVII в.

I. Научные институты

Научная деятельность вызвала к жизни научные институты:

1. Французская Академия наук в Париже, 1633 г. (Academie des Scienes de Paris).

2. Академия естествоиспытателей в Германии, 1652 г. (Academia naturae curiosorum; ныне — Academia Leopoldina—Carolina).

3. Королевское Общество в Лондоне, 1662 г. (Royal Society of London).

4. Академия наук в Берлине, основанная по мысли и плану Лейбница, 1700 г. (Akademie der Wissenschaften).

II. Изобретения

1. Телескоп с увеличением в 30 раз, 1609 г.; первый микроскоп, 1612 г.; воздушный термометр — итальянец Галилей.

2. Логарифмы — шотландец Непир (Nepair), 1614 г., и, еще несколько раньше его, немец Бюрги (Burgi). Логарифмы дали астрономам возможность производить вычисления с той точностью, какая необходима при наблюдениях движения небесных светил.

3. Астрономическая труба, 1630 г. — немец Кеплер.

4. Барометр; усовершенствованный микроскоп — итальянец Торичелли (Toricelli).

5. Воздушный насос, манометр, первая электрическая машина, 1650, 1661, 1672 гг. — немец Герике (Otto Gericke).
6. Часы с маятником — голландец Гюйгенс, 1657 г. Для астрономов эти часы стали необходимым орудием в их работах; без них они никогда не могли бы достигнуть научной точности в своих вычислениях. Позже Гюйгенс изобрел часовую спираль взамен маятника; это повело (1674) к устройству переносных часов (хронометр).
7. При Карле II Английском появились первые карандаши из графита; научились отливать зеркальные стекла; в Германии — добывать в чистом виде фосфор.
8. Знаменитый Папинов котел с предохранительным клапаном для выпуска пара, 1680 г. — француз Папин (Papin).
9. Способ бальзамировать трупы — голландец Рюйш (Ruysch, 1638—1731). Приготовленные Рюйшем анатомические препараты, приобретенные Петром Великим, доныне сохраняются в превосходном состоянии в Петербургской Академии наук.
10. Ртутный термометр, 1714 г. — англичанин Фаренгейт.

III. *Открытия*

Астрономия

1. Еще поляк Коперник (Nicolaus Copernicus из Торуня, 1473—1543) указал на ложность системы Птолемея и, определив настоящее место нашей планеты во Вселенной, положил своим сочинением **De revolutionibus orbium coelestium** (1543) начало современному представлению об устройстве Вселенной.

2. Немец Кеплер (Kepler, 1571—1630) научно объяснил и подтвердил теорию Коперника, открыв свои знаменитые три закона:

Первый закон — установил вид той кривой, по какой движется планета: планета движется не по кругу, как утверждали раньше, а по эллипсу; в одном из фокусов этого эллипса находится Солнце; у каждой планеты свой эллипс (своя орбита).

Второй закон — определил скорость движения по этой кривой. Планета движется по своей орбите неравномерно: медленнее — чем дальше от Солнца, быстрее — чем ближе к нему, причем площадь, описываемая линией, соединяющей Солнце с планетой (т. н. радиусом-вектором), всегда пропорциональна времени: она шире и ниже, чем ее основание ближе к Солнцу: (при более быстром движении планеты) и тем

уже и выше, чем основание дальше от Солнца: (при замедленном движении).

Третий закон — объяснил причину такого неравномерного движения и определил ее в числовых отношениях. Чем дальше планета от Солнца, тем, конечно, многоверстнее ее орбита и тем более времени требуется планете совершить по ней свой круговой оборот: сколько же именно? Квадраты времен обращения планет пропорциональны кубам их средних расстояний от Солнца. (*Astronomia Nova*, 1609; *Harmonia mundi*, 1619).

• Во всей истории астрономии нет ни одной эпохи, которая сравнялась бы по значению с эпохой работ Кеплера. Даже формулировка Ньютоном закона тяготения и выведенные им следствия уступают по смелости творческой мысли трудам Кеплера, который был и, быть может, навсегда останется величайшим гением астрономии. Законы Кеплера придали Солнечной системе ту стройность, которая отсутствовала в системах других астрономов» (Серафимович).

3. Итальянец Галилей (Galileo Galilei, 1564—1642), горячий поклонник Коперника, деятельно пропагандировал в обществе его мысль о движении Земли вокруг Солнца (*Dialogo sopra i due sistemi del mondo Telemaico e Copernicano*, 1632). Он первый направил зрительную трубу на небо, открыл горы на Луне и по величине отбрасываемых ими теней определил их высоты. Он же нашел 4 спутника Юпитера, сумел проследить фазы Венеры и по этим фазам доказать, что Венера обращается вокруг Солнца, а не Земли. По пятнам на Солнце он определил (1613) время его обращения вокруг своей оси (в 27 дней).

4. Уже в первой половине XVII ст. астрономия стоит настолько высоко, что ей удается наблюдать прохождение Меркурия перед Солнцем (1631), даже предсказывать прохождение Венеры перед солнечным диском (1639).

5. Голландец Гюйгенс (Huygens, 1629—1695) открывает новый факт в строении нашей планеты: Земля не математически правильный шар, но эллипсоид; она сжата у полюса; причина этого сжатия — центробежная сила вращения. Гюйгенс определяет даже размеры этого сжатия: $1/574$. Это та ничтожная величина, которая обыкновенно позволяет нам, для большей наглядности, говорить, что сравнительно с фигурой Земли самый • круглый и ровный» апельсин в неизмеримое число раз более сплюснут и дальше отстоит от формы правильного шара. Гюйгенс открыл также кольца Сатурна (1659), дал первое описание

туманности в созвездии Ориона, сделал первые наблюдения над снегами на планете Марс.

6. Датчанин Рёмер (Rømer, 1644—1710) производит наблюдения первого спутника Юпитера и этим путем определяет скорость света (1675). Выведенная им цифра очень близка той, какая принимается в наше время (300 000 км/с). Он же вычислил склонения и прямые восхождения звезд.

7. Итальянец Кассини (Giovanni Cassini, 1625—1712) открыл 4 спутника Сатурна, измерил параллакс Солнца (угол, образуемый линиями, идущими к светилу: одна от центра Земли, другая от наблюдателя). Это позволило определять расстояние Земли от Солнца, от Луны и других планет, определять солнечные и лунные затмения), открыл законы либрации Луны (кажущееся колебание Луны около линии, соединяющей ее центр с центром Солнца).

8. Англичанин Ньютон (1643—1727) открывает великий закон всеобщего тяготения и создает новую науку: небесную механику, объясняющую одним принципом все наблюдаемые нами движения небесных светил. Закон Ньютона дал возможность самому Ньютону: объяснить движение планет и их спутников, движение комет, относительное движение двойных звезд; причину морских приливов и отливов, точно определить фигуру небесных тел (сжатие Земли), открыть прецессии (почему весеннее и осеннее равноденствие не совпадают по времени с прошлогодним и наступают всегда раньше, чем Земля опишет полный годовой круг). Великое значение Ньютона заключается между прочим в том, что он позволяет определять заранее с математической точностью, какое положение в мировом пространстве в любое время будет занимать любая планета, так сказать, заранее нарисовать карту небесного свода в любой час любого дня и года (*Philosophia naturalis principia mathematica*, 1687).

9. Англичанин Галлей (Halley, 1656—1742) впервые определил (1681) путь кометы (с тех пор она носит его имя: комета Галлея), доказал периодичность ее движений (раньше же думали, что кометы рыскают по свету произвольно, по своей воле) и предсказал новое ее появление в 1759 г., что (уже после смерти Галлея), действительно, блестяще и подтвердилось.

Перечисленные имена в наше время знакомы всякому образованному человеку; даже необразованные, наверно, слышали про Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона — настолько их научные достижения легли в основу нашего современного зна-

ния. Любое наше суждение о явлениях мира, об условиях земного и физического существования неразрывно связано с этими именами. Все наше миропонимание, самый быт наш настолько впитали в себя их научные выводы, что мы, обыкновенно, даже и не замечаем их, как не замечаем воздуха, которым дышим и без которого не в состоянии были бы просуществовать и пяти минут. Открытия названных ученых стали поистине благодеянием для человечества; они произвели полный переворот, настоящую революцию в представлениях об окружающем мире и дали необычайно сильный толчок к дальнейшим успехам познания.

Физика

1. Баварец И. Преторий изобрел (1610) мензулу — прибор, позволяющий производить точные, обстоятельные топографические съемки.

2. В конце века Ньютон и Гюйгенс создают, каждый свою, теорию происхождения света. Первый объясняет его истечением лучей: свет, по определению Ньютона, есть поток материальных частиц. Гюйгенс, наоборот, допускает существование эфира, проникающего всю Вселенную: волны этого эфира вызывают в нас ощущение света (*Traite de la lumiere*, 1690). Теория Ньютона держалась в науке в течение всего XVIII в., но в XIX в. восторжествовала теория эфира и продержалась вплоть до наших дней, пока Эйнштейн не нанес ей решительного удара (1919), от которого она едва ли оправится.

3. Сравнительно с этими теориями двух великих умов XVII ст. все остальные достижения той поры кажутся уже ничтожными и второстепенными: а) Декарт открыл закон инерции; б) он же, вместе со Снеллием, открыл законы отражения и преломления лучей (1626); в) Гюйгенс открыл законы преломления в исландском шпате. Вообще с этих пор устанавливается теория отражения и преломления в том самом виде, в каком она излагается и поныне в любом учебнике физики; г) Ньютон разложил световой луч на цвета (1704) и тем сделал первый шаг по пути открытия спектрального анализа, блестящего достояния XIX в.

Физиология и зоология

1. Англичанин Гарвей (Harvey) совершил в физиологии громадный переворот; он выяснил процесс кровообращения, определил, какую роль играет в этом обращении крови биение сердца, почему кровь движется всегда в одном направлении; поло-

жил начало вивисекции (*Exercitatio anatomica de motu cordis sanguinis in animalibus*, 1628). Он же окончательно опроверг ходячую теорию о самопроизвольном зарождении, доказав, что всякое животное развивается из яйца и что именно яйцо есть необходимый элемент, дающий жизнь всякому существу.

2. Голландец Левенгук (*Leeuwenhoek*, 1632—1723) построил сильно увеличивающий микроскоп и с его помощью открыл новый, до тех пор никому неизвестный, простыми глазами невидимый мир бесконечно малых существ: инфузории, существования которых раньше никто и не предугадывал.

3. Итальянец Азелли (*Asellius*) открыл лимфатические (млечные) сосуды в животном мире и дал им научное объяснение (1627).

Примечание. «Лимфа есть почти бесцветная или желтоватая жидкость, просачивающаяся из крови через тончайшие стенки кровеносных капилляров и пропитывающая все тканевые элементы, а также и остающиеся между ними тканевые промежутки или щели. Млечный сок есть то же, что лимфа, возвращающаяся из кишечного канала и, следовательно, смешанная с всосанными продуктами кишечного пищеварения» (Тарханов).

4. Голландец Сваammerдам (*Swammerdam*, 1637—1680) впервые выяснил строение червя, мухи, лягушки, проследил стадии ее развития. Раньше него знали пчел, но не знали, что между ними есть самцы, матки и пчелы рабочие.

Математика

Математика, в свою очередь, делает в XVII в. колоссальные успехи.

1. Еще в 1585 г. голландец Стевин (*Stevin*) вводит во всеобщее употребление десятичные дроби.

2. Шестнадцатилетний француз Паскаль (*Pascal*) открывает теорему о шестиугольнике, вписанном в коническое сечение (1640), а три года спустя он же изобретает счетную машину для первых четырех действий арифметики.

3. Другой француз, такой же, как и Паскаль, великий философ и мыслитель, Декарт (*Descartes*, ум. в 1650 г.) создает аналитическую геометрию, т. е. приложение алгебры к геометрии: систему координат, позволяющую линейные построения выражать в алгебраических уравнениях.

4. Аналитическая геометрия сделала возможным другое величайшее открытие XVII в. в математике — дифференциальное и интегральное исчисление — плод одновременных усилий двух гениальных умов: Ньютона и Лейбница, самостоятельно, каждый, дошедших до открытия этой математической истины, — составившего целую эпоху в истории точных наук (1684—1687).

5. Тот же Ньютон открыл знаменитый бином, названный его именем (1676).

Механика

В XVII в. явилась механика, новая наука о движении. Начало положил ей Галилей своими наблюдениями над качанием маятника и открытием закона возрастания скорости падающего тела в зависимости не от веса тела, а пропорционально времени (*Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze attinenti alia meccanica e ai movimenti locali*, 1638). Вслед за Галилеем Декарт открыл принцип равновесия тел и положил его в основу всей механики.

Философия

XVII в. усиленно и плодотворно работает также и в области философского мышления.

1. Англичанин Бэкон Веруламский (*Bacon*, 1561—1626), порвав со схоластическими традициями средних веков, вводит в науку индуктивный метод, в противоположность дедуктивному. От него ведет начало опытная наука (*Novum Organon*, 1620).

2. Француз Декарт (*Descartes*, по-латыни *Cartesius*, 1596—1650) — отец новой философии. С ним кончилось раз навсегда средневековое представление о философии как о «служанке богословия» («*philosophia ancilla theologiae*»), и философия получила самостоятельное значение и место в ряду других наук. Своим знаменитым *Cogito ergo sum* Декарт открыл дорогу плодотворному скепсису. Его философия «прежде всего замечательна как первая, после средних веков, самостоятельная попытка человеческого разума открыть истинную природу идеального начала жизни, на почве исследования законов человеческого сознания и самосознания, т. е. независимо от Откровения» (Н. Грот. *Discurso de la methode*, 1637).

3. Португальско-голландский еврей Спиноза (*De Spinoza*, 1632—1677) — проповедник учения пантеизма. Так же, как и Декарт, он признает бытие Божие, но пантеистически: разлитым во всей природе (*Ethica*, 1677).

4. Англичанин Локк (Locke) — родоначальник эмпирической опытной психологии. Своим «Опытом исследования человеческого разума» (*An Essay concerning human understanding*, 1690) он производит настоящий переворот в учении о психологии. Определив источники и пределы познания, он доказывал, что все наше понимание зиждется на опыте, что прирожденных идей не существует и что сущность души и ее сил познать невозможно, доступно же изучать только явления души, сводя их к ощущениям и идеям.

5. Рационализм англичанина Гоббса (Hobbes, 1588—1679) открывает новую эру в истории философии: он предтеча материалистов XVIII в.

Государственные теории

1. Тот же Гоббс своим «Левиафаном» (1651) создает стройную теорию государственной власти: верховная власть выросла из договора между монархом и народом; народ передал ему всю полноту власти, монарх становится абсолютным повелителем своего народа. Впоследствии эти мысли повторит Феофан Прокопович в своем сочинении «Правда воли монаршей».

2. 3. Англичанин Фильмер и французский придворный проповедник и воспитатель наследника французского престола Боссюэ тоже проповедовали абсолютизм монарха, но выходя совершенно из иных оснований: верховная власть — божественного происхождения («Божиею милостию»). Filmer, *Patriarcha, of the natural power of Kings*, 1646. — Bossuet, *Politique tiree de l'Escriture Sainte*, издавна после его смерти (ум. в 1704 г.).

4. Совершенно иначе строит государство Локк. Основные положения: а) начало личной свободы; б) полная веротерпимость; в) отделение церкви от государства (*The treatise on government*, 1689).

Горячим борцом за религиозную свободу, непримиримым врагом церковной догматики и богословской схоластики был Бейль (*Pierre Bayle*, 1647—1706). В основу всего он кладет скепсис: в жизни, в вере, в знании (*Dictionnaire historique et critique*, 1696).

Что могли мы противопоставить этим завоеваниям в области реального знания и общественной мысли? Даже люди вполне образованные еще продолжали сидеть в средних веках.

1. Симеон Полоцкий представлял себе мир из трех небес, расположенных одно над другим: небо эмпирейское, неподвижное, всего выше — престол Божий; небо кристальное — оно движется с невероятной быстротой с востока на запад и двигает последнее небо, что ниже всего — твердь, на которой прикреплены звезды и планеты.

2. Стефан Яворский высмеивал систему Коперника.

3. Посошков так отзывался о ней: «проклятый Коперник, Богу суперник».

4. М. П. Аврамов, директор петербургской типографии времен Петра Великого, служил в Берг-Коллегии, человек для своего времени образованный, автор нескольких, составленных по собственному почину докладных записок, поданных государю, по вопросам государственной жизни, глубоко убежден был, что система Коперника еретическая, а «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля — одно «сатанинское коварство».

Вместо Кеплера и Ньютона на Руси были: «Таинственная книга Альберта Великого о силах трав, камней и животных», или «Великая и предивная наука кабалистическая» Раймунда Луллия.

1. Альберт Великий: знаменитый мудрец и чернокнижник XIII в. (1193—1280). Указанное сочинение было любимой народной книгой на Западе: во Франции она была в ходу еще в XVIII ст., а что она давала? «Родишься под звездой Юпитера — будет у тебя лицо прекрасное, очи светлые, борода окружная. Хочешь победить врага, оградить себя от диких зверей, от яда и метаний — привяжи к левому боку камень-адамант. Хочешь, чтобы у человека было лицо собачье, — намажь свежую шелковинку собачьим жиром, вложи ее в новую лампаду из зеленого стекла и засвети ее перед человеком, и увидишь у него как бы собачье лицо».

2. Для своего времени Раймунд Луллий был замечательный ученый и философ (1235—1315). В своей «*Ars Magna generalis et ultima*» он предвосхитил мысли Гегеля о разумности существующего порядка, но уже вскоре после его смерти в нем стали видеть алхимика по преимуществу, приписали ему небывалые трактаты по кабалистике и сделали его имя популярным преимущественно с этой стороны. Русский читатель знакомился не с философскими положениями Луллия, а с той фальсификацией, что расходилась под его флагом, вроде того, что «люди разную плоть имеют. Есть земли, где люди рождаются с песьей головой; где уши у людей висят по плечам; где рождаются

с одной большой ногой, и она служит людям, чтобы закрываться от солнца, бегают же такие одноногие люди быстро и безо всякого затруднения».

Таким сказкам верили. Да как было не верить, если даже в конце XVII в. (1685), когда просвещение уже коснулось России, еще считали возможным серьезно говорить и производить официальные разведки о каких-то диких людях чулюгдеях, одноногих, одноруких и одноглазых, которые якобы жили в Сибири на реке Тунгуске, «в камне», и вели с тунгусами меновую торговлю: «а ходят те дикие люди гораздо скоро, а если бежать от них против солнца, то они догнать человека не могут».

Конечно, и на Западе великие открытия Кеплера и Ньютона встретили на первых порах недоверие, вызывали глумление, даже открытое преследование; и там, на Западе, среди грамотных людей, можно было натолкнуться на понятия, казалось бы, давно уже отжившие: «наиболее ничтожная из энциклопедий XIII в., — компиляция Варфоломея Английского печатается в XVI ст. шесть раз»; иные труды еще даже в первой четверти XVII в. «составляются на основании энциклопедий XIII в.» (Карнеев), — и все же там истина мало-помалу, даже против воли темных людей, пробила себе дорогу, делалась достоянием общественным — в России не было чему и пробиваться. В том-то и великая заслуга Петра Великого, что он: во-первых, сам пошел за знанием в Европу, потащил за собой своих подданных и, во-вторых, широко раскрыл перед этим знанием двери, в неустанной заботе пересадить его на родную почву.

ВСТУПЛЕНИЕ

СВЯЗЬ XVII в. С ЭПОХОЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Смутное время выбило русских людей из прежней колеи. Буря чуть не снесла все государственное здание — его пришлось восстанавливать совершенно заново; но та же буря поколебала и старые воззрения на жизнь, прежняя психология дала трещину, и трещина оказалась непоправимой. Государственность еще возможно было восстановить, со старыми же идеалами пришлось расстаться и заменить их новыми.

На первый взгляд, казалось бы, не произошло ничего подобного: старина еще цепко держалась и не уступала своего места.

1. Знание, например, еще приравнивается (1643) к еретичеству, как несовместимое с православием: «братие, не высокоумствуйте, но пребывайте во смирении; если кто спросит тебя: знаком ли ты с философией? — отвечай тому: за эллинскими борзостями я не следил („эллинских борзостей не текох”), риторов не читал, в обществе мудрых философов не бывал, учусь книгам благодатного закона, с тем чтобы очистить грешную душу свою от греха».

2. Мирское, не церковное еще состоит в подозрении. Царь Алексей смущен, не берет ли он грех на душу, присутствуя на театральном представлении, и только историческая справка духовника на существование игрищ при дворе благочестивых императоров византийских разрешает его сомнения.

3. Традиции еще живучи. Когда тот же царь Алексей вывез свою вторую жену, Наталью Кирилловну, в открытой карете, не со спущенными шторами, общественное мнение было скандализовано поступком царя и осудило такое «опасное и неприличное вольнодумство».

4. Резкому осуждению подвергалось и общение с иноземцами. Предпоследний патриарх русский, Иоаким (ум. 17 марта 1690 г.), в своем завещании горячо убеждает царей не позволять православным христианам дружить с еретиками иноверцами, не допускать в свою среду латинян, лютеран, кальвинистов и безбожных татар, не разрешать им строить свои мольбища, а те, что уже построены, разрушить; не ставить проклятых еретиков на начальные места в войсках.

Однако все это лишь пережитки прошлого. Это прошлое, как ни ярко, может быть, оно выражено в отдельных случаях, все же уже обречено на смерть, и его, как негодную, высохшую ветвь, выбрасывают за борт. Анонимный враг просвещения (1643) не помешал заведению школ; закрыть доступ «эллинским борзостям» ему не удалось; увещания патриарха Иоакима остались гласом вопиющего в пустыне, лишним свидетельством их непригодности и неприемлемости, сомнения же царя Алексея без особого труда были рассеяны в пользу нового взгляда: он не только сам будет 10 часов подряд, не вставая с места, смотреть комедию, но, как мы уже видели в своем месте, пустит в театр жену и дочерей; не только повезет царицу в открытой карете, но и возьмет ее с собой еще на соколиную охоту.

Иного, впрочем, не следовало и ожидать. Буря, промчавшаяся над Русской землей в начале XVII в., раскрыла всю опасность духовных устоев, служивших раньше основой русской жизни, всю убогость их содержания. Вместо возврата к старому

она вызвала разрыв с ним и перестройку жизни на новых началах. Раньше краеугольным камнем духовного здания служили: традиции, прадедовская старина; подозрительное отношение ко всякому рода знанию, если на нем не лежало церковного или религиозного штемпеля; самовлюбленная мысль: «наше домашнее есть самое совершенное» — теперь в основу положено будет светское знание, общение с Западом, сознание, что жизнь есть постоянное движение и потому требует неизбежно перемен, и что хорошее, пригодное для вчерашнего дня может оказаться неудовлетворительным и непригодным на сегодня.

Хотя эта перестройка понятий совершалась крайне медленно, едва заметно, все же она началась; хотя сознание необходимости такой перестройки было уделом, в XVII в., еще немногих, однако старая Русь уже сдвинулась с мертвой точки, и если новые горизонты вполне перед ней еще не раскрылись, все же дверь была приотворена и первые шаги в новом направлении были сделаны. Весь XVII в. и первая четверть XVIII (1613—1725), т. е. эпоха первых четырех Романовых, представляет собой движение именно в этом направлении: робкое, слабое вначале; бурное, порывистое — в конце. Правда, новая мысль с трудом пробивала себе дорогу; старые воззрения еще долго продолжали господствовать над умами; взглянешь со стороны — пожалуй, и не сказать, что старая Русь уже сдвинулась с места, вышла на новый путь. Недаром долгое время даже в научной литературе господствовало убеждение, будто новая Россия началась только с Петра Великого, не раньше; что великий царь бросил такую длинную тень от себя, что она покрыла собой всю древнюю русскую историю, как бы аннулировала ее. Сравнительно лишь недавно, можно сказать, на наших глазах, с более полным освещением XVII в., стали убеждаться, что Петр отнюдь не начинает новой истории, а лишь завершает дело своего брата, отца и деда. Новая Россия, если и «создана», то не одним Петром: в ее создании участвовали также и три первых Романова. Разница между ними больше количественная, чем качественная. Век Петра — созревший колос, век XVII — его первые всходы. Оба они продукт одной и той же мысли, отнюдь не противоречие, отнюдь не два разных полюса.

Что сын и внук проявил больший размах, больше энергии и решимости, чем дед и отец, — это да; что Петр, как государственный деятель, много ярче, что необходимость нового пути им более осознана — это тоже вне сомнения; неоспоримо и то, что результаты его деятельности несравненно более круп-

ные. Вообще, сравнительно с Петром Великим, XVII в. много бедней и бледней, самое дело ему далеко не так ясно; он осторожнее; держит себя выжидательно; он никогда не осмелился бы прибегнуть к насилию, к тем поистине революционным приемам, на которые так скор и горазд был первый наш император, — и все же век XVII духовно сродни веку Петра. Если и говорить о разнице, то разве в том отношении, что Петр сознательно идет по новому пути, понимает, что это путь новый, предшествующие же два поколения хотя и вступили на новую дорогу, но пока еще не замечают этого, в наивной уверенности, что по-прежнему стоят на старом пути, не сворачивали с него; и скажи им: *Да ведь вы уже сошли с него!» — они искренно удивились бы вашим словам, и не только удивились, но с негодованием отвергли бы их, как неприличные, чуть не оскорбительные.

Какими путями проникали в Московскую Русь западноевропейская культура и образование

Двумя: 1) прямым — через Швецию, Германию, Англию, Голландию; позже, кроме того, еще через Венецию и Францию; 2) косвенным — через Польшу и Польско-Литовскую Русь. Первым путем европейская культура проникала непосредственно, передавалась русскому человеку, так сказать, из рук в руки; на втором пути она подвергалась предварительной переработке, — достигала места в чужой одежде и в воспроизведении несколько отличным от оригинала. Первый путь, особенно вначале, в XVII в., по географическому положению стран, можно было бы назвать северным; он же одновременно был и протестантским; второй путь — католическим, так как лежал через Польшу (Польско-Литовская Русь в данном случае служила лишь простым передаточным звеном между Польшей и Русью Московской).

Национально-религиозный характер польских войн, борьба за Зарубежную Русь придали московско-польским отношениям значение защиты русской народности и русского православия от католичества; вследствие этого северный, протестантский путь оказался для большинства гораздо приемлемее и в царствование Петра Великого взял окончательно верх, тем более что он вел прямой дорогой к самому источнику. На втором пути, или, как его обыкновенно называют, на юго-западном, киевском, духовное общение проявилось наиболее интенсивно в царствование Алексея, Федора и в септеннат царевны Софьи

(1645—1689). Объясняется это не столько большей терпимостью тогдашнего общества к католичеству, сколько тем, что присоединение Малороссии (1654) и борьба за нее поставили Москву в такое тесное соприкосновение с Киевом, вызвали такой наплыв людей, прошедших через латино-польскую школу, что уберечься от их влияния, даже при желании, было бы делом нелегким. К тому же это киевское образование заносили не иноземцы, а свои русские люди; они говорили и писали на языке, каждому понятном — это одно обеспечивало ему легкий успех. Духовно наголовавшись, Москва жадно прислушивалась к каждому новому слову, готовая гостеприимно распахнуть дверь перед всеми, от кого могла ждать ответа на свои запросы.

В какой форме и какими способами проникал Запад в Московскую Русь

1. Сношения торговые. Общение на почве материальных интересов.

2. Военное дело.

3. Военнопленные.

4. Вызов иноземных людей из-за границы.

5. Немецкая слобода.

6. Материальная культура.

7. Духовная культура.

1. Торговля. Торговые сношения с иноземными странами, довольно оживленные уже в XVI ст., лишь только кончилась Смута и восстановился внешний порядок, возобновились с удвоенной силой. Голландия, Англия, Германия, Польша и Швеция, деятельно конкурируя одна с другой, наперерыв везли в Россию свои товары. Купцы разных национальностей наезжали для продажи и для закупок, заводили свои конторы; многие устраивались на постоянное жительство. Кроме Архангельска и Москвы, иноземного «гостя» можно было видеть в Вологде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Астрахани, не говоря про Псков и Новгород, дорога куда была ими проторена еще сыздавна. Эпохе Петра оставалось лишь продолжать начатое в этом направлении, что она, действительно, и делала.

2. Военное дело. Из 112 лет (1613—1725) на войну с организованными враждебными силами (Швеция, Польша, Турция и Персия) ушло 62 года, т. е. более половины лет. Кроме того, военных мер потребовали: 1. Приуральское Башкирье.

2. Проникновение вглубь Сибири, в восточном и южном направлении. 3. Попытки добраться до Средней Азии при Петре. 4. Волнения и бунты в самой России (Разин, Астрахань, Булавин).

Военный опыт — а он покупался тяжелой ценой — наглядно вскрыл недостатки русской армии: 1. Несовершенство ее организации. 2. Устарелые способы ее комплектования. 3. Отсутствие постоянных, в западноевропейском смысле, войск. 4. Несовершенство боевого оружия. 5. Неумение с ним обращаться.

Какими мерами старались помочь злу? Обратились за содействием к Европе: 1. Наем в русскую службу иноземных военных отрядов. 2. Приглашение иностранных офицеров в качестве инструкторов для обучения солдат иноземному лучшему строю. 3. Усовершенствование, при содействии тех же иностранных специалистов, самой техники военного дела. 4. Перевод иностранных сочинений по военному и морскому искусству.

Иноземцы на русской службе до XVIII в.

1. 1500 пехотинцев при Василии III: «литовцев и всякого сброда» (Герберштейн).

2. 300 пленных шотландцев на службе у Ивана Грозного.

3. Немцы и французы (Маржерет) на службе у Бориса Годунова и потом у Лжедмитрия (до 2500 чел.).

4. Иноземные полки под Смоленском во Вторую Польскую войну (1632—1634). Перед началом войны наем их рассчитан был на 7000 чел.

5. Иноземные офицеры при царях Алексее, Федоре и царевне Софье (Гордон, Менезий, Лефорт и др.). Посол Мейербер (1661—1663) нашел на царской службе иноземцев — 4 генералов, свыше 100 полковников и множество офицеров низших чинов. В одном 1661 г. выехало из Польши, Дании и Германии на русскую службу 387 офицеров, капралов и рейтаров.

6. Выписка немецких инженеров под Азов в 1696 г.

7. Венецианские и голландские мастера-строители Воронежского и Азовского флота.

3. Пленные. Еще XVI в. лишал военнопленного свободы не только в целях обезвредить его или получить за него потом выкуп, но и потому, что ценил в нем культурную силу, которую можно было использовать в интересах государственных. Ливонская война при Грозном привела в Россию массу пленных: тысячи мужчин, женщин и детей. Царь издал строгий приказ:

пленных немецкого происхождения отнюдь не продавать на сторону (в Литву или в Германию), а оставлять их непременно в русских руках. Этих пленных рассылали во внутренние города — две разные культуры неизбежно сталкивались, но теперь уже на мирной почве. В XVII в. пленных набралось особенно много при царе Алексее за войну с Польшей. Характерно, что польские пленники, возвращенные по Андрусовскому договору, вскоре сами добровольно вернулись в Россию, и на этот раз уже с семьями и родственниками. Это были главным образом ремесленники, очевидно, уверенные найти себе хороший заработок. Таких добровольных выходцев к концу царствования Алексея насчитывались сотни.

Западное влияние проходило в Россию в XVII в. также и через русских пленников, возвращавшихся на родину. Где только иной не побывал! Некоторые жили в плену по 10—20 лет; бывали случаи, и по 30, 35, даже 45 лет. Жили они в Голландии, на Балканах, в Италии, Испании, но всего больше, конечно, в Польше и Швеции.

4. Вызов иноземных людей из-за границы. В 1702 г. Петр издал свой знаменитый манифест о вызове иностранцев в Россию. Гарантируя им свободный въезд, безопасность на пути и содействие всякого рода; свободное отправление веры; обещаясь судить их не по русским законам, а применительно к «римскому гражданскому праву и другим народным обычаям», царь приглашал их содействовать ему в его правительственных начинаниях. Но и в этой области царь тоже имел предшественников. В течение всего XVII ст. через Псков, Нарву и Архангельск постоянно тянулись к Москве из-за границы вереницы людей, приглашенных русским правительством на службу или приезжавших по собственному почину с предложением своих услуг: доктора, офицеры, техники, горные инженеры, всякого рода ремесленники, часовых дел мастера, музыканты, гравировщики, резчики, плясуны, акробаты. Дверь и теперь уже была раскрыта, Петр лишь совсем распахнул ее настежь. Манифест 1702 г. лишь регулировал и ввел в определенные рамки то, что ранее еще не умело найти себе надлежащего выражения.

5. Немецкая слобода. Непосредственным результатом такого наплыва иностранцев было появление в русском обществе нового элемента. Пока его еще держали несколько в стороне от себя, даже селили особо, но самое общение, а с ним и культурное

воздействие от этого ничего не теряло. Уже со времен Василия III возникает особый квартал, населенный исключительно иноземцами. В 1652 г. иноземцы выселены были из города и поселены на окраине его: так возникла Новоиноземская, или, как ее часто называли, Немецкая слобода. Во времена Олеария в Москве насчитывалось около 1000 одних протестантских семейств. Это была своего рода Западная Европа в миниатюре. При Петре Великом она потеряла свое значение посредницы между двумя мирами — западным и восточным, но только потому, что общение между этими мирами повелось теперь уже непосредственно и было поставлено на более широкую ногу.

6. Материальная культура. Проникать с Запада она стала очень давно, еще со времен Ивана III и Софьи Палеолог, со времени вызова итальянских архитекторов и техников для обстройки Кремля и его соборов. В XVII в., особенно во второй половине, внешняя обстановка жизни высших кругов общества — убранство дома с его мебелью, посудой, украшениями, экипажами — носит сильно выраженный западноевропейский характер.

В царском дворце и в домах богатых бояр заводится новая мебель, музыкальные инструменты, часы с хитрой музыкой, кровати с затейливой инкрустацией; из-за границы выписываются огнестрельное оружие, кареты с зеркальными стеклами и с позолотой, седла, конская сбруя; парадные комнаты украшаются стеной живописью (портреты, ландшафты, библейские и исторические сюжеты), большими зеркалами в рамках художественной резьбы; появляются глобусы, географические карты; на пирах, на пиршественном столе, расставляются кубки из немецкого хрусталя; сект, венгерское, рейнвейн и другие заморские вина с успехом конкурируют с медами, водкой и пивом местного приготовления. Много вещей художественной работы поступало в царские дворцы в дар от дружественных монархов, еще больше выписывалось по специальному заказу.

Столовая царя Алексея была украшена фигурной резьбой в стиле немецкого Возрождения; в том же вкусе были некоторые внутренние покои в загородном дворце Коломенском. Над царским тронном Михаила три года работали немецкие и русские мастера; золотой трон Алексея подпирался колонками коринфского, ионического, тосканского стилей. При дворе находились на постоянной службе немецкие живописцы: ими самими или по их указанию стены Кремлевского дворца разрисовывались портретами, символическими изображениями времен года.

В большом ходу были гравюры на меди и дереве немецкого изготовления, т. н. «фряжские листы». Таких «листов» в рамках у царевича Алексея Алексеевича висело в комнатах на стенах 50 штук; у патриарха Никона их было несколько сотен. Такие гравюры в большом количестве продавались в московских лавках, отсюда расходились по городам и послужили первоисточником для народных лубочных картинок. «Запад» проникал даже в церковь: в Успенском соборе в Кремле из 11 паникадил восемь были голландской работы. Обстановка в доме боярина Матвеева была вполне европейская. То же следует сказать и об убранстве дома кн. В. В. Голицына. При царе Алексее появляется театр с немцами-актерами; при дворе если сами еще не танцевали, то на иноземные танцы смотрели охотно. XVII в. совершенно забыл о запрещении, наложенном Стоглавым собором на «гусли, смыки, сопели и всякое гудение», и охотно слушал заморскую музыку: игру на фиолях и прочих «струментах». Точно так же, дозволяя повсеместное употребление табака, Петр совсем не вводил какого-либо особенного новшества (см. ниже).

7. Духовная культура. В еще большей степени то же можно отметить и в области духовного общения. Оно началось тоже с ранних пор, одновременно с проникновением к нам с Запада его материальной культуры (ересь жидовствующих, Максим Грек).

а) Иван Грозный, несомненно, увлекался Англией. Русские послы, ездившие ко двору королевы Елизаветы, познакомили царя с нравами, обычаями, государственным порядком английского народа.

б) Политический противник Грозного, князь Андрей Курбский, убежав в Литву, засел там за книги, стал изучать латинский язык, «науки грамматические, диалектические и другие». Воспитавшись в школе Максима Грека, он проповедует необходимость просвещения. Написанная им «История вел. князя московского» (история царствования Ивана Грозного), по справедливости считается первым прагматическим историческим сочинением на русском языке.

в) И Курбский не один в своих культурных стремлениях. Близкие к нему люди, один — учится в Краковской академии и для усовершенствования в науках едет в Италию (князь Михаил Оболенский); другой — объездил всю Германию в поисках того знания, которого не мог найти дома.

г) В XVI в. это пока случайные явления, но в XVII в. они станут обычными. Потребность в духовном общении с Западом проявится настолько сильно и постоянно, что подчас примет формы, роднящие их не только с веком Петра Великого, но и с временами гораздо более поздними.

д) На рубеже двух столетий Борис Годунов намеревался было создать в России правильные школы, и не только одни элементарные; эти школы он хотел поставить под руководство специально для того вызванных из-за границы ученых. По этому поводу он вел переговоры с английским математиком Джоном Ли, держал в Германии и Италии своих агентов. Косность русского общества, его предрассудки, еще достаточно сильные, помешали осуществлению Борисова плана; к тому же преждевременная смерть царя насильственно прервала его культурную работу. Пришлось идти на компромисс: вместо собственной школы у себя в Москве Борис отправил в Германию, Францию и Англию 15 молодых людей для подготовки их к службе в Посольском приказе. Финал этой ученой командировки был самый неожиданный: никто из посланных обратно в Россию не вернулся.

е) Неудача Бориса Годунова не остановила русское правительство: в 1617 г. послан был туда же, в Англию, с образовательными целями, в Кембриджский университет, еще один: Алмазов, сын переводчика при Посольском приказе; постоянная нужда этого приказа в людях, знакомых с иностранными языками, заставляла рисковать многим. Из Англии Алмазов проехал во Францию и Италию; но вернулся ли он обратно домой — мы не знаем.

ж) В отдельных умах потребность знания уже твердо осознана: одним из условий признания королевича Владислава царем московским в 1610 г. поставлено: право беспрепятственно ездить за границу «для науки».

з) При всем недоверии к иноверному Западу, протестантскому немецкому и, особенно, латинскому католическому, замолчать вопрос, поставленный жизнью, невозможно, ответ на него надо дать не мешкая. И этот ответ дается в единственно возможном направлении: царь Михаил Федорович дважды приглашает к себе на службу Адама Олеария, знакомого ему по участию в Голштинском посольстве: «Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навывчен в астрономии и географус, и небесного бегу, и землемерию и иным многим подобным мастерствам и мудростям, а нам, вел. государю, таков мастер годен».

и) При Алексее Михайловиче знакомство с иностранными языками делает большие успехи. Не только значительно по-

полнился штат Посольского приказа лицами, владеющими иностранной речью, но пленные иноземцы и киевские ученые монахи, вызванные в Москву, учат царских детей и детей бояр польскому и латинскому языкам.

й) Во дворце, при монастырях, в домах частных лиц появляются книги, выписанные из-за границы, — очевидно, было кому читать их. В библиотеке Заиконоспасского монастыря к услугам учеников новооткрытой Славяно-греко-латинской академии готово было 414 сочинений на латинском, 125 на польском языке. Ордин-Нащокин за один прием выписал себе 82 латинские книги.

к) Но может быть, соприкосновение с чужеземцами поведет к перемене веры и обычаев? К разрыву с родным бытом? Этого нечего бояться, отвечает Котошихин: поездки за границу полезны, посылать туда детей с образовательными целями необходимо.

л) Наиболее наблюдательные выносят из заграничных поездок впечатления не об одних только материальных предметах и внешних проявлениях иностранной жизни. Потемкин, отправленный послом ко двору Людовика XIV, нашел, что во Франции «люди человечны», что «к наукам они тщательны», что в Париже школ всяких «безмерно много»; поразила его и скученность населения, обилие городов, даже сел и деревень «людных безмерным обычаем».

м) В 1623 г. кн. Ивану Хворостинину ставили в вину, что он держит в доме иконы польского письма и молится на них, а 60 лет спустя царевна Софья повесит у себя в терему, в божнице, вместе с другими, икону Ченстоховской Божией Матери и не сочтет это за отступление от православия. Местами «латинская» икона изредка проникала в самую церковь. Царский живописец Симон Ушаков не сочтет соблазнительным и неприличным рисовать свои иконы в духе западноевропейских мастеров и найдет сочувствующих себе.

н) Тяпкин, первый русский резидент в Польше, человек чисто русской складки — умирает с тоски по родине, не может ужиться с поляками, смотрит на них с самой черной стороны, и все же бессознательно подчиняется окружающей обстановке, которая ему вновь и захватывает его: он пишет свои донесения полупольским языком, отдает сына в польскую школу и еще хвастается, когда тот в приветственной речи королю, «не запнувшись», переплетает свою латынь с польской речью, «как тому обычай наук школьных належит» (Соловьев).

о) Собственноручных царских подписей, ни на письмах, ни на грамотах официальных, Московская Русь не знала. Даже в

частной переписке собственноручные письма царей заканчивались «аминем» или как-нибудь иначе: «Иоакиму милостию Божее царствующего града Москвы и всеа великия и малыя и белыя Росии патриарху грешны царь Федор поклон сотворяю ... рукою моею аминь». Лишь на письмах и грамотах Петра Великого впервые видим мы его характерные подписи: «Петр», «Peter». Однако и тут начало (правда, без дальнейшего продолжения) положено было не им, а отцом: грамота царя Алексея Михайловича к датскому королю Христиану V, 13 марта 1656 г., подписана рукой самого государя.

п) Не осталась в стороне Московская Русь от иноземного влияния и в области вероучения — православные люди иногда даже сами делали первый шаг в этом направлении.

КИЕВСКОЕ ВЛИЯНИЕ. БОРЬБА ДВУХ НАПРАВЛЕНИЙ: ЛАТИНСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО

В Московскую Русь XVII в. просвещение шло из-за рубежа двумя путями: северным «протестантским», и более южным, «киевским». В самой Москве, однако, многих не удовлетворял ни тот ни другой путь, причем эти недовольные отнюдь не были стародумами или вообще противниками просвещения: наоборот, необходимость и пользу самого образования они одинаково признавали, как и те, кто заимствовал его с Запада или из Польши, но, не говоря уже про Запад, они и киевскую форму просвещения, хотя представителями ее были все люди православные, заподозрили в правоверности, находя, что она несет в себе сразу ложных толкований, даже прямых отступлений от правил святой православной церкви.

Однако такие критики скоро очутились в тупике без выхода. Если не Запад, если не Польша, то, казалось бы, единственное, что остается — держаться прежних традиций, искони связывавших Русь с Византией, опереться на ее духовную культуру и на ней строить свою? Между тем в глазах русских правоверов авторитет Греческой церкви давно уже пошатнулся. Еще со времен Флорентийской унии чистота ее поведения была благочестивым русским человеком взята под сомнение, а турецкий плен, в какой ввергла греков злосчастная судьба, полная зависимость константинопольского патриарха от воли и каприза султана, давали новые основания к недоверию, даже прямому

обличению. Лишь более вдумчивое наблюдение могло поколебать такой взгляд и убедить, что Греческая церковь сохранила свое православие в прежней чистоте, а потому нет никакого основания считать ее просвещение зараженным. Рассеять недоверие к грекам составило заслугу киевского ученого монаха Епифания Славинецкого. Его апология греков и греческой книги, помимо всего остального, имела еще и то значение, что предоставляла в руки московских противников латинства сильное оружие для борьбы.

Впрочем, поворот в умах обозначился еще раньше. В 1648 г. в Москве напечатана была «Книга о вере»; в полное противоречие ходячим мнениям, она доказывала, что благочестие у греков сохранилось неизменным и что русским следует во всем слушаться восточных патриархов. Что книга коснулась большого места, можно судить по тому, что в течение двух месяцев ее продано было 850 экз.

Киевское влияние

В чем оно выражалось:

1. Деятельность киевских ученых в Москве: Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Симеон Полоцкий.
2. Проповедничество: а) как средство духовного воздействия на слушателей и читателей; б) как одна из форм литературного творчества.
3. Школа.
4. Догматы веры: хлебопоклонная ересь.
5. Мистерии.
6. Поэтическое творчество: силлабические вирши.
7. Переводная литература, польская и польско-латинская: научные книги; техника, медицина, история, география, беллетристика и др.
8. Самостоятельная литература научно-просветительного характера: грамматики и словари; богословие, полемические труды против унии, иудейства и магометанства; литература проповедническая, история.

Епифаний Славинецкий

Прибыл в Москву вместе с Арсением Сатановским в 1649 г., будучи вызван для переводов священных и богослужебных книг. Умер в 1676 г.

1. Перевод греческого текста литургии Иоанна Златоуста.

2. Переводы творений наиболее выдающихся отцов Церкви: Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Василия Великого, Иоанна Дамаскина.

3. Участие в работе патриарха Никона по исправлению богослужебных книг.

4. Защита Никонова дела: Предисловие к книге «Скрижаль». М., 1655.

5. Издание Библии 1663 г.

6. Приступ к новому переводу Библии (1674). Успел приготовить, да и то вчерне, один Новый Завет.

7. Греко-славяно-латинский лексикон (не издано).

8. Лексикон филологический — объяснение слов и выражений Священного Писания. Материалом для толкования Славянецкому служили творения отцов Церкви (не издано).

9. Учреждение школы при Чудовом монастыре.

«Епифаний был богослов по преимуществу, и притом представитель т. н. положительного богословия, т. е. такого, которое основывает свои положения исключительно и непосредственно на Священном Писании и толкованиях святых отцов» (Майков). Тип кабинетного ученого, он пользовался в Москве в своей области большим авторитетом, имел преданных помощников и учеников и послужил надежной точкой опоры для тех, кто хотел работать в духе затронутых им вопросов.

Симеон Полоцкий (1629—1680)

В Москве с 1664 или с конца 1663 г.

1. Придворный стихотворец: сборники «Рифмологион», «Вертоград Многоцветный» (не изданы).

2. Придворный проповедник: сборники (более 200 проповедей) «Обед душевный». М., 1681. «Вечера душевные». М., 1683.

3. Обличитель раскола: «Жезл правления». М., 1668.

4. Драматург: «Комедия о Навуходоносоре-царе» (напечатана лишь в наше время) и «Притча о блудном сыне», с многочисленными иллюстрациями. М., 1685.

5. Педагог: а) учил детей царя Алексея: Алексея, Федора, Софью, б) учредил Заиконоспасскую школу.

6. Богослов «Венец веры кафолические», 1670 г.: последовательное объяснение, в общедоступной форме, Символа Веры. Это первый опыт в московской литературе догматического изложения православной веры. Учение христианское изложено в форме вопросов и ответов; среди них много самых странных и изощренных, в духе той схоластики, какой придерживались

западные богословы того времени: зачем Христос родился именно в декабре? В какой час дня совершилось Благовещение и рождение Христово? Мог ли Христос говорить с самого появления Своего на свет? Зачем Спасителя пригвоздили ко кресту четырьмя, а не тремя гвоздями? Воскреснут ли мертвые, при втором пришествии Иисуса Христа, с волосами и ногтями, которых у людей могло накопиться много, так как при жизни они их обрезывали? Страшный суд будет происходить в Иосафатовой долине, около Иерусалима, и так как там не хватит места на всех, то как разместятся остальные? Ответ: остальные будут стоять на воздухе, ярусами, одни над другими.

Уже в «Жезле» на Симеоне Полоцком сказывается влияние «латинства»: непорочное зачатие Божией Матери, время пресуществления св. Даров: в «Венце» оно выступает еще определеннее: текст Символа Веры взять не Никейский, а в более ранней редакции: Апостольский; Библия цитируется по Вулгате; постоянные ссылки на церковные авторитеты Западной церкви: блаж. Иеронима, блаж. Августина, Барония и особенно на иезуита Беллармина, в свое время первое светило богословия в католическом мире. Недаром патр. Иоаким называл «Венец веры» «венцом из западного терния».

Симеон Полоцкий — убежденный сторонник образования, горячий защитник его. Духовный сан не помешал ему наряду с образованием церковным, единственным до того времени в Московской Руси, одинаково ценить и пропагандировать также и образование светское, — это и было то новое, что он принес с собой из Малороссии и оставил после себя в Москве. «Его особенное историческое значение заключается в том, что он стал ученым литературным деятелем в Москве. До тех пор книга знала только церковные вопросы; в руках Симеона она в первый раз затрагивала жизнь не только с этой исключительной точки зрения, — рядом с проповедью шло простое практическое изучение, занимательный рассказ, сатирическое обличение, шутка, драматическая сцена, — все это было непривычно и привлекательно; нравились даже тяжеловесные стихи, потому что в них все-таки почувствовали заботу о несколько приукрашенной форме» (Пыпин).

Своими драмами и в особенности стихотворениями Симеон Полоцкий положил начало литературе в собственном смысле этого слова — литературе как выражению свободного досуга и потребности художественного, эстетического наслаждения. Здесь он проложил первую тропу, предоставив позднейшим поколениям расчищать ее, превращать в широкую, торную

дорогу. Симеон Полоцкий — первый русский стихотворец. Пусть его силлабические вирши неуклюжи, пусть сам он лишен поэтического таланта, а все же он есть предшественник Кантемира и Ломоносова, старший им брат на русском Парнасе. Раньше самые повести русского происхождения носили церковный отпечаток — Полоцкий первый создал литературу светскую, с самостоятельным светским сюжетом, и как далеко по времени ни отстоит от нас, все же в этом отношении он ближе к нам, людям XX в., чем, например, к современникам «Домостроя» и Ивана Грозного.

Книги

Книга была главнейшим проводником киевского влияния на Московскую Русь. Наиболее выдающимися из таких книг были:

а) Грамматики и словари

1. Грамматика на двух языках: греческом и славянском. Львов, 1591.

2. Лаврентий Зизаний. Грамматика славянского языка, с словарем славянского языка при нем. Вильно, 1596.

3. Мелетий Смотрицкий. Грамматика славянского языка. Евье, 1619; перепечатано: Москва, 1648.

4. Памва Берында. Лексикон словенско-росский, имен толкование. Киев, 1627.

б) История

1. Сильвестр Коссов, митрополит Киевский, ум. в 1657 г. («Патерик, или Жития св. отцов печерских», на польском языке), в целях полемических: Киев просветился святой верой не от римских пап, как утверждали латинские церковные историки, а от восточных патриархов. «Польский патерик Коссова послужил основанием для патерика на славянском языке, который был составлен и дополнен архим. Иосифом Тризной и который печатается с некоторыми изменениями до настоящего времени» (Порфирьев).

2. Иннокентий Гизель. Синописис. Киев, 1674. Подробнее в отд. «Письменность».

в) Богослужебные и богословского содержания книги

1. Захарий Копыстенский. Часослов. 1616.

2. Кирилл Транквиллион. Зерцало богословия. Киев, 1618 — первый в юго-западной литературе опыт систематического изложения догмы православного учения.

3. Исайя Копинский (митр. Киевский, ум. в 1634 г.). Духовная Лествица.

4. Лавр. Зизаний. Большой Катихизис. Москва, 1627.

5. Петр Могила (митр. Киевский). Малый Катихизис. Киев, 1645. Полный текст этого труда: «Православное исповедание кафолической веры», в переводе с греческого. Москва, 1698.

6. Петр Могила. Лифос, или Камень. Киев, 1644: доказательства в пользу того, что в православном учении нет ничего протестантского. Труд полемический, против католика Кассиана Саковича, обвинявшего православных в протестантстве.

г) Литература проповедническая

1. Кирилл Транквиллион. Учительное Евангелие. 1619: слова на воскресные и праздничные дни. «Это был первый сборник проповедей, составленный в России, он был в большом употреблении не только на Юге, но и в Москве. Несмотря на то, что там оно подвергалось двукратному запрещению, оно проникло даже в глухие углы России» (Порфирьев).

2. Иоанникий Галятовский (ректор Киевской коллегии, ум. в 1688 г.) Ключ разумения. Киев, 1659; Львов, 1663, 1665: сборник поучений. При нем «Наука албо способ о сложении сказаний»: правила и приемы проповедничества. Галятовский — ученый богослов, опытный полемист с иезуитами; он широко пользуется католической литературой и, главным образом, оттуда заимствует свой материал. Он безупречен в своем православии, но его литературные приемы, образ мышления — католические; это он и заносит в Москву своими проповедями.

3. Лазарь Баранович, архиеп. Черниговский. Его сборники поучений: «Меч духовный», 1666; «Трубы словес проповедных», 1674.

4. Игумен Антоний Радивиловский, его сборники проповедей: «Огородок Марии Богородицы», 1676; «Венец Христов», 1688.

д) Полемические труды против иноверцев

Иоанникий Галятовский: «Мессия правдивый» — против иудейства; «Лебедь с перьем» и «Алкоран Магометов», 1687 — против магометанства.

Борьба двух направлений

1. Первое поколение. Епифаний Славинецкий — представитель греческого, Симеон Полоцкий — представитель латинского направления.

2. Второе поколение. Инок Евфимий — ученик Славинецкого; с 1685 г. к нему примыкают братья Лихуды; Сильвестр Медведев — ученик Полоцкого.

3. Евфимию и Лихудам влиятельную поддержку оказывал патриарх Иоаким (1674—1690). Полоцкий и позже Медведев нашли себе еще более могущественную поддержку в лице царя Федора и царевны Софьи.

4. Первое поколение разрешает свои споры в миролюбивых беседах, действуя осторожно и уклончиво; второе ведет страстную и ожесточенную полемику. Ученики довели до крайности направление своих учителей. Епифаний стоял за греческое образование, еще не отрицая того хорошего, что было в западном, — Евфимий, безусловно, против всего западного. Полоцкий плохо знал по-гречески, но никогда не думал становиться принципиальным противником греческого образования, — а Сильвестр Медведев стал. Полоцкий вел себя сдержанно, «Медведев же забыл всякую осторожность. Осмотрительность учителя заменилась у него смелостью и даже дерзостью в поступках. То, что Полоцкий говорил немногим или записывал в своих кабинетных работах, Медведев проповедовал явно и открыто».

5. Медведев. Полоцкий был только придворным и общественным деятелем — «Медведев же стал, кроме того, деятелем народным, вожаком толпы, массы. Это не был только „чернец великого ума и остроты ученой“, как называли его современники, но вообще человек всесторонний. Имея в высшей степени энергичную и беспокойную натуру, он старался знать все, что ни делается, и во всем принимал горячее участие, верховодя одинаково в придворном мире и в общественной среде. Он много говорил, говорил все, что знал и думал и в чем был убежден, не скрывая своих убеждений. А так как его убеждения встречали часто противоречия, он любил спорить, увлекаясь в спорах до раздоров и распрей» (Любимов).

6. Б р. Лихуды. Евфимий, простой инок Чудова монастыря, добросовестный справщик, не получил диалектического образования и успешно полемизировать с Медведевым — полемистом по натуре — не смог бы. На помощь ему пришли искушенные в этом деле два грека, братья Иоанникий и Софроний Лихуды.

¹ А. А. Матвеев в своих «Записках».

7. Главные пункты разногласия: а) Время пресуществления св. Даров, б) тип школы, какую предстояло завести в Москве.

По католическому учению, таинство пресуществления, т. е. превращение во время литургии хлеба и вина в тело и кровь Христову, совершается при произнесении священником слов Спасителя: «Приимите, ядите ... пиите от нея вси»; православная же церковь относит пресуществление к тому моменту, когда священник призывает на хлеб и вино Духа Святого словами: «И сотвори убо хлеб сей честное тело Христа Твоего, а еже в чаши сей честную кровь Христа Твоего, преложив духом Твоим святым», — а так как при литургии это есть момент позднейший, то, по учению православному, хлеб при произнесении слов «приимите, ядите» остается еще простым хлебом, отсюда и название самой ереси хлебопоклонная. В Юго-Западной Руси латинское толкование было очень распространено: его держалось и простонародье, и само духовенство: Петр Могила, архиеп. Лазарь Баранович, митр. Гедеон Четвертинский, св. митр. Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, игумен Феодосии Сафонович, архимандриты Иннокентий Гизель, Иоанникий Галятовский и др. Отсюда оно занесено было и в Москву. Можно сказать, почти все выдающиеся богословские и церковные книги того времени, печатанные как в Киеве, так и в Москве, принимали латинский момент пресуществления. Таковы были:

1. Большой Катихизис Лаврентия Зизания. М., 1627.
2. Служебник Петра Могилы. Киев, 1629, 1638, 1639.
3. Малый Катихизис Петра Могилы. Киев, 1644; перепечатан в Москве, 1648.
4. Лифос, того же Петра Могилы. Киев, 1644.
5. Требник, тоже П. Могилы. Киев, 1646.
6. Кириллова «Книга о вере». М., 1644.
7. Московский Служебник. М., 1651.
8. Выклад о церкви Феодосия Сафоновича. Киев, 1667.
9. Жезл правления Симеона Полоцкого. М., 1668.
10. Чиновник. М., 1677.
11. Церковный Устав. М., 1682.
12. Вечера Душевная Сим. Полоцкого. М., 1683.

Разногласие ярко выявилось еще на Флорентийском соборе 1439 г., где Марк Эфесский и его сторонники отнеслись к католическому толкованию определенно отрицательно.

Вообще латинское толкование имело на Руси Московской таких же многочисленных и авторитетных сторонников, как и в Киевской Руси. Не говоря про Полоцкого, выходца из Польской Руси, сам инок Евфимий, сам патриарх Иоаким первоначально тоже держались латинского толкования: некоторые обрядности, введенные Иоакимом в чин венчания царей Ивана и Петра в 1682 г., соответствовали латинскому пониманию таинства пресуществления. Но вот приехали в 1685 г. братья Лихуды, убедили Иоакима и Евфимия (к тому времени и без того уже поколебавшихся в своем мнении) в ложности их взгляда¹ — с тех пор началась полемика. Открыл ее Сильвестр Медведев. Ниже приводится, насколько это доступно, в хронологическом порядке, список полемических сочинений.

1. Сил. Медведев. Хлеб животный, начало 1686 г.
2. Инок Евфимий. Опровержение латинского учения.
3. Сил. Медведев. Праведный ответ на «Опровержение», конец 1687 г.
4. Евфимий. Показание на подверг латинского мудрования, 1687.
5. Бр. Лихуды. Акос, или Врачевание, конец 1687 г.
6. Сил. Медведев. Манна хлеба животного, 1687, ноябрь.
7. Сил. Медведев. Известие истинное, против «Акоса», 1688, сентябрь.
8. Дьякон Афанасий. Неистовнобрехание на св. Восточную церковь в лице И. и С. Лихудиев, резкий выпад против «Акоса». Раньше приписывалось Сил. Медведеву; возможно, что сочинение предварительно было им просмотрено и проредактировано.
9. Сил. Медведев. Контрверсия. Авторство Медведева лишь предположительно.
10. Евфимий. Обличение на «Выклад о церкви» Ф. Сафоновича. 1688, сентябрь.
11. Афанасий (архиеп. Холмогорский). Книга православного исповедания, против латинян, 1688, декабрь.
12. Евфимий. Показание истины на псонеистовобрехание, 1689, зимой. Резкая полемика с дьяконом Афанасием.

Полемика захватила и Польскую Русь. Весной 1689 г. игумен Кириллова монастыря Монастырский выступил против Лихудов

¹ Точкою опоры служило им недавнее постановление Иерусалимского собора (1672), окончательно утвердившего православное толкование.

с «Книгой о пресуществлении». Патр. Иоаким затребовал у южнорусских епископов исповедания их веры; все они (Лазарь Баранович, митр. Гедеон и др.) заявили себя, 1689 г., весной, сторонниками латинского толкования, однако под угрозами патриарха отказались от него осенью того же года (конечно, насколько искренно?).

Московский собор 1690 г. (январь) осудил «хлебопоклонную» ересь, сжег «Манну» Сил. Медведева, сочинения дьякона Афанасия и Монастырского. Уже после собора явились 5 сочинений, из них первые три — капитальный вклад в хлебопоклонную литературу с православной точки зрения:

1. Иоанникий Лихуда. Диалоги, или Мечец духовный, 1690, февраль. Всестороннее опровержение католичества вообще. Напечатано лишь в наше время (Казань, 1866).

2. Евфимий. Остен. М., 1690, с изложением истории спора и приложением документальных данных (Остен = рожон, бодец).

3. Афанасий Холмогорский. Щит веры. Позже дополнен Евфимием и Лихудами, 1693: обширный сборник, куда целиком или частями внесены и другие сочинения: «Акос», «Диалоги», «Обличение на „Выклад о церкви“» и др.

4. Архим. Гавриил Домецкий. Вопросы (числом 105). Направлены против «Остена».

5. Иеродиакон Чудова монастыря Дамаскин, ученик бр. Лихудов, написал полемическое сочинение против «Вопросов» Домецкого (1704).

Полемика по поводу «хлебопоклонной» ереси велась с большой страстностью, временами превращаясь в простую брань. Евфимий, недавно еще сам латинствовавший, не щадил резких выходов и выражений против Медведева, что и неудивительно: новообращенные зачастую проявляют большую ревность в преследовании того, что недавно еще было для них святым. К ним применимо сказанное про Хлодвига Франкского, из язычника ставшего ревностным христианином: «И он сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал».

Кроме того, страстность вызывалась не одними вероисповедными убеждениями: в этом споре столкнулись сторонники двух взаимно противоположных и непримиримых взглядов на культуру, на просвещение, на способы проведения этого просвещения в жизнь. Торжество латинского или греческого толкования означало, по понятиям спорящих, торжество латинского или греческого направления в школе, в литературе, свя-

зывалось с будущим отношением к иноземцам, к тому самому Западу, что так усиленно вторгался в русскую жизнь, в одних вызывая восхищение, ужас в других.

Замешалась и политика. Медведев пользовался покровительством царевны Софьи; свою «Манну» он писал по ее предписанию. Софья прочила его в патриархи. Ее падение погубило и Медведева. Замешанный в деле Шакловитого, Медведев пострадал вдвойне. Патр. Иоаким почувствовал себя свободным, отлучил царевну от причащения, а Медведева поспешил расстричь и вынудил у него отречение от своего «развращения, словесного и письменного».

Характерно, однако, что самая страстность полемики, ожесточение, с каким каждый держался своего мнения, вызвала потребность отыскать путь к примирению и согласовать оба взгляда. Сохранился (ненапечатанный) труд неизвестного автора начала XVIII в. «О пресуществлении»; основное положение его такое: словами Христовыми (их выдвигают католики) таинство пресуществления начинается, а молитвой иерея (ее выдвигают православные) оно оканчивается; одно дает основу, другое совершение.

ШКОЛА

Первые попытки

Попытки обзавестись школой начались еще с царствования Михаила Федоровича, но долгое время (1632—1664) все ограничивалось одними разговорами. Киевский митрополит Петр Могила советовал было завести в Москве монастырь и учить в нем боярских детей греческой и славянской грамоте, обещаясь прислать для этого «старцев и учителей» (1640), но предложение его было замолчано. Первые попытки Алексея Михайловича поставить школьное дело на более или менее широких основаниях тоже кончились неудачей: завести что-либо прочное не смогли. Таковы были:

1. Греческая школа боярина Ртищева при Андроньевском монастыре.
2. Греческая школа Епифания Славинецкого при Чудовом монастыре.
3. Латинская школа Симеона Полоцкого при Спасском монастыре (1664—1668).

Последняя школа была поставлена, кажется, лучше других. Главный предмет преподавания — латынь. Общий характер учения — преимущественно светский, хотя в школе преподавалось и богословие. Учеников обучали пиитике, риторике, упражняли в сочинении вирш и ораций, приучали к стилистике — в Чудовом монастыре этим не занимались. Вообще же правильной организации ни одна из трех школ не имела. Долго еще не могли решить, какой тип школы предпочесть. В ту пору в литературе и в церкви велась борьба двух направлений, латинского и греческого, и школа неизбежно вовлеклась в нее. Во всяком случае необходимость самой школы была уже признана.

4. Симеон Полоцкий вырабатывает проект академии по образцу западно-европейских и Киевской коллегии: тип высшей школы с общеобразовательным курсом — он не утвержден; по всей вероятности, его нашли слишком «латинским» (1680). Школа, проектированная Полоцким, в наше время называлась бы университетом; позже из его проекта выросла Духовная академия (богословский факультет).

5. Основано при Типографии училище греческого направления, с элементарной программой (1681); просуществовало недолго.

6. Сил. Медведев открыл в Спасском монастыре 15 января 1682 г. школу латинского направления; она просуществовала до конца 1687 г.

7. С приездом бр. Лихудов (1685) проектированная Сим. Полоцким и Сил. Медведевым академия открылась под именем Славяно-греко-латинской (1687), но не по их программе: академия, по духу, была греческой. В 1694 г. Лихуды были устранены от дела.

8. С 1700 г. академией стал заведовать Палладий Роговский, бывший униат и ученик Греческой униатской коллегии в Риме. С этой поры для академии начался период латинский.

9. Киевская коллегия, основанная Петром Могилою, преобразована в 1701 г. в академию; в преподавание введены: языки французский, немецкий, еврейский; естествознание, математика и география.

10. Славяно-греко-латинская академия, основанная в целях духовно-религиозного просвещения, в частности для борьбы с расколом и ересями, в защиту учения господствующей православной церкви.

Академия удовлетворить новым требованиям жизни не могла. Это побудило Петра, в первый же год войны со шведами, основать (1701, 14 апреля) чисто техническую Школу математических и навигацких наук, или, как ее сокращенно называли, Навигацкую школу, первое высшее специальное учебное заведение в России. В ней преподавались: арифметика, геометрия, тригонометрия, навигация, морская астрономия, геодезия, корабельная архитектура, начала фортификации и сообщались краткие сведения о географии, преимущественно математической. В целях подготовки к этому большому и сложному курсу при школе были открыты два начальных класса: русский — для обучения чтению и письму, и цифирный — для обучения счету и началам арифметики.

Во главе школы был поставлен профессор Эбердинского (в Шотландии) университета, Фарварсон; из русских Леонтий Магницкий преподавал арифметику по учебнику, который он сам составил. Навигацкая школа — одно из наиболее удачных творений Петра Великого в области школьного образования. Из нее вышли первые русские моряки, гидрографы, инженеры, артиллеристы: в 1712 г. в ней училось 517 чел. В 1715 г. высшие классы были переведены в Петербург, образовав там Морскую академию, низшие же остались по-прежнему в Москве.

11. Школа в Ростове при архиерейском доме, основанная митрополитом Димитрием Ростовским (1702—1706). Кроме чтения и письма, в ней обучали еще пению, преподавали языки греческий и латинский.

Димитрий относился к своей школе очень заботливо и любовно, вложил в управление ею много теплоты и сердечности. В школе не только наказывали провинившихся, но и отечески пеклись о нуждах учеников. О такой не «казенной» школе, построенной на началах семейственности, и при том школе вполне народной, доступной не для одного духовенства, а для всех классов, в ту пору еще никто не думал. Другая особенность Ростовской школы: на первый план она выдвигала не специальное, а общее образование, между тем как другие школы того времени преследовали цели практические, старались приготовить специалистов, а потому заботились, главным образом, о прикладном знании. Число учеников доходило до 200, обучались они бесплатно (Шляпкин). При школе был также театр, пьесы разыгрывали сами ученики («Комедия на Рожде-

ство Христово», составленная, вероятно, не без прямого участия самого митрополита).

Неизвестны причины недолгого существования Ростовской школы; по всей вероятности, они общие с теми, что обусловили малоуспешность и нежизненность почти всех остальных школ петровского времени: недостаток хороших учителей и учебных пособий, а главное — само общество еще недостаточно прониклось сознанием необходимости первоначального образования детей.

12. Школа пастора Глюка (1703—1715). В ней преподавали географию, риторику, математику, естественные науки, языки, знакомили с началами юриспруденции, обучали танцам, верховой езде, фехтованию, игре в мяч. Программа была общеобразовательная, но в действительности учение свелось к усвоению преимущественно одних иностранных языков. Число учеников с годами стало уменьшаться, и школа была закрыта. Сам Глюк умер задолго до ее закрытия (1705, 5 мая).

13. Греко-славянская школа при архиерейском доме в Новгороде, основанная новгородским митрополитом Иовом (1706). Руководителем школы был Иоанн Лихуда. В школе преподавали славянскую и греческую грамматику, пиитику и риторику. После смерти Иова (1716) и Лихуды (1717) школа стала хиреть, однако продержалась еще все остальное царствование Петра.

14. Хирургическая школа при военном госпитале в Москве (1707). Будучи, как и Навигацкая школа, специальной, она давала медицинское образование и состояла в ведении доктора Бидлоо.

15. Указом 28 февраля 1714 г. Петр Великий создал и насадил по всей России цифирные школы. Их назначением было дать первоначальное реальное образование (чтение, письмо, арифметика, начала геометрии, св. истории) детям служилого (шляхетство, приказные люди) и торгового класса.

Обучение было бесплатное и обязательное; к 15 годам «недоросль» должен был закончить курс учения, иначе лишался права вступать в брак. К концу царствования Петра число школ достигало 50, но большинство их существовало только на бумаге, а позже они и совсем закрылись. Дворянство смотрело на них как на тяжелую повинность и избегало, а торговый класс — тот прямо исходатайствовал дозволения вовсе не посылать своих детей, ссылаясь на ущерб торговым делам: школы-де отвлекают их от прямого дела. Процент уклонявшихся от

посещения школ всегда был значительный. Содержание цифирных школ было возложено на духовенство; последние, в свою очередь, тоже тяготилось этим налогом, чувствительным для его кармана — тем более что самые школы по своему светскому характеру не согласовались с его взглядами на просвещение и потому не пользовались его симпатиями.

16. Духовный регламент 1721 г. предписал завести при архиерейских домах школы для первоначального обучения детей духовенства.

Обучение в них тоже было обязательным, но строго сословным. Программа рассчитана на 8 лет: русская и латинская грамматика, арифметика, геометрия, физика, пиитика, риторика, логика с диалектикой, политика, богословие. В действительности эта широкая программа осталась на бумаге. Недостаток педагогического персонала, учебников и материальных средств, насильственные приемы самого обучения затормозили дело. Уже в 1722 г., «за скудостью довольных учителей», обучение стало сводиться к простому обучению букваря и славянской грамматики. Зато в этой упрощенной форме архиерейские школы оказались несколько жизненнее цифирных школ; они удержались и после смерти Петра. Школы не могли преуспевать уже по одному тому, что «учеников забирали в ученье насильно, иногда даже в кандалах, под конвоем; потом они убегали из школы, и их таким же порядком приходилось ловить и возвращать обратно в школы. Сами их отцы и матери были против школьного обучения и охотно помогали им укрываться от новой школьной повинности» (Знаменский).

Иностранные школы

1. При Борисе Годунове в Москве была построена лютеранская церковь, а при ней школа (1601—1605). С прекращением Смуты школа была восстановлена и продолжала существовать и при первых Романовых, тоже при церкви, которую перенесли в Ново-Немецкую слободу, куда вообще выселили всех иноземцев. С 1668 г. в ней учил пастор Иоганн Готфрид Грегори. Учениками у него были не только лютеране, но и православные. Грегори устроил при школе домашний театр; узнав об этом через боярина Матвеева, царь Алексей приказал Грегори и ему устроить «комедию» — этим, как известно, было положено начало русскому театру в России.

2. Немецкие школы в Москве в 1701—1715 гг.

3. Школа в Тобольске 1710—1720. Учителя и ученики в ней были пленные шведы, поспешившие, по заключении Ништадтского мира, вернуться на родину. Среди учеников было несколько русских, из местных жителей. Преподавание носило характер религиозный: чтение Библии, пение псалмов, молитвы, беседы о поучительных предметах.

Указ 24 января 1716 г. отправить в Кролевец 30—40 «молодых подьячих для наук немецкого языка дабы удобнее в коллегииум были».

С Петра, и только с Петра, начинается русская наука. Знание строится не на авторитете и предании, как раньше, а на самостоятельном изыскании. В основу кладется тот же самый скепсис, точное наблюдение и опыт — именно то, что внесли на Западе его ученые и мыслители XVII в. Пока эта наука только заимствована, сделан лишь первый шаг: она признана принципиально и для нее уготовано, отведено почетное место; пройдет одно поколение, и в лице Ломоносова она покажет себя самостоятельной и способной на независимую работу.

В 1717 г. посланы в Венецию 27 дворян гардемарин «учиться морской науке на галерах, а не на кораблях».

Буквари и грамматики

Буквари Юго-Западной Руси

1. Букварь, 1596 г. Вильно, первый по времени.
2. Вильно, 1621 г.
3. Вильно, 1652 г.
4. Киев, 1664 г.
5. Львов, 1671 г.

Буквари московские

1. Москва, 1634. Букварь Василия Бурцева: простая перепечатка Виленского 1621 г.; своего — только послесловие.
2. Москва, 1637. Второе издание Букваря 1634 г. (добавлено предисловие и стихи).
3. Москва, 1657.
4. Москва, 1664. Второе издание.

5. Москва, 1679. «Полнее всех предыдущих не только московских, но и юго-западных букварей» (Брайловский. Один из Пестрых, 292).

6. Москва, 1694. «Малый букварь» Кариона Истомина; в этом году вышло его два издания.

Грамматики

1| Грамматика еллинословенская. Львов, 1591.

2. «Грамматика» Лаврентия Зизания. Вильно, 1596.

3. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. Евье, 1619. Перепечатана: Москва, 1648, с весьма незначительными отличиями от издания 1619 г.

4. «Малая грамматика» Кариона Истомина, рукопись, в Имп. Эрмитаже (Брайловский, 298; см. *Пекарский*. Наука и литература).

ЗАПАДНИКИ

В эту группу сведены безразлично как те, кто порывал всякую связь с родиной, или вообще, соприкоснувшись с Европой, попадал к ней в духовный плен, так и те, кто, ценя блага западноевропейской цивилизации и охотно усваивая их, не переставал оставаться русским и не терял своего национального облика.

1. Молодежь, посланная Борисом Годуновым за границу. Что случилось с поехавшими в Германию и Францию, нам неизвестно; но посланные в Англию настолько сжились с тамошними порядками, настолько чувствовали себя там хорошо, что совсем забыли про родину; некоторые перешли в англиканскую веру, а один даже священником стал. Несмотря на настоятельное требование русского правительства, молодые люди окончательно стряхнули с ног родной прах и признали Англию своим вторым отечеством — настолько ослепительно подействовала на них новая обстановка и культура.

Такое поведение было болезнью века. На протяжении всего XVII ст. русский человек неоднократно даст свидетельство своей духовной слабости — неизбежное последствие продолжительного застоя мысли, того отчуждения, в каком он жил до тех пор от Европы. Чужая цивилизация пугала его, он, как ребенок,

или не имел мужества прямо взглянуть ей в глаза, чурался, бежал от нее, как от смертного греха, или же впадал в другую крайность: преодолев свой страх, доверчиво льнул к ней и — попадал в духовный плен: порывал всякую связь со своим прошлым и смотрел на Божий мир глазами своих учителей.

Молодые люди, посланные Борисом Годуновым в Англию, были, можно сказать, первые русские западники. И таких «западников» XVII в. насчитает не одного.

2. Князь Хворостинин. Кн. Иван Андреевич Хворостинин (ум. в 1625 г.), историк Смутного времени («Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России»), кравчий при дворе Лжедмитрия I, начальник сторожевого полка на Украине и воевода на Рязани при царе Михаиле Федоровиче. Свободомыслие Лжедмитрия I и деятельные сношения в его время с Польшей открыли в Россию доступ разным еретическим толкам, создали обстановку, благоприятную для критиканства, и Хворостинин был одной из первых ее жертв. Начав с порицания православных обрядов, он вскоре дошел до ереси: стал отрицать воскресение мертвых, почитание святых, необходимость поста; не хотел молиться русским иконам, а завел у себя латинские, бил и мучил своих дворовых людей, если те ходили в церковь. Сосланный в Кирилло-Белозерский монастырь, Хворостинин покался и был прощен.

Религиозные шатания Хворостинина выросли на почве его недовольства вообще всем укладом современной ему жизни. Он увидал краешек Европы, соблазнился приоткрывшимся новым миром, и все с той поры в Москве показалось ему скучным: и люди, которые «сеют землю рожью, а живут все ложью», и иконы, которым поклоняются лишь при условии, если они «подписаны». «На Москве людей нет, все люд глупый, жить не с кем», — заявил он и решил втайне продать свои вотчины и переехать в Литву.

Как видим, и в области веры, и в сфере общественных идеалов Хворостинин зашел очень далеко, но самого его эти отрицания затронули, по-видимому, не особенно глубоко: в них было много навеянного, больше моды, чем серьезного убеждения. При всей резкости своих заявлений Хворостинин остался тем же русским и православным человеком, как и окружающая его среда. Подобно годуновской молодежи, Хворостинин — наглядное доказательство того, как мало осознаны были тогдашним русским обществом устои его жизни: оно держалось их по традиции, потому что «так повелось», и при первом же

намеке на критику и сопоставление не находило ничего сказать в их защиту.

3. Князь Иван Голицын. Эта беспомощность русского человека перед западноевропейской культурой ярко выступает в словах кн. Ивана Голицына (время Михаила Федоровича): «Русским людям служить вместе с королевскими (польскими) нельзя, ради их прелести: одно лето побывают с ними на службе и у нас на другое лето не останется и половины русских лучших людей, не только что боярских людей: останется кто стар или служить не захочет, а из бедных людей не останется ни один человек».

Таким образом, недоверчивое и враждебное отношение старшего поколения к Западу, при виде того, как соприкосновение с иноземной культурой опьяняюще действовало на молодежь, определялось не одной косностью и невежеством. Как выход из такого положения, Крижанич советовал запретить подданным «скитаться» по чужим землям, а усваивать западноевропейское просвещение: 1) путем перевода лучших сочинений на иностранных языках по технике, земледелию и т. п.; 2) приглашая иностранцев для обучения русской молодежи ремеслам и искусствам.

4. Алексей Романчиков, отправленный в Персию в послах царем Михаилом. Человек любознательный, он усвоил несколько слов и фраз по латыни, интересовался математикой, «свободными искусствами» и, случайно попав в общество иностранцев — в передний путь в Персию и обратный в Москву он ехал с Голштинским посольством, — поспешил воспользоваться возможностью вступить в общение с людьми, более его знающими. За 5 месяцев он «сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, но весьма понятно для других, свои душевные мысли», научился обращаться с астрольбией и всему тому, что относится «до высоты солнца, часов и геометрии». «Нашему часовщику он приказал сделать астрольбию, и когда, бывало, останавливались мы на ночлег в каком-нибудь городе или селении, особенно же в Астрахани, он выходил с этой астрольбией для упражнений на улицу и рассказывал людям высоту домов и других зданий, что чрезвычайно удивляло русских, не привыкших видеть своих соотечественников за подобными занятиями» (Олеарий).

Необычные занятия не прошли Романчикову даром: они пугали непросвещенный ум, вызывали в нем подозрения, ему

чудилось в них что-то близкое к гаданию, чернокнижию. Не доезжая Москвы, Романчиков покончил с собой, отравившись.

5. Ртищев Федор Михайлович, боярин, постельничий и дядька царя Алексея (в его молодости) (1625—1673) — типичный представитель тех русских людей половины XVII в., для которых культура и образование уже перестали быть простой забавой и развлечением, но средством и потребностью ищущего, пытливого ума. Убежденный сторонник преобразовательного движения, Ртищев пользовался большим влиянием при дворе, тем более что сам царь Алексей, человек, в свою очередь, начитанный и по тому времени хорошо образованный, любил окружать себя людьми интеллигентными. На собственные средства Ртищев основывает под Москвой Андреевский монастырь, а при нем школу и вызывает из Киева образованных монахов — старцев. Последних собралось у него до 30 человек; они учили славянской и греческой грамматике, риторике и философии, — вообще тому, что в ту пору западноевропейская схоластика считала необходимым для завершения среднего и высшего образования (1649).

Одним из первых учеников в Андреевской школе был сам боярин Ртищев: далеко уже не мальчик, он стал учиться по-гречески и просиживал ночи над греческой грамматикой или в беседе с выписанными старцами. Это было в первый раз, когда киевская наука пустила свои корни в Москве. Для современников такая школа была явлением неслыханным: одни приняли ее с восторгом и, в целях более широкого образования, готовы были отправиться даже в самый Киев, в ту пору еще польский город; другие, наоборот, отнеслись к ртищевской школе крайне враждебно, опасаясь, как бы она не замутила чистоты православной веры, так как киевская наука питалась из литовско-польского источника и многим не внушала доверия.

6. Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, воевода, ближний боярин и дворецкий, а со времени назначения начальником Посольского приказа (1667) — «царственной большой печати и государственных великих посольских дел сберегатель».

¹ Симеон Полоцкий появился в Москве лишь в 1664 г., т. е. 15 лет спустя после основания Ртищевской школы.

Он родился и воспитался в **Пскове**, в культурной среде, благожелательно расположенной к иноземцам и не чуждавшейся их порядков. Псков, подобно Новгороду, лежал недалеко от границы. Культурные новшества, новые идеи проникали туда скорее и находили почву более благоприятную, чем в Москве. Ордин получил тщательное образование: знал математику, говорил по-латыни и по-немецки, позже выучился и польскому языку. С Острым умом, наблюдательный, хороший организатор, с самостоятельным взглядом на задачи времени, неподкупный, неутомимый в работе — это был настоящий государственный деятель с хорошей теоретической и практической подготовкой. Оставаясь чисто русским человеком, он искал у Запада его внешних средств, не поступаясь ни национальным характером, ни национальными задачами. Он первый из русских открыто провозгласил правило: «Хорошее не стыдно заимствовать и со стороны, у чужих, будь они даже враги». При этом он исходил из убеждения, что это «хорошее» он найдет на Западе, непосредственно у немцев, в чистом его виде, а не в Киеве, не через польско-иезуитскую призму, и что для этого необходимо открыть западноевропейской культуре свободный доступ в Россию через Балтийское море, иначе говоря, необходимо овладеть его берегами, прорубить то «окно в Европу», которое позже, полвека спустя, в действительности прорубил Петр Великий. К тому же Балтийское море, по мнению Ордина, должно было, занося культуру, обеспечить России также ее торговую и экономическую самостоятельность.

Преобразовательный ум Ордина-Нашокина сказался в самых разнообразных областях жизни: на внешних делах, на внутреннем управлении, на войске, на финансах, в области просвещения.

Мысли, проекты, начинания, указания Ордина-Нашокина:

1. Новоторговый устав 1667 г. Он выработан под влиянием господствовавшей тогда в Европе меркантильной системы: покровительство привозу иностранной монеты, меры против ввоза предметов роскоши, защита русской торговли от конкуренции иностранных товаров.

2. Торговля — одно из важнейших государственных дел. Учрежден особый приказ купецких дел: купечество изъято из ведения воевод и прочей администрации.

3. Проект местного управления для города Пскова.

4. Планы о коренном преобразовании русской администрации и законодательства: «Он занимается преобразованием русских законов и новым образованием всего государства. Доносы уничтожатся; все наместники с помощниками своими будут иметь власть над жизнью и смертью, потому что прежде все преступники привозились в Москву, а это было для царя очень беспокояно и отяготительно» (Коллинс)|

5. Поднятие материального благосостояния народных масс.

6. Центральные учреждения, в частности Посольский приказ, не должны вести своих подчиненных на помочах, опекать и предусматривать каждый их шаг; наоборот, следует предоставить им больший простор и самостоятельность, чтоб они не ждали указок на каждый мелкий случай; а то при отправлении послов за границу их обыкновенно связывают по рукам и ногам мелочными инструкциями, предусматривая каждое слово и движение посланника.

7. Командирам армий необходимо тоже предоставить большую самостоятельность в ведении военных операций и не ставить их в зависимость от указаний свыше. Невозможно заранее предусмотреть, как сложатся обстоятельства на театре войны; только на месте можно правильно выяснить, как именно следует поступать в каждом отдельном случае.

8. Надо реформировать армию, дать ей иную организацию и центр тяжести перенести с конницы на пехоту.

9. Не без участия Нащокина сделана была попытка завести флот на Волге и на Каспийском море (она кончилась неудачей: спущенный в 1665 г. корабль «Орел» был сожжен Стенькой Разиным в 1670 г.).

10. Нащокин установил регулярные почтовые сношения с Европой: одна почта ходила через Курляндию, другая на Польшу.

11. По мысли Нащокина при дворе стали регулярно выписывать иностранные газеты (Амстердам, Гаарлем, Гамбург, Кенигсберг, Вена, Бреславль и др.) и делать из них выборку известий. Такие рукописные выписки получили название курантов.

12. Немало книг было переведено с иностранных языков по мысли Нащокина.

13. Царевич Алексей учился по-латыни и по-немецки по совету Нащокина.

Не трудно видеть во всех этих 13 пунктах программу однородную с той, что вскоре станет проводить в жизнь Петр Великий. Недаром Ордина-Нащокина называют «предшественником Петра Великого». Он был один из первых русских западников, но западник, бравший свои позаимствования с большим разбором, считавший необходимым согласовать европейскую культуру с национальной самобытностью. «Какое нам дело до иноземных обычаев, — говаривал он, — их платье не по нас, а наше не по них».

Еще одна черта роднит Ордина-Нащокина с эпохой Петра Великого: Нащокин не был родовитым человеком и завоевал свое положение личными заслугами; для именитых бояр, окружавших царя Алексея, он был таким же *parvenu*, как позже Меншиков или Шафиров. Ему пришлось пробивать брешь в местнической стене, и он ее пробил, открыв путь таланту.

Многое из того, что начинал Ордин-Нащокин, заглохло, погибло, многое осталось в проектах, но все его начинания и проекты были жизненны и необходимы. Мягкий и нерешительный царь Алексей не мог отважиться на коренную ломку, ограничиваясь частными реформами, лишь подготавливая почву для большого дела, как ни выяснилась уже к тому времени в известных слоях русского общества необходимость приступить к нему. Решительный шаг, впрочем, был еще преждевременен: предварительно следовало решить, по какому пути идти, Ордин предлагал северный путь, на Германию; другие отстаивали более южное направление, на Польшу. Выбор сделан был следующим поколением — Петром Великим: сын царя Алексея отдал предпочтение Ордину-Нащокину и пошел прямо к «немцам».

7. Воин Ордин-Нащокин, сын Афанасия Лаврентьевича, образование получил под руководством отца; как и он, свободно владел языками польским, латинским и немецким; служил в Посольском приказе, неоднократно ездил по делам службы в Варшаву, умный, распорядительный, он иногда заменял отца, вел его заграничную переписку, пересылал вести ему и в Москву к самому царю. «Но среди этой деятельности у молодого человека было другое на уме и на сердце, сам отец давно уже приучил его с благоговением смотреть на Запад, постоянными выходками своими против порядков московских, постоянными толками, что в других государствах иначе делается

и лучше делается. Желая Дать сыну образование, отец окружил его пленными поляками, и эти учителя постарались со своей стороны **УСИЛИТЬ** в нем страсть к чужеземцам, нелюбье к свбему, **В**оспламенили его рассказами о польской воле» (Соловьев). Русская действительность опротивела Воину, в Москве «ему стошнило окончательно», и он бежал от нее в Польшу, оттуда проехал в Вену, побывал во Франции и Голландии, но после трех лет скитаний соскучился по родине и вернулся домой (Й663). Положение отца спасло его от суровой кары, но будущее его было испорчено навсегда.

Характерен этот возврат обратно домой. Люди отплывали от родного берега, но пристать к другому не могли: во-первых, там они оказывались никому непригодны, во-вторых, то, что издали казалось таким заманчивым, вблизи, хотя и не теряло своих достоинств, но оказывалось настолько чуждым духовному складу и понятиям, что также «тошнило» и не могло быть усвоено.

Бедный мотылек, Воин, выпорхнул из своей темноты, полетел прямо на ослепивший его огонь и обжег себе крылья. Один из первых — он не был последним. Пройдет немало времени, пока русские люди не научатся обращаться как следует с этим опасным огнем: греться около него, освещать свой путь, не обжигаясь и не сгорая.

8. Матвеев Артамон Сергеевич, боярин, начальник Посольского приказа, — тоже один из первых «западников». Его называли «друг и отец немцев». Он ценил общение с иностранцами, охотно пересаживал на русскую почву заморские новинки. Дом его был убран по-европейски, с разрисованными потолками, картинами немецкой и польской работы, изображающими святых. После изобретения Гюйгенсом часовой спирали вся Европа спешила обзавестись часами: часы были модой того времени, и часы в доме Матвеева были такой затейливой конструкции, что привлекали внимание самих иностранцев. Жена Матвеева была шотландка родом, своему сыну он дал тщательное образование: попав в немилость и посланный первоначально воеводой в Верхотурье, он, помимо большой дворни, не забыл взять сыну учителя, польского шляхтича Поборского.

Матвеев любил книжное дело. По его инициативе и по выработанной им программе Посольский приказ изготовил («построил») «Книгу о Сивиллах», «Книгу об избрании на царство Михаила Федоровича», а Менезий вывез из Рима краткие жизнеописания римских пап с их изображениями. Сам Матвеев

обзавелся хорошей библиотекой; в ней, между прочим, находились:

1) Политика Аристотеля; 2) Вергилий в подлиннике; 3) *De Civitate Dei* блаж. Августина; 4) «Слова» Иоанна Златоуста на латинском яз.; 5) Георгий Пахимер по-гречески и по-латыни; 6) «История» Юстина; 7) Библия на немецком яз.; 8) «Книга Мартина Лютера»; 9) *Moscovia* Антония Поссевина; 10) «Космография» Ботера; 11) «История» Кромера; 12) Хроника Вельского.

Матвеев завел у себя домашний театр; дворовые люди разыгрывали на нем «комедию», были там музыкантами и танцовщиками. По желанию царя Алексея он завел в Москве театральное училище под руководством немецкого пастора Иоганна Готфрида Грегори.

Э. Матвеев Андрей Артамонович, сын предыдущего. Отец дал ему тщательное образование на европейский манер. Матвеев знал европейские языки, говорил по-латыни, перевел «Анналы» Барония; за границей с большим уважением отзывались о его образованности. Его жену считали за границей «умною»; она была единственная из русских женщин, которая не румянилась. Матвеев — русский дипломат новой школы, с приемами не старомосковскими, а европейскими.

10. Князь Голицын Василий Васильевич, боярин, подобно своим предшественникам по управлению Посольским приказом, тоже носил в этой должности пышное звание «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегателя». Выдающийся и передовой человек своего времени. По образованию он, как и те двое, если еще не больше, стоял много выше обычного уровня. Знакомый с языками немецким, греческим и латинским, он владел последним с таким совершенством, что свободно вел на нем устную беседу. У него также была большая библиотека. Голицын ясно понял основную задачу века — более тесное сближение с Западом. Его дом открыт был даже для иезуитов, по тогдашним понятиям, наиболее опасных врагов русской веры и национальности.

Как приверженец царевны Софьи, он долгое время нес вместе с ней незаслуженно низкую оценку в глазах потомства. Видя Голицына в числе врагов Петра Великого, большинство привыкло смотреть на него как на противника преобразовательного движения, как на ретрограда. В действительности же Голицын — западник и сторонник реформ в европейском духе. Он покровительствовал иностранцам, готов был разрешить им сво-

Г—————Г

бодный въезд в Россию, сочувствовал образованию юношества, настаивал на отправлении молодых дворян в иностранные школы для обучения военному делу, хотел освободить крестьян от крепостной зависимости, завести постоянные посольства при европейских дворах, даровать религиозную свободу. Отличие Голицына от Петра Великого — в сочувствии западнокатолической культуре, тогда как Петр был сторонником протестантской Европы.

Дом Голицына был устроен на европейский лад. Заграничного привоза были: мебель, шпалеры, люстры, зеркала, картины, географические карты, часы, органы, цимбалы, столовые сервизы, искусственные цветы немецкой работы, подушки, набитые душистыми травами. Иностранные мастера, помимо картин (портреты, ландшафты, исторические сюжеты), украшали фресками потолки и стены комнат.

11. Постников Петр Васильевич, доктор Падуанского университета (1694—1695), «врач и философ», как он подписывался впоследствии, свидетельствуя тем, что обучался медицине и философским наукам. Его деятельность принадлежит всецело петровскому времени.

Западничество как отпадение от православия

12. Палладий Роговский, «первый русский доктор», как его иногда называют: учился у иезуитов, сперва в Вильне и Ольмюце, потом последние 7 лет в Риме, в коллегии св. Афанасия, где закончил свое образование со званием доктора философии и богословия (1687—1698). За границей он принял католичество, католиком приехал в Россию, но здесь покаялся и вернулся в православие. Звание спасло его: при общей бедности научных сил таких людей, как Роговский, нельзя было безнаказанно выбрасывать за борт. Последние три года жизни он был ректором Славяно-греко-латинской академии в Москве (ум. в 1703 г.).

13. Петр Артемьев. Ученик братьев Лихудов в Москве, он поехал с одним из них в Венецию (1688); там иезуиты обратили его в католичество. «Как ловко велось дело при этом обращении, видно из рассказов Артемьева: когда он спрашивал у латинян, чем их Римская церковь лучше Греческой, ему отвечали, что ничем, Римская и Греческая церковь равны, только разве в Римской церкви люди ученейшие. Молодой человек успокоился, что все равно, и стремился к ученейшим

людям, к книгам, написанным учеными людьми; восторженность, **страстность** и мистицизм некоторых католических писателей как нельзя больше пришлись по душе Артемьеву» (Соловьев)!. По возвращении в Москву (1691) Артемьев посвящен был в дьяконы, но за свое «латиномыслимое злочество» был расстрижен и сослан в Соловецкий монастырь (1698).

14. Ал|ексей Курбатов, маршалок боярина Б. Ц. Шереметева во время его путешествия за границу (1697—1698), будущий «прибыльщик» Петра Великого, находясь в Риме, подал докладную записку папе Иннокентию XII, «непогрешимому главе Кафолической церкви, истинному заместителю Христа». По приложенному списку Курбатов просил снабдить его книгами догматическо-религиозного содержания, предлагал свои услуги для пропаганды католичества в России, обнадеживая в ее успехе, обещал присылку в Рим русских молодых людей, а в Россию советовал отправить с ним двух иезуитов, говорящих по-польски и по-чешски и способных преподавать гуманиора, математику, живопись и архитектуру — он сумеет-де открыть им доступ в дома московской знати.

Впоследствии, вернувшись в Россию, Курбатов ничем не проявил своего латинства, но в 1698 г. он, по всей видимости, стоял на новом пути и не чувствовал там себя одиноким: он просит Иннокентия XII послать благословение, очевидно, папе известным, Палладию Роговскому и Петру Артемьеву, «первым трудникам на великой ниве предстоящего единения церквей».

15. Если Палладий и дьякон Петр, очутившись в латино-иезуитской школе, сознательно и по убеждению принимали католичество, то для иных такое обращение являлось вынужденным и временным компромиссом. Так, например, два наиболее известных и прославленных иерарха Русской церкви времен Петра Великого, Стефан Яворский и Феофан Прокопович, учась за границей в иезуитских школах, переходили в унию, но, вернувшись к себе на родину, снова возвращались в православие. В таком же положении оказался и некий Григорий Скибинский: он поехал в Рим, пробыл там в учении восемь лет (1688—1696), отрекся от православия, но, вернувшись в Москву, просил патр. Адриана принять его обратно в православную церковь. Согласие было дано лишь после тщательного розыска и испытания; на Скибинского наложили епитимию, кроме того, он должен был принести публичное покаяние и, вдобавок, письменно изобличить «латинскую лжу», в какой пребывал, проживая в Риме.

Эти и им подобные | примеры вынужденного униатства нагляднее всего убеждали в настоятельной необходимости обзавестись возможно скорее собственной школой.

ТЕАТР

1. 1660 г. Через *ШШ^&^цр*. Ивана Лебдоца царь Алексией хлопотал о вызове из-:«, границы «мастеров», умеющих «комедии делать».

2. 1672 г., 15 мая. Послан в Курляндию полковник фон Штаден с приказанием подыскать людей, «которые бы умели всякие комедии строить».

3. 1672 г., 4 июня. Пастор лютеранской церкви в Москве, Иоганн Готфрид Грегори получил от царя Алексея предписание **1**риготовить театральное представление на тему из библейской истории, по книге «Эсфирь». Специально в этих видах в с. Преображенском было построено особое театральное здание.

4. 1672 г., 17 октября. Первое представление «Эсфири» или, как ее также называли, «Артаксерксова Действа») состоялось в присутствии царя. Этим было положено начало русскому театру в России. На одном из последующих представлений **1**рисуствовала вся царская семья, в особой крытой галерее с тушенными решетками.

5. 1672—1676 гг.. Театральные представления давались, <rome с. Преображенского, также и в Москве («Юдифь и Олорерн», «Алексей Божий человек», «Жалостная комедия об \даме и Еве», драмы Симеона Полоцкого: «Притча о блудном :ыне», «О Навуходоносоре-царе»).

6. По смерти царя Алексея представления прекратились. Согласно маловероятному преданию, царевна Софья устроила в своей половине в Кремлевском дворце домашний театр, сама **1**ринимала в нем участие и даже сочинила драму в стихах: «Екатерина Великомученица». Представления давались будто бы в присутствии царя Федора, царевичей и всего двора.

7. 1702—1706 гг.. Театр в Москве. Немецкая труппа Яна Хуншта. По мысли Петра Великого, театр из простой забавы флжен был стать серьезным общественным делом. Царь «выцшнул театр из царского дворца на площадь, перенес его с тедоступного для большинства „Верху" в среду „охотных смот-

рельников", в среду всякого чина людей: царская „потеха" понята была теперь как насущная потребность образованного народа» (Тихонравов). Куншт и его преемник Фирст обязывались, кроме представлений, обучать русских учеников театральному искусству. Театр был закрыт, так как не удовлетворил царя, не выполнив поставленной ему цели. В репертуар театра входили, между прочим, Корнель и Мольер в переделке.

8. Домашний театр царевны Натальи, сестры царя Петра (ум. в 1716 г.), первоначально в с. Преображенском, потом в Петербурге. Представления были общедоступные и бесплатные. Репертуар: а) пьесы духовного содержания: «Юдифь», «Пророк Даниил», «Варлаам и Иоасафат», «Св. Екатерина» и др.; б) переделки переводных польских романов конца XVII ст.: «Петр-Златые Ключи», «Мелюзина» и др. Внутреннее достоинство этих пьес невелико: эпическое повествование заменено формой диалога — вот и вся драма как новая форма поэтического творчества: никакой попытки наметить характеры действующих лиц или обозначить драматизм положения. Во всяком случае, это были первые оригинальные, не переводные комедии на русском языке, и притом разыгрывались они собственными силами: все артисты и артистки были природными русскими.

9. Домашний театр царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича, в с. Измайлове, точнее: ее дочери Екатерины, герцогини Мекленбургской.

10. Хирургическая школа при военном госпитале, основанная в 1706 г. в Москве. Ее ученики в 1724 г., по поводу коронации царицы Екатерины, разыграли пьесу «Слава России».

11. Славяно-греко-латинская академия в Москве. Ее ученики разыгрывали время от времени пьесы на библейские темы: а) «Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным» (драма о богатом и бедном Лазаре, представлена в 1701 г.); б) «Страшное изображение второго пришествия Господня на землю».

Заключение. В рассматриваемую эпоху русский театр явление еще случайное; у него еще нет надлежащей почвы для прочного существования: ни подходящих сил, ни умения вызвать их к жизни, предоставив надлежащие к тому средства. Самая потребность в театре пока еще достояние ограниченного круга лиц, случайно оказавшихся его любителями. Несмотря

на старания Петра, русский театр за все это время так и остался одной забавой, простым развлечением, не более. Явлением общественным и вместе устойчивым, независимым от внешних случайностей, он станет лишь в царствование имп. Елизаветы Петровны.

ПРОТЕСТАНТСКИЕ ИДЕИ

1. Надо думать, известного рода натиском протестантских идей вызвано было появление книги Ивана Наседки «Изложение на люторы». М., 1642 — сборник статей, направленных против протестантского учения.

2. «Кириллова книга». М., 1644 — против протестантов и католиков.

3. В том же 1644 г., по поводу приезда в Москву Вольдемара, датского принца, намечавшегося в мужья Ирине, дочери царя Михаила Федоровича, происходило прение о вере с приехавшим с ним лютеранским пастором, и нельзя сказать, чтобы русская сторона оказалась достаточно подготовленной для богословского спора.

Петр и протестантство

1. Дружил с протестантами, не чуждался их.

2. Заходил в их церкви, присутствовал на их богослужении. Переводил на русский язык протестантские книги. С большим уважением относился к Лютеру.

3. Иные книги печатались без надлежащего предварительного ознакомления с их содержанием. Таково было «Богомыслие» И. Гергарда (Чернигов, 1711. Перевод Е. Максимовича, печаталось по приказанию Петра). Книга вызвала настоящий скандал после того, как в 1720 г. ее рассмотрели. Она была отобрана, запрещена, а впредь распорядились никаких новых книг не печатать без предварительной цензуры духовной. Учение об оправдании и спасении было изложено в духе протестантской, а не православной церкви: вера и без дел может-де быть не мертвой (Извеков).

Квирин Кульман

Квирин Кульман (1651—1689), полупомешанный поклонник Бёме, с больным умом (его часто посещали видения), он уже

к 23 годам жизни разорвал с церковью и проклял мирскую, университетскую науку, внутреннее откровение противопоставляя внешнему откровению, церковной догме, а внутренний голос — внешнему голосу, Библии. Убежденный фанатик, он уверовал в свое пророческое предназначение и проповедовал близкое падение земных царств, «Великого Вавилона-антихриста» и приближение истинного царства «иезуелитского», которое вернет людям потерянную ими райскую жизнь.

Кто такой был Бёме? Яков Бёме (Vohme, 1575—1624), мечтательный мистик-фантазер. Попытка разрешить мучительный вопрос о происхождении зла, о его назначении, выяснить, почему и как зло может уживаться с существованием Бога, — красной нитью проходит через все его творения. Не думая отделяться от Римской церкви, он, однако, по-своему, мистически толковал Книгу Бытия, происхождение мира и человека и источник своего учения видел в Божественном откровении. Разум человеческий — учил он — не в силах дать нам истинного познания Бога и мира, но через Христа мы можем вступить в единение с Богом и путем внутреннего откровения познать истину. Дело не в знании, а в сердце Христовом, в спасении души своей: знание же скорее вредит человеку. Зато, раз благодать Божия осенила нас, нам станет доступно познание причин всех вещей, величие Божие раскроется во всей своей глубине и взор наш проникнет в высшие миры, недоступные обыкновенному земному зрению (Тихонравов).

Последователей у Кульмана было мало, отовсюду его гнали, он жил в постоянной нужде. Не попав в Смирну, он очутился в Константинополе, наивно рассчитывая привести в свою веру турецкого султана, но вместо того дождался здесь лишь ста ударов по пятам. Скитаясь по Европе, он прослышал, что в Московском государстве жить хорошо и что ученых людей там «любят и приемлют». В Москве он очутился 27 апреля 1689 г., но уже через пять месяцев, 4 октября, был сожжен на костре.

В Немецкой слободе жило немало последователей Бёме, но до сих пор они жили спокойно, приезд же Кульмана всколыхнул их. Его пропаганда напугала в слободе одинаково и протестантов и католиков: местный пастор и иезуиты запротестовали, завязалась полемика — для Кульмана она неизбежно должна была кончиться дурно. Уже через месяц по приезде Кульмана в Москву, по доносу, его арестовали; когда же выяснилось, что он держит себя как пророк Божий, предвозвещает какое-то новое царство христианской веры, то участь его была окончательно решена.

Со смертью Кульмана идеи Бёме не затерялись: кроме иноземцев Немецкой слободы, они нашли себе последователей и среди коренных русских. Сочинения Бёме переводились; особенной популярностью пользовались его молитвы: на некоторых встречается заголовок: «иже во святых отца нашего Иакова Бемена». Сто лет спустя учение Бёме получило яркое выражение в сочинениях и в жизни масонов екатерининского времени (Новиков, Шварц, Гамалея).

РАСКОЛ

Главнейшие отличия старообрядческой церкви в обрядах и в чтении богослужбных книг

1. Двуперстие вместо троеперстия (когда крестятся). Троеперстие-де — это символ апокалипсической троицы: «змий, зверь и лживый пророк».

2. Двугубая аллилуйя вместо трегубой: трегубая-де «четверит Троицу».

3. Крест исключительно 8-конечный вместо (преимущественно) 4-конечного.

4. Хождение при крещении (вокруг купели), венчании (вокруг аналая) и в церковном ходу (при обходе церкви) — посылонь (по солнцу), а не против солнца.

5. Исключительно земные (великие) поклоны при чтении великопостной молитвы «Господи Владыко живота моего», а не 4 земных и 12 поясных (малых).

6. Имя Христово писать и произносить: «Исус», а не «Иисус».

7. 7-й член Символа Веры: «его же царствию несть конца», вместо «не будет конца».

8. 8-й член Символа Веры: «и в Духа Святого Господа истинного и животворящего» вместо «Господа животворящего».

9. Молитва Деве Марии: «Богородица, Дево, радуйся, обрадованная Мария», вместо «благодатная».

10. Псалом: «Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его» вместо «да расточатся».

11. Пасхальная молитва: «Христос воскрес из мертвых смертью на смерть наступив и гробным живот даровав» вместо «Христос воскрес из мертвых смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Кроме того, старообрядцы отвергают книги никоновской печати, допускают иконы только старых мастеров, до времени Никона, запрещают брить бороду и усы, отказываясь даже отпевать брадобрицев по смерти. Учение об антихристе нашло себе полное выражение лишь после собора 1667 г.

1659—1666 гг.

Благоприятные для развития раскола: Никон покинул патриаршую кафедру: авторитет его пошатнулся. Иоанн Неронов подает ряд челобитных; архим. Симеон Потемкин распространяет свои «Слова» (указание на появление антихриста); о Никоне слагаются легенды, как об антихристе. Раскольники пользуются широкой свободой, открыто собираются на совещания, жестоко нападая на вводимые перемены.

Аввакум (1621—1681)

Самый горячий, смелый, непримиримый и, по своей популярности, самый опасный противник никоновских преобразований. Раскол своим возникновением обязан, главным образом, ему. Громадная духовная сила; непоколебимая стойкость. В течение всей второй половины его жизни (1653—1681) на его голову неотступно сыплются беспощадные удары судьбы — он переносит их с замечательным бесстрашием и упорством. Ссылка, заточения, истязания, всякого рода лишения и страдания не только не сломили его, но, казалось, придавали ему лишь новые силы. Убежденное, образное слово, страстная речь, на языке, доступном пониманию даже самого простого, необразованного человека, фанатическая вера в правоту своего *credo* — зажигательно действовали на массу и завоевали ему многочисленных сторонников и заступников во всех слоях общества. Но Аввакум человек в шорах, узкий в своем понимании; его культурное развитие не ахти какое: одного поля ягода с Никоном.

Сослан в Тобольск (1653), оттуда на Лену и в Даурию (1656) — везде встречает сочувствие себе. Вызов в Москву: царь надеется обезвредить его, примирить с реформой (как примирил Иоанна Неронова, дозволив ему служить по старым служебникам). При дворе Аввакуму оказан ласковый прием (1664). Но Аввакум и здесь тот же неутомимый борец за старину: с *огнепальной» ревностью он добивается полной отмены «Никоновых затеек», ведет горячую пропаганду, пишет обличительные и увещательные послания, подает царю челобитные и вносит

большую смуту. Число его приверженцев растет (боярыня Морозова и Урусова). Сослан в Мезень. Через полтора года вызван снова в Москву, но уже на суд (1666). Собор расстриг его, проклял и заключил в Пустозерск. 14 лет в земляной тюрьме. Даже и в этой обстановке Аввакум не угаснул духом (челобитные). Полный разрыв и с светской, и с духовной властью: царь — такой же нечестивый еретик, как и Никон; православная церковь — «разбойничий вертеп»; сами православные — не христиане, а слуги антихриста и сатаны. Куда могли в ту пору привести такого рода заявления?.. Сожжен, вместе с Лазарем и Федором, за «великие на царский дом хулы».

Раскольничье брожение в Москве летом 1682 г. (Никита Пустосвят; Прение в Грановитой палате) — отголосок этого пустозерского аутодафе. Старообрядцы почитают Аввакума за священномученика. Аввакум, по энергии, силе воли и напряжению духовной работы — это «Петр Великий, только в обратную сторону» (Тихонравов).

Боярыня Морозова

Боярыня Морозова и ее сестра боярыня княгиня Урусова, обе пользовались видным положением при дворе, где и нашли позже себе поддержку (царица, сестра царя, Ирина Мих.). Стали фанатическими поклонницами Аввакума (1664). Лишение имущества, заточение, пытки, наконец, заключение в земляную тюрьму (1672) не сломили их воли и непреклонного решения пострадать за «старую веру» (умерли в конце 1675 г.; см. картину Сурикова «Боярыня Морозова»).

Бунт Соловецкого монастыря

Отказ (1657) принять Служебник (Требник) новой печати 1655 г. Наплыв в монастырь многих приверженцев старого обряда, ненормальное положение церкви в период междупатриаршества, при явной опале Никона, свободная пропаганда староверов в Москве — оказали нравственную поддержку соловецким монахам и укрепили их в их взглядах. Ряд челобитных царю (последняя челобитная в конце 1667 г., уже после проклятия, наложенного Великим собором 1667 г.) молят царя восстановить истинную веру: наступило-де время антихриста! Всецело проникнутая непримиримым духом Аввакума, эта челобитная, будучи, в отличие от других, стройным и систематическим выражением веропонимания старообрядцев, стала впоследствии своего рода символом их веры. Отказ принять

назначенного из Москвы архимандрита положил начало открытому сопротивлению. Семилетняя осада монастыря (осень 1668—январь 1676) царскими войсками. Почти все осажденные по взятии монастыря были перебиты; личный состав был обновлен в духе соборных постановлений 1667 года.

Начало преследования

Первоначально раскольническое движение развивалось в рамках исключительно церковных, но позже оно получило характер защиты русской национальности от вторжения иноземных (греческих и латинских) начал, и еще позже, отказав в повиновении светской власти как орудию антихристову (царь, впав в «никонианскую ересь», тем самым перестал быть «благочестивым») приобрело значение политического явления.

На брошенный ему вызов правительство ответило ожесточенным преследованием раскола. В 1676—1693 гг. состоялся ряд указов: не признающих православной церкви велено пытаться, а не раскаявшихся или проповедующих свое учение — сжигать в срубах; укрывателей бить батогами и ссылать, скиты раскольничьи — зорить. Особенно неумолимы были указы 1684, 1687, 1689 гг. Они в значительной степени содействовали развитию самосожжения («огненное крещение») среди раскольников (см. ниже).

Куда скрывались от преследования раскольники и старообрядцы?

На окраины государства, если же ближе к центру, то при условии найти там себе укромные, труднодоступные места.

1. Брынские леса в нын. Калужской губ.

2. Юго-западная окраина: Стародубовские леса, в Новгород - Северской области и по соседству, но уже за польским рубежом, урочище Ветка на р. Соже, близ Гомеля.

3. Среднее Поволжье: Керженские и Чернораменские леса Нижегородской губ. (уезды: Юрьевский и Балахнинский).

4. Нижнее Поволжье: по р. Иргизу.

5. Южная окраина: Дон, Астрахань, Кубань, Кума, Терек.

6. Восточная окраина: р. Урал, Прикамье, Сибирь, Поморье. Здесь сошлись, главным образом, последователи беспоповщинского толка: рассадник и главный духовный и культурный центр их — Выговская или Выгорецкая пустынь (Выговский Данилов монастырь) на р. Выге, Повенец. уезд, Олонецк. губ., основанная дьячком Данилой (1697). Выговцы собрали здесь

очень много древних рукописей и старопечатных книг (богословие, история, философия, риторика, космография) и привели свое учение в систему. Их многочисленные сочинения догматического и исторического содержания обеспечили беспоповщину на долгое; время жизненность и значительное число сторонников. Главными деятелями были братья Андрей и Семен Денисовы (см. ниже). Андрей заслужил у своих поклонников прозвание «Патриарха Поморской церкви».

I Старообрядство, и раскол

Старообрядцы, пока они оставались в пределах обрядовых отличий, непризнания новоисправленных книг или икон нового письма, вообще пока дело не касалось догматов веры, оставались наравне с принявшими реформу Никона в лоне той же православной церкви, хотя обе стороны и смотрели друг на друга как на исповедников двух различных вер. Но уже вскоре расхождение коснулось и понимания догматов — с той поры в глазах православной церкви они стали раскольниками. Сложилось два главных толка: поповщина и беспоповщина.

а) **Поповщина** — признает священство и все 7 таинств. Естественное вымирание священников, поставленных до 1667 г., и неимение таких же епископов (которые одни, по законам Православной церкви, имеют право посвящать во священство: Павел Коломенский умер еще при Никоне) поставила на очередь вопросы: как быть с посвящением? Одни стали принимать беглых попов, другим удалось, но много позже (1846), образовать в Белой Кринице (Буковина) иерархию с собственными епископами. Так возникли два разветвления поповщины: беглопоповцы (они не признают законности Белокриницкой иерархии) и Австрийское согласие. Главные центры поповщины: Ветка, Керженец, Дон, Иргиз, Рогожское кладбище в Москве.

б) **Беспоповщина** отвергает и священство, и таинства: иерархия истреблена, таинства осквернены пришедшим на землю антихристом; вступающих в беспоповщину следует перекрещивать, как еретиков. Отвергается: брак — ибо его некому совершать; моление за царя — ибо царь стал пособником антихриста. Главным центром и первой по времени организацией была Выгорецкая обитель (братья Андрей и Семен Денисовы), вообще русское Поморье на севере. Некоторая податливость поморцев в вопросах о браке и немолении за царя вызвала раскол: наиболее непримиримые образовали две секты: федо-

се е вцев (безусловное безбрачие; Преображенское кладбище в Москве) и филипповцев (категорический отказ молиться за царя). Сам основатель этой секты, старец Филипп, со всеми своими приверженцами сжег себя (1743), лишь бы не дать в руки правительства. Секта бегунов или странников — ответвление филипповцев: антихрист уже царствует в мире в лице царя, и все, что исходит от его власти, исполнять не следует: не записываться в ревизию, не платить податей, не иметь паспортов, не служить в солдатах. Без паспорта и без записи в ревизию нельзя жить на людях — приходится скрываться, бегать, странствовать — отсюда название секты.

Самосожжение («Огненное крещение»)

Своеобразным проявлением раскола было самосожжение, или, как его называли сами раскольники, «огненное крещение». Ожидание близкой кончины мира, энтузиазм религиозный и благочестивое желание достойно подготовить себя к предстоящему суду Божию породили у многих убеждение в необходимости, в целях духовного очищения, очистить себя огнем. Первоначально люди губили себя единственно по убеждению своих проповедников: полезно-де очиститься от грехов, принеся себя в жертву за любовь Сына Божия; но позже, когда правительство стало высылать духовных лиц для убеждения и войска, чтобы силой помешать такому самоистреблению, самоубийства получили новый смысл: добровольного мученичества за правую веру, подвига, ореола святости. «Самоистребление именно при таких обстоятельствах скоро получило преобладание и почти совершенно вытеснило самоубийство без мученичества: уже в конце XVII века находились раскольники, которые не без удивления спрашивали своих проповедников: как же нам гореть, когда нет преследования?» (Лопарев).

«Огненное крещение» пустило глубокие корни и вырвало много жертв. За каких-нибудь 16 лет (1676—1691) насчитывают 37 «гарей», в которых погибло свыше 20 000 человек. Сжигались большими партиями: десятками, сотнями, даже тысячами зараз.

Сибирская гарь 6 января 1687 г.:	1 000 чел.
Пошехонская гарь 1685 г.:	600 чел.
В Пошехонских лесах в 1680-х гг.: одновременно погибло	1 920 чел.
В Олонецких лесах 9 августа 1687 г.: более	1 000 чел.

Протопоп Аввакум был в числе сторонников «огненного крещения». Последнее нашло, однако, и среди самих раскольников горячих и убежденных противников: игумен Досифей, старец Евфросим! Последний написал обширный трактат на тему: «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» (1691).

Как Петр Великий относился к раскоку?

1. Раскольников, как таковых, как отступивших от церкви, Петр не преследовал; он проявлял к ним большую терпимость, редкую для того времени: с противниками церкви, говорил он, следует поступать «с кротостию и разумом», действовать на них убеждением, а не жестокими словами и «отчуждением», как это делается «ныне» (1715).

2. «Господь дал царям власть над народами, но над совестью людей властен один Христос».

3. Узнав, что какие-то купцы из раскольников живут «честно и прилежно», Петр сказал: «Если они подлинно таковы, то пускай веруют, чему хотят. Если рассудком, оказывается, нельзя обратить их от суеверия, то, конечно, тут не пособит ни огонь, ни меч; стать же мучениками за глупость — ни они такой чести не достойны, ни государству никакой от того пользы не будет».

4. Но тот же Петр немилосердно преследовал тех, кто являлся противником установленного строя, кто восстанавливал общественное мнение против его «новшеств». Таков был, например, Григорий Талицкий, или капитан Левин, в монашестве старец Варлаам: страдая падучей, Левин уверовал в появление антихриста в лице Петра, о чем и проповедовал всенародно. После жесточайших пыток Левина казнили, тело сожгли, а голову послали в город Пензу на показ тем, кто слышал его опасные речи (1722).

5. Когда в деле царевича Алексея оказались замешаны последователи старого учения (даже не «раскольники», а простые «старообрядцы»), то жестокая кара не миновала их. Таков подьячий Докукин, тоже всенародно, в церкви, бросивший царю в глаза упрек за то, что он лишил своего сына прав на престол — Докукина колесовали (1718).

6. Терпимость по отношению раскола не мешала Петру использовать ее в чисто фискальных интересах, облагая раскольников двойной подушной податью в пользу государственной казны. Разрешив выговцам в 1702 г. свободно исповедовать

свою веру, он зато приписал их к Повенецким железоделательным заводам, ценя в них добросовестных работников. Даже более. В 1711 г. предписано было, под угрозой «жестокое наказания», не чинить выговцам никаких обид и притеснений.

Меры Петра Великого против раскола

1. Указ 8 февраля 1716 г. Раскольники обложены подушной податью в двойном размере; в этих видах их велено всех переписать (П. С. Зак. № 2991).

2. Два воззвания Св. Синода к раскольникам, 27 января и 3 апреля 1722 г., с увещанием вернуться в недра православной церкви и с вызовом на собеседование о предметах несогласия (П. С. Зак. № 3891, 3925). На эти воззвания никто не отозвался.

3. Указ 6 апреля 1722 г. обязывал раскольников и бородачей носить, для отличия от православных, верхнюю одежду старого фасона: зипун со стоячим клееным козырем для раскольников — козырь красного цвета, ферязь и однорядка с лежащим ожерельем. За бороду пошлина положена в 50 руб.

4. Указ Синода, 23 апреля 1722 г., о рассылке миссионеров для борьбы с расколом.

РАСКОЛЬНИЧЬЯ И ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЬЯ ЛИТЕРАТУРА ¹

А. XVII в.

1. Арсений Суханов. Прения с греками о вере. 1650. Автор — один из самых ревностных приверженцев тех обрядов, с которыми несколько лет спустя патр. Никон поведет энергичную борьбу: сугубая алилуя, двуперстие и др.

Представители православной господствующей («никонианской», как ее обзывали противники) церкви не отличали, особенно в пылу литературной полемики, раскольников от старообрядцев, признавая и последних тоже впадшими в раскол. Между тем разница между ними существенная: одни нарушили чистоту православной веры, неправильно толковали православные догматы, другие — придерживались иных обрядов и православными не переставали быть. В дальнейшем нашем изложении, однако, эта разница оставлена без внимания: вопрос идет не об оттенках той оппозиции, какую встретила себе православная церковь, а о взаимных отношениях двух лагерей: господствующей церкви и всех тех, кто не признавал ее.

2. Епифаний Славинецкий. Скрижаль. Москва, 1655. Объяснение обрядов православной церкви, с особым приложением — защитой реформы патр. Никона.

3—13. Раскольничья литература

3. Поп Лазарь. Челобитная царю. 1666 г. 70 обличений на «Скрижаль» и другие новоисправленные книги.

4. Он же. Другая челобитная царю, из Пустозерска (такая же и патр. Иоасафу II), с увещанием восстановить древнее благочестие. 1668, февраль.

5. Дьякон Федор. Челобитная царю. 1666.

6. Он же. Послание из Пустозерска к сыну Максиму и братьям по вере, по поводу различного с Аввакумом толкования церковных текстов.

7. Он же. Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифаний.

8. Он же. Послание об антихристе.

9. Челобитная монахов Соловецкого монастыря, 1667, октябрь.

10. Протопоп Аввакум. Сорок две челобитные и послания полемического содержания из заточения в Пустозерске: к царю, высокопоставленным лицам и своим единомышленникам. 1668—1681.

11. «Житие протопопа Аввакума», написанное им самим, — одна из наиболее ярких страниц в истории русского раскола, рисующих те болезненные отношения и взаимное ожесточение, какие сложились между сторонниками и противниками церковной реформы Никона.

12. Никита Пустосвят. Челобитная: обличение «Скрижали». 1666.

13. Савва Романов. История раскольничьего движения в Москве летом 1682 г.: прение в Грановитой палате 5 июля; что предшествовало ему и что за тем последовало.

14—17. Противораскольничья литература

14. Симеон Полоцкий. Жезл Правления. М., 1666: полемика с Никитой Пустосвятом и попом Лазарем по поводу их челобитен.

15. Юрий Крижанич. Обличение Соловецкой челобитной.

16. Увет духовный. М., 1682. Первоначально приписывался патр. Иоакиму. Вероятные авторы: холмогорский архиеп. Афанасий и Карион Истомин. Это одно из лучших сочинений

против раскола: главным образом посвящено опровержению Соловецкой челобитной; изложена также история раскольнического движения в России.

17. Игнатий, митрополит Тобольский (1693—1701). Три окружных послания: обличение раскольников; развитие раскола в Сибири.

Б. Время Петра Великого

1. Печатное противоправительственное воззвание («лист») к православным: не допускайте брадобрития, стойте за веру и старину против новшеств, вводимых царем.

2. Григорий Талицкий, книгописец, распространял свои «тетрадки», доказывая в них, что, во-первых, антихрист уже пришел в мир и с ним наступило последнее время; во-вторых, антихрист этот — царь Петр. Народ призывался не платить податей. 1700 г., июнь. — Талицкого сожгли, а в опровержение его Стефан Яворский написал «Знамение пришествия антихристового и кончины века». Москва, 1703. «Книгу читали те, кто и без нее не верил, что Петр — антихрист, а в низших слоях народа книгу Стефана не читали, и мысль об антихристе не умирала в людях, страдавших боязнию нового» (Соловьев).

3. Андрей Денисов (знаменитый расколоучитель и устроитель Выговской пустыни), О бытии последнего времени и противнике антихристе: полемика с Яворским, в подкрепление мыслей Талицкого.

4. Митр. Ростовский Димитрий. Рассуждение о образе Божий и подобии в человеце. Написано в 1705 г.; печаталось в 1714 и 1717 гг., может быть, даже и раньше, в 1707 г., как одна из глав будущего «Розыска о Брынской вере» (см. ниже), в которое оно, действительно, и вошло. Автор старался доказать, что брить бороду не составляет никакого греха, равно и растить ее еще не спасение.

5. На подметное письмо о рождении антихриста, новгородский митрополит Иов тогда же написал в опровержении «Ответ краткий на подметное письмо о рождении сими временами антихриста». Москва. 1707.

6. Димитрий, митрополит Ростовский. Розыск о раскольничей Брынской вере. Написано в 1709 г., в год смерти автора; книга была напечатана много позже: Москва, 1745. Это обстоятельная критика расколоучения (антихрист, самосожже-

ние, брадобритие) и защита православия (иконопочитание, почитание мощей). Бры некой названа вера по Брынским лесам (см. выше).

7. Соборное деяние киевское, на армянина еретика Мартина. СПб., 1718. Москва, 1718, 1720. Это литературный подлог, составленный с полемическими целями против раскольников Стефаном Яворским, по мысли царя. «Со старого пергамента соскоблили (и довольно неудачно) прежние письма и почерком XVIII столетия, новым языком, написали на нем деяние, бывшее будто бы в 1157 г.» (Мельников). Требовалось доказать, что в Киеве русские пастыри церкви еще в XII в. осудили двуперстие, как еретическое, назвав его «армянским кукишем», причем список этого Деяния, якобы писанный рукой митр. Димитрия Ростовского, позже, по смерти святителя, найден был в его бумагах. Имя Димитрия было приплетено согласно прямому указанию Петра, который подал мысль «написать книгу о ханжах, а в предисловии явить то дельцом Ростовского со товарищи». — Андрей Денисов тогда же доказал, в своих «Поморских Ответах», что никакого Соборного деяния в Киеве в 1157 г. не было и быть не могло.

8. Нижегородский епископ Питирим, полемизируя с раскольниками Дьяконова согласия, что на Керженце, в Чернораменских лесах, поставил им 130 вопросов, требуя разъяснений на них или опровержения, 1 января 1718 г. — Дьяконовцы, прежде чем дать ответ, в свою очередь выработали и послали Питириму от себя 240 вопросов, 1 августа 1718 г., а потом и свои ответы, мая 1719 г., после чего решено было для состязания собраться 1 октября того же года.

9. «Объявление...». СПб., 1720. О том, с каким успехом еп. Питирим состязался в вере 1 октября 1719 г. с раскольниками: состязание, по словам «Объявления», кончилось полным поражением противников: дьякон Александр и его единомышленники принесли покаяние. В действительности же Питирим силой вырвал у них подпись: перед тем он держал их в кандалах и угрожал «ранами». «Объявление» долгое время пользовалось полным доверием, и наши исследователи опирались на него как на положительный исторический документ. Кроме «Объявления» была напечатана:

10. Пращица, новосочиненная против вопросов раскольнических. СПб., 1721. Содержание: описание прений 1 октября 1719 г.; 130 вопросов Питирима (но без ответов на них); 240 Дьяконовых вопросов с ответами Питирима. В приложении еще раз напечатано Соборное деяние на еретика Мартина.

11. В силу синодского указа 23 апреля 1722 г. о рассылке миссионеров для борьбы с расколом, иеромонах Неофит отправился на север и, выработав 106 вопросов, как программу предстоящих бесед, предложил их на обсуждение братии Выговской пустыни. Вопросы вызвали знаменитые «Поморские Ответы» братьев Андрея и Семена Денисовых. «Ответы» замечательны по своей эрудиции; это настоящий богословский трактат: учение выговцев приведено в стройную систему и отчетливо противопоставлено учению православному. «Ответы» стали для последователей беспоповщинского толка своего рода евангелием и прочной точкой опоры их вероучения. Другое полемическое сочинение (писано одним Андреем Денисовым) — «Дьяконовы Ответы». Раскольники называют Андрея Денисова «патриархом Поморской церкви».

БОРЬБА С НОВШЕСТВАМИ И СО СТАРИНОЙ

Борода

«Борода стала символом русской народности, русской старины и предания. Ненависть к латинству, ведущая свое начало в нашей литературе даже с XI века, а потом, впоследствии, ближайшее знакомство и столкновение наших предков с западными народами в XV и особенно в XVI веке способствовали русскому человеку к составлению понятия о том, что борода как признак отчуждения от латинства есть существенный признак всякого православного и что бритье бороды — дело неправославное, еретическая выдумка на соблазн и растление добрых нравов» (233). «Бритье бороды разом нарушало и православные предания, и народный обычай. По понятиям не только XVI века, но и XVII, русский человек, сбивший себе бороду, становился не только неправославным, но и не русским» (234).

Однако «богомерзкая новизна» стала заводиться, по видимому, с давних пор. Стоглав мечет гром и молнии на брадобрйцев, и самая энергия, с какой он грозит отлучением брадобрйце (кто умрет со сбритой бородой, «не доставит над ним служить, ни сорокоустия по нем пети, ни просфиры, ни свечи по нем в церковь не приносить»), уже свидетельствует о размерах зла. Филиппики, «слова» о разобритии не прекращаются и в XVII в., и все же «зло» затронуло лишь самый тонкий слой толщи народной (Буслаев).

1

1. Стоглавый собор 1551 г. наложил отлучение на бреющих бороду.

2. Максим Святогорец в послании к Ивану Грозному горячо восставал против брадобрития, как искажения образа, созданного самим Богом.Г

3. Иван Грозный Поссевину, 1682 г.: не только брить, но и «подсекать» бороду было бы преступлением против религии.

4. Патриарх Филарет налагал проклятие на тех, кто сбрасывал бороду.

5. Царским указом 6 авг. 1675 г. запрещено подстригать волосы на голове и носить платье и шапки иностранного образца (П. С. Зак. № 607). Указ этот был вызван тем, что молодой князь Масальский подстриг у себя на голове волосы, за что был наказан: исключен из списка стряпчих и записан в жильцы, т. е. понижен чином.

6. Патриарх Иоаким соборне осудил брадобритие и подстригание волос, как «еллинский, блуднический и гнусный обычай».

7. Последний патриарх русский Адриан в своем «Слове» заклинал православных не брить бород и не подстригать их: это-де обычай еретический; с одними усами, без бороды, Господь Бог создал одних только кошек и псов; взгляните на икону Страшного Суда: праведники там все с бородами, а ошую Христа — все безбородые.

8. Вернувшись из-за границы, царь Петр немедленно издал распоряжение о ношении бороды. Текст такого распоряжения (если вообще он был опубликован) до нас не дошел, зато сохранился октябрьский указ 1698 г. о чеканке бородовых знаков в удостоверение уплаты пошлины за право ношения бороды. Единственный сохранившийся экземпляр такого знака (по форме — мелкая монетка), с надписью: «Денги взяты 207 году», хранится в Эрмитаже.

9. Указ 16 января 1705 г.: «чтобы впредь бороды и усы брили»; с нежелающих бриться взималась плата: 100 (высший слой купечества), 60 (придворные, служилые, приказные, второклассное купечество и посадские люди) и 30 руб. (простонародье, за исключением, впрочем, крестьян: вместо единовременного налога они уплачивали по 2 денги каждый раз, как въезжали и выезжали из города) (П. С. Зак. № 2015).

10. Указ 29 дек. 1714 г.: кнут и каторга, кто носит бороду, не уплатив пошлины (П. С. Зак. № 2874).

11. Указ 6 апреля 1722 г.: 50 руб. пошлины за бороду. (См. выше: Меры Петра против раскольников).

12. Указ 1724 г.: жены бородачевы обязаны носить платье, опашни и шапки с рогами (П. С. Зак. № 4596).

13. Указ 13 ноября 1724 г. об изменении внешнего вида бородовых знаков (назначение же самых знаков: служить распиской в получении пошлины за право ношения бороды — осталось прежним).

Платье

1. Во времена Грозного вошло в обычай носить на голове татарские ермолки («тафьи»). Стоглавый собор осудил обычай стоять в церкви, не снимая шапок и этих тафей.

2. «Беседа валаамских старцев» жалуется на обычай носить турецкую одежду (шляки и порты).

3. Боярин Морозов, воспитатель детей царя Михаила Федоровича, одевал царевичей и детей, что воспитывались вместе с ними, в немецкое платье.

4. Патр. Никон сжег шитое по иноземному образцу платье, в которое боярин Никита Иван. Романов, двоюродный дядя царя Алексея, одевал временами свою прислугу. Романов и сам, когда ездил на охоту, любил наряжаться в польское или немецкое платье.

5. Находя, что пышный и тяжелый костюм русских послов, отправляемых за границу, стесняет их движения; что русские всех классов, не исключая простых крестьян, носят дорогую одежду: подшивают шубы и шапки дорогими мехами, оторачивают сорочки бисером и золотом, Крижанич советует принять за образец покроя и форму одежды у иностранцев, и почин в этом взять самому правительству, сделав опыт на царских стрельцах и придворных.

6. Царским указом 6 августа 1675 г., одновременно с запретом подстригать на голове волосы, не дозволено также носить платье и шапки иностранных образцов.

7. Женская прислуга у иноземцев Немецкой слободы нашивала немецкое платье по требованию господ.

8. Указ царя Федора, 1681 г., октябрь: высшие придворные чины обязывались носить короткие кафтаны; длинные охабни и однорядки не допускались ни во дворец, ни в ограду Кремля.

9. Указ 4 января 1700 г. о венгерских кафтанах: их обязаны были носить: высшие чины, служилые и торговые люди, люди боярские — последние, если живут в городах (П. С. Зак. № 1741).

10. Новый указ, 26 августа 1700 г.: о ношении французского и венгерского платья.¹

11. Третий указ, 17⁶¹ г. (месяц не указан): все, и мужчины и женщины, должны носить немецкое платье; освобождено лишь духовенство (однако не попадьи и не дьяконицы!) да пашенные крестьяне; крестьяне же помещичьи и вотчинные] если живут в городах для промысла, изъятию не подлежат: «а русского платья и черкесских кафтанов, и тулупов, и аязмов] и (штанов, и сапогов, и башмаков, и шапок отнюдь никому н0 носить, и на русских седлах не ездить, и мастеровым людям не делать и в рядах не торговать» (П. С. Зак. № 1887).

12. Указ 1714 г., 29 дек.: кнут и каторга за торговлю русского платья (П. С. Зак. № 2874).

Табак

1. Указ 1634 г. грозил смертной казнью тем, кто курит табак и торгует этим «богоненавистным и богомерзким зельем».

2. По фискальным соображениям, правительство начало само продавать табак, 1648 г., «чуть не на вес золота», объявив продажу казенной монополией. Однако после июньского мятежа того же года монополия была отменена и восстановлен закон 1634 г.: Уложение 1649 г. стало подвергать за «питье» табака пытке; провинившихся били кнутом, пороли им ноздри и резали носы.

3. Крестьяне Кирилловского монастыря обвинялись (1682), в том, что они «пьют табак».

4. Указ 1 февраля 1697 г. о вольной продаже табака во всем государстве. Указ этот, едва вошел в силу, уже вызвал протесты: архимандрит Тихвинского монастыря предавал проклятию тех, кто продавал табак, и тех, «кто указал торговать» им (дело 1698 г., марта).

Забавы

1. В декабре 1649 г. разосланы грамоты со строгим наказом: ни на каких музыкальных инструментах не играть; запрещены: гусли, бубны, зурны, домры, волынки, гудки — всякое скомо-рошество и «бесовские игры» прекратить — в домах, на улицах и в полях песен не петь, не плясать, в ладони не бить, в хороводы не играть — на качелях не качаться — в зернь, в карты, в шахматы не играть — на святках не наряжаться.

¹ В П. С. Зак. его нет. (*Прим. автора*).

Непослушных велено бить батогами, а маски и инструменты сжигать.

2. Известны случаи, когда угроза, действительно, **Исполня-**лась: по приказу патр. Иоасафа, обыскали дома, наложили 5 возов волюнок, гудков, гусель и проч. и сожгли все это за городом Москвой. Собор 1666 г., в свою очередь, тоже осудил эти народные забавы, однако такой монастырский режим власти сами же первые нарушили.

3. Еще в 1626 г., на свадьбе Михаила Федоровича (Евдокия Лук. Стрешнева) во дворце была музыка: органы и цимбалы; играли скрипачи, домрачей и гусельники, и даже скоморошествовали скоморохи.

4. Сжигая 5 возов инструментов, патриарх, однако, не тронул Никиту Ивановича Романова, царского родственника: тот продолжал держать у себя орган и другие инструменты заморского привоза на свою потеху.

5. Царь Алексей устроил у себя 28 октября 1674 г. вечеринку: были царский духовник, бояре, думные дьяки, все «без мест». «А после кушанья изволил вел. государь тешиться всякими играми: в органы играли и в сурну, в трубы трубили и в суренки играли, в бубны и литавры били». Царь напоил своих гостей допьяна и отпустил их уже под утро.

КАРТОГРАФИЯ 1613—1725 гг.

1. «Большой Чертеж» — маршрутная карта с объяснительным текстом — «книгой». Составлена в царствование Федора Ивановича, последнего Рюриковича, и значительно дополнена в XVII ст. За ветхостью оригинала, карту не только исправляли и пополняли, но и трижды копировали, переводили на новый лист: в 1626, 1671 и 1680 гг. Куда девался оригинал и эти три копии — остается неизвестным. Сохранилась лишь «книга» (издавалась: 1772, 1792, 1838, 1846 гг.). — «Большой Чертеж» лег в основу прекрасной карты, изданной Гесселем Герардом в 1613 г. (и в 1614 г.). По его словам, издатель пользовался экземпляром царевича Федора Борисовича Годунова: *Tabula Russiae ex autographo, cuod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris*. Возможно, однако, что Г. Герард пользовался также картой прибрежных областей Ледовитого океана, изданной Исааком Массою и, несомненно, основанной на «Большом Чертеже» (приложена к книге Массы: *Descriptio ac Delineatio geographica*, 1613).

2. Карта Сибири, 1668 г., составленная по приказанию московского правительства под наблюдением сибирского воево-

ды П. Годунова. Сохранилась в копии 1669 г.: Стокгольм. Госуд, архив. Напеч. Норденшельдом в ъ^о собрании древних карт: *Samling af Gamla Kartor ofver Rugka Riket*, 1892. Объяснительный текст: А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890.

3. Ремезов. Чертежная книга Сибири- 1701 г.

4. Шхонбек. План устьев р. Северно^ Двины. 1701 г.

5. Генеральная карта Азовского моря от Азова до Керчи, 1701 г.; снабжена русской надписью. Это, «кажется, первый образчик отечественного картографического издания» (О. В. Струве).

6. К. Крюйс. Атлас реки Дона: *Nieuwe, en seer accurate caert... de rivier de Don of Tanais*, Амстердам, 1703.

7. Соймонов и фон Верден, работы по составлению карты Каспийского моря, 1715—1726 гг.

8. С 1717 г. Петр Великий приступил к составлению Генеральной карты всей России, на основании точных астрономических определений местности и геодезических измерений. Работа была возложена на геодезистов, разосланных с этой целью (до 30 человек) в разные места вплоть до Камчатки, ставшей известной лишь за 20 лет перед тем. Результаты этой работы — первый русский атлас появился в свет в Петербурге уже по смерти императора: *Atlas imperii Rossici*, 1726—1734.

9. Карта Сибири, составленная Берингом в первую его экспедицию, снаряженную по инициативе Петра, 1730 г.; с надписями на русском языке; хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме, напеч. Норденшельдом: *Samling ...* 1892.

ЗНАКОМСТВО С АЗИАТСКИМИ СТРАНАМИ

Каспийское море. Индия

Открытие морского пути в Индию вызвало торговую конкуренцию европейских государств. Большую энергию в этом направлении проявили англичане. Убедившись, что пробраться туда через Северный Ледовитый океан невозможно, они наметили сухопутную дорогу через Россию, тем более что она открывала им рынки также в Персии, вообще в Средней Азии (поездка Дженкинсона при Иване Грозном на Каспийское море и в Бухару). Голштинское посольство в Персию, отправленное

в царствование Михаила Федоровича и описанное Олеарием, ставило себе такие же цели. Торговое значение восточных стран скоро было понято и в самой России.

При царе Алексее индийским купцам было дозволено торговать в Астрахани, а некоторое время спустя и в самой Москве; царь всячески старался завязать сношения с отдаленной Индией, отправлял к Великому Моголу послов (1646, 1651, 1675), однако безуспешно. Первые два не доехали до места назначения — им помешали военные действия, открывшиеся тогда у персов с Великим Моголом; третьего же бесцеремонно попросили убраться восвояси, лишь только он, отправленный во избежание повторения прежних помех иным путем, добрался до пограничного города Кабула; там ему заявили, что Могол никогда никаких сношений с таким отдаленным государством, как Московское, не имел да и надобности в них не имеет. Впрочем, несколько позже, в 1695 г., купчине Семену Маленькому удалось-таки побывать в Агре и в Дели. Великий Могол отправил с ним слона в подарок царям.

Петр Великий не покинул мысли отца: он также ищет путей в Индию. Еще в 1697 г., из Амстердама, он посылает туда морем кн. Шаховского, потом в Персию (1715), Бековича в Хиву и Бухару отыскивать путь в Яркенд (1714, 1715, 1716). Яркенд служил складочным местом товаров, идущих из Индии в Северную Азию, лежал по дороге из Великой Бухары в Китай. Ходили баснословные слухи о богатых золотых россыпях в этом крае. Бековича убили в Хизе (1717), но его попытка проникнуть в Среднюю Азию со стороны Каспийского моря, равно и произведенное тогда же обследование западных берегов этого моря (1719), не осталась бесплодной: выиграло, если не торговля, то землеведение: географическое знакомство с тамошними странами сделало большие успехи: во-первых, выяснилась ошибочность старого представления, будто р. Оксус (Амударья) впадает в Каспийское море; во-вторых, самое это море представилось в совершенно ином виде. Прежде думали, что оно тянется в виде широкого корыта с запада на восток, и Парижская академия наук не без удивления следила за тем, как Петр Великий, приглашенный в ее заседание, набрасывал от руки совершенно иной контур Каспийского водоема. Присланная позже царем подробная и тщательно выведенная карта должна была окончательно убедить образованную Европу, что Каспийское море имеет направление с севера на юг и, по форме, ничего общего с корытом.

Пробирался Петр к Яркенду и со стороны русских владений, из Сибири, вверх по Иртышу. Постройка крепостей Омска (1715), Семипалатинска (1718) и Усть-Каменогорска (1720); экспедиция генерала Лихарева за озеро Зайсан (1720) — этапы на этом пути. Поиски торговых путей дали один несомненный результат: они положили начало нашему продвижению и господству в Киргизских степях и в горных долинах Алтая.

Сибирь и КумДжу

Не остался у первых Романовых в пренебрежении и Дальний Восток, только почин в ознакомлении с ним принадлежал на этот раз уже не им. Подобно тому, как царство Сибирское было завоевано вольницей донского казака Ермака Тимофеевича, так и всю остальную Сибирь в орбиту русской жизни ввели такие же казачьи дружины плюс компании промышленников, добровольных разведчиков, или, как их тогда называли, «добытчиков» и «прибыльщиков». На лыжах или нартах, с пищалью и луком в руках, далеко не всегда с огнестрельным оружием, эти «русские землепроходцы», налагая, именем великого государя, ясак на туземцев, действительно, прошли через всю Сибирь, и лишь потом, вслед за ними, появились царские воеводы, ставя острожки и укрепленные города. В каких-нибудь 60—65 лет после Ермака русский человек добрался до Великого океана, спустился к устьям многоводных рек, несущих свои воды в Ледовитый океан, и очутился у границ Китая.

Последовательно основаны города и впервые открыты пути:

- 1587 г. — Тобольск
- 1601 г. — Мангазея, на притоке Енисея (заглохла еще в конце века)
- 1604 г. — Томск
- 1607 г. — Туруханск (заменял собой Мангазею)
- 1618 г. — Енисейск
- 1628 г. — Красноярск
- 1632 г. — Якутск
- 1635 г. — Олёкминск
- 1638 г. — Верхоянск
- 1644 г. — Нижнеколымск
- 1645 г. — Поярков, первый из русских, проехал по р. Амуру
- 1648 г. — Охотск
- 1648 г. — Казак Семен Дежнев обогнул, плывя с севера на юг, Чукотский нос и первый из европейцев по-

лучил возможность узнать, что Азиатский материк отделяется от Америки проливом

1651 г. — Хабаров основывает город Албазин на р. Амур

1652 г. — Иркутск

1654 г. — Нерчинск

1697 г. — Алтасов открывает Камчатку

Землепроходы, эти русские Колумбы и Кортесы, открыли Сибирь — вслед за ними явились новые люди, которые ознакомили нас с краем, завели торговые и дипломатические сношения с соседними народами. Посольства к иноземным государям первоначально носят характер простых разведок и ведутся даже не всегда от имени центрального правительства московского.

1608 г. Посольство к монгольскому хану шлет томский воевода, а следующие три — воевода тобольский.

1616 г. К тому же монгольскому хану; послан атаман Тюменец, однако под видом царского посланца.

1618—1620 гг. Казак Петелин послан в Китай с разведочными целями. Составил «Роспись Китайскому государству», напеч. СПб., 1818, голландский перевод: 1707 г.

1654—1657 гг. Боярский сын Федор Байков послан в Пекин. Посылка целей не достигла: собрать данные о китайской торговле и местных порядках Байкову не удалось; китайцы - все время держали его на положении пленника, лишив всякого общения с внешним миром; зато его описание самого путешествия, обильное ценными данными, точный маршрут впервые пройденного пути, определение караванной дороги через калмыцкие и монгольские степи положили начало серьезному географическому знакомству с Сибирью и Китаем. Раньше всего труд Байкова оценен был за границей: Витсен напечатал извлечение в своей книге **Nord — en Oost — Tartarie**. 1692; отсюда оно переводилось на языки французский, немецкий и английский.

1675—1678 гг. Николай Спафарий, иноземный выходец, переводчик Посольского приказа, послан в Китай. Это было первое официальное посольство от русского царя к Сыну Неба. Спафарий собрал ценный материал для знакомства с Сибирью и Китаем; он подробно описал весь свой путь от Тобольска до границ Китая, впервые дал московскому правительству возможность обстоятельнее ознакомиться с новыми русскими вла-

дениями в Забайкалье и на Амуре и, наконец, дал описание китайской земли, по которой проезжал, прием посольства, переговоры и т. п.

1| Путешествие. СПб., 1882.

2L Статейный список посольства. СПб., 1906. Иезуит Авриль, эдучи в Москве в 1685 г., использовал сведения Спафария для своей книги «Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin a la Chine* (Paris, 1693).

1692—1695 гг. Избранд Идее, голландец, послан царями в Ситай, дал описание своего пути, сообщил немало новых сведений. Напеч. по-русски. М., 1788 (Вивлиофика Новикова), голландский текст: 1704, тогда же и переводы немецкий и английский.

1719 г. Посылка двух геодезистов на Камчатку с целью жзыскать: «сошлась ли Америка с Азией» или нет. Очевидно, об открытии Дежнева или забыли, или совсем не знали.

1720—1726 гг. Экспедиция немецкого ученого Мессершмидта, посланного царем Петром для изучения природы и этнографии Сибири (коллекции птиц, гербарий, наблюдения метеорологические, карты местности). Собранные им данные были опубликованы много позже, зато спутник и сотрудник Мессершмидта, пленный швед Страленберг напечатал, вернувшись на родину, «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa's und Asia's*. Стокгольм, 1730. Книга, переведенная на несколько языков, пользовалась большой известностью в XVIII в.

1724 г., 23 декабря. Инструкция Петра (за месяц до смерти) капитану Берингу, датчанину, которого он посылал на Камчатку выяснить вопрос о соединении Азии с Америкой. Беринг открыл пролив, который был назан его именем, уже по смерти царя (1728).

Характерно, что все эти описания ученых поездок и дипломатических миссий появились в печати сперва на иностранных языках, и уже многим позже по-русски. Почему? Во-первых, немалая часть авторов были сами иностранцы; во-вторых, в России описания эти обслуживали нужды одного только правительства, которое легко знакомилось с ними и в рукописи, широкие круги читателей мало интересовались вопросом — самый уровень образованности, очевидно, был ниже, **Чем** на Западе.

Все же уже и теперь знание начинает цениться как знание. Совершенно частному почину обязаны своим появлением два сочинения о Сибири:

1. Юрий Крижанич. *Relatio de Siberia* (Повествование о Сибири), напеч. только перевод. СПб., 1822: новые оригинальные данные, основанные на живых показаниях и преданиях: климат, население, пути сообщения, промыслы, инородцы, история покорения Сибири.

2. Григорий Новицкий. Краткое описание о народе Остяцком. СПб., 1884, перевод, почти полный: Weber. *Das veranderte Russland. Francofooti, 1721*: границы Сибири, естественные богатства, нравы, обычаи, суеверия инородцев, крещение остяков и вогуличей.

Таким образом, эпоха Петра Великого, как и в других областях знания, придала сибироведению характер преимущественно научный вместо того практического, утилитарного, какой оно носило в XVII в.

Большая русская северная экспедиция

Вечно деятельная, испытующая мысль Петра не заглохла и после его смерти, дала живо чувствовать себя в работах ближайшего к нему поколения. Беринг выполнил свою задачу, открыл пролив; и вместе с тем открыл новые горизонты, вызвал к жизни новые проблемы; стало ясно, что дело только начато, что необходимо продолжить его. Первая Камчатская экспедиция (1726—1730) породила вторую, организованную Академией наук как продолжение первой и в духе прежних предначертаний. Поставленная на небывало широких основаниях, эта вторая экспедиция превратилась в Большую русскую северную экспедицию 1732—1743 гг. и составила эпоху в изучении Азиатского материка. Она разбилась на две основные группы:

А. Изучение материка Сибири. Сухопутная экспедиция.

1. Академик Миллер обследовал архивы и вывез массу исторического материала, который позже лег в основу как его собственных исторических трудов, так и изданий научных обществ (Археографическая Комиссия и др.).

2. Академик Гмелин, натуралист, собирал коллекции, осматривал (как и Миллер) местные достопримечательности, наблю-

дал нравы, обычаи народные (поэзия инородцев, их верования) и всему виденному вел дневник.

3. Студент Академии Крашенинников. Его «Описание Камчатки» — первый рассказ о стране, до тех пор совершенно неизвестной, было настоящим открытием для ученого мира и вызвало живейший интерес в ученых кругах Европы.

4. Академик Делиль, астроном, определил несколько сотен астрономических пунктов, наблюдал прохождение Венеры перед солнечным диском.

В. Изучение побережья Ледовитого и Тихого океанов. Морская экспедиция. Участники ее: Беринг, Чириков, Малыгин, Овцын, Прончищев, бр. Лаптевы, Челюскин и др.

«Только эпос поисков Франклана дает нечто похожее на тот размах, с каким русское правительство взялось за изучение своих северных и восточных берегов. Экспедиция была рассчитана на шесть лет. К ее работам привлечены были лучшие морские офицеры того времени, отправленные к исходным пунктам вместе со своими семьями. Точно так же первоклассные ученые-натуралисты были мобилизованы для участия в экспедиции и описания исследуемых областей. Для нужд экспедиции решено было создать целую сеть магазинов и складов, проложить специальные дороги, организовать новую линию почты, связывающую Петербург с самыми далекими окраинами России. Почти все главные задачи, поставленные экспедиции, были выполнены» (Станкевич). 7 февраля 1742 г. штурман Челюскин достиг самой северной оконечности Старого Света, — до мыса, в честь его названного мысом Челюскина.

Исполнение возложенной на экспедицию задачи стоило ей чрезвычайного труда и напряжения: «суровость климата, утомительная борьба с ледяным морем требовали большой энергии; путешественникам, захваченным льдами и страшным морозом, приходилось зимовать на Крайнем Севере и, бросая суда, добираться пешком до человеческого жилья на берегу; многие поплатились жизнью (Беринг, Прончищев, Лассениус, много людей из экипажа). Но труд их не пропал для науки: в несколько приемов, усилиями мореходов и геодезистов, сменявшихся на одной работе, северный берег Азии был исследован и положен на карту; определено пространство между Камчаткой и Японией — это были приобретения для географической науки» (Пыпин).

ТОРГОВЛЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА!

1. Уже в; 1567 г. в Нарву приехало до 70 английских кораблей с товарами (сукна, металлы, вина).

2. С 1587 г. стали приезжать французские купцы.

3. Жалобы русских купцов Алексею Михайловичу: англичане, в противность дозволению, торгуют не только своими^ но привозят и чужие товары; понаехало их больше, чем дозволено; и проч.

у

4. Голландцы в XVII ст. мало-помалу всюду вытесняют англичан и становятся, в торговле, на первое место, как те занимали его в веке XVI.

5. В XVII в. два крупных вывозных пункта: Архангельск и Астрахань.

6. Постоянные просьбы русских купцов не позволять иностранным торговать в розницу.

Да и покупать тоже по мелочам, иногда прямо на рынке, с возу у мужика, скупать там всякую мягкую рухлядь, мясо говяжье и свиное, окорока и языки, сало, пеньку, рогожи, кули и многое другое. Продажа и покупка в розницу (последняя не прямо категорически) запрещена была Новоторговым уставом 1667 г. Это запрещалось и раньше, тут повторено, но и то плохо действовало.

7. Указ 1713 г.: везти все товары на С.-Петербург, и ничего на Архангельск; самих купцов из внутренних городов насильно переселяли в С.-Петербург. В 1714 г. некоторое облегчение: на С.-Петербург везти половину, а другую можно и на Архангельск. С 1717 г. снова: в С.-Петербург две трети и только одну треть на Архангельск. Как ни тяжела была мера, но она привилась легко:

«Цель была достигнута скорее, чем Петр мог ожидать. Уже в 1718 г. те самые купцы из Новгорода и Пскова, которых пять лет тому назад приходилось силой заставлять направлять часть товаров в Петербургский порт, обратились теперь за разрешением везти туда товар полностью. Принуждать их больше не нужно было, они сами охотно выполняли желание Петра. Ввиду этого в 1719 г. обязательная доставка товаров в Петербург была понижена до одной трети, тогда как остальное всякий мог везти куда угодно. Мало того, было сделано распоряжение, чтобы тех из купцов, которых было велено выслать на житье в Петербург но которых послать не успели, теперь не отправлять, а которые высланы „одинокие и скудные и домов здесь своих не имеют... отпустить в дом по-прежнему". В 1727 г. было

отменено всякое стеснение архангельской **торговли!** — тогда можно было возить сколько угодно товаров (*Кулишер*. Очерк истории русской **торговли**. СПб., 1923. С. 186, на **оснований** книги *Чулкова* «Историческое описание Российской империи. Ж., 1785. Кн. IV). 1

8. Уложение 1649 г. запрещало крестьянам вести торговлю: это специальное право посадских людей; милостивое исключение сделано (разумеется, не говоря про иностранных купцов) только стрельцам, казакам и драгунам} крестьяне же в посадское тягло вступать права не имели. Это изменено было в 1699 г: крестьяне получили это право, а в 1711 г. дано общее дозволение всем, кто хочет. «Таким образом, Петр дал возможность сельским жителям селиться в городских посадах, заниматься торговлей и переходить в купцы». Дозволение касалось и дворян; лишь военные не имели права торговли (*Кулишер*, 255).

9. После 1558 г. голландцы посылали в Нарву ежегодно по 200—300 кораблей (*Люблинко*).

10. Голландские корабли впервые прибыли: в 1564 г. в Лапландии (безрезультатно), а в устье Двины — в 1578 г.

11. При заключении Столбовского договора 1617 г. голландцы держали себя более на стороне Швеции, что вызвало в России неудовольствие, но все же потом им удалось вытеснить англичан с рынка.

12. В XVII ст. ввозная пошлина была высокая: 31% с иностранных купцов, 15% — с русских. В виде исключения делались льготы: так, от платежа пошлин освобождены были голландские заводы Марселеса и Акемы. Но Новоторговый устав 1667 г. подтвердил запрещение иностранцам торговать в Архангельске беспошлинно, и также торговать в розницу.

13. При Михаиле Федоровиче положено начало фабричной промышленности, и именно голландцами: железо и медно-делательные заводы, суконные фабрики, бумажные мельницы, стеклянные заводы. В 1632 г. — голландец Винуус: монополия на железное дело в Тульском уезде, в 1644 г.: железные заводы на Шексне, Костроме и Ваге (литье пушек и ядер, прутковое железо, проволока). Медные рудники у Онежского оз. и на Мезени, в конце XVII в. вся металлургическая промышленность находилась в руках голландцев.

14. Во второй половине XVII ст. одной из видных статей ввоза иностранных товаров являются предметы роскоши: испанские и французские вина, пряности; изделия из золота и серебра с драгоценными камнями (серьги, перстни, кубки, чаши), шелковые чулки, зеркала, туалетные белила; кареты.

Шведское посольство (в котором был и Кильбургер), по словам его, поднесло царице Наталье несколько подарков от вдовствующей шведской королевы: «разные вещи из душистого дерева алоэ, между прочим филигранной работы шкатулку, украшенную драгоценными камнями, шесть „великолепно" раскрашенных вееров, часы в футляре из массивного золота, „прекрасную" ночную юбку, тканую кофту с шитьем из серебра и голубого шелка, зеркальце, духи и множество других дамских галантерейных изделий» (*Липпо-Данилевский* в своей критике книги Курца. Историч. журнал, кн. 5-я, с. 68).

МОНЕТНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Слова, обозначающие понятие о деньгах

Говоря о деньгах, в Древней Руси пользовались совсем иными терминами, чем в наше время. Для этого служили слова: скот, куна, серебро. Первое было в ходу в X—XII вв.; второе — в XI—XIV вв., редко в XV в.; третье — в XII—XV вв., как исключение в XVI в. Современное же выражение «деньги», в смысле денег, стало входить в употребление лишь с конца XIV ст.

Примеры:

- 1) 996 г. Владимир Святой «повеле всякому нищему и убогому приходить на двор князь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотъниц кунами» (Лаврент. летопись, 123). Скотница — казна, где хранятся деньги (куны).
- 2) 1018 г. Новгородцы «начаша скот сбирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен; и приведоша варягы, и вдаша им скот» (Лаврент. лет., 140).
- 3) 1209 г. Посадник Дмитрий «повеле на новгородцех серебро поимати, а по волости куны брати и повозы возити» (Лаврент. лет., 446).
- 4) 1228 г. Псковичи говорят новгородцам: «к Кольваню есте ходивше, серебро поймали, а сами пойдоста в Новгород, а правды не створися, города не взясте» (Новгородская летопись по Синодал. списку, 226).
- 5) 1462 г. Грамота Ивана III на Белоозеро: «И которой христианин скажется в их серебре виноват, и вы бы их серебро заплатили монастырское; а кто ся скажет монастырю серебром невиноват, а вы бы потом монастырю в их серебре давали поруку» (Акты Арх. Эксп., I, 53, № 3).
- 6) 1471 г. Новгородская грамота: «а дати нам то серебро великим князем деньгами в отчет, а серебром в ответ» (Карамзин. V.

- Прим. 421), т. е. дать деньги: а) частью в монете-денге, известное число их по счету; б) частью серебром, по весу.
- 7) 1535 г. Татары вернули захваченных ими в плен «детей боярских, и мужей, и жен, и девиц, а за то просили серебра. И князь великий велел своим бояром серебро дати, елико достоит» (ПСРЛ. Т. VI. С. 294).

Деньги до Петра Великого

Русская монетная система, в том виде, как она существует в России в настоящее время, т. е. в виде полноценных золотых и серебряных денежных знаков и мелкой разменной монеты из лигатурного серебра и чистой меди, ведет свое начало со времен Петра Великого, не раньше.

Что служило в допетровской Руси орудием обмена?

1. Т. н. кожаные деньги.
2. Золотая и серебряная монета иностранной чеканки.¹
3. Серебряные слитки определенного веса.
4. С 1385 г. стала чеканиться денга — по образцу широко обращавшейся на русском денежном рынке татарской монеты «денги» или «тенги». Вплоть до Петра Великого денга была единственной ходячей русской монетой. В царствование Алексея Михайловича делались попытки ввести монеты другой стоимости, но желаемых результатов они не дали. Существовали рубли, полтины, гривны (десятая часть рубля), алтыны, но не как монеты, а как простые счетные единицы, для определения веса. Весовой характер этих «рублей» и «гривен» наглядно выразился в долго державшемся обычае взвешивать вещи деньгами.

Торговля с Востоком породила и монетные единицы на восточный, арабский лад. Золотой арабский (иракский) фунт — из него 96 золотых динаров. Серебряный арабский (ифакский) фунт — из него 144 серебряных динара. Значит, серебряный диргем весил $\frac{2}{3}$ золотого динара.

Золотые монеты везде назывались «золотыми»: русский «золотник», византийский «ауреус», польский «злотый», немецкий «гульден» (гольден).

При Владимире Святом чеканилась русская гривна — то же, что фунт арабский. Золотая гривна делилась на 96 золотников. Из серебряной гривны чеканилось 144 серебряника. Гривна была одновременно единицей И весовой и монетной (Кулишер, 26).

Как чеканилась русская монета в XII, XIII и большей части XIV в. и даже вообще чеканилась ли, — мы не знаем. Серебро привозилось из-за границы, своего было мало («серебро Закамское»).

Примеры.

- 1) «две чарки серебряны, весу в них 7 рублей» (т. е. $3\frac{1}{2}$ фунта);
- 2) «ковш серебрян весом полпята рубля в московское число» (т. е. весом в $4\frac{1}{2}$ рубля — $2\frac{1}{2}$ фунта — денег московок);
- 3) «ковш серебряный, водосвятный, в нем тянет на 25 рублей» (т. е. 12½ фунтов).

Наравне с татарской денгой на русском рынке обращались еще особые серебряные слитки, саумы, тоже татарского происхождения, весом в 36 золотников, по ценности и весу равные 108 денгам, каждый ($36 \times 9/3 = 108$). Числовые отношения между денгой и саумом отразились и на русской денге: она была в полтора раза легче татарской.

Различный вес (и цену) имела денга, чеканившаяся в Новгороде и в Москве — «новгородка» и «московка», а позже — денга «копейная» и «мечевая».

Преобразования Петра Великого

Денежные мероприятия в царствование Алексея Михайловича внесли сильное ухудшение в состояние денежного рынка и фактически привели к финансовому краху. Между тем Азовские походы, постройка Воронежского флота — крупные расходы, вызванные отправкой Великого посольства за границу (1695—1698), снова заставили особенно остро почувствовать нужду в деньгах. Петр делает резкий скачок с 10-рублевой гривны на 14-рублевую и возвращается к самой высокой цифре, до какой его предшественники доходили в чеканке денег: к системе 1656 г., и устанавливает в 1698 г. чеканку 7 рублей 20 коп. из рубля-гривенки (48 зол.), или 14 руб. 40 коп. из рубля-гривны (96 зол.), по расчету 1/15 золотника на одну копейку. Возврат к старому совершен был, однако, на совершенно новых основаниях.

Два периода:

1. Старая монета выведена из употребления, ее заменили монеты нового значения и наименования.

2. Произведено дальнейшее понижение ценности монеты, но не уменьшением ее веса, а увеличением лигатуры, т. е. ухудшением ее качества, и, кроме того, мелкая серебряная монета — копейка, мечевая денга — перестала существовать.

Первый период (1698—1718)

1. Старые монеты изымались из обращения, поставлено в обязанность приносить их в казну (казна выдавала 10% наградных).

2. В 1699—1704 гг. пушены в обращение новые серебряные монеты:

Алтынники (1704)

Пятачок, под названием «десять денег» (1701)

Гривенник в 10 копеек (1699)

Полуполтинник (1701)

Полтинник (1699)

Рубль (1704)

Золотой дукат (1701) (в 1718 г.: золотой двухрублевик)

3. Отличие новой системы от старой:

- а) прежде существовала одна монета: денга; теперь число их, разных наименований, увеличилось, причем все они, сравнительно с прежними, крупные. Именно такие понадобились потому, что старые монеты — копейная и мечевая денга, с уменьшением веса обходилась правительству в чеканке очень дорого, и сами они дошли до таких размеров тонины и ничтожного диаметра, что стали прямо неудобными для обращения;
- б) основой старой системы служила московская маловесная денга мечевая; теперь Петр заменил денгу копейкой. В 1717 г. он отбросил, впрочем, и копейку.

4. Взамен серебряной мечевой денги, так как надобность в мелкой монете не переставала чувствоваться, (она чувствовалась всегда и всегда будет чувствоваться) — введены были медные деньги: полушки и полуполушки (1700), со значением мелкой разменной монеты, — значение, которое она сохранила и по настоящее время.

Второй период (1718—1725)

Нужда в деньгах побудила Петра, оставляя прежний расчет: 14 руб. 40 коп. из 1 фунта лигатурного серебра, повысить лигатуру: прежде лигатуры полагалось около 12 зол., т. е. на фунт шло чистого серебра или золота 83—84 зол.; и самое количество ее никогда не было точно установлено; теперь монету стали выделывать из смеси: 70 зол. чистого серебра и 26 зол.

меди, причем количество лигатурной меди стало постоянным, неизменным.

Таким образом, качество монеты было ухудшено, и царь долго не решался ввести такую низкопробную монету в народное употребление; но с 1718 г. нужда в деньгах сказалась настолько остро, что в обращение были выпущены серебряные рубли, полтинники и гривенники из лигатурной смеси 70-й пробы; чеканка серебряных копеек и алтынов прекращена совсем, вместо них стали выделывать одни только медные алтыны и копейки, денежки, полушки и полуполушки. Копейка, как серебряная монета, отжила свой век; постепенно уменьшаясь в своем весе и размерах, «она, так сказать, израсходовалась и истлела. Продолжать свое существование она могла лишь, как медная монета». С этой поры, можно сказать, старинная русская денежная система, «насколько она выражалась в мелких серебряных монетах», закончила свое существование (Кауфман).

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ (1618—1683)

Хорват родом. Образование закончил в коллегии св. Афанасия (т. н. Греческой) в Риме (1642). В первый раз побывал в России в конце 1647 г., но пробыл там всего два месяца. Вторично поехал туда в 1658 г. В ссылке, в Тобольске, пробыл 15 лет (1661—1676). Умер, вероятно, под Веной, во время осады ее турками.

Главнейшие сочинения Крижанича

1) Записка 1641 г. (подана в Конгрегацию Пропанды: план миссионерской деятельности в России).

2) *Bibliotheca schismaticorum universa*, 1656 (свод сочинений православных писателей против латинян).

3) *Putno obisanie od Lewowa do Moskwi*, 1659 (советы русскому правительству, как лучше управлять Малороссией, только что присоединенной к Московскому государству).

4) *Besida ko Czirkasom*, 1659 (совет малороссам признать необходимость подчинения их Москве).

5) Политичные Думы, иначе: «Разговоры об владательству» (т. е. о политике), 1664 (1. О благе — условия материального благосостояния народа; 2. О силе — организация военных сил; 3. О мудрости — общественный и государственный строй). Главным образом на этой книге основано значение Крижанича и место его в русской истории.

6) De Providentia Dei sive de causis victoriarum et cladum, 1666; от чего зависит успех и благосостояние (несчастья и бедствия) государства: значение Промысла Божия в государственной и общественной жизни.

7) Граматично исказаще об русском ^езику, 1666.

8) Об светом крещеню, начало 1670-х гг. (научно-богословское оправдание постановления Московского собора 1667 г. о неперекрещивании католиков, переходящих в православие).

9) Толкование исторических пророчеств, 1674 (найдено в 1890 г. покойным проф. М. И. Соколовым; дало ему основание утверждать, будто бы «главная цель трудов всей жизни Крижанича заключалась в стремлении обратить православных славян во главе с русскими к унии с Римской церковью», а не проповедь о национальном единении славян).

10) Обличение на Соловечскую челобитну, 1675 (полемическое сочинение против раскола вообще, не только Соловецкой челобитной).

Личность Крижанича

«До его книг в старой русской письменности не было ничего подобного по широте мысли и историческим знаниям. В первый раз на русском языке начиналась речь самостоятельного мыслителя с идеями тогдашнего европейского просвещения, с вопросами о Божьем и „природном" праве, с небывалой на русском языке исторической и политической ученостью. Как питомец церковной школы, Крижанич имел обширные богословские знания и в греческих, и в латинских отцах церкви; но вместе с этим он хорошо знает Аристотеля, новейших церковных историков и реформаторов — Барония, Беллярмина, Гуса, Лютера, Кальвина; знает политических писателей, и на русском языке в его книгах в первый раз названы имена Юста Липсия, Комина, Макиавелли: он знает современных алхимиков и кабалистов. Сочинения его свидетельствуют о больших исторических сведениях — притом не только книжно сухих, но осмысленных пониманием политической жизни. Относительно славянского мира Крижанич опять был первым и надолго единственным писателем, который являлся в нашей литературе с замечательным для своего времени славянским национальным сознанием: притом ни в то время, ни долго после не было человека, который имел бы такое знание славянского мира по личному наблюдению и по книжным источникам» (Пыпин).

Славянская идея

Крижанич горячий патриот, пламенный панславист. Он мыслит славянские народности как единый, цельный организм, духовно сплоченный общностью идей и интересов. Во главе этого организма стоит Россия: только она в состоянии обеспечить славянам самостоятельное и почетное место среди остальных народов христианского и нехристианского мира. Славянским сердцем Крижанич угадывает в России славянскую державу[^] и великую роль, предназначенную ей в истории славянства. Сила славянства, говорит он, в знании и в единении — эта мысль стала девизом его жизни, тем знаменем, которое он, раз подняв, никогда не опускал. Широко образованный, чем бы он ни занимался: будет ли это грамматика, история или публицистика, вопросы ли политические, богословские, экономические — на все свои труды он кладет печать излюбленной славянской идеи.

Эта идея пущена была в оборот впервые в России. Прежние отношения, общественные и международные, строились на основе религиозной: свой — тот, кто православный; чужой — тот, кто иной веры. Поэтому греки духовно были ближе, чем, например, католики-чехи или хорваты. Старый взгляд, разумеется, остается преобладающим еще долгое время (ср. турецкие войны при Екатерине II), но Крижанич проломил первую брешь; он заронил мысль, которая потом не только не заглохнет, но даже определит всю нашу политику на Балканском полуострове.

Восточный вопрос

Славянский мир живет под двойным гнетом, духовным и физическим. Гнетут его немцы и турки. Сильная Россия одна в состоянии помочь славянам сбросить с себя это иго. «В настоящее время, — говорит Крижанич, — я не сумею указать другого государя, равного по силе царю московскому». Конечно, борьба с турками пока непосильна; но царь мог бы помочь славянам, содействуя развитию языка, насаждению наук и просвещения — этим он пробудил бы в них чувство национального самосознания. Внимание русского правительства должно быть поэтому обращено не на север, не на запад, а на юг: тесный союз с Польшей, завоевание Крыма, перенесение туда даже своей столицы — вот первые этапы на пути к борьбе с турками и к освобождению славян. В представлении Крижанича уже обрисовывается т. н. Восточный вопрос, и именно в том виде и с тем значением, какой, в последующие два века,

он получит для славянских **народе** ^ для русскЬго в частности: Россия — передовой бдрWii с тУрСПКиМи ратями^ остальное славянство тоже продвигается вперед, но под ее крылом и охраной.

[Церковная уния

Католик по вере, притом католик искренний, глубоко верующий, Крижанич' с Тюных лет мечтает, как бы попасть в Россию миссионером^ ^ip ц^рк^в^^^1 У^ия для нфго не цель самг[по себе, а средство. Но схизму беррдит его, а сознание, что близкие ему люди, дорогие братья уклонились от истины! Уния нужна ему для того, чтобы сломить преграды к национальному объединению славян, чтобы придать внешнюю и духовную мощь всему славянству. Впереди выступает не проповедник с крестом, а патриот. Славянофил заслонил апостола. Крижанич не отрицает, что католическая церковь с ее единым пастырем-папой, по его мнению, учреждение более правильное чем, церковь Православная с ее «многими вселенскими первосвященниками»; но он же заявляет про себя: «Я вовсе не такой уже твердый латинник, и готов причаститься по православному обряду, лишь бы не заставляли меня перекрещиваться заново» («я несем тако тверд латиник, да не бых рад и готов был причаститисе от светие Московские церкви јерејее токмо дабы ме они хотели прияти без крещения»).

Общеславянский^ язык

Чтобы объединиться в вере и в политической жизни, необходимо прежде всего поближе ознакомиться друг с другом — для **этого** необходимо создать общеславянский книжный язык. В основу его Крижанич кладет русское наречие, как язык главного народа, добавляя его материалом из хорватского языка: в последнем, по его мнению, всего более уцелело неискаженной старины. В этих целях он составляет грамматику славянского языка — труд, оказавший большие услуги знанию: с него началось изучение славянских языков. Крижанич — «отец славянской сравнительной филологии» (определение Бодянского).

Просветительная программа

России необходимо просвещение: она бедна им. Ей надо отказаться от своего китаизма, от высокомерного взгляда на себя как на какое-то совершенство; она не должна презирать другие народы; ей следует убедиться в собственных недостатках

и не бояться заимствований у тех, кто просвещеннее ее и более сведущ. Говоря об образовании, Крижанич различает гуманитарное знание от прикладного: первое есть привилегия избранных. Древние языки, история, философия — для высших классов; простой народ пусть занимается лишь «трудовыми» науками: математикой, астрономией, медициной. «Нам теперь может показаться чудовищным исключительное право родовитых и зажиточных людей учиться древним языкам и философии и оставление реальных наук на долю прочего народа; но Крижанич, видя бесплодие и односторонность схоластического образования, хочет, чтоб наука прямо служила пользе человеческого общества и содействовала улучшению его быта. Он хочет просвещения, но еще более хочет народного благосостояния: ведь только сытый, одетый и укрытый от непогоды может сознавать потребность учения; стало быть, и учение должно быть таково, чтобы оно способствовало и главным образом направлялось к тому, чтоб все были сыты, одеты и укрыты» (Костомаров).

Политическая программа

I

Самодержавие («самовладство») — да, но при выполнении ряда условий:

а) Необходимо помнить, что «не народы созданы Богом для государей, но государи для народов („уже не народы зарад кралев, но крали зарад народов суть от Бога сотворены“). Поэтому государь не имеет права ради своих частных интересов упускать из виду общее благо народное».

б) Необходимо издать законы настолько устойчивые и удовлетворительные, чтобы отнять у подданных желание заменить их другими, лучшими, потому что где нет «добрых» законов, там неизбежно царит зло и несправедливость.

в) Законодатель хорошо поступит, не игнорируя законодательств иностранных государств — таковые могут пригодиться ему как образец и в поучение.

г) Не следует ставить одно сословие чересчур в привилегированное положение: это ведет за собой несправедливость и притеснение другого.

Экономическая программа

Россия — страна бедная; чтобы поднять народное благосостояние, необходимо использовать ее природные богатства, привлечь иностранный капитал и иностранных техников, завести

школы для обучения ремеслам, хозяйству (виноградарство, шелководство), торговать не сырьем, а обработанными продуктами, самим выделывать ткани, писчую бумагу, кожу. 1. Земледелие. 2. Горное дело. 3. Промышленность. 4. Особенно торговля — вот основа экономического благосостояния страны. Англия и Нидерланды потому так и богаты, что там процветают всякое ремесло, земледелие и морская торговля. «А Россия? При всей своей неизмеримой широте и длее она со всех стсфон заперта для торговли; мало в ней **ТоррqВbix** городов, нет дорогих произведений; умы народа тупы и косны, нет никакого умения ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве; русские, поляки и все славяне не умеют вести дальнюю торговлю ни сухим путем, ни по морю; купцы русские не учатся даже арифметике: оттого иностранным купцам ничего не стоит их обмануть. Русский человек сам ничего не выдумает, если ему не укажут; книг у него никаких нет, ни о земледелии, ни о других промыслах; он ленив, не промышлен, сам себе не хочет добра сделать, если силой не будет принужден» (Крижанич в передаче Соловьева). Впрочем, одного принуждения недостаточно: необходимо, кроме того, вызвать в народе еще самодеятельность. С этой целью Крижанич проектирует: сословный суд для купеческого класса, цеховые корпорации для ремесленников, защиту от местных властей, право населения обжаловать их действия и ходатайствовать о своих нуждах.

Трагедия Крижанича

I Крижанич одновременно католический миссионер, ученик пропаганды Фиде — и убежденный националист, носитель славянской идеи. Вся жизнь его прошла в борьбе двух взаимно I i исключают друг друга направлений: универсальной веры и национальной идеи славянства. Примирить эти два несходных идеала ему, конечно, не удалось. Для Римской курии он «сумасброд» и «путаная голова»; да и сам он сознал, что он «не такой уж твердый латинник». Москва же видела в нем «латинского попа», т. е. личность, совершенно для нее неприемлемую. Трагедия жизни Крижанича в том, что он поторопился явиться на свет. В XVII в. религия и народность мыслились неразрывно. В Москве его славянская проповедь навлекла на себя подозрение, потому что к национальной идее он примешал религиозную окраску, неприемлемую для православного человека; в Риме

же почва выскользнула из-под его ног, потому что религиозный идеал Крижанича носил чересчур национальную тенденцию. Крижанич отстал от одних и не мог пристать к другим. В сущности он остался чужд и тем и другим. Но он бескорыстно служил и славянству, и Римской церкви, и за то большое, что дал он славянству, в частности России, он завоевал себе неотъемлемое право на добрую и благодарную память.

Крижанич и Петр Великий

Духовное родство между ними. Петр во многом держался программы Крижанича и проводил ее в жизнь, — лучшее доказательство того, что «пути преобразования, избранные Петром, не были следствием его личных взглядов, а были следствием общих взглядов тогдашних лучших людей, тогдашних авторитетов» (Соловьев). В чем сходятся тот и другой:

- 1) Школа, заимствованная у иностранцев.
- 2) Почетное место, отведенное науке, знанию вообще.
- 3) Утилитарный характер знания.
- 4) Законы других государств служат материалом при создании и выработке законов у себя в России.
- 5) Забота о материальном благосостоянии народном.
- 6) Природные богатства страны как источник государственного богатства.
- 7) Поиски рудных богатств не в одной России, но и в чужих землях: только вместо Кавказа, на который указывал Крижанич, Петр направил свое внимание на Среднюю Азию.
- 8) Подъем технического знания; переводы иностранных сочинений по технике, по земледелию.
- 9) Заграничная торговля.
- 10) Инициатива идет от правительства, «народ наш, яко дети»: пока не заставят его учиться, сам он не начнет — отсюда регламентация народной жизни.
- 11) Большая вера в предписание.
- 12) Организация торгового класса: самоуправление, данное городам.
- 13) Закон должен быть одинаков для всех классов населения.
- 14) Новое платье (Крижанич тоже находил, что покрой русской одежды некрасив и неудобен).
- 15) Сношения с южными и западными славянами; сознание, что племенное родство с ними можно использовать как политическую силу, опереться на него в войнах с турками.

ПЕТР И СЛАВЯНСТВО

Со времен Ивана III очередным вопросом рурской жизни стал сложный вопрос о Зарубежной руси; еще не успели разрешить его в полной мере, а с Петра Великого уже вырастает новый — Зарубежное славянство. Гениальной царь положил начало русско-славянским отношениям. Подготовка дана еще Крижаничем, но только идейная; Петр дал его идеям практическое применение. Родство и единство интересов России с южным и западным славянством впервые были открыто заявлены им. И славянство это почувствовало: оно признало в нем своего «славянского царя», окружило его память легендарной славой и видело в нем своего освободителя. Тесней и прочнее всего установились духовные связи с южным славянством. Тому содействовало: 1. Единая вера — она еще более скрепляла родство племенное. 2. Совпадение политических задач: военная поддержка сербам и болгарам шла у России рука об руку с собственным продвижением ее на юге. Сперва утверждение на берегах Черного моря, позже — домогательство свободного выхода в море Средиземное. Исключением из славянского мира была одна Польша: издавна борьба за гегемонию на Востоке Европы отделила ее от России, и вопрос поставлен был совершенно иначе — кто кого переборет и подчинит себе.

Петр идет навстречу славянству

1. «До последнего издыхания желать не перестану» — освободить славян из-под ига турецкого, пишет Петр из Голландии патр. Адриану (1697).

2. Он шлет Григория Островского в Шклавонскую землю (Далмацию) разузнать ее политическое положение, на каком языке говорит население, найдутся ли там подходящие для России люди, знающие морское дело (1697).

3. «Только бы дойти нам до Дуная, а там не только тысячи — тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и никто из них не желает мира» (донесение Возницына с Карловацкого конгресса, 1699).

4. Из Далмации переходят в русскую службу Савва Рагузинский (1703), Милорадович, Змаевич и др.

5. Грамота Петра, посланная с Милорадовичем к черногорцам, с призывом всех южных сербов, без различия исповедания,

взяться за оружие и подняться за освобождение против общего врага. Это было первое обращение России к славянству к совместной борьбе против турок (1711 г., 3 марта).

6. Петр пожелал иметь сведения о происхождении славянских народов. По его поручению Лейбниц пишет книгу, которая была едва ли не первым по времени примером настоящей ученой работы о славянской и русской древности.

7. Для новоучреждаемых коллегий Петр подыскивает опытных в канцелярском деле «шрейберов» среди чехов, силезцев и мораван (1715).

8. Заказываются сочинения и переводы книг о славянстве (см. выше о Лейбнице), в том числе появился перевод книги Мауро Орбини: «Il regno de gli Slavi» (1601) — Мавроурбина, «Книга историография», 1722 — первый труд на русском языке, посвященный славянской истории.

Славянство идет навстречу Петру

1. Сербский и константинопольский патриархи и молдавский господарь шлют в Москву сербского архимандрита Исаяю просить от имени всех православных греков, сербов и молдаван помочь им сбросить с себя турецкое иго и в этих целях пойти войной на турок (1688).

2. 40 000 сербских семей (около 100 000 чел.), со своим патриархом Арсением III Чарноевичем во главе, во избежание опасностей, грозивших им от турок, переселились (1690) в Южную Венгрию, на австрийские земли; однако они попали там из огня да в полымя: Чарноевич приезжал в Вену (1696), к русскому послу Нефимонову, прося защиты от насилий и поношений, каким подвергалась православная религия от католиков: сербов понуждали принять унию. О том же патриарх просил и Великое посольство, когда оно прибыло из Голландии в Вену (1698).

3. В начале 1698 г. валашский господарь Бранкован тайно просит царя принять Валахию в подданство и «спасти ее от папистов и иезуитов».

4. «Только бы дойти до Дуная, а там не только тысячи — тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и никто из них не желает мира» (донесение Возницына с Карловацкого конгресса, 1699).

5. Просьба сербов, бежавших в 1690 г. из Турции в Австрию, **принять** их в свое подданство (1704). Сербы дважды обращаются к «своему православному царю», предлагая свои услуги против турок.

6. Сербские симпатии сильно беспокоят австрийцев. Когда венгры восстали против них и Петр предлагал венскому правительству свою помощь, то оно отказалось принять ее, опасаясь, как бы русский царь, опираясь на сербское население **Венгрии**, совсем не занял ее (1707).

7. С 1709 г. Рагузская республика вступает в сношения с Россией.

8. Австрийские сербы просят царя «промыслить» о их Сербской земле, «ярмом бусурманским обремененной» (1710).

9. Черногорцы восторженно принимают Милорадовича, посланца царского, и берутся за оружие для совместной борьбы с турками (1711). Непосредственное соприкосновение с великой Россией вызвало большой подъем духа; несчастный исход Прутской кампании не подавил его: черногорцы сложили песню о том, как русский царь звал их вместе воевать против турок за православную веру.

10. Еще раньше (1710), под непосредственным впечатлением Полтавской победы, Игнатий Градич из Дубровника пишет оду *Plam Sjeverski*, в которой уподобляет русского царя все-сокрушающему пламени, не находящему себе никаких преград. «Дела его известны всему миру; слава дела его не погибнет, доколе солнце будет сиять и быстрые реки течь к морю. Никогда на свете не услышат о таких доблестях, о таком могуществе, каким обладает Петр: никогда солнце не откроет подобного ему витязя» (1710).

11. Подобным же образом славит Петра и Стефан Ружич, из той же Рагузы, автор оды *Pettar Alechssiouich*: с особенной любовью останавливается он на преобразованиях Петра, на распространении просвещения в народе. Подобно Градичу, он высказывает надежду, что русский царь некогда разрушит Турецкую империю, «освободит христиан от ига мусульман и станет господствовать над всем миром» (1717).

12. Хорват Павел Вязетович пишет стихи, посвященные Петру: «Geniticon», 1710 («Радосудие»).

I 13. Неизвестный автор, тоже славянин, изображает Петра •посланником небес для утешения страждущего человечества».

14. Архиепископ Сербский Моисей приехал в Петербург Поздравлять царя с заключением Ништадтского мира: •Будь нам второй апостол, просвети и нас, как просветил своих людей да не скажут враги наши: Где есть Бог их?» (1721).

15. Фрушка-гора, местность к северо-западу от Белграда; в Ней много православных монастырей; в одном из них (Ремета) находился портрет Петра Великого, •нашего избавителя»; еще недавно православные сербы ходили прикладываться к нему как к чудотворному образу.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА ПОЛИТИЧЕСКАЯ

XVII в. почти не знал таковой. Ее создал Петр Великий. При Алексее Михайловиче сделан был лишь первый опыт.

I. Поражение под Чудновым (1660) произвело в Москве тяжелое впечатление; знали, что поляки станут разглашать о своих победах и хвастаться ими; поэтому, в целях рассеять невыгодное впечатление, составлено было изложение военных действий в благоприятном для России освещении и послано в Любек для отпечатания на немецком языке и распространения по окрестным государствам.

II. Побывав за границей (1697—1698), Петр Великий имел случай наблюдать не раз, какую большую общественную силу представляет собой печать, как можно руководить при помощи нее общественным мнением, и не замедлил сделать из своих наблюдений соответствующие выводы: 10 февраля 1700 г. голландцу Тессингу была дана привилегия завести в Амстердаме русскую типографию и печатать в ней книги, которые служили бы •к славе нашему имени и всему нашему царству».

III. Поражение под Нарвой (1700) стоило царю больше, чем одной армии и артиллерии: оно совсем уронило его в общественном мнении Западной Европы. При Венском дворе не хотели даже разговаривать с московским послом, шведский резидент в глаза ему смеялся над царем, и в то время как в честь

Карла XII слагались стихотворные дифирамбы, выбивались медали, восхвалявшие «правое дело», которое он отстоял, — Петра высмеивали, изображая в карикатурах, и... тоже выбивали медали, но изображали на них постыдное бегство русских войск и во главе их русского царя: шапка свалилась у него с головы, шпага брошена, сам он утирает слезы платком.

IV. Гюйссен. Что было делать? Петр поднимает перчатку и ловко парирует удар, что наглядно свидетельствует о его политической прозорливости и большом государственном уме. За весь последующий период русской истории одна только Екатерина II оказалась «в версту» великому императору, сумев, как и он, оценить значение печатного слова и использовать его как рупор своих мыслей и интересов. В 1702 г. русское правительство вошло в соглашение с плодовитым писателем и опытным публицистом бароном Гюйссеном и, презвав его к себе на службу, обязало пропагандировать за границей, путем печати, идеи царя, знакомить Европу со всеми его распоряжениями, сочинять книги и статьи, конечно, в освещении благоприятном и оправдывающем деятельность преобразователя; переводить правительственные указы, полемизировать с враждебными мнениями, нанимать для той же цели журналистов в иностранной печати, доставлять им материал, сырой и обработанный, и т. п.

При участии Гюйссена в Германии были напечатаны брошюры: 1) *Der Staat von Moscau*, с описанием взятия царем городов Дерпта и Нарвы (1704); 2) *Relation von dem gegenwertigen Zustande des Moscowitischen Reichs* (1706): иностранного читателя знакомили с географическим положением России, с религией ее жителей, с военным делом, доходами; наконец, воспевалось прекрасное воспитание, какое царь давал своему сыну и наследнику престола царевичу Алексею.

Непосредственно сам Гюйссен вступил в полемику с бывшим воспитателем царевича, Нейгебауером, который, будучи недоволен своей отставкой, мстил царю, возводя на него разного рода клеветы: *Austiirliche Beantwortung des freventlichen und lugenhaften Pasquils* (1706).

При посредстве того же Гюйссена издание Рабенера «*Europaische Fama*» стало официальным органом русского правительства за границей и в течение многих лет помещало сочувственные России статьи.

Наконец, тот же Рабенер составил, при участии Гюйссена, Книгу «*Das grossen Herrens Czaars und Gross—Eurstens von*

Moscau, Petri Alexiewitz Leben und Thaten» (1710): одно из первых сочинений в Западной Европе, пытавшихся, еще при жизни царя, нарисовать историю его царствования.

V. Пропаганду своего дела Петр вел не только за границей, но и дома. Одновременно с приглашением Гюйсена, он положил начало русской периодической печати. Завоевание Нотебурга, древнего Орешка, позже переименованного в Шлиссельбург 11 октября 1702 г., дает ему повод опубликовать 27 декабря этого года «Юрнал или Поденную роспись, что в мимошедшую осаду, под крепостью Нотенбурхом, чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году», с описанием осады и штурма крепости. Это было первое печатное сообщение газетного типа.

VI. А вслед за тем не замедлила появиться и самая газета. Еще до выхода «Юрнала», указом 16 декабря, принята была общая мера: издание постоянного печатного органа. 2 января 1703 г. в Москве появился первый номер «Ведомостей» — первой русской газеты. Выходили «Ведомости» не периодически (39 номеров в 1703 г., 35 номеров в 1704 г., 47 номеров в 1705 г. и т. д.), зато аккуратно из года в год. Главное содержание давали им события великой Северной войны и политическая хроника Западной Европы. Одно время (1713) Петр думал было издавать русскую газету также и за границей, но потом оставил эту мысль.

«Ведомости» имели свой прообраз в «Курантах», которые появились в Москве впервые в 1621 г., если еще не раньше, и просуществовали (кажется, с перерывами) вплоть до конца XVII в. «Куранты» — это рукописные обзоры (ведомости) о текущих явлениях политической жизни на Западе (военные события, торговые сношения и обмен товаров, придворные праздники и события, события, выходящие из ряда обычных, как землетрясения и т. п.). Материал для «Курантов» подбирался, главным образом, из иностранных газет, часть его составляли случайные агенты из-за границы. «Куранты»* обслуживали интересы двора и приказов, т. е. тесный круг правительственных лиц; в публику они проникали как исключение.

Петр превратил рукописные «Куранты» в печатные, придав им более устойчивый характер. «Ведомости» так же продолжали сообщать о военных событиях, о торговых сношениях, однако в самом содержании того, что сообщалось, произошла большая перемена. В подборе материала случайность была исключена: не все, что могло казаться «интересным», появлялось на страницах «Ведомостей», — но только то, что сочтено было

пригодным, и притом в освещении, желательном для правительства. «Ведомости» положили в России начало печатной публицистической литературе.

«Петровская газета сообщала строго определенный круг сведений. Выбор известий был предрешен; только те из них печатались во всеобщее сведение, которые, по соображениям правительства, подлежали оглашению; оно же решало, что „достойно знания и памяти“. Газета была для Петра способом разговора с народом, средством пропаганды событий его царствования; в то же время она должна была вызвать любознательность в русском обществе, будить в нем интерес к новым вопросам, расширить его умственный кругозор» (Шлосберг).

VII. Газета, по самому назначению своему — оповещать публику о текущих событиях — не в состоянии была вместить всего на небольших четырех страничках в четверку и не могла в желаемой мере трубить про подвиги царя: между тем успех в Шведской войне был несомненен и давал право на рекламу, а в ней царь Петр особенно нуждался. Он взвалил себе на плечи задачу, по временам казавшуюся непосильной даже для такого богатыря, как он: недостаточно было парировать удары противников — надо было завоевать их расположение, особенно среди собственных подданных, явно тяготившихся войной, потребовавшей столько жертв. В этих целях Петру служили:

а) Торжества, справлявшиеся по случаю выдающихся успехов русского оружия: аллегорические картины, триумфальные арки с соответственными надписями; триумфальное прохождение войск; уличные маскарады: тоже с аллегориями, приуроченными к данному случаю; пушечные салюты, трескучие фейерверки, опять же с аллегорическими изображениями царя и его победоносного войска, — вообще все, что могло действовать на внешнее чувство зрителя.

б) Воздействие духовного рода — печатные листы и брошюры с описанием события. Главнейшими из таковых были:

1. Описание завоевания Ливонии и Ижорской земли: «Преславное торжество освободителя Ливонии, отмстителя несправедного хищению, пленителя и покорителя прегордого льва Свейского». М., 1704. Из самого заглавия этой брошюры в 40 с. легко видеть, что завоевание Ливонии объяснялось в духе старинной дедовской программы: это было законное возвращение наследственных областей, неправильно захваченных; теперь «прегордый лев» унижен и вынужден

вернуть их «победителю и триумфатору царю и вел. князю Петру Алексеевичу».

2. Триумф польской музыки (на русском и польском языках) М., 1706 — прославление победы Меншикова над шведами под Калишем: стихи, гравированные изображения двуглавого орла, плана только что основанного города Петербурга и самого сражения.

3. С законной гордостью и политической прозорливостью старался Петр дать возможно более широкой огласку сражения под Полтавой:

а) «Обстоятельная реляция», с планом сражения и объяснениями, появилась на немецком и голландском языках.

Р) В Киеве победителя встречает Феофан Прокопович приветственной речью: «Панегирикос, или Слово похвальное» — оно тоже переведено по-латыни и по-польски, снабжено хвалебными стихами и изображением царя с эмблемами вокруг.

у) Те же цели прославления преследует и Максимович: «Царский путь креста Господня вводящий в живот вечный» (Чернигов, 1709).

4. Битва при Переводочне дает Феофану Прокоповичу новую тему — прославление Меншикова: «Слово похвальное» (Киево-Печерская лавра, 1709).

5. Совокупные успехи кампании 1709 г. вызывают на свет книгу в 177 с: «Политиколепная Апофаосис», приуроченную к торжествам, устроенным в Москве в декабре этого года. Во вкусе времени привлечены мифологические образы: Петр сравнивается с Геркулесом; как тот в колыбели растерзал двух змий, так и царь в молодости усмирил стрелецкое восстание; по своим последующим подвигам он оказывается даже превзошел героя Древней Греции. Тоже в духе времени, победители глумятся над побежденным врагом, высмеивают союз Карла XII со Станиславом Лещинским. Позор Нарвского разгрома смывает, и царь усиленно подчеркивает это, готовый вдвойне расплатиться за прежние унижения и насмешки.

VIII. Война, однако, затягивалась, вести ее становилось все тяжелей; энергию царь по-прежнему проявлял изумительную, но страна стонала и готова была разделиться с войной хоть сейчас: кончать бы ее поскорей! Но как кончать, не добившись прочных результатов, не доведя дела до конца? Жертва должна быть оправдана, и чем громаднее она, тем опаснее остановиться на полдороге. Чтобы обелить себя в глазах народных, доказать, что борьба со шведским королем необходима и неизбежна, Петр

порукает Шафирову составить записку, и тот пишет «Рассуждение о причинах войны» (СПб., 1717, 1722). Вся вину *ii&* войну Шафиров слагает на шведов: это ясно из прежних отношений их к России, начиная со времен Ивана Грозного; это ясно из недавнего дерзкого поведения их, когда они оказали дурной прием царю и Великому посольству в проезд их через Ригу в 1697 г.; да и теперь, если война затянулась, то опять же потому, что шведы отказываются мириться. К работе Шафирова царь приложил и собственную руку: он пишет «Заключение к читателю», провѣдя в нем мысль, что мириться на условия уступки завоеванного края, руководясь желанием во что бы то ни стало освободиться от пожертвований (действительно, больших) людьми и деньгами — было бы безрассудно: шведы — давнишние наши враги; не объяви мы им войны, они сами навязали бы ее нам; они хотят, тем или иным способом, совершенно стеснить нас, и отдав им завоеванные города, нам, все равно придется, рано или поздно, снова приобретать их.

IX. Не одна война озабочивала Петра: дело царевича Алексея пронеслось по всей России, о нем заговорили в Европе, поведение царя вызвало в большинстве случаев суровое осуждение, породило мрачные толки, обрисовывая его в самом невыгодном свете. Говорили о насильственной смерти царевича, о пристрастном поведении царя и царицы, раскрывали тайну семейных отношений. Страсти, пылавшие в молодые годы и вызвавшие насильственное пострижение первой жены Петра, приносили теперь свои печальные плоды. Царь и в этом случае прибегает к печатному слову.

1. 3 февраля 1718 г., в день отречения царевича Алексея от престола, публикуется манифест об этом. Не довольствуясь обнародованием самого текста отречения, манифест обстоятельно разъясняет, что его вызвало: а) нежелание Алексея заниматься военными и гражданскими делами; б) общение его с «непотребными и подлыми людьми»; в) бегство за границу, опозорившее отца; г) клеветы, распускаемые им против своего государя. Тогда же манифест был опубликован на языках немецком, голландском, французском и польском.
2. «Объявление розыскного дела и суда», 25 июня 1718 г. Если манифест объяснял отречение, то «Объявление», обнародованное после окончания суда над несчастным царевичем и накануне его смерти, настоящий прокурорский обвинительный акт против Алексея (и, косвенно, защитительная речь в пользу царя): обстоятельно рассказано поведение ца-

ревича, его поступки, несовместимые с долгом подданного, его намерения, сводившиеся к государственному перевороту. Это «Объявление» также было переведено по-немецки, по-французски, по-голландски и английски.

3. Еще раньше «Объявления» был опубликован другой манифест. Розыски по делу царевича Алексея вскрыли сложные нити, опутывавшие его; выяснилась прикосновенность к нему лиц, близких к царице Евдокии Лопухиной, первой жене Петра, собственное ее поведение, враждебное царю. Близкие лица были казнены, сама Евдокия переведена в другой монастырь, под более строгий надзор, и царь, в целях самооправдания и самозащиты, обнаруживает новый манифест от 5 марта 1718 г., с небывалой откровенностью давая широкоую огласку обнаруженным фактам, не щадя интимной жизни своей бывшей жены (любовные письма ее к своему любимцу Глебову).

Х. Смерть младшего сына, Петра Петровича, любимого «шишечки» (1719), и желание во что бы то ни стало устранить от престола единственного законного наследника: внука Петра, сына нелюбимого сына Алексея, побудили Петра издать знаменитый указ 5 февраля 1722 г., совершенно переворачивавший сложившиеся в русском обществе представления о порядках и правах на престолонаследие. Указ открывал царствующему государю широкий произвол в назначении себе преемника: «кому оный хочет, тому и определит наследство», а если потом оказалось бы «непотребство» наследника, то царь мог отменить свое назначение и назначить преемником другое лицо. Известны пагубные последствия этого закона в русской истории XVIII в.; сам Петр не успел применить его на деле, а в народе он вызвал всеобщее смущение. Хорошо понимая необычность такого указа, Петр поручает, на этот раз Феофану Прокоповичу, оправдать свои действия. Так народилась не менее знаменитая «Правда воли монаршей» (М., 1722; по-немецки: Берлин, 1724).

Своего рода новшеством были те основания, из которых выходил Феофан, доказывая право Петра на абсолютную власть, в частности, над своими подданными и, вообще, над всем строем (порядком) Русского государства. В то время как Иван Грозный строил свою власть на религиозном фундаменте и доказывал божественное происхождение ее («Земля правится Божиим милосердием и Пречистые Богородицы милостью и всех святых молитвами и родителей наших благословением и последи нами,

государями своими, и не судьями и воеводами»), — Феофан опирался, подобно Гроциу и Пуффендорфу, на естественные законы, на врожденное человеку чувство, на логику разума. Монархия, утверждал он, выросла из соглашения (договора) народа со своим государем. По внушению свыше, народ, избирая своего монарха, передал ему всю полноту власти над собой и над государством, а «самому себе никакой свободы» более не оставил, даже права роптать и судить поступки своего государя.

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПУБЛИЦИСТИКИ

В царствование Петра одной из форм публицистики явилась и проповедь с церковного амвона. Раньше проповедники ограничивали свой кругозор рамками отвлеченной морали, зывали к обязанностям человека перед Богом и обществом и в редких разве случаях затрагивали злободневные вопросы текущей жизни (раскол). Таковы Иоанникий Галатовский, Антоний Радивилловский, Лазарь Баранович, Димитрий Ростовский, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, представители XVII в. Их проповеди — явление более литературное, чем общественное. Кипучая деятельность Петра провела слишком глубокую борозду, и притом в самой толще народной; слишком была по нервам, чтобы церковь могла остаться безучастной зрительницей, тем более что бурный поток увлекал и ее самое; да и царь, требуя службы государству от всех классов общества, ждал и от церкви деятельной себе поддержки. И церковь, действительно, откликнулась. Таковы проповеди Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Гавриила Бужинского. Даже Димитрий Ростовский, с переездом из Киева в Москву, не отстал от общего движения и, хотя в слабой степени, тоже отозвался на современность. Не все, однако, церковные проповедники занимались одним восхвалением царских деяний: среди них раздались и голоса сурового осуждения. Как ни осторожны и замаскированы были эти осуждения, все же в общем хоре похвал они звучали диссонансом.

Дифирамбы Прокоповича и Бужинского; порицания Ростовского и Яворского. Все четыре иерарха занимали официальное положение; в восхвалениях первых двух немало условного и обязательного, однако немало и искреннего, неподдельного, особенно у Феофана Прокоповича, убежденного и горячего по-

клонника петровской реформы. То же официальное положение требовало от последних двух проповедников известной сдержанности, зато тем менее оснований заподозривать искренность того, что они решались высказать публично.

1. Феофан Прокопович, архиепископ Тверской, самый ревностный сторонник преобразований Петра Великого, верный паладин его. Почти каждая проповедь Феофана — страстная филиппика против врагов нового направления и, одновременно, горячее прославление всего содеянного царем. Критические стрелы направлены здесь лишь в одну определенную сторону — в сторону «грубейших невежд», «человеконенавидцев», «мнимых святых». Он славит Полтавскую победу и любимца Меншикова, рисует картину преобразований Петра во всей их совокупности, оправдывает поездки за границу и сношения с иностранцами, отстаивает необходимость безусловного повиновения самодержавной власти, как бы предваряя будущую «Правду воли монаршей». Не забыл Феофан и развитие могущества России на море; что не было договорено в Духовном Регламенте, тому дается место в слове перед открытием Св. Синода. Ништадтский мир дает красноречивому витии новый случай к прославлению царя. Наконец, за несколько недель до смерти Петра Великого Феофан Прокопович произносит проповедь, оправдывая в ней перенесение нового года с сентября на январь.

2. Гавриил Бужинский, обер-иеромонах флота, позже епископ Рязанский. Он превозносит самоотверженную любовь русского императора к отечеству, его победы над шведами, особенно подчеркивает значение флота и, в увлечении новой столицей, расписывает красоты петербургских болот. В период 1715—1725 гг. он произнес три проповеди, посвященные Гангутской битве, столько же взятию Шлиссельбурга; две проповеди произнес Бужинский в дни годовщин битвы Полтавской и одну посвятил битве при Лесной.

3. Дмитрий Ростовский, митрополит Сибирский, позже Ростовский. Публицистическая сила его проповедей незначительна: на современность они откликались слабо, отдаленными намеками, не для всех ясными и понятными. Дмитрий сетовал на царя за то, что он покинул войско, ведет веселую жизнь, предоставив распоряжаться немцам, и войско поэтому терпит неудачи. Евангельский рассказ про «пир Ирода» позволяет проповеднику высказаться против указа, разрешившего войскам не соблюдать постов на походе. Осуждает Дмитрий

• окружающих Петра] увлечения протестантством, гнев и любострастие самого царя. Противником реформы Димитрий Ростовский не был; он йайадал начеловеческие слабости Петра, не желая задевать его как государя. Зато Стефан Яворский — тот задел его и как государя.

4. Стефан Яворский, митрополи^ Рязанский, местоблюститель патриаршего престола. Его проповеди цельного впечатления не дают. рд]ни из них, наиболее ранние, еще составлены под обаянием личности молодого государя: в самых симпатичных красках рисует Яворский жизнь и деятельность Петра, полную опасностей и неутомимых трудов на благо России; его гений и любознательность; его победы, разностороннее образование, простоту обращения и трудолюбие. Но когда с годами стали болезненно чувствоваться отрицательные стороны реформы, особенно когда они затронули интересы Русской церкви, не оправдали также и личных расчетов Стефана, тогда проповедь его из хвалебной становится обличительной и даже резкой. Уже в 1708 г., изображая пир Валтасара, где кубками для вина служат церковные сосуды, проповедник намекает на отобрание в казну церковных имуществ, последовавшее по смерти патриарха Адриана; и уже настоящие громы мечет Яворский по поводу нового закона о введении должности фискалов в церковных судах (проповедь 17 марта 1713 г. В этот день праздновалась память св. Алексея, чудотворца московского, и приходились именины наследника престола, царевича Алексея).

«Кто разоряет закон, — говорил проповедник, — от того мир далеко отстоит. Море, свирепое море! Зачем ты сокрушаешь и разоряешь берега? „Берег" — это закон Божий! „Берег" — это есть не прелюбы сотворити, не вожделеть жены ближнего своего, не бросать своей собственной жены! „Берег" — это значит хранить благочестие, соблюдать посты, почитать иконы! В евангелии сказано: „аще кто церкви не послушает, буди тебе яко язычник и мытарь"!*

В этих словах, не без основания, увидели нападки на семейную жизнь царя. Не довольствуясь сказанным, Яворский в заключение проповеди обращается к св. Алексею с особой молитвой о царевиче Алексее, называя последнего «единой нашей надеждой», «особенным хранителем заповедей Божиих», и выражая пожелание «видеть его вскоре всяким благополучием изобилующа». Проповедь, конечно, многим не понравилась; Яворский был для объяснений вызван в сенат, и на некоторое время ему было запрещено произносить проповеди.

Во всем это деле Петр проявил большой такт. Расхолодка, разумеется, произошла, но идти на явный разрыв с первым духовным сановником, расплачиваться за публичное порицание и делать жертву из цензора своих нравов царю было не на руку. Петр ограничился замечанием: следовало бы первоначально обличить наедине, а потом уже при свидетелях («первое одному, потом же со свидетели»).

ПИСЬМЕННОСТЬ ПЕРЕВОДНАЯ И ОРИГИНАЛЬНАЯ

Московская Русь XVII в. интересовалась всего более географией и историей, потом медициной. Книг практического содержания: словарей, по военному делу, сельскому хозяйству и т. п. переведено было мало, и уже совсем мало книг научных. Зато повести и романы, пьесы драматические, духовная лирика, дидактика и полемика, особенно же беллетристика, переводились в значительном количестве. Классиков мало (Соболевский). При Петре Великом, наоборот, книги практического содержания берут перевес над другими. Значительный процент надо отнести на сочинения по военному и морскому делу; вырастает литература политическая, по государствоведению. Не заглохла и полемика, но в сфере более широкой: она не ограничивается областью духовных вопросов, но вторгается в область также и чисто политической жизни. Наконец, отведено место и чистой науке.

Литература оригинальная и в этот период, как и раньше, в 1462—1613 гг., количеством значительно уступает литературе переводной. Самостоятельнее проявил себя русский писатель в области исторической, частью как педагог (буквари, грамматики) и беллетрист; в остальных же отделах письменности, особенно в области научной, он продолжает еще жить заимствованиями. Удовлетворить собственными средствами назревшую потребность в знании ему еще было не по силам, а потому эти заимствования становились неизбежными. Переводная литература, и раньше всегда преобладавшая, теперь выросла особенно и притом по самым разнообразным отраслям. Переводились, главным образом, сочинения на польском языке.

Мироведение (география)

Материальный горизонт русской мысли в XVII ст., несомненно, сильно раздвинулся. Литературный вклад Западной

Европы в науку о мироведении и географии мало-помалу становится доступен и русскому человеку. «Космографии» того времени, по содержанию и назначению, близко подходят к современным нам сочинениям Рихтера «Землеведение», Э. Реклю «Всеобщая география» и т. п. «Географии» — с более узкой программой, без этнографического материала, зато обычно со сведениями по астрономии. Таковы:

1. Космография Меркатора (1512—1594), несколько переводов: 1637 г. и след. Труд Меркатора «*Atlas sive Cosmographiae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura. Amsterodami, 1606*» (новое полное, посмертное издание) выдержал в XVII в. 25 изданий и составил (гл. обр., своими картами) эру в науке географии.

2. Космография Ботера. Перевод 1659 г. сделан с польского издания 1609 г. Оригинал: *Delle relationi universali di Giovanni Botero Benese. Roma, 1592.*

3. Космография Ортелиуса. Перевод 1670 г., тоже с польского текста. Оригинал: *Ortelius. Theatrum orbis terrarum. Antwerpiae, 1571.*

4. Атлас Блеу, пер. 1661 г. Оригинал: *Bleu. Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus. Amstelodami. 1643*, кроме карт, содержал географическое описание стран.

5. Ф. Клувер. Введение во всю географию новую и древнюю, нач. XVIII в.: *Phil. Cluverius. Introductio in universam geographiam tam veterem, quam novam, 1629.*

Ни один из этих переводов не увидел света. Та же участь постигла и перевод 1696 г. «Путешествия Олеария». Переводчики петровского времени в этом отношении были удачнее:

6. География, или Краткое земнаго круга описание. Москва, 1710. Характер учебника.

7. Б. Варениус. География генеральная. Москва, 1718. Оригинал: *B. Vareni. Geographia generalis. 1650* и след. года.

8. И. Гюбнер. Земноводного круга краткое описание. Москва, 1719. Автор этой «Географии» (*J. Hubner. Kurtze Fragen aus der neuen und alten Geographie biss auf gegenwertigen Zeit continuiert*) славился в свое время как талантливый составитель учебников, из которых учащиеся легко и понятно усваивали научные сведения. „География“ Гюбнера пользовалась огромной популярностью: еще при жизни его она выдержала 36 изданий, разошлась более нежели в 100 000 экз. и переведена почти на все европейские языки» (Пекарский).

Военное дело

Старания освоиться с техникой военного дела можно проследить на всем пространстве XVII в.

1. Еще царь Василий Шуйский заказал перевод «Воинской книги» Фроншпергера (Kriegsbuch., 1596): как готовить порох, как стрелять из пушек и пищалей и т. п.; но перевод был готов лишь в 1621 г. и остался в рукописи.

2. Устав ратных, пушечных и иных дел: 663 статьи, выбранные из иностранных сочинений при Михаиле Федоровиче, был напечатан лишь в 1777 г.; к тому времени он, конечно, уже успел устареть и сохранил значение простого исторического документа.

3. Первая печатная книга на русском языке на военную тему была «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Москва, 1647. Это перевод устава, введенного в Германии имп. Карлом V. Книга снабжена пояснительными рисунками, отпечатанными по заказу русского правительства в Голландии.

4. Ко времени военных потех молодого Петра относится перевод книги Ландрини «Художества огненная и разные воинские орудия ко всяким городовым приступам и ко обороне приличные по указу великого государя Петра Алексеевича», 1685 (ркп). Судя по тщательности письма, отчетливо нарисованным тушью чертежам, можно думать, что перевод стоит в связи с постройкой потешной крепости Пресбург и теми забавами, какими в ту пору увлекался молодой царь. Подлинник книги на французском языке, но русский перевод сделан с немецкого текста — одно из доказательств того, что французская литература в конце XVII в. была мало распространена и, пожалуй, еще меньше было лиц, владевших французским языком.

5.6. Тогда же появились переводы с польского: «Гиппика, или Наука о конях, 1685; Фронтин. «О случаях военных», 1692.

7. Еще до начала Шведской войны, в 1697 г., переведено сочинение немца Боргсдорфа о штурме крепостей, но напечатано оно было только в 1709 г.

8. Вообще печатная литература по военному делу начинается не раньше XVIII ст., будучи тесно связана с великой войной, которую тогда вела Россия. Это преимущественно сочинения по фортификации (Штурм, Кугерн, Римплер, Бринк, Блондель,

знаменитый Вобан: «Истинный способ укрепления городов». СПб., 1724).

9. Еще в 1705 г. Петр Великий сделал попытку выработать военно-судебный устав своей армии: Гроссейн. Артикул краткий, выбранный из древних христианских воинских прав. М. 1705, перевод с немецкого. Оршако работ^ исполнена была на скорую руку, а главное, без достаточного опыта и потому **оказалась** малопригодной. **Лишь** через 10 лёт появился «Артикул воинский купно с процессом». СПб., 1715, уже не перевод, а самостоятельная переработка иностранных законодательств по военно-судебным делам]

10. Книга «Устав воинский». СПб., 1716 — знаменитый труд царя и его сотрудников, зрелый плод практики и знакомства с организацией военного дела в европейских государствах. «Устав воинский» лег в основу всего нашего военного законодательства XVIII в.

Аналогичная работа проделана была и для русского флота:

11. Книга «Устав морской, о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море». СПб., 1720.

12. Регламент о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии Адмиралтейской. СПб., 1722, в двух частях.

Учебники и пособия

Буквари (азбуки)

Место и год издания

Москва:	1634, 1637, 1649, 1651, 1657, 1664, 1677, 1679, 1692, 1694, 1698, 1701, 1704, 1708
Киев:	1664, 1670
Львов:	1671, 1690, 1692, 1710
Чернигов:	1680
Уневский монастырь:	1698
Петербург:	1717, 1720

В деле издания букварей первенство, по времени, принадлежит Руси Литовско-Польской (см. выше). В Москве первый букварь, Василия Бурцева, появился лишь в 1634 г., 2-е изд. 1637 г. да и этот, в сущности, был простой перепечаткой ви-

ленского букваря 1621 г.; от себя Бурцев добавил лишь одно послесловие. Но в подобной книге была такая нужда, что бурцевский букварь переиздавался несколько раз; издание 1649 г. в 6000 экз. распродано было в три месяца, а 2400 экз. издания 1651 г. разошлись в один день.

По букварю 1679 г. учился, по всей вероятности, Петр Великий; возможно, что и составлен он был со специальной целью служить царевичу первой школьной книжкой.

Буквари 1693—1694 гг. предназначались для царевича Алексея; автор, Карион Истомина, обильно снабдил их гравюрами работы Леонтия Бунина: изображениями зданий, одежд, утвари и других предметов домашнего и житейского обихода.

Букварь 1701 г. составлен Федором Поликарповым, учеником бр. Лихудов.

«Юности честное зерцало». СПб., 1717, перепечатано: 1719. Кроме собственно азбуки (слоги, цифры, краткие нравоучения из Священного Писания), сюда внесены наставления, как вести себя молодым людям в обществе и дома: это своего рода правила светских приличий, как их понимали в то время. Сюда же можно отнести: Приклады како пишутся комплименты. М., 1708. Это письмовник, наставления, с образцами, как составлять письма на разные случаи; перев. с немецкого. «Приклады» были второй книгой в России, напечатанной гражданским шрифтом.

«Первое учение отроком». СПб., 1720. Автором или по крайней мере главным редактором этой книги был Феофан Прокопович. Кроме собственно букваря, здесь помещено еще краткое толкование: 1) 10 заповедей, 2) Молитвы Господней, 3) Символа Веры и 4) Десяти блаженств. Назначение толкования: во-первых, дать материал для практики в чтении и, в особенности, во-вторых, ознакомить ученика с содержанием и смыслом заповедей и молитв, прежде чем он начнет заучивать их наизусть, предупреждая тем механическое, бессмысленное усвоение текста. Книга предназначалась не только для школьного употребления: ее предписывалось читать в дни Великого поста по церквам вместо творений Ефрема Сирина и Соборника. Книга возбудила толки и неудовольствие: находили, что она книга вредная, несогласна с учением православной церкви и отзывается протестантскими взглядами.

Грамматики

Самостоятельной русской грамматики Московская Русь 1613—1725 гг. не создала, довольствуясь перепечаткой грам-

матики Мелетия Смотрицкого (Москва, 1648; 1721). Она же служила образцом и для двух грамматик: 1) Поляка Ильи Копиевского (напеч. Штольценберг, иод Данцигом, 1706) и 2) Федора Максимовича (СПб., 1723). Лишь с появлением грамматики Ломоносова (1755), не раньше, труд Смотрицкого потерял свое практическое значение.

Словари

1. Федор Поликарпов. Лексикон трехязычный, сиречь славенских, еллино-греческих и латинских речений сокровище. Москва, 1704. Несмотря на неполноту этого словаря, он имел свои достоинства и даже в царствование имп. Екатерины II оказывался пригоден и не был совершенно заброшен.

В промежуток между появлением в свет словарей Берынды и Поликарпова было составлено еще несколько словарей, но все они остались в рукописи (см. выше гл. «Киевские влияния» о словарях Епифания Славинецкого).

2. Латино-славянский словарь, составленный на основании печатного: А. Calepini. Dictionarium undecim linguarum sa. К этому труду приложил свою руку, между прочим, Юрий Крижанич, дав толкование свыше 130 слов.

3. Иностранные слова начали входить в русскую речь еще в XVII в., в царствование Петра Великого их насчитывалось уже свыше 3 000. Они нуждались в пояснении. «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» (напечатан лишь в наши дни) сделал первую попытку удовлетворить этой потребности (объяснено 500 слов).

По другим предметам

1. Илья Копиевский. Краткое и полезное руковедение во арифметику. Амстердам, 1698.

2. Леонтий Магницкий. Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык переведенная и во едино собрана. Москва, 1703. Свыше 300 страниц. Первый печатный учебник на русском языке; он напечатан еще славянским шрифтом. По этой книге учились ближайшие два, если не три поколения, в том числе Ломоносов. «По своему не всегда ясному изложению, чудовищной технике и большому объему должна была, для большинства учеников, представлять весьма тяжелый труд»; однако «арифметика Магницкого должна быть дорога для каждого русского потому, что она находилась в числе немногих книг, возбудивших любознательность Ломо-

Носова, и еще потому, что это было первое русское математическое сочинение» (Веселовский). Это отметил и сам составитель, с понятной гордостью сказавший в своем двустишии:

Зане разум весь собрал и чин —
Природный русский, а не немчин.

3. Книга, именуемая Геометрия, или Землемерие радиксом и циркулем, второй половины XVII в. Не напечатана.

4. Геометрия славенски землемерие издадесе новотипографским тиснением. Москва, 1708. Первенец книг гражданской печати в России. Перевод с немецкого. Текст перевода исправлялся Петром Великим.

5. География, или Краткое земного круга описание. Москва, 1710, перевод с голландского. Первая печатная география в России. Строение мира объясняет по системе не Коперника, а Тихо-де-Браге: в центре Земля, вокруг нее вертится солнце, а вокруг солнца вертятся все остальные планеты.

Всеобщая история

Главными посредниками в ознакомлении с всеобщей историей служили в XVII ст. польские историки и переводчики:

1. Хроника Стрыйковского, перев. 1688 г. (Strykowski. Kronika Polska, Litewska, Zmodska u wszystkiej Rusi Kijowskiey. 1582).

2. Летопись Пясецкого, перев. начала XVIII в. (Piasecius, episcopus Praemisliensis Chronica gestorum in Europe ad a. 1648, s. a.; польский перевод. Краков, 1870). Это подробная летопись событий в Европе за 1571—1637 гг. Русский перевод доведен только до 1619 г. и заканчивался Деулинским перемирием. Некоторые думают, что он был составлен для кн. В. В. Голицына, значит, еще в 1680-х гг.

3. «Вертоград королевский» Папроцкого, перев. начала XVIII в. (Ogrod Krolewski, 1599). Это история Чехии, Польши и Юго-Западной Руси. «Переводчик перевел весь труд, с латинскими цитатами и стихами включительно; стихи иногда также рифмованными стихами» (Соболевский).

4. История Иудейской войны, Иосифа Флавия, XVII в., с польского.

5. Церковные летописи Барония (Annales Ecclesiastici); несколько переводов (1678, 1689) с польского сокращенного перевода иезуита Петра Скарги.

Все эти переводы типографского станка не увидали. Лишь позже^ но уже в других переводах, напечатан^:

6. И . Флавий. История о разорении св. града Иерусалима. СПб., 1713.

7. Бароний. Деяния церковная и гражданская. М., 1719, тоже с перевода Скарги.

Не напечатанными остались также:

8. Древнейшая история Чехии, XVII в.

9. Мартини. История завоевания Китая татарами, перев. в 1677 г. (сочинение это входило, как составная часть, в Атлас Блеу; см. выше).

10. История четырех монархий, Слейдана, перев. начала XVIII в. (J. Sleidani. De quatuor summis monarchiis libri tres, 1556). Четыре монархии — это Вавилонская, Персидская, Греческая (Македонская) и Римская.

Исторические сочинения, напечатанные в царствование Петра Великого

11. И. Копиевский. Введение краткое во всякую историю. Амстердам, 1699. Первый учебник всеобщей истории на русском языке. Характерное сочетание «науки» и политической пропаганды: а) определение науки, события из Свящ. Истории, перечни древних государей, географическое описание стран; б) прославление русского царя и его народа и земли.

Гораздо важнее, и по программе, и по качеству ее выполнения, были следующие три сочинения, с которых, можно сказать, началось более устойчивое и основательное знакомство наше с всеобщей историей.

12. Пуффендорф. Введение в историю европейскую, перевод Гавриила Бужинского. СПб., 1718, 1724. (S. Puffendorffii. Introductio ad historiam praecipuorum regnorum, et statuum modernorum in Europa, 1687). В России это было первое руководство по всеобщей истории. «Введение» Копиевского, 1699, вышло за границу, да и по содержанию своему не могло идти в счет с трудом Пуффендорфа. Петр Великий очень ценил «славного историка» и еще раньше появления русского издания предписал принять «Введение» за руководство при обучении царевича Алексея.

13. В. Стратеман. Феатрон или Позор исторический. СПб., 1720, перевод под смотрением Г. Бужинского (Theatrum

historicum, 1656). Это тоже всемирная история: от сотворения мира до 1680 г.

14. Мавроурбин. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, перев. Саввы Пагузинского. СПб., 1722 (Mauro Orbini. Il regno de gli Slavi, 1601).

Оригинальная историческая литература за период 1613—1725 гг. представляет собой четыре наслоения, следующих одно за другим почти в хронологическом порядке.

I. Прежде всего это литература, посвященная Смутному времени. Пережитое русским обществом за эти годы так глубоко захватило и всколыхнуло его, вызвало оценку столь разнообразную, что не могло не искать выражения в письменном слове. Таковы:

1. «Иное сказание о самозванцах», неизвестного автора.
2. «Временник» дьяка Ивана Тимофеева; составлен в 1616—1619 гг., а то и позже.
3. Князь Катырев-Ростовский. «Повесть от прежних дел».
4. «Книга, глаголемая Новый Летописец», неизвестного автора.
5. «Сказание об осаде Троицкого монастыря», келаря этого монастыря Авраамия Палицына. Это: а) летопись очевидца и участника в печальных событиях; б) сказание о чудесном заступничестве за свой «дом» преп. Сергия Радонежского. Всеобщая вера в защиту Сергия, в благополучный исход борьбы с поляками придала этой борьбе религиозный характер — этим настроением и проникнут весь труд Палицына.
6. «Рукопись Филарета» — официальная летопись Смутного времени.

II. Большая часть вышеуказанных сочинений отражает личные суждения авторов, как бы готовит нас к появлению тех исторических трудов, в которых более или менее ярко выступит индивидуальный облик автора с особой окраской и направлением. Для этого время, однако, еще не пришло: старые летописные приемы еще в полном ходу. Таковы Хронографы и Летописцы в царствование Михаила Федоровича. Они тоже повествуют о Смуте, но не исключительно о ней одной и притом повествуют еще в старом безымянном стиле:

7. Хронограф 1617 г.: систематическая переработка Хронографа 1512 г. (см. выше): изложение доведено до воцарения

Михаила Федоровича. По сравнению с прежним Хронографом, здесь кроме русского материала подобран и западный: «Всемирная хроника» Мартина Вельского, латинские космографии.

8. Хронограф 1620 г.: новое издание Хронографа 1617 г.

9. «Новый летописец»: события 1583—1630 гг.

10. Историческая повесть о взятии Азова в 1637 г. Изд.: М., 1906.

III. Вторую половинку XVII в. летописная форма более уже не удовлетворяет; однако попытки систематического! и прагматического изложения ей не удаются: вместо настоящей истории она дает лишь полусырой подготовительный материал для нее. Таковы:

11. Федор Грибоедов. История или сказание вкратце о боговенчаных царях и великих князях, в Российской земле богоугодно державствующих. 1669 г. Это генеалогический перечень лиц с целью «вывести род московских государей и прикнуть к ним новую династию» (Соловьев); «очень неудачный опыт систематического изложения русской истории» (архиеп. Филарет). «Степенная книга» дала автору материал и определила его отправные мысли. Изд.: СПб., 1896.

12. «Царский Титулярник» (иначе: «Корень российских государей», «Большая государственная книга 1672 г.»): раскрашенные портреты русских государей, начиная от Рюрика до Алексея Михайловича включительно, русских патриархов (Иов — Питирим) и современных царю Алексею государей европейских, с пояснительным текстом. Изд.: СПб., 1903.

13. «Книга об избрании и венчании на престол царя Михаила Федоровича», с раскрашенными рисунками, 1672—1673 гг. Изд.: М., 1856.

14. Единственно, что еще может быть подведено под понятие истории — это: «Киевский Синописис» Иннокентия Гизеля. Киев, 1674, 1678, 1680; СПб., 1714, 1718, да и то его создала не Московская Русь. Во всяком случае появление этой книги отвечало очень жгучей потребности, недаром она выдержала несколько изданий. Это первый учебник по русской истории: до появления «Истории» Ломоносова (1765) единственное печатное руководство по этому предмету. Свообразная программа: это не история России — речь идет только о событиях, связанных с историей Киева. Основная мысль: Киев, став достоянием «помазанника» Божия, царя Алексея Михайловича, вернул себе прежнее «царственное бытие». Книга историческими фактами оправдывает присоединение Юго-Западной Руси к Мос-

ковской державе, доказывая законность прав московского царя на обладание этим краем.

IV. Время Петра Великого, по сравнению с XVII в., значительно раздвигает рамки исторической программы, но зато и осложняет задачу: хочется одновременно написать и историю России, и не медля, возможно скорее, сейчас же закрепить великие события Великой войны. Могучий толчок в этом направлении дала Полтавская победа: помимо ее влияния на ход военных событий и международное положение России, она вносила свежесть и бодрость духа, рассеивала сомнения в плодотворности прежних усилий, наглядно осмысливала самую войну. Положительное значение предшествовавших лет выяснялось теперь с каждым новым успехом, и у Петра зарождается вполне понятное желание сохранить на память эти трудные годы умственного и физического напряжения, а перед потомством найти оправдание своим поступкам.

15. Еще в 1705 г. сведения о ходе военных событий велено сосредоточивать в Посольском приказе. В 1711 г. приступлено к составлению «Истории Свейской войны». Много заботы и личного труда положил на нее Петр. Тщательно собирались необходимые материалы: походные журналы государя, правительственные распоряжения, реляции о сражениях, рассказы непосредственных участников событий; не забыты были и чисто литературные пособия, иностранные и отечественные. Но задача в целом оказалась делом далеко не легким. Нова была форма литературного изложения; с другой стороны, война затягивалась, приходилось писать о событиях буквально вчерашнего дня и историю превращать в простой перечень хронологически расположенных фактов. Шиллинг, переводчик Посольского приказа; Поликарпов, директор московской типографии; Шафиров, Гюйссен, Макаров и, вероятно, Феофан Прокопович последовательно один за другим старались, каждый по мере сил и умения, разобраться в обширном материале и придать ему хотя бы по внешности более стройный вид; но едва ли не более всех работал сам царь. По заключении Ништадтского мира он отвел особое утро, раз в неделю, по субботам, на занятия «Историей Свейской войны». Он постоянно переделывал работу своих сотрудников, дополнял, изменял ее, выбрасывал лишнее, так что истинным автором труда в том виде, в каком он нам известен, пожалуй, правильнее будет назвать именно Петра, а не кого иного. Как история,

труд этот неудовлетворителен, но он ценен как личное свидетельство наиболее главного участника событий, т. е. как источник первой руки. Напеч. под именем: «Журнал или Подкрная| записка имр. Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира». СПб., 1770—1772, 2 части. Но история первых 12 лет войны появилась, в иной редакции, еще при жизни Петра: «Книга Марсова». СПб., 1713.

16. Из сотрудников Петра в этом деле, и притом наиболее самостоятельных, был Гюйссен. Его «Журнал государя Петра I с 1695 по 1710 год» содержит немало подробностей, опущенных в «Гистории». Напеч.: Туманский. Собрание разных записок, ч. III и VIII (СПб., 1787—1788).

17. На фоне борьбы с могущественным соседом в сознании царя и его ближайших сотрудников все ясней и отчетливее выступала тесная связь событий специально военных с явлениями внутренней жизни страны. В представлении героя Полтавской битвы история войны превращалась в историю царствования. Но в данном случае задача оказывалась еще труднее. Мысль царя нашла свое частичное осуществление в сочинении Феофана Прокоповича. «История имп. Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии». Напеч.: СПб., 1773, 1778.

18. А. Манкиев. Ядро Российской истории. 1715. Находясь в шведском плену, Манкиев по личному почину написал историю России с древнейших времен, доведя рассказ до 1712 г. Отсутствие под рукой необходимого материала неблагоприятно отразилось на достоинстве его работы, однако беззатейное, обстоятельное повествование автора имело по тому времени и свои достоинства. Во всяком случае это было первое сочинение на русском языке, составленное русскими силами и охватывавшее историю России во всем ее целом. Напеч.: М., 1770.

19. Своеобразное место занимает «Гистория Российской империи» кн. Б. И. Куракина. Задуманная (1727) в широких размерах (с начала Русского государства), она охватывает лишь короткий период 1682—1694 гг. и потому, в действительности, свелась к «Гистории царя Петра Алексеевича». Это драгоценный источник по истории молодых лет Петра Великого. Автор многое наблюдал непосредственно, и под его пером история зачастую превращается в мемуары, полные жизни и правды, конечно, правды субъективной, как все мемуары. Сочинение Куракина увидело свет только в наши дни: «Архив Ф. А. Куракина». Кн. I. СПб., 1890.

Биографии. Мемуары.
Литература специально заграничных поездок

Биографии

1. Автобиография («Житие») Аввакума (см. выше). Несколько изданий.
2. «Житие боярыни Морозовой, последовательницы учения Аввакума». Изд.: Москва.
3. «История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева». М., 1785.
4. И. А. Желябужский, род. в 1638 г. Записки. СПб., 1840: ценные бытовые данные за 1682—1709 гг.
5. Сильвестр Медведев, ум. в 1691 г. «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». М., 1894: стрелецкое и раскольничье движение при воцарении Петра Великого и ближайшие последствия его; на основании официальных данных.
6. А. А. Матвеев, ум. в 1728 г. Записки. СПб., 1840, писаны автором незадолго до смерти: годы 1682—1695.
7. В. А. Нащокин, род. в 1707 г. Записки. СПб., 1842; описаны годы 1712—1759; для времени Петра Великого не особенно много.
8. А. К. Нартов, род. в 1683 г., ум. в 1756 г. «Рассказы Нартова о Петре Великом». СПб., 1891. Много т. н. «анекдотов» о Петре; часть их составлена по личным воспоминаниям, устным преданиям и свидетельствам современников; остальное заимствовано из печатных источников. Окончательная редакция в посмертной обработке принадлежит сыну Нартова, Андрею (1770-е гг.).

Примечание. Записки Головина, Куракина и Неплюева отнесены к группе «Литература заграничных поездок» (см. ниже).

Литература заграничных поездок

Она двух видов:

А. Официальные донесения послов русскому правительству об исполнении возложенной на них миссии, причем кроме чисто дипломатического поручения, они зачастую содержат описание пройденного пути и того, что пришлось послам наблюдать на месте своего пребывания (осмотры достопримечательностей, визиты и пр.) — это т. н. Статейные списки посольств. Значительная часть их остается еще неопубликованной. Напеча-

танное («Памятники Дипломатия. Сношений». СПб., 1855—1871. 10 томов) не выходит за пределы XVII в.

Б. В собственном смысле мемуары (воспоминания), дневники с характером индивидуальных записей. В то время как в Статейных списках выступает коллективный орган — посольство — и личность ступшевывается, центральной фигурой, героем мемуаров является сам их; автор. Все известные нам мемуары этого рода напечатаны и все относятся ко времени Петра Великого. Их немного, но они ценный материал для истории эпохи и для представления о том багаже, какой вывозили русские люди из-за границы на основании непосредственного знакомства с жизнью и укладом современной Европы.

Мемуары петровского времени

1. Царь Петр, род. в 1672 г. Первая поездка за границу, 1697—1698 (Курляндия, Пруссия, Голландия, Англия, Вена). Вторая поездка, 1717—1718 (Германия, Дания, Голландия, Франция). «Юрнал Петра Великого. СПб., 1853—1855» (содержит: годы 1695—1725) — поденная запись того, что видел, где был и что сделал Петр Великий. Самую запись составлял не Петр, а, вероятно, один из его денщиков (адъютантов) или лицо, ведавшее его письменную часть. Годы 1697—1698 перепечатаны: Устрялов. История царств, имп. Петра Великого. Т. III.

2. Неизвестный, 1697—1698 (Голландия, Германия, Италия). «Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина Российского посольства в 1697 и 1698 гг.». СПб., 1788. Перепечатывалось не однажды; позднейшая, наиболее доступная перепечатка: Русская старина, 1879, № 5.

3. Толстой, Петр Андреевич, стольник, род. в 1645 г. Послан обучаться морскому делу в числе многих других придворных комнатных стольников, 1697—1698 (Варшава, Вена, Венеция, Падуя, Милан, Адриатика, Неаполь, Мальта, Сицилия, Рим). Записки Толстого изданы под заглавием: «Путешествие стольника П. А. Толстого» (Русский архив, 1888).

4. Шереметев Борис Петрович, боярин, род. в 1652 г., ездил по предписанию царя на положении особо доверенной и высокопоставленной особы, 1697—1698. «Записка путешествия графа Б. П. Шереметева в Европейские государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Малтийский остров, изданная по подлинному описанию. Москва. 1773», с рисунками. Кроме

того: 1) «Древ. Росс. Вивлиофика», 2-е изд., т. V; 2) «Памятники Диплом. Снош.», т. X.

5. Головин Василий Васильевич, малолетний дворянин, род. в 1696 г., пробыл в Голландии в 1713—1715 гг. для «навигационной науки», «Записка бедной и суетной жизни человеческой» (в книге: «Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского, собранная П. Казанским». Москва, 1347). Это скорее мемуары о жизни в России: про заграничное свое житье Головин обмолвился всего лишь немногими словами.

6. Нарышкин Иван Львович, двоюродный брат Петра Великого (?), ездил с братом и учителем (Голландия, Испания, Италия, Франция). Рукопись Румянцевского музея в Москве. Выдержки: Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I.

7. Неплюев Иван Иванович, род. в 1693 г., ум. в 1773 г., гардемарин, пробыл в плавании, изучая морское дело, 1716—1720 гг. (Копенгаген, Венеция, Испания, Тулон, Амстердам). «Записки Неплюева»: 1) Русский архив, 1871; 2) СПб., 1893. Большая часть записок посвящена времени Петра Великого.

8. Куракин, князь Борис Иванович, род. в 1676 г., стольник, *Vita del principe Boris Koribut—Kourakin del familii de Polonia et Lituania* — итальянский титул по-русски написанной автобиографии за 1676—1709 гг. Говорится о двух поездках за границу: в 1697—1698 гг. и в 1705—1708 гг. (о второй поездке особый «Дневник», см. ниже). «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. I. СПб., 1890.

9. Он же. Дневник и Путевые заметки. 1705—1708 (Пруссия, Германия, Голландия, Англия, Рим, Вена, Прага, Берлин, Гамбург). Там же.

10. Матвеев Андрей Артамонович, род. в 1666 г. В звании чрезвычайного и полномочного посла при голландских Статах, ездил в 1705 г. во Францию для заключения (не состоявшегося) торгового договора и представил отчет о своей поездке. Выписки и пересказ содержания этого отчета в статье П. Пекарского: «Граф Матвеев в Париже» (Современник, 1856, № 6). По форме изложения сочинение Матвеева — переходная ступень от Статейных списков к Запискам: это Список — потому что официальный, служебный отчет о возложенном на автора поручении; но это также и Записки: в них много индивидуального, личных впечатлений, много такого, что обычно в Списках не находило себе места. Составитель отчета не только видит, но и переживает свои впечатления.

Художественная литература

Это повести духовного содержания, поучительные; рыцарские романы, притчи, шутки и сатиры. Литература этого рода перешла на Русь с романо-германского Запада через родственные славянские народности: Сербию, Чехию (немного) и особенно через Польшу, и послужила образцом для оригинальных русских произведений этого же типа. Повести духовного содержания, помимо форм литературных, проводили идеи, сложившиеся на почве католического мировоззрения.

Произведения переводные

А. Повести духовного содержания

1. «Великое зеркало» — сборник повестей назидательного характера: жития святых, рассказы о разных случаях человеческой жизни. Подлинник латинский с католической тенденцией (*Speculum Magnum*, 1605); русский перевод взят с польского, приготовлен в 1677 г. по желанию царя Алексея Михайловича. Католическая окраска если не вытравлена, то все же сглажена: в тексте устранено то, что могло задеть православное чувство: римский папа, которому оказывают честь, заменен вселенским патриархом и т. п.

2. «Звезда Пресветлая», 1668 — всякого рода вымыслы в католическом духе о чудесах Богородицы, совершенных Ею в Испании, Франции и Германии. «„Звезду Пресветлую" и доселе (писано в 1859 г.) легко можно встретить по базарам и ярмонкам древних русских городов, между старыми рукописями и книгами. Самая дешевизна списков ее, особенно расплодившихся в XVIII в., достаточно говорит о той силе, какую забрала над простодушными умами простонародья обаятельная поэзия католических новелл» (Буслаев). «Академия наук владеет великолепным лицевым списком, поднесенным царевне Софье в 1686 г., с изображениями царей Иоанна и Петра и патр. Иоакима» (Соболевский).

Б. Светские повести. Рыцарский роман

1. «Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли», сказочного содержания, XVII в.

2. «Повесть умильная о Брунцвике, королевиче Чешской земли», полная сказочных, самых невероятных приключений, середина XVII в., с чешского подлинника.

3. «История о храбром князе Петре-Златые Ключи и о прекрасной Магилене, королеве Неполитанской»; подлинник

французский; русский перевод второй половины XVII в. с польского: нежные любовники, Петр и Магилена, страдая, не забывают друг друга и в разлуке; их верная любовь и благочестие награждены: разлука кончена, они соединены и живут долго и счастливо.

4. «История волшебницы Мелюзины»; подлинник французский, русский перевод 1677 г. с польского: за непочтение к отцу Мелюзина по субботам превращается в полуженщину-полузмея.

5. «Повесть о преславном римском кесаре Оттоне»; подлинник французский (1560); русский перевод 1677 г. с польского.

6. «Гистория о гишпанском шляхтиче Дол торне и прекрасной гишпанской королевне Елеоноре», XVII в.: похождения шляхтича, служившего в драбантах и ставшего цесарем римским. Была очень распространена и популярна.

7. «Факеции, или Жарты польски, издевки смехотворны московски», с польского, 1680 г.: забавные рассказы фривольного содержания, в духе Декамерона.

8. «Деи Римские» — «Gesta Romanorum» в средние века в Западной Европе были одной из самых распространенных книг. Это сборник повестей, сказок восточного происхождения, притчей, всякого рода «прикладов», т. е. примеров, образцов морального содержания; перевод 1691 (?) г. с польского (Dzieje Rzyskie).

Две сказки-романа. Сюжет заимствован, но настолько переработан в русском народном духе, что оба произведения получили характер русского народного творчества:

1. «История о Бове-королевиче», подлинник итальянский (Vuovo d Antona), XVII в.; оригиналом для русского автора служила сербская переделка. Это совсем народная русская сказка, в чисто русской обстановке. Все итальянские имена переделаны на русский лад: Vuovo d Antona — Бова из города Антонова; Agostino — Ангусей; Lucaferro — Лукопер; Poliscapo — Полкан-богатырь и т. п.

2. «Сказка о Еруслане Лазаревиче», XVII в.: военные и любовные приключения русского богатыря; сюжет заимствован из Шахнаме («Книга царей»), исторической поэмы в стихах персидского поэта Фирдоуси, современника Владимира Святого (соч. 999 г.). И здесь те же переделки в именах действующих лиц, что и в «Бове»: Еруслан — Рустам; Лазарь (или Залазарь) — Заль-зар; Киркоус — Кей-Кавус и т. п.

Оригинальные произведения

А. Беллетристика.

1. «Повесть о Савве Грудцыне», времени Михаила Федоровича; сочетание нравоучительной повести с историческим рассказом: как бес овладел, на любовной подкладке, душой Саввы и как потом Савва освободился от него.

2. «История о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина-Нашокина Аннушке», XVII в. (события отнесены к 1680 г.). Плутоватый Скобеев тайком увозит богатую невесту, женится на ней и через жену становится богатым человеком с положением.

3. «Повесть о Горе и Злосчастии, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин», XVII в., не то сказка-былина, не то духовный стих: борьба Горя с самонадеянным добрым молодцем. По своему достоинству «Повесть» занимает «одно из первых мест в нашей народной поэзии». Поучительный характер ее: «Добрый молодец не послушался поучений, начал жить весело, нажил ложных друзей, предался хмельному питью и в конце концов подвергся жестокому преследованию Горя-Злосчастия и нашел от него спасение только за святыми воротами иноческой обители» (Пыпин).

4. «Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли». Петровского времени: подвиги Василия за границей, полные самых невероятных приключений.

5. «История об Александре, российском дворянине», тоже петровского времени.

В двух последних главное действующее лицо русского происхождения, но самое действие происходит за границей. «Русскими» назвать эти две повести можно лишь условно: они не только скроены по образцу западноевропейских повестей, но не вполне самостоятельны и в выборе самого сюжета. Так, «Повесть о Василии», во второй своей половине, в сущности простой пересказ «Гистории о Долторне», с переменной лишь имен.

Б. Сатирические произведения

1. «Шемякин суд», XVII в. Сатира на судей и на их подкупность. Хотя сюжет и заимствованный, чужеземный, но он настолько прилепился к русским нравам, что вырос в популярную народную сатиру на русский суд и на русских неправых судей. Выражение «Шемякин суд» стало синонимом корыстного и несправедливого суда.

2. «Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» (иначе: «Судное дело у Леща с Ершом») — сатира на судебное дело-производство, сутяжничество и ябедническую изворотливость.

3. «Повесть о двух братьях, Фоме и Ереме» — сатирическое олицетворение глупости и нелепости.

В. Духовные стихи

По музыкальным размерам и художественным оборотам они сродни былинам; но источник их совершенно иной: книжно-церковный — апокрифы, христианские легенды, библейские рассказы. Тенденция стихов — назидательная, в целях направить человека на путь личной и общественной добродетели, послужить ему руководством в жизни, содействуя нравственному самоусовершенствованию.

1. «Прощание души с телом» (перед кончиной).

2. «Плач Адама» (оплакивающего свое изгнание из рая).

3. «Аллилуева жена»: она бросает своего ребенка в раскаленную печь и тем спасает младенца Иисуса, которого ищут убийцы, посланные Иродом.

4. «Сон Пресвятой Богородицы».

5. «Плач Богородицы у креста»: о том, как Иисус утешает Свою Мать.

6. Стих «О богатом и Лазаре».

7. Стих «О Иосифе Прекрасном»: история Иосифа, проданного братьями в Египет; плач его на могиле матери, Рахили.

8. «Сорок калик со каликою».

9. Стих «О Голубиной книге»: о происхождении мира.

10. Стих «О Егории Храбром»: как устроилась и просветилась Русская земля.

11. «Об Алексее, человеке Божиим»: добровольно покинул родительский дом, богатство, жену и превратился в нищего-калеку; живет милостыней, терпит голод и холод — один из любимых народных стихов; простонародный читатель с особым сочувствием следил за судьбой Алексея, видя в ней нечто близкое и родственное своей.

ПЕРЕВОДЫ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ, ДРЕВНИХ И НОВЫХ ВРЕМЕН (КРОМЕ УКАЗАННЫХ ВЫШЕ)

А. Оставшиеся неизданными (цифры: годы, когда перевод был приготовлен).

1. Эзоп. Басни. 1609. 1675.

2. Тит Ливий. История. 1716. 1722.
3. Овидий. «Превращения», с польского, XVII в.
4. Плиний Младший. Панегирик имп. Траяну, пер. Еп. Славинецкого.
5. Иосиф Флавий. История Иудейской войны. XVII в.
6. Фома Кемпийский. О подражании Христу. 1647. 1664. 1689.
7. Везалий. Книга врачебная анатомия, пер. Еп. Славинецкого.
8. Юст Липсий. «Увещения и приклады политические». 1721.
9. Ян Амос Коменский. Мир в картинках (Orbis pictus). 1679.
10. Ариосто. Неистовый Орланд, нач. XVIII в.
11. Фенелон. Телемак. 1724.

Б. Напечатанные (цифры: годы издания).

1. Эзоп. Басни. 1700. 1712. 1717.
2. Аполлодор, грамматик афинский, II в. до Р. Х. «Библиотека о богах». 1725, январь.
3. Овидий. Метаморфозы. 1721.
4. Квинт Курций. I в. по Р. Х., История Александра Македонского. 1709. 1724.
5. История разорения Трои. 1709. 1712. 1717.
6. Коран Магомета. 1716.
7. Эразм Роттердамский. Разговоры. 1716.
8. Палладий. Книга об архитектуре. 1709. 1712. 1722.

АРХИТЕКТУРА

/. Церковная

1. Шатровые церкви продолжают еще строиться вплоть до середины XVII ст., в один, два или три, иногда даже пять шатров, но позже почему-то (причины достаточно не выяснены) последовало запрещение строить их, и шатер удержался лишь в колокольнях и крыльцах. Церкви опять стали воздвигаться пятиглавыми, самый же шатер выработался в новый тип — ярусный.

2. Отличие ярусных церквей от шатровых. Восьмигранный конус шатра времен Ивана Грозного или Михаила

Федоровича суживался непрерывно, представлял из себя сплошную гладкую поверхность; в ярусной же церкви он суживался постепенно: восьмигранные призмы насаживались одна на другую ярусами, и чем которая призма выше, тем она меньше объемом. Верхушка шатра, как в старом, так и в новом типе, обыкновенно заканчивалась маленькой главкой.

3. Несколько особняком стоят церкви Среднего Поволжья — в Ярославле, Романове-Борисоглебске, в Ростове: ярусность не нашла здесь настоящего выражения, шатер выработал новые формы и вместе с декорацией наружных стен создал то, что может быть названо ярославским стилем.

4. Московское барокко. Новшеством явилась не одна замена шатра ярусом. Киевское влияние, сказавшееся во второй половине XVII в. с такой силой на русско-московской литературе, школе и проповеди, в заносе латинских толкований в области веры и церковных обрядов, отразилось также и на архитектуре. Под влиянием Польской Руси, на Руси Московской с воцарением Алексея Михайловича стал постепенно складываться и к концу века окончательно сложился особый стиль, удержавшийся за все время царствования Петра Великого. Влияния извне не помешали ему выработать самостоятельные формы, приобрести черты вполне национальной архитектуры. Это т. н. московское барокко, или, по терминологии других: русское барокко, или еще: петровский стиль.

Его особенности:

1. Пестрота и нарядность наружных украшений: фасадные стены изукрашены цветными кирпичами и изразцами, так что иной раз кажется, будто перед вашими глазами богатая ткань или затейливо вышитый ковер.

2. Сложная декорация оконных отверстий: обыкновенно окна обведены витыми колонками.

3. Хитросплетенные карнизы.

4. Нарядные галереи-сени, крыльца причудливого вида, порталы изогнутой формы.

5. Вообще прежняя простота и суровое величие гладких стен сменились внешней декорацией. В худших образцах эта декорация чванно кричит о себе, в лучших же невольно подчиняет и чарует тонким, изощренным вкусом, богатством фантазии. Однако на иных такая архитектура церковей, прямое назначение которых служить домом Божиим, производит, не без основания, впечатление чего-то игрушечного, несерьезного.

Первые образцы московского барокко, притом выраженные довольно ярко, можно наблюдать уже в самые первые годы

второй половины XVII ст., можно сказать, одновременно с тем, как шатровой форме положен был насильственный конец.

А. Шатровые церкви

1. Архангельский собор в Нижнем Новгороде, 1624 г.

2. «Дивная» церковь Успения Божией Матери в три шатра, в Угличе, 1628 г. «Столетняя молва укрепила за ней эпитет „дивной церкви“. Скромная обработка стен, бедная внешность церкви заставляет недоумевать о причине такого восхищения. Но если, отойдя на несколько десятков шагов, бросить взгляд на ее гармоничные главки, отчетливо и стройно высекающиеся на фоне неба, становится ясным, что народ ценит в церковной архитектуре именно силуэт, красоту контуров, проекцию масс на плоскости горизонта» (Шамурин).

3. Церковь Иоанна Предтечи в Казани, в три шатра, 1649 г. (более не существует).

4. Церковь Рождества Богородицы в Путинках (Москва), 1652 г. Шатровая форма еще не тронута, но декоративных украшений уже привнесено немало.

Б. Церкви времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича.

1. Троицкий монастырь в Муроме, 1648 г., очень декоративный и нарядный.

2. Церковь Воскресения Господня на Добре, в Костроме, 1652 г.: яркий образец расцвета новой церковной архитектуры: пятиглавая; галерея с трех сторон; наружные стены разрисованы в шашку, вазами, кувшинами, квадратиками, треугольниками, светлым вперемежку с темными; окна обведены тонкими колонками наподобие жгутов; общее впечатление праздничное, нарядное, пестрое.

3. Церковь Грузинской Божией Матери в Москве (Китай-город), 1653 г., типичный образец московского барокко в первой его поре, великолепные крыльца с шатровым восьмигранным верхом.

4. «Новый Иерусалим», собор в с. Воскресенском, в 45 верстах от Москвы; построен патр. Никоном по образцу храма Воскресения Христова в Иерусалиме, 1658—1666; 1676—1685 гг.; окончательно определил новое барочное направление и обеспечил его преобладание в церковной архитектуре.

5. Троицкая церковь в подмосковном селе Останкино, 1677—1693 гг., по типу родственна «Новому Иерусалиму», но еще

затейливее, пестрота в деталях, обилие орнамента всякого рода: розетки, привесы, жгуты; белый камень чередуется с кирпичом и с изразцами пестрого рисунка.

6. «Красная», т. е. Прекрасная, Красивая церковь Григория Неокесарийского в Москве, 1679 г., цветистая, вся в пестрой расцветке, узорочная.

7. Покровский собор в подмосковном селе Измайлово, 1679 г., пятиглавый, внешним видом напоминает московский Успенский собор; далеко не единичное свидетельство живучести старого типа пятиглавых церквей, не утраченного даже в эту эпоху новых веяний и наплыва новых архитектурных форм.

8. Ярославские церкви

«11 июня 1658 г. вспыхнул в Ярославле сильный пожар, истребивший почти весь город и 29 церквей. Памятники отдаленной старины погибли, но на смену их явились новые: город возродился»; материальные средства и наличность крупных художественных сил позволили ему украситься великолепными храмами. «Эти-то храмы, хорошо устроенные, и сохранились до сих пор, даже со своими стенописями. Среди них находятся такие важные со стороны архитектуры и стенового письма памятники, каких нет в целой России, например, церковь Иоанна Предтечи в Толчкове» (Покровский).

Особенности стиля ярославских церквей:

- а) обилие украшений в виде целых карнизов, цоколей, наличников и окон;
- б) эти украшения недостаточно тонки, красочные эффекты несколько кричащи, но вся декоративная сторона носит отпечаток чисто русского народного творчества;
- в) луковичные главы обыкновенно массивны, покрыты чешуей, со стройными шейками, шатры над приделами высятся тоже стройными силуэтами;
- г) «Ярославские церкви XVII в. сотканы из радости, кроткого умиления и благодарности Творцу. Словно витает в них незримо Христос с грустными и любящими глазами и зовет сюда всех труждающихся и обремененных» (Шамурин).

1. Ильинская церковь, 1647—1650 гг. «Ее наружная архитектура не бросается в глаза роскошью и пестротой, но в ней удивительно чисто и гармонично выражен обособленный тип ярославского храма. Легкая группа пятикупольной церкви с шатровыми приделами эффектно встает среди широкой площади» (Шамурин).

2. Церковь Иоанна Злотоуста в Коровниках, 1649—1654 гг., пятиглавая, с шатровыми приделами. «Особенностью Коровницкого храма является его богатейшая внешняя декорация, крайне характерная для ярославских церквей и нигде кроме „Ярославля — красного города“ не встречаемая. Роскошные крыльца, щедро разукрашенные стены, обилие изразцов, чудная обработка куполов — все это делает церковь Иоанна Злотоуста самым **нарядном** и в то же время самым характерным храмом ярославского зодчества. Здесь, как нигде, выступает народное понимание архитектурной и декоративной **красоты**, любящее обилие и отчетливость, увлекающееся сочными, немного кричащими сочетаниями» (Шамурин).

3. Церковь Николая Мокрого, 1665—1672 гг., с нее впервые наружные стены храмов в России стали украшаться изразцами.

4. Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове, 1671—1687 гг., пятиглавая; над каждым приделом новые группы в пять главок меньшего размера; церковь обведена просторной галереею; три крыльца «изумительной детальной обработки»; наружные стены выложены по рисунку кирпичом и изразцами; обилие колонок разной величины; многие из них обведены фигурными бусами. На ярославских церквях вообще лежит облик благородного, радостного и душевного — Толчковская церковь одна из самых красивых и выдержанных в художественном отношении. Густая позолота ее 15 глав, нежно-красный ковер стен, голубоватый узор ее расцветченных изразцов в общем дают очень эффектное сочетание. «Никакая фотография не передаст того впечатления, какое производят группы куполов, галерей и крылец в совокупности с отдельно стоящей прекрасной колокольней» (Грабарь). Внутри замечательные царские врата с тончайшим, изящным ажурным орнаментом.

5. Церковь Петра и Павла, 1691 г. Погоня за внешним эффектом: средняя глава, по сравнению с самой церковью, маленькой и низенькой, несоразмерно велика, и все же «нельзя не любоваться виртуозной смелостью зодчего, скомпоновавшего эти пять массивных лукович». Алтарная стена выложена в шашку и перегружена резным камнем; красочные пятна на ней, черные, красные, зеленые и желтые, несколько аляповаты, однако при всей грубости в них много оригинально-прекрасного. Это типичный образец чисто русского декоративного творчества.

6. Воскресенский собор в Романове-Борисоглебске (город на Волге, на полпути меж Ярославлем и Рыбинском), 1652 г.

К первоначальной постройке митр. Иона Сысоевич добавил (1670) еще великолепные расписные крыльца, переходы, колокольню ярославского типа и поставил второй этаж с верхней галереею на сводах. Эта второзатная галерея-паперть, огибающая собор с трех сторон, самая видная, бросающаяся часть церкви — ею определился общий тон всего архитектурного убранства собора. Перенесенный в Москву, этот дивный храм «был бы лучшим ее украшением. Ни Москва, ни богатый Ярославль, несмотря на ревностное храмоздательство, не сумели создать таких колоссальных памятников; в каждой детали Воскресенского собора проглядывает щедрость, широкий размах, творческий восторг, — словно не хотели знать удержу люди, решившиеся прославить родной город невиданным в округе храмом» (Шамурин). Замечательный по утонченному пониманию красоты и пропорциональности частей, Воскресенский собор — «один из самых блестящих памятников русской архитектуры» этого времени (А. Бенуа).

Г. Ростовские церкви

Церкви Ростовского кремля составляют одно художественное целое с самим кремлем, внутри которого они расположены, и с там же находящимися двумя палатами: Белой и Отдаточной современной постройки. «Оценить вполне художественные красоты группы храмов, башен и теремов Ростовского кремля возможно только на месте. Особенно красив Ростов со своим кремлем, отраженный в водной глади озера Неро, на берегу которого он так живописно расположен» (Горностаев). Все эти постройки обязаны строительной деятельности ростовского митрополита Ионы Сысоевича (1652—1691). Из пяти находящихся в кремле церквей самые замечательные три:

- а) Воскресения Христова, около 1670.
- б) Спас-на-Сенях, 1675.
- в) Иоанна Богослова, 1683.

Кремль окружен стенами, на них 11 башен, 1670—1685.

Белая и Отдаточная палаты, 1670—1675, служили: первая — для торжественных приемов в приезд государя; во второй — ростовские владыки «отдавали поклон», провожая именитых гостей.

Под самым Ростовом стоит церковь Иоанна Богослова на Ишне (1687), одна из немногих деревянных церквей, уцелевших в московском районе.

Малороссийское барокко

1. Церковь св. Троицы в Густынском монастыре, близ города Прилук, Полтавской губ., построена гетманом Самойловичем (1672—1674), пятиглавая, форма греческого креста, но концы крестов многогранные, что определило и наружный вид церкви: боковые главы утверждены на призмах.

2. Собор Мгарского монастыря, близ г. Лубен, Полтавск. губ., строен гетманами Самойловичем и Мазепой (1682—1694). • Это — типичная западноевропейская базилика с парными башнями по бокам западного фасада, с трансептом, одной апсидой, внутри круглой, а снаружи трехгранной, с высоким куполом над средокрестием. План церкви очень напоминает планы западных церквей базиличного типа» (Павлуцкий).

Обе эти церкви послужили образцами для многих других церквей, построенных впоследствии на Украине.

3. Церковь Киево-Никольского монастыря, строена Мазепой (1694); архитектор — москвич, Осип Старцев; сочетание московских и малороссийских вкусов.

4. Всесвятская церковь у Экономических ворот Печерской лавры, строена Мазепой (1696—1698), по типу Троицкой церкви Густынского монастыря. «Весь храм красиво выдержан в своих массах и очень грациозен; снаружи он богато декорирован. Эту церковь можно назвать жемчужиной среди уцелевших пятиглавых храмов украинского барокко» (Павлуцкий).

5. Церковь св. Георгия в Киево-Выдубецком монастыре, на средства полковника Миклашевского (1696—1701): «дивный образец украинского пятиглавого храма в стиле барокко. Она имеет большое сходство с мазепинской церковью на Экономических вратах Лавры» (Павлуцкий).

Церкви барокко петровской эпохи

1. Новый соборный храм Донской Божией Матери (1684). Крещатая форма и постановка глав свидетельствуют об украинском влиянии.

2. Собор в Соликамске (1687—1697), пятиглавый, с двухэтажной галереей.

3. Собор в Введенском монастыре в Сольвычегодске, строгановской постройки, очень декоративный (1689—1693).

4. Церковь Знамения Пресвятой Богородицы в с. Дубровицы, Подольск, уезда, под Москвой: построена кн. Бор. Алек. Голицыным (1690—1704); барокко под влиянием украинской ар-

хитектуры; замечательна по пышности и богатству своих декораций. Снаружи храм украшен скульптурными фигурами Чвятых и скульптурными же изображениями сцен из евангельских сказаний с пояснительными при них надписями на латинском языке, — явление, дотоле небывалое в русском православном храме. «Не знаешь, чему больше удивляться — фантазии ли строителей или той изумительной технической выработанности, которая делает храм похожим на ювелирное изделие, вырезанное из слоновой кости в бронзовой оправе». Это новшество, шедшее вразрез с традициями православной церкви и русского православного искусства, духовно сродни таким затеям Петра Великого, как всешутейший собор с его «князь-папою» и «патриархом всего Кокуя» во главе: и Дубровицкий храм, и всешутейший собор одинаково свидетельствуют, насколько пошатнулся в России авторитет русских патриархов, вынужденных молчаливо сносить такие забавы и новшества (Горностаев).

5. Церковь Покрова Богородицы в Филях, под Москвой: построена Львом Кир. Нарышкиным (1693); лучший образец московского барокко, «легкая кружевная сказка, задуманная и выполненная с таким несравненным совершенством, что соперничать с ней может только Покров-на-Нерли да церкви и звонницы Новгорода и Пскова. Здесь все бесподобно, сверху донизу: и план ее, и эта удивительная затея с размахистыми лестницами, ведущими на широкие площадки, из которых вырастает самый храм, и весь его тонко прочувствованный изящный стройный силуэт, и кружевные пояса, венчающие стены, — во всем чувствуется рука великого поэта и зодчего-чародея» (Грабарь).

6. Собор Пресвятой Богородицы в с. Гордеевке, близ Нижнего Новгорода (1694—1697).

7. Церковь Успения на Покровке, в Москве (1696—1699); того же типа, что и церковь в Путинках: та же пышность и яркая красота, то же обилие пестроты и скульптурных украшений, но уже под влиянием западных образцов, которого в Путинковской церкви еще не заметно.

8. Церковь Живоначальной Троицы в с. Троицком-Лыкове, под Москвой, ок. 1708 г.

9. Церковь Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде, в общежитии: «Строгановская церковь» (построена на средства Строгановых), работа иностранного мастера (1719); сочетание исконных московских форм с западным барокко. «Особенно богато украшены окна»; их наличники усыпаны чудесной каменной резьбой; другую подобную «с трудом можно встретить

и на московских церквях. Капители, карнизы — все заполнено этой удивительной резьбой. Стены украшены разводами, дополняющими вычурный облик церкви. Мастера не оставили без внимания ни одного уголка в ней» (Белов).

//. Гражданская архитектура XVII в.

А. Москва

1. Кремль XIV в. в его переделках и достройках:

- а) Спасские ворота — верхняя часть их, с часами (1625).
- б) Теремный дворец (1636), «зело чудесные палаты»; архитектурная основа русская, но в деталях сказалось влияние новшеств, проникших с Запада; сложная и нарядная резьба окон в духе итальянского Возрождения.
- в) Потешный дворец (1652—1679).
- г) Боровицкая башня на кремлевских стенах, конца века, напоминает ярусные храмы.

2. Посольский дворец в Китай-городе, в том виде, как его видел и изобразил Мейерберг в 1661 г. (более не существует).

3. Теремок над воротами подворья Крутицкого монастыря, 1676 г. (позже Крутицкие казармы): «изящная игрушка» в стиле барокко.

Примечание. Печатный двор, основанный Иваном Грозным в (1553) и расширенный при первых двух Романовых, подвергался переработке при Екатерине, реставрировался (1875), но не может дать точного представления о своем первоначальном виде. То же самое, и даже еще в большей степени, следует сказать о Палатах бояр Романовых.

4. Сухарева башня" (1692—1695), с высоким пирамидальным шатром, по образцу Аугсбургской и Амстердамской ратуши.

Б. Вне Москвы

1. Коломенский царский дворец в с. Коломенском под Москвой (1667—1681). Это целый деревянный городок: отдельные хоромы, соединенные сенями и переходами; апофеоз русского деревянного зодчества. Симеон Полоцкий воспел его в своих виршах и величал «восьмым дивом мира», а современные нам писатели — «сказкой былой Руси», «дивным сном былого». За ветхостью дворец был разобран в 1768 г. Существует гравюра Гильфердинга, исполненная раньше 1768 г., и панорама дворца,

рисованная Кваренги, уже после его разрушения, по снятым перед разборкой планам (СПб., Эрмитаж). Модель дворца, по сохранившимся рисункам и описаниям, более сажени в длину, в Оружейной палате в Москве.

2. Царские палаты в Троице-Сергиевой лавре (1670—1680), с двойными окнами в изразцах и расписными гранями на наружной стене, по образцу Грановитой палаты.

3. Ростовский кремль (1670—1685).

4. Одноэтажный дом Мазепы в Чернигове, конца века, наружная отделка в стиле барокко.

III. Гражданская архитектура XVIII в.

Главные архитектурные памятники петровского времени сосредоточены в Петербурге, что неудивительно уже потому, что, увлекаясь мыслью украсить возможно лучше свой излюбленный «парadis» (так называл царь новую столицу), Петр Великий делал все возможное, чтобы вызвать прилив рабочих сил — каменщиков, плотников — и с этой целью издал указ, запрещавший строение всякого рода каменных зданий по всей России, где бы то ни было, за исключением одного Петербурга (9 октября, 1714 г.).

Новую столицу царь обстраивал при помощи иноземных архитекторов. Среди них оказались итальянцы, немцы, голландцы, французы; каждый из них привнес свои вкусы, свое понимание: барокко итальянское, барокко немецкое, голландский стиль Людовика XIV. В результате получился стиль смешанный, с тяготением, однако, к немецкому.

Архитекторы (главнейшие)

1. Трезини, итальянец; в Россию приехал осенью 1703 г., непосредственно вслед за основанием Петербурга; работал в течение всех остальных лет царствования Петра Великого, ум. в 1734 г. в России.

2. Шлютер, немец, строитель королевского дворца в Берлине, с 1713 г.; ум. в 1714 г. в России.

3. Растрелли — отец, офранцуженный итальянец, архитектор и скульптор, с 1716 г., умер в России после 1725 г.

4. Леблон, француз (1716—1719), умер в России.

5. Микетти, итальянец (1718—1723).

6. М. Г. Земцов, «первый русский архитектор, воспитавшийся в России и сравнившийся по положению с иностранцами»*

(Грaбapь). Его художественные таланты сложились и развились в царствование Петра Великого, в обстановке ^ созданной Преобразователем, но приложение им сделано было уже после смерти царя.

Постройки в Петербурге, связанные с именем Петра Великого

1. Петропавловская крепость, заложена в 1703 г.
2. Деревянная церковь апостолов Петра и Павла, на Петербургской стороне, подле крепости, заложена одновременно с крепостью (1703): сгорела почти дотла (1913).
3. Домик Петра Великого, на берегу Невы, поодаль от церкви Петра и Павла, построен одновременно с ней (1703). Две комнаты, сени и кухня, 9 саж. длиной, 3 саж. шириной, одна комната служила столовой и спальней, другая — рабочим кабинетом. Екатерина II покрыла домик, для сохранности, каменным футляром, до последнего времени в одной из комнат была устроена часовня.
4. Адмиралтейство со шпирем, заложено в 1704 г., ныне существующее здание позднейшей постройки (Александра I).
5. Палаты петровских вельмож, строились в 1710—1718 гг., уцелел один только дворец Меншикова:
  - а) Хоромы Апраксина, на месте нынешней части Зимнего дворца, обращенной к Адмиралтейству.
  - б) Палаты Кикина, рядом с домом Апраксина.
  - в) Палаты Зотова (бывшего учителя Петра), на набережной Петербургской стороны.
  - г) Дом Шафирова, рядом с домом Зотова. «Этот странный дом с огромной трехступенчатой крышей, по крайней мере такой же высокой, как и самые стены, должен был производить необычайное впечатление среди низких домиков, его окружавших» (Грaбapь).
  - д) Палаты Меншикова, на месте нынешней Троицкой площади.
  - е) Дворец Меншикова на набережной Васильевского о-ва; переделанный, служил до последнего времени помещением для Первого кадетского корпуса.
6. Летний дворец, в Летнем саду, на углу Фонтанки и Невы, строил его сперва Трезини, потом Шлютер (1711—1714).
7. Летний сад, заложен в 1711 г., новую разбивку дал ему Леблон.

8. Зимний дворец (1711—1712), на месте нынешней Миллионной, «маленький домик на голландский манер», разобран еще при Петре.

9. Второй Зимний дворец (1716—1718), простоял до постройки на его месте нынешнего Зимнего дворца, воздвигнутого имп. Елизаветой.

10. Собор в Петропавловской крепости (1714—1733); строил Трезини; наружный вид совершенно изменен при Екатерине II.

11. Колокольня Петропавловского собора (1714—1725), работа того же Трезини.

12. Петровские ворота в крепости (Трезини, 1718 г.), один из наиболее стильных памятников петровского времени.

13. Кунсткамера (1718—1724), строил немецкий архитектор Матарнови. Это ныне средняя часть библиотечного здания Академии наук.

14. Собор Александро-Невского монастыря (1720—1723), разобран в 1755 г.

15. Здание 12 коллегий (1722—1732), ныне здание университета.

Загородные дворцы

16. Дворец Меншикова в Ораниенбауме (1713—1725), грандиозное и красивое здание, гораздо более всех царских дворцов того времени похожее на дворец.

17. Дворец в Петергофе (1717), он начат был еще в 1709 г., но Леблон переделал его по новому плану. При имп. Елизавете Растрелли-сын снова переделал его; от работы Леблona уцелела лишь центральная часть дворца.

18. Марли и Монплеzir в Петергофском парке, начаты Леблоном, закончены Микетти.

19. Дворец в Стрельне (1720—1722), строил Микетти, позднейшие перестройки совершенно исказили первоначальный облик.

Примечание. Дворцы Катериненгоф и Сарский (на месте нынешнего Большого дворца в Царском Селе) не существуют более.

20. Дворец в Екатеринентале (Ревель) (1718—1723), строил Микетти.

ЖИВОПИСЬ

В царствование Алексея Михайловича русская живопись вступила в новый период существования. Старое искусство гибнет в потоке новых форм и влияний, нахлынувших с Запада; вдобавок рядом с иконописью возникает живопись светского характера.

В чем отличий иконописи от живописи?

Иконопись — результат коллективной мысли; личное начало отсутствует в ней; субъективизм и лиризм ей недоступны. В выборе тем, в композиции, в самом выборе и наложении красок иконопись руководится обязательным образцом — Иконописным Подлинником, и старательно избегает всего, что не отвечает непосредственно религиозному сюжету. Живопись, наоборот, есть творчество личное, в ней выражена своя мысль, свое настроение, свое понимание; живописец не стесняет себя ни в выборе сюжета, ни в композиции, располагая фигуры как ему кажется лучше, и в картину на религиозную тему не боится ввести элементы светские: пейзаж, домашнюю обстановку, портретные изображения.

Как в архитектуре, так и здесь, под влиянием западных образцов, народилось свое живописное барокко, с его любовью к вычурному, декоративному и роскошному, с его красочностью и обилием деталей. Гравюры светского и религиозного содержания в изобилии привозятся из-за границы; еще со времен Михаила Федоровича стали вызывать иноземных художников-мастеров для рисования портретов и росписи стен; при царе Алексее «западное влияние пустило у нас особенно глубокие корни. Сам царь лично расположен был к иконописанию. Заботясь о великолепии храмов и их украшении, он образовал царскую школу иконописцев и стал вместе с тем вызывать иностранных художников. Русские бояре нередко также сочувственно относились к западному искусству и иконографии, позволяли иностранцам расписывать свои домовые церкви и приобретали иконы западного стиля» (Покровский). Сюжеты из Священной Истории сплошь и рядом брались из иконографии западноевропейской, и — явление небывалое до того — русский художник решается ввести в свои картины даже обнаженное женское тело (библейская Сусанна). В результате иконописное письмо стало заменяться фряжским письмом. Напрасно боролись с этими новшествами патриархи Никон, Иоаким — их протест остался бессилем задержать новое течение.

Чем же, собственно, пленило русского художника новое направление? Красотой форм и близостью к природе.

«Изограф Иосифа» — сочинение второй половины XVII в. о живописи; посвящено известному живописцу Симону Ушакову. «Написано в защиту художественного изящества иконописи против застарелых невежд, которые не только не чувствовали необходимости в красоте священных изображений, но даже почитали все светлое, ясное, радостное, собственно живописное, т. е. жизненное, — непристойным и вредным в этих изображениях». В религиозном художнике автор не допускает пошлого ремесленничества. Защищая Стоглав в тех требованиях, какие тот предъявляет к иконописцам, Иосиф энергично протестует против антихудожественного староверчества Древней Руси. Все его симпатии принадлежат западному искусству. «Во всем, что ни доносилось к нему с Запада, чувствовалось ему новое, освежительное благоухание красоты; глаз привыкал к изящным очертаниям, к благородной постановке фигур, к артистической драпировке. Художник свыкался с натурой, руководительницей всякого искусства. Живость колорита иностранных картин на досках или полотне поражала его тем неизвестным на Руси обаянием, какое способно производить на душу только истинное искусство, воспроизводящее природу».

Защищая красоту священных изображений, Иосиф горячо протестует также и против распространенного в его время обвинения в соблазнительности этой красоты. «Благородным негодованием дышит возвышенная речь благочестивого художника, заступающегося за глубоко оскорбленное достоинство человека против гнусных подозрений грязного невежества. „Истинному и благочестивому христианину, и на самых блудниц взирая, прельщаться не подобает, а не то что на благообразное живописание разжигаться!“ (говорит он)». Чуждая материального направления, эстетическая теория Иосифа проникнута высокой христианской идеей. Так говорить мог только благочестивый художник, для которого, подобно Фра Беато Анджелико, «возможна была красота только целомудренная, младенчески невинная и озаренная светом религии» (Буслаев).

Отличия «вряжского» письма от «иконописного»:

Основа старая: чувство религиозности не покинуло художника; как и прежние лучшие представители иконописи XV в., он тоже очень чуток к ритму движений; постановка его фигур такая же благородная, но он перестал рабски придерживаться

Иконописного Подлинника, он свободнее в композиции своих фигур, он чувствует красоту линий, форм, изящество рисунка; колорит его картин светлее, ближе к натуре, более ласкает глаз; художник увидел красоту в естественности поз и движений, красоту самой природы, и эту природу старается передать своей кистью.

Иконопись, раньше совершенно разобщенная с природой, теперь охотно заимствует у нее пригодные ей элементы и с тех заоблачных высей, на каких некогда держали ее Рублев и Дионисий, — высей, полных таинственной прелести, спускается на землю, становится реальнее. Новая живопись тоже прелестна, но она утратила прежнюю таинственность, стала осязательней, доступнее глазу, приобрела иной смысл и характер.

Наиболее яркий представитель нового направления — придворный живописец («изограф») Симон Федорович Ушаков (1626—1686). Главные его произведения:

1. Икона Благовещения с «акафистом» Богородице (12 икон вокруг главной), 1659 г. (Грузинская церковь в Китай-городе). «Богатство затейливой фантазии архитектурных мотивов, роскошная отделка всех подробностей, платья, мебели, самый тщательный рисунок мелочей, наконец, возможная для того времени верность рисунка фигур, проникнутых во всяком случае священным величием, придают этой иконе капитальное значение одного из замечательнейших произведений древнерусского искусства» (Филимонов).

2. Икона Владимирской Божией Матери с московскими угодниками, 1668 г. (там же).

3. Икона Нерукотворенного Спаса (Троицкая лавра).

4. Икона-портрет царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (Архангельский собор в Московском Кремле).

Фрески

Фрески (стенопись) ярославских церквей поражают колоссальными площадями, отведенными под изображения, обилием и разнообразием самих изображений:

1. Ильинская церковь, расписана в 1680 г.: события из жизни пророков Илии и Елисея; стены папертей сплошь покрыты живописью (сцены из Ветхого Завета, почти весь апокалипсис, поучительные изображения). Сюжеты сложны и разнообразны; вся внутренняя поверхность храма точно одна колоссальная узорчатая пелена. «Нет здесь ни одного пустого места, не занятого живописью: купола и своды, стены, столпы,

апсиды, откосы окон, входы — носят на себе печать живописного искусства» (Покровский). Итальянские фрески «производят впечатление сказочной роскоши; отовсюду со стен, столбов, со сводов расстилаются сверкающими коврами тысячи фигур, палат, развевающихся одежд. Наверху в куполах, пронизанных нежным золотистым светом, словно парят в воздухе изображения Бога-Савоафа, Спаса, святителей, — выдержанные в светлых тонах. Глаз, смятенный обилием и яркостью стенных изображений, приятно отдыхает в мягком свете куполов», которые, несмотря на свои размеры, отнюдь не производят впечатления тяжелого и массивного (Шамурин).

2. Толчковская церковь, Иоанна Предтечи, расписана в 1694—1695 гг.: сюжеты из Нового и Ветхого Заветов (серия изображений из «Семи дней творения», «Страсти Господни»), события из церковной истории, поучительные сцены из Патериков и Цветников. «В целом мире едва ли возможно найти другую, столь обширную по объему и замыслу стенопись, как это произведение русских иконописцев. Требовалась большая опытность и доля таланта для того, чтобы перевести отвлеченные темы на образный язык искусства и сообщить им достойные формы» (Покровский). Сказочное богатство фигур, разнообразие ярких, сильных красок, колоссальные размеры самых фресок, щедрость, с какой художник хотел расписать все: стены, паперти, крыльца, их своды, двери, столбы, скамьи показывают, насколько помыслы художника были направлены на декоративную сторону. Церковь расписывали 16 иконописцев-изографов. Толчковские фрески — первоклассный памятник русского искусства XVII ст. Русская стенная живопись поднялась в них на такую высоту, до которой позже ей никогда уже не дойти. По огромности декоративных замыслов и их блестящему решению, роспись Толчковского храма и церкви Ильинской «можно сравнивать с совершеннейшими итальянскими фресками раннего Возрождения» (Грабарь). Особенность фресок в Толчково — также в их согласованности с внутренней отделкой храма. «Эффект росписи подчеркивают изразчатые панели и каменные расписные лавки, резко отделяющиеся от нежно-розовых кирпичных плит пола. До чего тонко и любовно отнеслись к делу все украсители храма, показывают многочисленные и разнообразные орнаментальные росписи окон, панелей и дверей внутри храма, тонкие насечки железных частей замков и петель и изразчатые декорации, обильно разбросанные внутри и снаружи храма. Ярославский зодчий более декоратор, чем москвич, увлекающийся одной лишь орнаментальной кирпич-

ной декорацией. Ярославский зодчий вынес красочное пятно наружу, широко им воспользовавшись в убранстве крылец, стен и особенно алтарных апсид» (Горностаев).

Знакомясь с церквями города Ростова, особенно с теми, что находятся в его кремле, необходимо помнить, что их живопись (фрески) и архитектура, в художественном отношении, неотделимы одна от другой и что общее впечатление, производимое этими церквями, создается от гармонического сочетания их архитектурных линий и форме живописью красок и тонов. *По силе и отчетливости создаваемого впечатления ростовские церкви несравнимы ни с какими современными им храмами. Церкви Москвы, несмотря на полноту своей художественной обработки, а может быть, именно благодаря ей, не содержат того подлинного религиозного воодушевления, которого хочется от всякого храма. Ярославские церкви в сущности очень близки к ростовским, но в последних гораздо больше интимности, молитвенности, может быть, благодаря их более скромным размерам. В церквях, созданных митр. Ионой, едва только переступишь их порог, охватывает какой-то святой покой, мир, молитвенное благоговение. Можно долго анализировать, откуда идет эта одухотворенность, что создает ее, но все аналитические попытки будут бесполезны: нельзя расчленить, привести к формулам те элементы души, которые живут в великих, вдохновенных произведениях искусства. А в Ростове, тихом русском городке, на берегу сонного озера, за белыми стенами церквей, таких обычных по внешности, навеки запечатлено одно из самых святых настроений человеческой души: та жажда мира и покоя, которую дают сердцу минуты религиозного созерцания, радостного общения с Божеством» (Шамурин).

1. Фрески Воскресенской церкви: сплошной ковер живописи; сцены из Ветхого Завета — на паперти; из евангельской истории — внутри церкви.

2. Фрески церкви Иоанна Богослова: и здесь паперть и внутренность заполнены живописью, на паперти она сохранилась плохо, внутри значительно лучше. «Краски пестры, сочны, яркие; их сочетания напоминают ту цветистую, резкую красоту, которая характеризует народный русский вкус, воплоателем которой в современном искусстве явился Малявин. Стенопись Иоанна Богослова производит вполне деревенское, кустарное впечатление; особенно типичен обильный синий цвет, создающий основной тон стенописи» (Шамурин).

3. Церковь Спаса - на - Сенях, домовая церковь ростовских митрополитов. Стены иллюстрируют события евангельской истории. Большое декоративное чутье; пестрая масса фигур; сложный, необычайно хитрый, но строго дисциплинированный ритм масс и движений. Здесь особенно подтверждается сказанное выше о неотделимости церковной живописи от архитектуры: именно в сочетании той и другой кроется тайна того глубокого впечатления, какое производит церковь на посетителя. «Картина общего не может быть передана словами, и нужно видеть храм, чтобы оценить его красоты, меняющиеся в зависимости от освещения, придающего особые оттенки мистическому обаянию» этой церкви (Горностаев). Небольшая по размерам, церковь Спаса-на-Сенях «изумительна продуманной художественностью убранства»; это «жемчужина Ростовского кремля»; «она вся неземная». Наружный вид церкви совершенно будничной; на стенах никаких украшений, кроме разве пояска арочек да чуть намеченных пилястров и карнизов. По суровому внешнему облику нельзя и думать, какая пышная красота ожидает вас внутри; но стоит перешагнуть порог — и долго еще не оторваться «от красочной сказки, рассмотреть, отдать себе отчет: темным блеском сияет золото столбов у солеи, в густых тенях тонут изображения каменного иконостаса. Бесконечные фигуры стенописи ритмично уходят кверху, замыкают своды; резкие пятна сливаются в один феерический мираж, и чудится уху, что красочное волшебство звучит каким-то неземным музыкальным аккордом».

«Оглядывая всю церковь в целом, глаз не видит отдельных изображений: все сливается в общем пленительном узоре, в одном торжественном ритме. Можно долго стоять, упиваясь красочной гармонией, и нужно усилие воли, чтобы вырваться из-под ее чар, начать думать и разбирать. Сюда можно часто приходиться, не боясь повторений и усталости: различные часы дня, различные степени солнечного освещения придают Спасу-на-Сенях совершенно новую красоту. В солнечный полдень, залитые солнцем, оживают старые фрески, становятся бесплотным, сияющим видением; но закроется облаком солнце — и густая тень обволакивает церковь Спаса: угрюмо тяжелеют нежные краски, отчетливее вырисовываются стены, и вся крестовая церковь кажется сложенной из матовых драгоценных камней. К вечеру, когда слабо падают в церковь косые заходящие лучи, ее стены загораются червонным золотом, в углах стущаются плотные тени, и в новой красоте предстают уже неоднократно виденные изображения».

«В истории каждой религии бывают торжественные минуты, когда ее последователям удается создать материальные формы, воплощающие их религиозное мироощущение. Для русского православия такой момент наступил во второй половине XVII в. и ярче всего сложился в Ярославле и Ростове. Спас же на Сеньях лучшая из церквей этого времени. Каприз истории заставил русское православие воплотиться в материальные формы не в Москве, а в тихом, доживавшем (в ту пору) последний век своего расцвета Ростове» (Шамурин).

I *Миниатюра*

Миниатюра в лицевых житиях за период 1613—1725 гг. дала не много выдающегося.

1. Лицевое житие преп. Зосимы и Савватия, чудотв. соловецких, 1623 г.; миниатюры превосходной работы (Казань. Духовная академия).

2. Лицевое житие царевича Димитрия, второй половины XVII в. «Особенно любопытны костюмы, латы, шлемы, роброны полек и т. д.» (Лихачев; Москва. Собрание К. Т. Солдатенкова).

Иллюстрированные издания светского характера

1. «Царский Титулярник», известен еще под двумя другими названиями: «Корень Российских государей» и «Большая Государственная книга 1672 г.», раскрашенные портреты русских государей, начиная с Рюрика до Алексея Михайловича включительно, русских патриархов (Иов — Питирим) и современных царю Алексею государей европейских; работа русских мастеров, 1673 г. (СПб., Эрмитаж).

2. «Книга об избрании и венчании на престол царя Михаила Федоровича», с раскрашенными рисунками, 1672—1673 гг. (Москва. Главн. Архив Мин. иностр. дел).

В 1716 г. Петр Великий отправил за границу партию в 12 человек обучаться живописи. Наиболее выдались из них впоследствии:

1. Братья Никитины, Иван и Роман, учились в Италии.

2. Андрей Матвеев, учился в Голландии, у Мора (того, что нарисовал портрет Петра Великого в 1717 г.).

Гравюра

Искусство гравирования возникло на Западе в XV ст. Первая гравюра на дереве отпечатана была в Германии в 1423 г., еще до изобретения Гутенберга: она отпечатана от руки, натиркой, без типографского станка. Первая гравюра на меди появилась там же, в 1446 г.

В России это искусство стало известно веком позже: первая гравюра на дереве приложена к первой напечатанной в России книге «Апостол» (1564).

Первые русские граверы

1. Симон Ушаков, царский иконописец-изограф, награвировал два листа: «Отечество» (Святая Троица) и «Семь смертных грехов» — «капитальные страницы в нашей гравюре XVII в.». Ушаков показал себя в них не только хорошим иконописцем, но и хорошим рисовальщиком (Ровинский).

2. Бунин: а) «Страсти Господни», 22 картинки, большей частью скопированы с Библии Пискатора; б) рисунки к букварю Кариона Истомина, 1693 г.

3. Аф. Трухменский, «искуснейший из всех граверов на меди XVII века» (Ровинский). У него много изображений разных святых; кроме того: Четыре времени года — в виде женских фигур, в красивых рамках из цветов и плодов.

4. Тарасевич: а) портрет царевны Софьи в короне, с державой и скипетром в руках (потом, после падения царевны, его тщательно уничтожали); б) гравюры к Печерскому Патерику, изд. 1702 г.

В эпоху Петра Великого главенствовали иностранцы:

1. Шхонебек (Schoonebeck), голландец, в России с 1698 г.: а) портреты Петра, Б. П. Шереметева; б) «Взятие Азова»; в) «Свадьба шута Шанского в 1702 г.».

2. Пикар (Picart), француз, в России с 1702 г.: а) огромный, на 8 досках, вид Москвы; б) «Полтавская баталия», картина больших размеров.

Позже работали ученики Шхонебека, братья Зубовы.

Первая гравюра на меди при русской книге появилась еще в 1649 г.: это заглавный лист книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». М., 1649 г. Но самый рисунок, хотя его рисовал русский художник, награвирован и напечатан был за границей (Голландия).

Первые русские гравюры

1. Изображение евангелиста Луки при книге «Апостол» (М., 1564): первая из русских гравюр, приготовленных в Московском государстве: рисована и выгравирована русскими руками (имена рисовальщика и гравировщика неизвестны). Архитектурные детали заимствованы и являются подражанием господствовавшему в то время на Западе т. н. стилю Ренессанс; зато фигура евангелиста, поза, контуры, складки платья, волос, утварь, мебель — все византийско-русского стиля.

2. Вирши на погребение гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, 1662 г. Портрет Сагайдачного «во весь рост, верхом, в высокой меховой шапке, с булавой в правой руке, луком и колчаном стрел за спиной. Весь костюм его, убранство коня, чепрак, в высшей степени интересны и важны для нашей костюмной науки» (Стасов).

3. Иллюстрации 1626—1627 гг. к «Приложению на пострижение калугерства» (монашества) Памвы Берынды.

4. «Имнология» 1630 г., с изображениями русских святых.

5. Лицевой Апокалипсис 1646 г., гравюры дьякона Прокопия.

6. Заглавный лист к книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (М., 1647); гравюра на меди; вырезана была два года спустя после издания самой книги в 1649 г. Хотя эту гравюру рисовал русский художник, но самый рисунок выгравирован и отпечатан в Голландии. Гравюра «делана тем тонким, блестящим, мастерским резцом, которым щеголяла Нидерландская школа граверов XVII века и которым подражали тогда во всей Европе. Особенно хорошо выполнено сражение, находящееся в маленькой рамке госо внизу листа, посредине. Орнаменты рамки русского вкуса, похожи на орнаменты многих тогдашних рукописей наших; по всей вероятности, рисунок для них был передан иностранному мастеру вместе с русским текстом заглавия» (Стасов).

7. Московская Библия 1663 г. На этот раз и рисунок, и гравирование его исключительно русские. Сами гравюры носят следы киевского влияния.

8. Словено-российский Букварь Кариона Истомина, 1682 г., резал на меди Леонтий Бунин.

9. События из книги Бытия; 14 картин из Апокалипсиса, резал Василий Корень, 1696 г.

10. Офорт, выгравированный Петром Великим, под надзором Шхонебека, в Амстердаме, в 1698 г.: аллегорическое изобра-

жение победы православия над магометанством — ангел с крестом и пальмой в руках попирает полулуние и турецкие бунчуки. Единственный, доселе известный оригинальный оттиск, с современной на нем надписью на голландском языке: «Петр Алексеевич, великий царь русский, награвировал это иглой и крепкой водкой, под смотрением Адриана Шхонебека, в Амстердаме, в 1698 г., в спальне своей квартиры, на верфи Ост-Индской компании». На гравюре можно приметить поправки, сделанные Шхонебеком. Находится в Амстердамском музее. Факсимиле гравюры имеется в СПб. публичной библиотеке.

Народные лубочные картинки

Помимо способа воспроизведения (на дереве или на меди), гравюры можно различать еще и по их назначению: одни иллюстрировали книгу, другие печатались самостоятельно, отдельными листами, с объяснительным текстом на этих самых листах. Последняя категория обыкновенно носит название лубочных картинок, хотя нередко называют так и иллюстрации в книге.

Русское производство картинок сложилось по образцу немецких, широко распространенных в русской среде. Они служили ей одинаково — и для забав, и для наставительного обучения, и как материал для наглядного обучения. Боярин Морозов учил по ним своего воспитанника, будущего царя Алексея Михайловича, дьяк Никита Зотов — Петра Великого; по тем же картинкам получил свое первое образование и сын Петра, царевич Алексей. У патриарха Никона таких картинок немецкого производства насчитывалась не одна сотня.

Наряду с картинками иноземного производства получила в XVII и XVIII вв. широкое распространение и гравюра русского мастерства, и притом на самые разнообразные темы: религиозные (преимущественно), бытовые, сказочно-былинные, сатирические, политические. Среди русских лубочных картинок немало копий или переделок иностранных образцов, но большая часть их продукт чисто национального творчества, вполне оригинального и самобытного. Впрочем, это относится, главным образом, к картинкам московского происхождения: лубочная картинка киевской работы XVII в. («киевской школы») беднее содержанием, однообразнее в выборе сюжетов (темы почти исключительно религиозные). Собственной инициативы у киевских гравюров почти никакой: это добросовестные копировальщики с готовых образцов, не более. Западное влияние в киевских

картинках чувствуется гораздо сильнее, чем в московских: эти последние ближе к старинному иконописному стилю.

Характерные отличия русской гравюры на меди от русской гравюры на дереве:

1. На меди — очень мало своеобразного: гравюра подражательна; отсутствие собственной инициативы, национальных черт]. Даже лучшие представители русской гравюры на меди: Трухменский, Тарасевич, Галаховский (XVII в.), а позже, в петровское время, ученики Шхонебека (братья Зубовы и др.) — граверы старательные, не лишенные! искусства, но без особого таланта, не выше уровня польского или немецкого гравера средней руки. «Ни один из граверов (на меди) не проявил качеств самостоятельных: они все принадлежали как бы к одной большой фабрике, где стерлась личность, где все копируют один с другого или с учителя, или с заданных образцов, и отличаются один от другого лишь степенью отрицательных качеств» (Стасов).

2. На дереве — много самобытных, характерных особенностей. Эти гравюры легко отличить от иноземного производства, подобно тому как русская миниатюра сразу выделяется от миниатюры западноевропейской, даже византийской.

По темам картинки распределяются:

I. Религиозные темы — из Священного Писания. Отреченные книги: самый крупный по объему отдел.

II. Сказочные и былинные темы. Сюжетом служили: Илья Муромец, Соловей-разбойник, Алеша Попович; царь Салтан Салтанович, Еруслан Лазаревич, Бова-Королевич, рыцарь Петр Златые Ключи; сказки о Жар-Птице и Иване-царевиче, о Емеле-дураке, о Фоме и Ереме и др.

III. Светского содержания — повести о Савве Грудцыне, о Горе-Злосчастье; История о российском дворянине Фроле Скобееве и др.

IV. Географические — изображения городов: Иерусалима, Рима, Царьграда, Москвы, Великого Новгорода и др.

V. Портреты — Л. Тарасевич из Чернигова. Портрет царевны Софьи и др.

VI. Сатира на судопроизводство — «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове»; «Шемакин суд» — память без-

законий галицкого князя Дмитрия Шемяки (эпоха Василия Темного московского).

Лубочные картинки эпохи Петра Великого

Политического содержания

А. Пропаганда правительственных мер в царствование Петра Великого'.

1. «Раскольник и цирюльник» — в посмеяние упорствующих в ношении бороды.

2. «Компания курящих табак» — две однородные картинки с наставлением: «Иностранные народы изволят нюхать табак на разные манеры, нас табак забавляет и глаза наши исцеляет»; «Господа иностранцы изволят заниматься табаком, потому табаком мокроту выгоняют, оттого и здоровы бывают».

Б. Сатирического содержания

а) Враждебные Петру Великому

На политические события XVI—XVII вв. лубочная картинка не отзывалась. «Что думал наш народ о старых своих князьях и царях, правителях, начальниках и судьях, вообще о заправителях его судьбы, того в лубочных картинках не сохранилось. Зато в эпоху Петра Великого их появляется целая масса. В эту пору народ был затронут в самых коренных своих симпатиях и привычках, весь склад его жизни был насильственно потрясен до корней, начиная от самых важных национальных основ и кончая мелкими подробностями внешности. Не имея силы для сопротивления, он естественным образом гнул и покорялся, но все-таки роптал и жаловался, и выражал свое недовольство в той форме, которая почти одна ему еще и оставалась для этого доступной — в форме юмора и художественного иносказания. Громадное историческое значение гениального преобразователя России оставалось неизвестно темной массе народной, но она слишком ярко чувствовала раны, безжалостно, а иногда совершенно бесцельно, ей наносимые, и — стонала, как умела* (Стасов).

1. «Драка Бабы Яги с крокодилом» — сатира на частную жизнь Петра Великого. Раскольники любили называть нена-

вистного им царя крокодилом. На картинке крокодил сидит у воды, а в уголке кораблик с парусами и мачтами — всем понятные символы петровских утех и увлечений. Баба Яга — царица Екатерина. Оба действующих лица поссорились из-за «склянки с вином», — намек на пристрастие того и другой к спиртным напиткам. Баба Яга, «со злобой высунув язык и вытаращив глаза, ведет атаку на „крокодила“, потрясая в воздухе пестом и держа наготове, за поясом, гребень для пряжи и топор. Он, хотя тоже сердитый и злой, тоже с выпученными глазами, но ничего сам против нее не предпринимает, да и притом он безоружен, он только защищается против ее атаки. Она быстро несется на него, сидя верхом на своей свинье; он же сидит смиренно на корточках и только выдвинул свои передние лапы ей навстречу. Она является здесь, по народному понятию, началом активным, он — пассивным. Она затевает баталию, он только продолжает ее» (Стасов).

2. «Баба Яга пляшет с мужиком, плешивым стариком» — с тем же Петром Великим: он на четвереньках, а она села на него верхом и помыкает им.

3. «Немка верхом на старике».

4. «Старый немец на коленях у молодой немки».

5. «Молодая немка кормит старого немца соскою» — у всех у трех тот же мотив, что и в картинке под № 2.

6. «Христос побеждает Антихриста» — Антихрист лицом очень напоминает Петра.

7. «Как мыши кота погребают» — это самая замечательная из всех сатирических картинок того времени. Составленная непосредственно вслед за смертью Петра, она получила широкое распространение и выдержала бесчисленное множество изданий: «чисто русское вполне оригинальное произведение народного буффа» (Ровинский). В наивной и грубой форме картина эта заклеяла все, что претило народному уму в реформах Петра: с беспощадной иронией набросилась она на брадобритие, курение табака, введение музыки в погребальный обряд; досталось и Всешутейшему собору, и богопротивной одноколке, на которой в свое время так любил разъезжать покойный «кот»; затронула народная сатира и насильственное плетение лаптей, клеймение рекрутов-новобранцев; больно задела она и котову вдову, «чухонку-адмиральшу Маланью». «Погребение» наглядно свидетельствует, что народная масса прекрасно понимала, насколько наплыв иноземцев, вторжение новых порядков коренным образом меняли весь старый уклад жизни, не только его формы, но и содержание, и что безобразные выходки Всешутейшего

собора шли гораздо дальше простой забавы пьяной компании.

- „Погребение кота" есть целый обвинительный акт против Петра I, полное перечисление всего, чем были недовольны и возмущены с его стороны русские люди конца XVII и начала XVIII века» (Стасов).

б) Сочувственные Петру Великому

1. «Бой Ильи Муромца с Соловьем-разбойником» — олицетворение борьбы Петра с Карлом XII, королем шведским. Ясно, что в понятиях народа русский царь являлся не только пьяницей, злым гонителем веры и добрых обычаев: он поставлен наравне с самым знаменитым и наиболее симпатичным народу национальным богатырем русским — Ильей. Очевидно, отрицательные стороны царствования Преобразователя, боль и страдания, вынесенные народом, не помешали ему разглядеть и прямые заслуги царя перед родиной.

2. «Побоище царя Александра Македонского с царем Пором индийским» — тот же мотив: как и в предыдущей картинке и здесь фигура Александра повторяет фигуру Петра в известной гравюре Шхонебека 1709 г. «Полтавская баталия».

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПОРНЫЕ И НЕВЫЯСНЕННЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

№ 1. СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СОСЛОВИЯ ИЛИ НЕТ?

Отличительный признак каждого сословия — те права, которые присущи ему; ими, этими правами, отнюдь не обязанностями, оно и характеризуется. В России, перед революцией, одно лишь дворянство пользовалось правом непосредственного, путем петиций, обращения к государю-императору; одни лишь крестьяне имели право на пользование пахотой, сенокосом и т. п. на землях той общины, членами которой они состояли; но и дворянин, и крестьянин, одинаково, обязаны были отбывать воинскую повинность, и если владели в городе жилым строением, то подлежали, на равных основаниях, городскому налогу наравне с прочими домовладельцами города. Вот почему, хотя неодинаковые обязанности и свидетельствуют о юридическом различии в положении людей, все же это лишь отрицательный признак, положительным же является тот, который указывает на права, на те возможности, какие доступны той или иной категории лиц.¹

Вот почему сословие не следует смешивать с классом. Сословие означает известную группу лиц, пользующихся правовым положением в государстве. Положение это передается по наследству, определяется и охраняется законом, а потому и изменено может быть только путем того же закона. Сословию

¹ Срав. Ключевский В. О. История сословий в России. М., 1913. С. 2: «Сословным неравенством прав не обуславливается неравенство обязанностей, но неодинаковые обязанности всегда обуславливают неравенство прав. Значит, обязанность есть случайный признак сословного деления; это объясняется юридическим свойством государственной обязанности: цель государственного союза — защита законно приобретенных прав; государственные обязанности — только средства для этой защиты».

всегда присущ признак юридической обязательности. «По самой природе своей сословия являются учреждением государственным» (Градовский, 186). Такого юридического, государственного признака нет в классе. Классовое состояние не обязательно; его регулирует не закон, а сама жизнь и, нередко, личная воля индивидуума. Бедные и богатые, горнорабочие и садовники, профессора и священники, купцы и промышленники — это классовые группы. Никакой закон не запрещает сегодняшнему археологу завтра стать землевладельцем или архитектором, но переход дворянина на положение крестьянина или мещанина (и обратно) допустим лишь с разрешения закона.

Таким образом, вопрос: существовали ли в Московском государстве сословия или нет? — сводится к вопросу: успели ли сложиться в эту пору такие общественные группы, пребывание в которых не зависело от личной воли и желания, но стало обязательным, или же выход из этого состояния по-прежнему оставался открытым, как это было в старое, давнее время?

Ответ на такой вопрос в науке дается различный. Одни признают существование сословий в Московском государстве, другие отрицают, полагая, что сословия в это время только слагались, но окончательно сформировались лишь в XVIII в., в царствование имп. Екатерины II.

А. Д. Градовский. Начала русского государственного права. Ч. I. (Собрание сочинений. Т. VII). СПб., 1901.

Сословия образовались в России еще в московский период путем закрепощения общественных классов. Московские государи создали целую систему тягл, повинностей, наложив их, в интересах государства, на эти классы. Служилое сословие несло свое служебное тягло с поместных и вотчинных земель, тягло посадских людей и крестьян было податное: деньгами, натурой, личным трудом. Таким образом, «в России сословия явились результатом государственной политики; сложились по воле государственной власти. Поэтому сословия могли явиться в России только после окончательного образования государственной власти, после того как княжеская власть взяла верх над элементами вечевыми и удельными; словом, после того как московские князья получили действительное первенство, сделались фактически самодержавными» (187). «Древняя домосковская Россия не знала сословий» (188).

Таким образом, по мысли Градовского, сословные повинности могли отличаться одна от другой большей или меньшей тяготой, приносить большие или меньшие выгоды (поскольку они были

сопряжены с этой тяготой); но все они одинаково, и легкие и тяжелые, удобные и неудобные, оставались повинностями, обязательствами, наложенными на наречение волей государства. В этой обязательности, блюстителем которой является государство, и заключается отличие сословия от класса.

В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С[^] 630—631. Г

Восемь лет спустя после Градовского те же положения высказывает и Сергеевич: в Московский период «слагаются сословия, т. е. определенные разряды лиц, (в известной степени замкнутые и пользующиеся особыми правами... Сословия образовались, главным образом, под влиянием центральной власти». Постоянные войны, необходимость напрячь все силы страны заставили призвать все население на службу государству. «Эта задача и вызвала обложение всего населения известными службами и повинностями. Одни разряды лиц были обложены военной службой (служилые люди), другие черным тяглом и черной службой (тяглые черные люди). Основанием различия сословий было различие службы», причем «правительство не только учреждает разные разряды лиц, но и прикрепляет их к месту и тяглу».

Древняя Россия не знала сословий. Они народились только в московскую эпоху; во времена предшествовавшие можно наблюдать лишь слабые их зародыши. До образования единого Московского государства все население русских княжений, с точки зрения права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами и обязанностями. Сословных различий, привязывающих известные классы общества к известным занятиям, еще не было: от князя до последнего свободного всякий мог быть воином, чиновником, иметь поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами и т. д. Каждый имел право на все, но одному удавалось больше, чем другому, а потому он и выделялся как человек «лучший»; кто оставался позади всех, тот характеризовался эпитетом «меньшего» человека. Таким образом, возникла целая лестница качественных различий одного и того же рода свободных людей. Ступени этой лестницы не были замкнуты: по мере улучшения фактической обстановки человек сам собой поднимался на следующую ступень, и наоборот. Но возвышение «меньших» не было делом легким. Экономические условия большинства «меньших людей» были так тяжелы, что ему не только никогда не удавалось подняться в средний или высший слой, а наоборот, многие из этого

большинства через посредствующую ступень наймитов спу­скались в разряд рабов».

«В московское время все население распалось на отдельные чины с особыми правами и обязанностями, и каждый чин получил свое особое наименование» (Русск. Юридич. Древности. Т. I. СПб., 1890. С. 163).

Что касается, в частности, дворянства в московское время, то Сергеевич затрудняется указать отличительные черты его: «Эта масса до крайней степени разношерстна... Разграничи­тельной черты нельзя найти ни в обязанностях, ни в правах дворянства... Между дворянами и другими классами населения можно указать только формальное различие» в том, что дворяне записывались в дворянские списки, посадские же люди и крес­тьяне в писцовые и переписные книги» (441, 442).

М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории рус­ского права, изд. 5-е. Киев, 1907.

Он отрицает существование сословий в московский период. «Несмотря на великое неравенство состояний, Московское го­сударство есть государство бессословное. Население его разде­ляется на классы, которые образовались из зародышей, дан­ных в I-м периоде, но под влиянием новой самодержавной идеи государства. Различие их истекло не из прав, а обязан­ностей в отношении к государству; именно: одни служат го­сударству лично, другие — уплатой денег в пользу его. Отсюда два класса населения в государстве: служилый и тяглый, из которых каждый подразделяется на несколько разрядов, которые соединяли оба класса неуловимыми оттенками» (118).

На вопрос: «Составляет ли служилый класс сословие?» Владимирский-Буданов отвечает: «Служилыми людьми назы­вается класс населения, обязанный службой (придворной, воен­ной, гражданской) и пользующийся за нее частными земель­ными имуществами на условном праве. Основание для отдель­ного бытия этого класса дается не правами его, а обязанностями к государству. Обязанности эти разнообразны, и никакого кор­поративного единства члены этого класса не имеют» (122).

О классе тяглых людей: по тяглу, т. е. по своей финансовой службе государству, «все тяглые общины — одинаковы; но фак­тическая разница между большими и торговыми общинами (посадами) и меньшими — земледельческими (сгруппирован­ными в волости) подала основание и для юридического раз­личия посадских людей и крестьян» (130).

А. Н. Филиппов. «Ко времени окончательного сложения власть московских государей во власть единую и самодержавную

свободное население Московской Руси представляется разделенным на несколько более или менее обособленных групп, отличающихся друг от друга, во-первых, по тому тяглу, которое они несут в пользу государства, и, во-вторых, по тем правам, которыми они владеют. Группы эти, не будучи еще вполне строго сословными группами, превращаются затем, во второй половине XVIII в., уже в сословия, т. е. в такие общественные подразделения, которые в силу закона обладают известными правами и привилегиями, отличающими их от других групп. В XVI—XVII вв. все эти группы еще закрепощены на службу государству, все одинаково тяглы, что и выражается в том, что все они несут известные обязанности в пользу государства, а эти обязанности, в свою очередь, обуславливают их положение и права в государстве... В XVIII в. происходит процесс постепенного освобождения отдельных групп населения от наложенного на них особого государственного тягла, причем, в свою очередь, права и привилегии этих групп (первоначально, конечно, только права и привилегии дворянства) не стоят уже ни в какой связи с обязанностями данной группы перед государством и превращаются поэтому в чисто сословные» (Учебник истории права, изд. 4-е, 423).

В. О. Ключевский. Твердо выраженного понятия о сословных преимуществах в XVI в. Московское государство еще не выработало, однако самую мысль о сословном праве и условия, из которых она родилась, можно уловить уже и в ту пору. Отдельные группы населения отличались тогда обязанностями, наложенными на них соответственно их хозяйственному положению — отсюда двоякий путь, по какому шло возникновение и развитие сословных прав: «одни из них создавались самим законодательством и направлены были к тому, чтобы поддерживать и укреплять чиновное деление общества, удерживая классы в кругу назначенных им чиновных обязанностей; другие сами собой рождались из материальных выгод, связанных с чиновными обязанностями, и служили выражением и средством поддержания того государственного значения или веса, какой приобретали чины исполнением своих обязанностей». Таким образом, общество дробилось на чины по роду государственных повинностей.

Но с середины XVII столетия, с Уложения 1649 г., московское законодательство начинает довольно твердо формулировать юридические преимущества общественных групп (чинов), служившие «не столько средством для отбывания государственных повинностей, сколько средством для ограждения и проведения

сословных интересов», причем дробные чины стали соединяться в крупные сословные группы, различавшиеся правами. Эти права образовались двояким путем: одни вышли из превращения хозяйственных выгод, служивших средствами исправного отбывания государственных повинностей, в исключительное достояние чинов, которые несли соответствующие повинности; другие были выражением чести чинов, т. е. степени государственной пользы, приносимой службой каждого из них. Значит, те и другие сословные права были последствиями чиновных обязанностей, служили либо средством обеспечения исправного их исполнения, либо выражением того государственного значения, какое придавалось обязанностям известных чинов» (История сословий, 34, 184—185, 213—214).

№ 2. САМОДЕРЖАВИЕ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ

За настоящий период можно отметить еще одну характерную особенность его: острую постановку вопроса о верховной власти, вопроса, который вырос как неизбежное следствие превращения прежнего князя-вотчинника в государя-самодержца.

Мы уже видели, как постепенно, с объединением Северо-Восточной Руси, с превращением обособленных уделов в единое государство, постепенно и сам «объединитель» из князя-вотчинника стал превращаться в государя-самодержца. Но в чем, собственно, будет заключаться его самодержавие? Где будут положены ему пределы? Помеху или поддержку себе встретит оно на своем пути? Все это еще предстояло выяснить и разрешить. Выяснение и разрешение и было теперь поставлено на очередь.

Русскому самодержавию, в его эволюции, пришлось пережить три последовательных этапа. Два первых совпали с периодом 1462—1613 гг., третий, последний, пройден был при первых Романовых и завершен при Петре Великом самим Петром Великим.

1. Первый этап. Самодержавие — есть выражение политической независимости Русской земли от внешней, посторонней власти. Это значит: Русская земля не состоит ни под чьим игом, ни в чьем подданстве; она никому не платит дани; она свободна в своих действиях; ее государь такой же свободный, равный по месту другим свободным независимым государям. Эта мысль нашла свое выражение тотчас же, как пало монгольское иго. Титулуясь в сношениях с иноземными государями «царем» и «самодержцем», Иван III, а за ним сын его Василий, подчеркивали именно эту, во внешних своих делах, независимость.

2. Второй этап. Самодержавие — есть право распоряжаться судьбой населения. Самодержавие на этой ступени есть власть над лицами. Эти лица — государевы подданные, и государь в праве быть властным над ними. Это логический вывод из всего склада прежних вотчинных отношений: земля составляла личный прибыток князя-вотчинника; служилые люди, а тем более все окружение князя, давно уже перестали быть вольными дружинниками в стародавнем, Мономаховом смысле; князь уже обращался с ними «как с холопами-слугами, то награждая их за личную ему службу, то отнимая у них имения и кладя на них свою опалу» (Филиппов). Вот почему Иван III считает себя вправе казнить Патрикеевых и Рязполовских, заточать в монастырь неугодных ему бояр, и Василий III говорит боярину Берсеню-Беклемишеву: «пойди, смерд, прочь, ненадобен ми еси». Отсюда и то впечатление о деспотической власти, какое выносит Герберштейн из своих московских наблюдений.

3. Третий этап. Однако, будучи владыкой над своими подданными, обладая обширной властью над лицами, московский государь не был властен над сложившимся и освященным стариной порядком: здесь его самодержавие было ограничено. Почему?

Некоторые причину видят не в отсутствии необходимых на то материальных средств, а в отсутствии «самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядками, как лицами» (Ключевский). Так ли это или нет — об этом еще можно спорить; но несомненно, что главным образом консерватизм понятий, уважение к «пошлине и старине» — уважение, воспитанное поколениями, всосанное с молоком матери, не допускали ломки, действий революционных, самые новшества обыкновенно проводились в жизнь под флагом «старины», со ссылкой на «прародителей».

• Порядок, учреждения стояли под защитой старины, старых обычаев и считались неприкосновенными. Московским государям предстояло перестроить весь старый порядок. Они и делают это, — но делают не открыто, не путем общих предписаний, ибо идея законодательного творчества была совершенно чужда эпохе, а медленным путем частных мер, облекая все новшества покровом фиктивной старины. Связанная заветами старины, могущественная воля государей оказывалась нередко бессильной в борьбе даже и с опасными для государственных интересов формами быта. Местничество, например, было во многих от-

ношениях вредно для интересов государственной службы и ставило пределы власти государей даже и над лицами; тем не менее московские государи в течение двух веков подчиняются правилам местнических счетов». Тот самый Иван Грозный, который «с такой горячностью защищал свою самостоятельность от мнимых попыток боярства захватить его власть, ни разу не задавался вопросом об уничтожении Боярской думы, а, напротив, в Судебнике подтвердил ее исконное значение и даже при учреждении опричнины, задавшись целью истребить боярскую измену, их хищения и насилия, поручил Боярской думе управлять земщиной» (Дьяконов).

Далее, в Смутные годы выросло значение земских соборов, создалась обстановка, благоприятная для попыток ограничить самодержавие даже и по отношению к лицам — борьба с такого рода порядком и составит характерные отличия третьего этапа.

№ 3. БЫЛА ЛИ БОЯРСКАЯ ДУМА НОСИТЕЛЬНИЦЕЙ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В XVII в.?

Это один из наиболее спорных вопросов в русской историко-юридической литературе. Хотя мнение проф. Сергеевича и стоит одиноком среди остальных, но и его противники далеко не во всем сходятся между собой, к тому же некоторые из положений петербургского профессора не отвергаются и ими. Вопрос значительно осложняется тем, что Боярская дума XVII в. не была явлением новым: она выросла из Боярской думы XVI в., а та была одним из этапов княжеской думы монгольского периода, в свою очередь ушедшей корнями в глубь киевского периода. Спорным оказывается все: состав думы, постоянство ее функций, ее компетенция — была ли она лишь совещательным органом или могла действовать самостоятельно — права бояр, как класса, на участие в заседаниях; право государя делать свой выбор, открывая двери в думу или закрывая их перед тем или иным тицом.

Резкое расхождение таких двух авторитетнейших ученых, как Ключевский и Сергеевич, в понимании самой структуры Зоярской думы, ее духовной природы, наглядно свидетельствует, насколько еще не полон находящийся в нашем распоряжении материал, касающийся такого первостепенной важности гравительственного органа, как Боярская дума, и какая еще [редстоит впереди детальная и вдумчивая разработка его.

\ Ставить поэтому вопрос: «На чьей стороне правда?» и добиваться на него ответа было бы, в данных условиях, в силу сказанного, почти безнадежно, тем более что определить юридическую природу Боярской думы вообще не легко. К ней неприложима мерка нашего времени. Московская старина не особенно заботилась о точном разграничении функций между отдельными органами, пределов их компетенции, и не чувствовала особенной потребности в точном и отчетливом определении прав и обязанностей, в категорическом признании, где им начало и где конец.

В киевский период русской истории несомненными носителями верховной власти были вече и князь, и вече, истинный хозяин Земли Русской, пожалуй, даже более, чем князь. С XVIII ст. тоже вполне ясно и бесспорно носителем верховной власти определилось лицо государя-императора, и только его одного. В промежуточный же период носительство верховной власти пережило длинную и сложную эволюцию. В XVII ст. эволюция еще не завершила своего цикла. Тенденция к перенесению полностью всей верховной власти на лицо государя, на него одного, очевидна. На своем пути самодержавие встречает теперь лишь обломки прежних преград. Местничество, несомненно ограничивавшее власть государя, пока еще держится; земские соборы, иной раз собиравшиеся не по воле и желанию государя, а по настойчивому требованию общественного мнения (собор 1648—1649 гг.), еще не были окончательно изжиты; но и местничеству, и земским соборам скоро наступил конец, — одновременно с концом царя Федора Алексеевича; роль Боярской думы, как сдерживающего начала, кончилась еще раньше.

Если, впрочем, рассматривать Боярскую думу в тесных пределах вопроса: «Была ли она носителем верховной власти?», то острота спора, разделившего наших исследователей на два враждебных лагеря, в значительной степени ослабевает, самое расхождение окажется не столь уже резким и не исключает возможности некоторого согласования. Если Боярская дума, по Сергеевичу, лишь послушное орудие в руках государя и, следовательно, лишена значения самостоятельного органа, а потому и не может быть носителем верховной власти, то и противное мнение, по которому дума законодательствовала, и притом самостоятельно, не утверждает, будто право на эту самостоятельность лежало в природе самого учреждения. Последнее еще можно было отыскивать в XVI в., в эпоху, когда боярство, княжье еще боролось, отстаивало свои права, но в середине

XVII ст., с переходом бояр на положение подданных, «холопов» своего государя, самостоятельность действий, если говорить о ней, была заимствованная, подаренная. Это, конечно, был свет, но свет отраженный, свет не солнца, а луны. Боярская дума, действительно, законодательствовала, постановляла приговоры, носила в себе верховную власть, но лишь потому, что ей передали в пользование то, что принадлежало не ей и что всегда могло быть отобрано, как это и случилось в следующее царствование.

В. И. Сергеевич. Для него Боярская дума (или, как он предпочитает называть ее, Государева дума) не есть учреждение: «мысль о постоянном учреждении с определенным составом и компетенцией совершенно чужда московскому времени». Состав думы бывал разнообразный и непостоянный. «При царе Алексее (как и раньше)» «она составлялась на отдельный случай по особому усмотрению государя. Это вековая у нас практика». Управление и суд были личным делом государя, его правом самому творить суд и управлять, и думцы, в случае такого личного суда и управления, являлись только его помощниками, действующими по его приглашению.

Царь выслушивал доклад правительственных лиц, знакомился с мнением своих думцев-бояр и затем принимал то или иное решение: давал свой государев указ. Если при докладе находились бояре, то они формулировали царскую волю — это и был боярский приговор; это и значило: «царь указал, бояре приговорили». «Понять эти слова в смысле указания на коллегиальный порядок решения дел в думе, причем царю принадлежит лишь роль председателя, не представляется ни малейшей возможности. Такой порядок решения дел в думе противоречил бы всем условиям быта Московского государства. Бояре думцы — слуги московских государей, обязанные им своим выдающимся положением. Государь может призвать и не призвать их в думу, поэтому никак нельзя допустить, что они имеют решительный голос при рассмотрении государственных вопросов».

«Царь высказывает „мысль“, т. е. намерение свое, свою волю, а боярам приказывает приискать способ осуществить эту мысль; этим исполнением царской мысли и исчерпывается вся деятельность Государевой думы, заседающей в присутствии царя. Но государя могли дать своим думцам и большие полномочия, если находили это нужным. Они уполномочивали, например, бояр составить приговор по известному делу, в особом

заседании, в котором сами не присутствовали. Это бывало в тех случаях, когда дело отличалось большой сложностью и не могло быть разрешено немедленно. Такие приговоры, составленные одними боярами, государь приказывал потом доложить себе».

Итак, государевы советники или присутствуют на докладах приказных правителей царю и, по его запросу, подают мнения о предметах докладов и затем, по указу царя, составляют приговоры, или, тоже по указу царя, имеют свои особые заседания и составляют проекты новых законов, которые приводятся в исполнение опять-таки по указу царя. Ввиду такой роли думы не представляется ни малейшей надобности останавливаться на вопросе о ее компетенции, хотя вопрос этот и сильно занимает наших исследователей. Дума делает все то, что ей будет приказано сделать государем, и не делает ровно ничего, если государю не будет угодно приказать ей действовать. А это значит, что дума не имеет никакой «своей компетенции».

См. Р. Юрид. Древности, II, 377—390. То же и в «Лекциях и Исследованиях по др. истории р. права». СПб., 1910, изд. 4-е. С. 272—277.

Исходя из этого взгляда на Боярскую думу, существенно расходящегося со взглядами Владимирского-Буданова и Ключевского, а отчасти также и Загоскина, Сергеевич так оспаривает их положения:

И.Н. П. Загоскин: правильно отрицая у Боярской думы XVII в. всякое самостоятельное значение, «профессор Загоскин все же видит в московской думе учреждение с гораздо более определенным характером, чем мы находим возможным это допустить. По его мнению, существует не только нормальная дума, но и целый ряд думных комиссий: „Дума выделяет из себя часть членов своих в специальные комиссии" (76), говорит он». Между тем «никогда Государева дума не производила никаких выборов в комиссии и никогда никому ничего не поручала и не могла даже этого сделать по той причине, что не существовала в виде коллегии с определенным составом и определенной компетенцией. Все комиссии назначались царем непосредственно, как им же назначался и состав самой думы; царем же определялись и предметы занятий комиссий. Дума в деле комиссий — решительно ни при чем. Нельзя даже сказать, что комиссии назначались исключительно из думных чинов. Думе приписано то, чего она никогда не делала» (Рус. Юридич. Древности, II, 420—423).

2. М. Ф. Владимирский-Буданов. В XVI в. борьба Грозного с боярами «временно отделила интересы бояр от царской власти и заставила бояр, в свою очередь, уже сознательно обеспечить власть за собой насчет власти монархической. Конец XVI в. (с 1584 г.) и начало XVII (до 1612 г.) есть время таких попыток боярства и Боярской думы». Зато с воцарением Романовых «наступает нормальное отношение Боярской думы к власти царя, т. е. нераздельность действий той и другой, без взаимных посягательств на верховное значение последней и вспомогательную роль первой: государь без думы и дума без государя были одинаково явлениями ненормальными».

Права Боярской думы, как учреждения неотделимого от царской власти, никаким законом не определялись, «а держались, как факт бытовой, на обычном праве. Уложение 1649 г. законодательными источниками своими признало: государевы указы и боярские приговоры. Общая законодательная формула была такова: „государь указал, и бояре приговорили“. Это понятие о законе как результате нераздельной деятельности царя и думы доказывается всей историей законодательства в Московском государстве».

Если и бывали случаи, когда царские указы без боярских приговоров или боярские приговоры без царского указа становились законами, то это были случаи исключительные и объясняются: «или незначительностью разрешаемых вопросов, не требовавших коллегиального решения, или поспешностью дела» — для царских указов: «полномочием, данным на этот случай боярам не только составить, но и утвердить закон, или отсутствием царя, или междуцарствием» — для боярских приговоров. (Обзор истории рус. права, изд. 5-е, с. 165, 170—174).

Толкование Владимирского-Буданова встретило такие возражения со стороны Сергеевича: «Междуцарствие к делу не относится: когда нет царя, то нет и его думы, а есть что-нибудь совершенно другое. Что разумеет автор под отсутствием царя, это нам не совсем понятно. Уезжая из Москвы, цари брали с собой и думных людей; в Москве, в случае своего отъезда, они, обыкновенно, оставляли „бояр“, но эти бояре должны были с ними сноситься по всем важным делам, а право законодательствовать им, сколько известно, не предоставлялось. Остается первый случай: бояре дают указы по особому приказу царя. Это совершенно верно. Но это свидетельствует не о совместной, а о раздельной деятельности: законодательная деятельность принадлежит царю, но он может уполномочить бояр дать приговор.

Если думу нужно уполномочить давать приговоры, то, конечно, потому, что ей такое право не принадлежит. Итак, в результате получится не нераздельная и совместная законодательная деятельность царя и думы, а законодательная деятельность царя и, по указу царя, такая же деятельность думы» (Рус. Юридич. Древности, И, 466).

3. В. О. Ключевский. В противность Неволину и Загоскину, видевших в Боярской думе орган лишь совещательный и подчиненный, Ключевский признает за нею самостоятельные законодательные функции, другими словами, считает ее, наряду с государем, тоже «носителем верховной власти». Вот что говорит он об этом в своей «Боярской думе» (по изд. 3-му, 1902 г.):

«Правительственное значение думы далеко не было пассивным: она является более чем совещательным собранием при своем государе, пользуется известным простором в своей деятельности» (316). «В XVI в. было формально утверждено политическое значение думы: боярский приговор был признан необходимым моментом законодательства, через который должен был проходить каждый новый закон, прибавлявшийся к Судебнику» (317).

«Государь советовался с боярами по делам законодательства и управления. Но эти бояре не были только советниками государя. У них было много дела и вне государственного совета. Вместе с государем они не только законодательствовали, но и правили обществом, не только определяли общественные отношения, но и непосредственно на самих местах наблюдали за действием своих определений. Словом, московские государственные советники не только руководили всем правительственным механизмом государства, но и были главными его колесами»(400).

«Из думы исходили судебные решения и административные распоряжения, каких не могли или не хотели дать подчиненные власти по недостатку полномочий, по отсутствию или несовершенству закона, по неумению или нежеланию применять его. В таких случаях дума проверяла и исправляла действия подчиненных властей, пополняла или поясняла закон, заменяла или отменяла его и давала новый закон — словом, указывала и приказывала, регулировала отношения, разрешала всякое новое дело, чтобы показать, как надобно впредь решать подобные дела: ее судебный или административный приговор стано-

вился прецедентом, получал силу закона. Значит, дума законодательствовала, а не судила и не вела дел текущей администрации; точнее говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и решала дела текущей администрации... И так, Боярская дума была собственно и даже исключительно законодательным учреждением» (453—454).

«В устройстве высшего московского управления всего труднее точно обозначить пределы власти государя и его боярского совета. Это потому, что государь и его совет не были двумя разными властями, а составляли одно властное верховное целое. Политическое значение и правительственная деятельность думы основывались на том глубоко укоренившемся в московском обществе воззрении, лучше сказать, на том предположении, что дума не действует без государя и государь не действует без думы. Государь ежедневно делал много правительственных дел без участия боярского совета, как и боярский совет решал много дел без участия государя. Но это вызывалось соображениями правительственного удобства, а не вопросом о политических правах и прерогативах, было простым разделением труда, а не разграничением власти. Такое отношение государя к думе выражалось в одной из самых существенных особенностей, какими отличалась последняя, в отсутствии ее ответственности перед государем. Следов этой ответственности не заметно ни в чем, ни в памятниках законодательства, ни в устройстве боярского совета. Дума не была ответственна пред государем, потому что государь не был для нее сторонней властью, а сам входил в ее состав, был ее главой» (468).

Обыкновенно дела решались государем совместно с думой, но иногда одним им, без думы, по докладу, который представляли ему; иногда же одной думой, если государь почему-либо не присутствовал на ее заседаниях. В этом последнем случае решения, принятые думой, приобретали то же значение закона, как и в первых двух случаях. «Дума иногда обращалась с докладом к не присутствовавшему в заседании государю, но не для того, чтобы представить на его утверждение свой приговор о деле, а потому, что не умела или не хотела сама постановить приговор о нем» (471). «Доклад был не обязанностью думы, а ее отказом от своего права» (472).

«В строе правительственных учреждений Московского государства ясно сознавался один принцип: вся полнота верховной власти сосредоточивается в лице государя; Боярская дума и другие учреждения действовали в силу и в меру полученных от него полномочий. Но этот принцип скорее подразумевался,

чем практиковался. На деле Боярская дума являлась сотрудницей государя и как бы соучастницей верховной власти. При таком отношении принципа к практике трудно подвести авторитет и компетенцию Боярской думы под нормы привычного нам государственного права: здесь исторически сложившийся обычай занимал место закона. Дума законодательствовала, вела дела высшего управления и суда или под председательством государя, или без него. В присутствии государя она могла иметь только совещательное значение. Приговор, произнесенный без государя, обыкновенно становился окончательным решением в силу постоянного верховного на то полномочия, и тогда дума действовала как законодательная власть» (503).

«Но московская правительственная практика так мало привыкла отделять волю государя от воли его совета, что не делала этого различия, и приговоры по делам, которые „вершены в палате“, принимала за „государские именные указы“, все равно, были ли они произнесены в присутствии государя, или без него; точно так же выражение „государь указал“ не всегда означало единоличное повеление государя. Подчиненные места обращались „в верх“, к государю и думе, как к единой верховной власти... Боярская дума признавалась непременно органом законодательства» (504—505).

Мнение Ключевского подверглось убийственной критике со стороны Сергеевича. Петербургский профессор-юрист в корень расходится с доводами и толкованием московского профессора-историка: состав Боярской думы; ее права; круг действий; отношение к верховной власти государя — все эти основные черты, характерные для думы, понимаются и оцениваются им совершенно по-иному. Излагать содержание критики значило бы следить страницу за страницей (Рус. Юридич. Древности, II, вып. 2-й. 1896 г. С. 427—454. Разбор книги сделан по первому ее изданию, 1882 г.). Ключевский игнорировал указания Сергеевича и шесть лет спустя, выпуская третьим изданием «Боярскую думу», не поступился ничем, сказанным ранее.

4. А. Н. Филиппов, согласно с Владимирским-Будановым, признает нераздельность действий Боярской думы и государя: «государь без думы и дума без государя были одинаково явлениями ненормальными». Дума есть учреждение постоянное, высшее законодательное. Но дума, в зависимости от общего духа эпохи, не любившей ни в чем юридической определенности, законодательствовала не столько *de jure*, сколько

de facto. «Государь мог не участвовать лично в решении известного вопроса думой, но его участие de jure всегда предполагалось; решение же думы не обращалось в закон без его санкции, хотя бы молчаливой. Поэтому законом одинаково считался как акт, составленный дьяком по государеву приказу, так и акт, составленный „по боярскому приговору“, а под общую формулу „государь указал и бояре приговорили“ могло подходить решение, составленное с участием царя и Боярской думы и решение, составленное, в действительности, одной думой. Обычай так привык видеть законодательную деятельность царя в сопутствии думы, что предполагал, что нормально они законодательствовали вместе. Это и было верно, так как государь всегда знал о решениях думы и мог принять, в той или иной форме, в них участие». (Учебник истории рус. права, изд. 4-е. С. 380—386).

5. М. А. Дьяконов. «Боярская дума могла иметь заседания и в отсутствие государя и постановлять приговоры, (но) было бы, однако, неправильно заключать из этого, что Боярская дума могла действовать совершенно обособленно и независимо от государя. Бояре, конечно, составляли свои приговоры в уверенности, что не разойдутся в мнениях с государем, как и государи давали свои единоличные указы в твердом убеждении, что могут в этих случаях без ущерба для дела разрешить вопросы самостоятельно, не прибегая к содействию Боярской думы. Но могло быть и так, что бояре сообщали о своих приговорах и получали словесные одобрения, но только эти одобрения не отмечены в приказной записи, как не попадали нередко в эти записи и указания на участие боярского совета в государевых указах» (Очерки общ. и госуд. строя Древней Руси, изд. 4-е. С. 436—438).

6. С. Ф. Платонов. Аристократически-сословный характер Боярской думы в XVII в. исчезает, «и чем дальше идет время, тем яснее и яснее делается ее бюрократический склад». Раньше Боярская дума являлась политической ареной, «где иногда вспыхивали споры и обострялись отношения государя и знати. В XVII в. не было уже ничего подобного. Царская власть, единая, национальная и крепкая, не только никем не оспаривалась, но, напротив, составляла после Смутного времени предмет общего желания и сочувствия, как лучшая защита от внутренних московских смут и чужих иноземных покушений. Созданная этой властью дума была ее послушным органом и

не представляла собой никакой определенной сословной среды и никаких оппозиционных вождедений. Она помогала государю управлять, но уже нисколько не связывала его».

- Однако необходимость в руководящем и созидающем органе верховного управления была тогда так велика и сильна, что деятельность Боярской думы нисколько не ослабела сравнительно с XVI в. Напротив, проиграв в пределах своего политического влияния, дума в области законодательства и управления заняла еще более определенную и крепкую позицию. На пространстве XVII в. из неоформленного совета „бояр всех“ при государе она обнаружила тенденцию обратиться в ряд присутствий, действовавших каждое по своей специальности постоянно и независимо от того, бывал ли в них лично государь или нет».

- Ход исторической жизни привел боярство и Боярскую думу к распаду. Древняя дума „всех бояр“ была житейски неизбежным, обязательным для князя-государя советом, в котором каждый член, „вольный слуга“ князя, считал за собой „право совета“ и „право отъезда“. Дума второй половины XVII в. состоит из чиновников, которые не помнят прав и знают только служебные обязанности, работают в приказах и в думных комиссиях, а в общие думные совещания ходят лишь по особому зову, „разве государь укажет“. Из политически цельного, иногда оппозиционного, класса боярство превратилось в бюрократическую среду случайного состава. Из совета, определявшего когда-то политику князя, дума превратилась в простое орудие управления». См. Статьи по рус. истории. СПб., 1912. С. 474, 477, 478, 485—486.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Московская Русь. Второй период (1613—1725)....	7
Глава тринадцатая. Московское государство при пер- вых Романовых (1613—1682).	7
I. Характеристика периода	7
II. Царствование Михаила Федоровича (1613—1645)	10
III. Царствование Алексея Михайловича. Первые го- ды царствования (1645—1676).	17
IV. Государственный строй Московского государства при первых Романовых	22
V. Царствование Алексея Михайловича	79
VI. Царствование Федора Алексеевича (1676—1682)	149
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ XIII	160
Глава четырнадцатая. Превращение московской Ру- си в императорскую Россию (Царствование Пет- ра Великого) (1682—1725).	173
I. Правление царевны Софьи	173
II. Петр и Софья	182
III. Основные черты внешней политики при первых Романовых	195
IV. Первые годы после переворота (1689—1694).	207
Глава пятнадцатая. Культура, просвещение и обще- ственность (1613—1725).	272
Вступление. Связь XVII в. с эпохой Петра Велико- го	281
Киевское влияние. Борьба двух направлений: латин- ского и греческого.	292
Школа	302
Западники	308
Театр	319
Протестантские идеи	321

Раскол	323
Раскольничья и противораскольничья литература	330
Борьба с новшествами и со стариной	334
Картография 1613—1725 гг.	338
Знакомство с азиатскими странами	339
Торговля Московского государства	346
Монетная реформа Петра Великого	348
Юрий Крижанич (1618—1683).	352
Петр и славянство	359
Правительственная пропаганда политическая	362
Церковная проповедь как особый вид публици- стики	369
Письменность переводная и оригинальная	372
Переводы иностранных писателей, древних и новых времен	390
Архитектура	391
Живопись	403
Приложения. Спорные и невыясненные вопросы рус- ской истории	417

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Рецензент:

член-корреспондент РАО, доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой русской истории РПТУ им. А. И. Герцена
В. И. Старцев

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Корректор:

Л. Ю. Румянцева

Редакторы:

Н. М. Баталова

Н. П. Дралова

Шмурло Евгений Францевич (1853-1934) «Курс русской истории. Московское царство», серия «Библиотечка русской педагогики».

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской обороны, д. 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

Сдано в набор 16. 03. 1997 г. Подписано в печать 20. 02. 1999 г. Бумага офсетная.
Формат 60x90'/,, • Печать офсетная. Объем 27,25 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ J* 3162.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило и выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алетейя» означает «истина», «правдивость», «открытость»), и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие знаменитыми книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (изд. с 1996 г.); «Славянские древности» (изд. с 1995 г.); «Памятники религиозно-философской мысли» (изд. с 1993 г.); «Исследования по истории русской мысли» (изд. с 1996 г.), «Российские социологи» (издается с 1996 г.), «Античное христианство» (издается с 1998 г) и некоторые другие. Всего, включая многочисленные внесерийные издания, «Алетейя» выпустила в свет уже более 150 названий книг.

Издательство «Алетейя» сегодня — это:

— высококачественные переводы классических и современных философских, научных и т. д. текстов на русский язык с основных древних и любых современных языков;

— академическая подготовка публикуемых текстов (научный комментарий, сопроводительные статьи, справочный аппарат), осуществляемая лучшими специалистами Москвы и С.-Петербурга;

— высокое качество полиграфического исполнения и художественного оформления изданий (лучшие материалы и лучшие типографии города) при сжатых сроках прохождения заказа;

— возможность размещения и сопровождения малотиражных полиграфических заказов (книги в твердых переплетах, тиснение фольгой) на самых льготных условиях;

— эффективная технология оптовой торговли специальной, научной литературой, удачный опыт представления лучших образцов отечественного научного книгоиздания на крупнейших книжных ярмарках России и Европы (во Франкфурте, Лондоне, Париже, Лейпциге, Барселоне, Варшаве и др.).